

№ 1, декабрь 2010

ВЕСТНИК *Института* Социологии

www.vestnik.isras.ru

НАУЧНЫЙ
ЭЛЕКТРОННЫЙ
ЖУРНАЛ

Тема номера: Социальная политика
российского государства

/ Социальные неравенства

/ Мифы и реалии
социальной политики

/ Возможна ли модернизация
социальной политики

/ Социальная политика
в странах Запада

/ О социальной политике
в России

Международный редакционный совет

Председатель:

ЯДОВ Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований ИС РАН, декан социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна — доктор социологических наук, профессор, директор института гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета;

ДИБИРОВ Абдул-Насир Зирарович — доктор политических наук, Заслуженный деятель науки Республики Дагестан, ректор Дагестанского института экономики и политики;

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования международных отношений ИС РАН;

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович — доктор социологических наук, руководитель Центра социологии образования, науки и культуры ИС РАН;

КОССЕЛА Кшиштоф — профессор Института социологии Варшавского университета (Польша);

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД РФ;

КРАСИН Юрий Андреевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН;

КРУММ Райнхардт — доктор философии, руководитель Российского филиала Фонда им. Ф. Эберта (Германия);

ЛАПИН Николай Иванович — член-корреспондент РАН, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии ИФ РАН;

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович — доктор социологических наук, профессор, проректор Казанского (Приволжского) Федерального университета;

МИТРОВИЧ Любиша — профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Сербия);

МОРГАН Джон Уильям — доктор философии, профессор, Председатель национальной комиссии ЮНЕСКО, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич — доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета;

ПАН Давэй — доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и Ординарный профессор НИУ-ВШЭ;

ЛИ Пэй Лин — профессор, директор Института социологии Китайской академии общественных наук (Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна — доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета;

СКВОРЦОВ Николай Генрихович — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии и проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета;

ТАМАШ Пал — профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Венгрия);

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна (доктор социологических наук, заместитель Председателя Ученого совета и заместитель директора по научной работе ИС РАН);

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич — член-корреспондент РАН, декан факультета социологии РГГУ, главный редактор научного журнала «Социологические исследования»;

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил — академик АН МНР, профессор, директор Академии управления МНР (Монголия).

Редакционная коллегия

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович — член-корр. РАН.

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна — д.филол.н., проф., Засл.деят. науки РФ, ИС РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна — д.социол.н., ИС РАН;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна — д.социол.н., доц., ИС РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович — к.полит.н., ИС РАН.

Редактор:

КОФАНОВА Елена Николаевна — к.социол.н., ИС РАН.

Члены:

АКИМКИН Е.М. — к.социол.н., ИС РАН;

БЫЗОВ Л.Г. — к.э.н., ИС РАН;

ГОРБУНОВ В.В. — д.ист.н., ИС РАН;

ГОФМАН А.Б. — д.социол.н., проф., ИС РАН;

ДАНИЛОВА Е.Н. — к.филол.н., ИС РАН;

ДЕНИСОВСКИЙ Г.М. — к.филол.н., ИС РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А.Ш. — к.ист.н., ИС РАН;

ЗУБОК Ю.А. — д.социол.н., проф., ИСПИ РАН;

КЛЮЧАРЁВ Г.А. — д.филол.н., проф., ИС РАН;

МАГУН В.С. — д.псих.н., ИС РАН;

МАРКИН В.В. — д.социол.н., проф., ИС РАН;

ПАТРУШЕВ С.В. — к.ист.н., ИС РАН;

РЫЖОВА С.В. — к.социол.н., ИС РАН;

СОГОМОНОВ А.Ю. — к.ист.н., ИС РАН;

ЯХИМОВИЧ З.П. — д.ист.н., проф., ИС РАН.

Содержание

<i>Горшков М.К.</i> Представляю новый электронный научный журнал «Вестник Института социологии»	7
<i>Халий И.А.</i> Представляю номер	18
Тема номера: Социальная политика российского государства.....	24
<i>Горшков М.К.</i> Социальные неравенства как вызов современной России	24
<i>Шевяков А.Ю.</i> Мифы и реалии социальной политики.....	48
<i>Чирикова А.Е.</i> Возможна ли сегодня модернизация социальной политики в России?.....	98
<i>Люблинский В.В.</i> Социальная политика в странах Запада: новые вызовы и характер трансформации.....	120
<i>Мареева С.В.</i> Запрос россиян на определенный тип развития страны и социально-экономическую политику	133
<i>Кульпина К.П., Прудник А.В.</i> Обращения граждан как паллиатив гражданского участия в самоуправлении и социальной политике.....	154
Социология: проблемы развития.....	179
<i>Здравомыслов А.Г.</i> Сравнительный анализ национальных социологических школ в их отношении к национальным культурам	179
<i>Тихонов А.В.</i> Отечественная социология: проблема выхода из состояния преднауки и поиска новых стратегий	203
<i>Яницкий О.Н.</i> Хромающая экосоциология	230
Образование в России	242
<i>Шереги Ф.Э.</i> Факторы, противодействующие модернизации российского профессионального образования.....	242
<i>Елисеева А.М.</i> Проблемы управления локальным образовательным пространством в контексте политики модернизации	255

<i>Куконков П.И.</i> Студенты в системе социальной безопасности.....	275
<i>Окольская Л.А.</i> Ценности и нормы социологической профессии на сайтах факультетов и кафедр.....	296
Социология труда	328
<i>Климова С.Г., Галицкая Е.Г., Галицкий Е.Б.</i> Инновативное поведение на работе – опыт построения социологического индекса	328
Экосоциология.....	352
<i>Аксенова О.В.</i> Устойчивое развитие российского Севера: пределы экологической модернизации ..	352
<i>Яницкий О.Н.</i> Модернизация и реабилитация после пожаров и наводнений	364
Научные форумы	378
XVII Всемирный социологический конгресс	379
<i>Покровский Н.Е.</i> Гётеборг город весь серый, или Социологическая ИКЕА.	379
<i>Яницкий О.Н.</i> Климатический или антикарбонный конгресс социологов	388
<i>Мансуров В.А.</i> Российское участие в конгрессе .	394
<i>Мансуров В.А., Юрченко О.В.</i> Профессиональная идеология альтруизма российских врачей.....	397
<i>Константиновский Д.Л.</i> Образование – для кого и зачем?	411
Всероссийская научная конференция «Этнос, нация, общество: российская реальность и перспективы»	420
<i>Щеголькова Е.Ю.</i> Политическая нация и этничность в беспокойном современном обществе.....	420
<i>Дробижева Л.М.</i> Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики	429
<i>Рыжова С.В.</i> Идентичность и интеграционные установки в региональном контексте: исследование в Москве и Сочи	443
III Конгресс социологов тюркского мира «Глобализация и тюркский мир».....	463

<i>Бийжанова Э.К.</i> Тюркские социологи о тюркском мире и о собственной роли в его развитии.	463
<i>Тощенко Ж.Т.</i> Общее и особенное российской и тюркской цивилизации: проблемы глокализации.....	466
<i>Сагитова Л.В.</i> Поволжский ислам в эпоху глобализации: традиция-реставрация или традиция-инновация?	479
К итогам Всероссийской научной конференции в Махачкале	487
<i>Дибиров А.З.</i> Политические аспекты модернизации российского общества.....	487

М.К. ГОРШКОВ
директор Института социологии РАН,
член-корреспондент РАН

Представляю новый научный электронный журнал «Вестник Института социологии»

Электронный научный журнал «Вестник Института социологии» учрежден согласно решению Ученого совета Учреждения Российской академии наук Институт социологии РАН и зарегистрирован Роскомнадзором 29 апреля 2010 года.

Для чего же нужен новый (да еще и электронный) журнал при существовании авторитетного журнала «Социологические исследования» и ряда других изданий, также признанных российским научным сообществом? И кому адресован этот новый журнал?

1. Социология и общество

В современном мире социология является своего рода самосознанием сообществ, она говорит нам, кто мы такие и что мы как общность собой представляем. Но при этом она – не просто нейтральное зеркало; ибо имеет способность оказывать на человека формирующее воздействие и влиять на его практические действия. «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям»¹, – гласит известная социологическая теорема, сформулированная американским социологом У. Томасом. Социология создает образы и концепты, влияющие на наше представление о том, какова реальность ситуаций, в которых мы уже находимся или можем оказаться в будущем. Поэтому в определенном смысле, влияя на образ мыслей людей и их представление о самих себе, на стиль их жизни, на их потребности, на весь спектр их действительных или возможных действий, она формирует будущее.

¹ Thomas W.I. The Child in America: Behavior Problems and Programs. New York, 1928. P. 572.

Именно социология, дающая знание об обществе как едином социальном организме, формирующемся во взаимодействии объективных и субъективных факторов исторического развития, ее методы и инструментарий позволяют за неадекватной интерпретацией событий и явлений видеть их действительную, фактическую суть, за мифологизированными представлениями о социальных процессах распознавать их реальную динамику. Тем самым разного рода эмоциональные представления и верования вытесняются интеллектуально обоснованными суждениями и выводами.

Чтобы это не было только теоретическим посылом, но стало и социальной реальностью, от социологии требуется быть фактом общественного коммуникативного пространства, то есть делать открытыми для общества результаты социологических исследований, а также, что не менее важно, демонстрировать ход этих исследований и их инструменты – теоретические и эмпирические основания, на которых базируются выводы ученых. Для этого нет более эффективного способа, чем интернет, а для систематизации научной информации (и особенно в глобальной электронной сети) наиболее эффективной формой подачи материала является журнал.

Вспомним, электронный социологический журнал до сих пор есть только один – «Экономическая социология» Государственного университета – Высшая школа экономики, но он освещает научную деятельность лишь одной социологической дисциплины. В связи с этим инициатива нового издания, охватывающего любые направления социологических исследований, представляется весьма актуальной.

2. Социология и социологическое сообщество

Социология – одна из самых молодых социальных наук. Как следствие, время от времени у нее возникает потребность заново прояснять конвенциональные исходные определения. В немалой степени этому способствуют и изменение научного поля науки, связанное с экспансией социальных фактов иных, смежных с ней дисциплин, и трансформации самого общества, которое, по меткому выражению А.Ю. Чепуренко становится «одновременно и менее, и более гомогенным»¹.

¹ Чепуренко А.Ю. Не споткнуться бы о камень – реплика [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.isras.ru/bog_prof_1.html.

Абсолютно ясно, что понять такое общество как Россия возможно только на основе ее собственного исторического развития, ибо отношения и взгляды людей на самих себя и на жизнь общества не уходят в прошлое бесследно. Они живут в каждом новом поколении, приспособляясь к инновациям современности, перерабатывая для себя новый – свой собственный – исторический и жизненный опыт, опираясь на тот инструментарий понимания, который создан в культуре предшествующими поколениями людей, и закрепился в их быте и традициях. В этом одна из дилемм социального мышления: оно не может освободиться от сложившихся форм мышления в тех же масштабах и темпах, которые сопряжены с изменением жизненных практик. И в то же время оно не может существовать без постоянного обновления.

Поэтому социология представляет собой относительно подвижное поле теоретической деятельности, на котором сталкиваются и старые, и новые представления о жизни людей и социума. Столкновение позиций стимулирует поиск аргументов, которые опираются на прочное основание эмпирического знания. И создание этой эмпирической базы, как и ее интерпретация, входит в круг основных социологических задач. Специфика социологического мышления состоит как раз в постоянном движении от теоретических постулатов и предположений к фактическому материалу, а затем вновь к восхождению от эмпирического знания к построению теории. Социология – это и есть постоянный дискурс, в котором общество (в лице социологов) осмысливает вызовы современности¹.

Нередко бурные дискуссии и споры порождает сам предмет социологической науки в ее современном состоянии. Каков он? Социология изучает различные формы совместной жизни людей – существующие, существовавшие и даже те, что только могли бы существовать. Можно сказать и иначе: социология изучает человека как принципиально общественное существо, то есть как существо, рождающееся, формирующееся и действующее внутри определенного сообщества, внутри определенной системы общественных связей и отношений.

Значительного количества проблем в непростой истории возрождения и становления отечественной социологической науки можно было бы избежать (или, во всяком

¹ Подробнее см.: Здравомыслов А.Г. Социология: теория, история, практика. – М.: Наука, 2008. Раздел 2 «Социология в современной России». С. 106–212.

случае, смягчить их), если бы формирующееся в стране социологическое сообщество отличалось большей сплоченностью, предполагающей умение и желание различать в своей профессиональной деятельности личный научный интерес и решение общих задач повышения престижа социологической науки в обществе и во властных структурах.

Безусловно, отрадный факт, что на всех этапах развития отечественной социологии, в особенности, в нынешний период, ее отличает многообразие научных школ, приверженность социологов разным теоретическим концепциям и взглядам, методологическим подходам. Печально другое, когда различия в научных позициях становятся причиной личного неприятия оппонента, что, в конечном счете, оборачивается разобщенностью профессиональных связей, слабостью корпоративного научного духа. Особенно неприемлемо, когда «выяснение личных отношений» и «большой-меньшей правоты» происходит не в ходе дискуссий на семинарах и конференциях, а через масс-медиа, в которых эмоциональное явно доминирует над рациональным. В этой связи рискну предложить следующую формулу: «Плюрализм, многообразие в отстаивании социологических взглядов и концепций в сочетании с внутрикорпоративным единством в понимании значимости и роли своей профессиональной и гражданской миссии в обществе – это и есть научное кредо современного социолога»¹.

Представляется, что новый журнал станет пространством диалога, дискуссий, обмена взглядами, позициями, опытом социологов-профессионалов – и не только российских, но и зарубежных, что будет способствовать разрешению многих внутренних проблем научного сообщества.

3. Социологическая наука и молодые ученые

Становление, распространение и устойчивое положение соответствующей области знания в основе своей обеспечивается наличием главенствующего условия – высокого профессионализма кадров в этой области знания, их готовностью «не поступаться принципами», умением отстаивать правоту (или, по крайней мере, правомерность своих научных взглядов). Наиболее эффективная модель функционирования научного (и уж тем более, социологического) коллектива основывается на ключевом

¹ Горшков М.К. Уроки и перспективы отечественной социологии // Социологические исследования. 2008, № № 7. С. 20.

принципе – «слияние опыта и молодости». Это позволяет социологической науке развиваться не революционным путем, напрочь отметающим прежнее, а через механизм преемственности знаний.

В журнале публикациям молодых ученых будет уделено особое место. Не секрет, что опубликовать работы молодых авторов в давно существующих авторитетных социологических журналах весьма проблематично. И не потому, что они этого не заслуживают по научным критериям, но в силу ограниченности объема самих журналов. В этом смысле электронный журнал имеет очевидные преимущества. А наша установка на продвижение материалов молодых ученых будет постоянной.

4. Социология и система принятия решений

Популярность социологии объясняется тем, что потребность современных обществ в ней напрямую связана со степенью их демократизации. Процветание современных динамичных сообществ во многом зависит от их прозрачности для самих себя (полноты общественной информации) и от эффективности управления, невозможной без знания реального положения дел в обществе и понимания идущих в нем процессов. Не менее важно для современных обществ и наличие развитого критического мышления, способного разоблачать опасные социальные мифы и затруднять манипулирование массовым сознанием. Отсюда – все возрастающая потребность современного мира в социологическом знании и в вырабатываемых социологией подходах к анализу социальной реальности, противостоящих как грубым идеологическим построениям, так и утопическим фантазиям.

Социолог – прежде всего, эксперт. Он изучает конкретные социальные проблемы и ситуации; вырабатывает общее видение и оценку идущих в обществе процессов; предлагает рекомендации по повышению эффективности управления в различных сферах общественной жизни и способы борьбы со злоупотреблениями властью – политической, экономической, информационной. Своим советом профессиональный социолог стремится участвовать в принятии решений, важных для жизни общества, в опреде-

ленной мере наследуя свою «миссию у философов, поэтов и политических мыслителей прошлого, нередко стремившихся (подобно Платону в Сиракузах или Макиавелли во Флоренции) играть роль «советника государя»¹.

Для России социолог – профессия достаточно новая. Более того, история становления и развития отечественной социологической науки демонстрирует, через какую острую борьбу и конфликты она пробивала себе дорогу в жизнь, завоевывала научный авторитет и влияние в системе управления государством и обществом. Без преувеличения можно сказать: вряд ли какая из отраслей общественного знания испытала на себе подобные «хождения по мукам», особенно в послевоенный период, когда решалась задача возрождения и утверждения лучших достижений и традиций отечественной социологии, ее конституирования в качестве самостоятельной науки.

Тем не менее, и в России социологическая экспертиза постепенно становится неотъемлемой частью таких сфер деятельности, как принятие государственных решений, законодательный процесс, организация науки и образования, управление организациями, журналистика, реклама, избирательные кампании, общественная и правозащитная деятельность и т. д.

Результаты, получаемые социологом, можно использовать как инструмент для повышения эффективности экономики в масштабах, как всей страны, так и отдельных регионов, для улучшения управления предприятиями и их персоналом, для повышения эффективности социальной политики в мегаполисах, для решения проблем неравенства, бедности, для разрешения этнических и религиозных конфликтов. В то же время, социологическое знание таит в себе определенные опасности. Социологическая экспертиза является сегодня мощным оружием, которое, оказавшись в тех или иных руках, может быть направлено в любую сторону и использовано для совершенно разных целей. С его помощью можно выигрывать или проигрывать выборы, поддерживать или, наоборот, подавлять свободу, предсказывать успех или неуспех реформ, поднимать эффективность предприятия за счет соперников по конкурентной борьбе,

1 Каплун В. Социология в современных обществах [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.hse.spb.ru/departs/faculty-sociologies/caplun.phtml>.

манипулировать общественным мнением или, наоборот, разоблачать и пресекать такие манипуляции. Важно поэтому, в каких руках это оружие находится.

Однако власти в подавляющем большинстве случаев безразличны результатам исследований, свидетельствующих о социальных последствиях ее собственной деятельности. Невостребованность же социологического знания возвращает как власть, так и социологию, осознающую декоративность своего присутствия в системе социального знания и политической жизни.

Представители структур, принимающих решения в различных сферах жизнедеятельности общества, это те, кто, без сомнения, является одним из адресатов нашего журнала.

5. Социология и вызовы современности: к вопросу о структуре журнала

Российское общество часто называют таинственным и трудным для социологического анализа объектом¹. И это неслучайно, ибо совершенно очевидно, что по сравнению с большинством других и, прежде всего, западных стран, Россия обладает особенностями, существенно затрудняющими анализ, оценку и прогноз направлений происходивших и происходящих в ней социально-экономических и политических перемен.

Последние десятилетия значительно изменили жизнь российского общества. Система государственного социализма разрушилась, и ее место занял, казалось бы, хаотичный набор капиталистических социальных отношений. Вместе с тем, современный российский социум может быть описан как относительно целостная система, сочетающая в себе элементы и нарождающегося капитализма, и сущностные остатки советской системы².

Является ли Россия обществом, в котором доминируют ценности демократии, частной собственности, рыночной экономики и гражданских институтов? Во многих отношениях нет.

Прошедшие двадцать лет современной российской истории ознаменовались глубокими переменами в политической жизни страны. Однако, несмотря на масштабность

1 Мелин Х. На пути к обществу рабочего класса: российская классовая структура в 90-е годы // Мир России. 2000. Т. IX. № 2. С. 152–168.

2 Simon R. Russia's Crises // Capital & Class. Summer 1999. P. 1–7.

этих изменений, посткоммунистическая Россия до сих пор может характеризоваться как общество «переходного типа», перспективы эволюции которого в направлении демократии представляются весьма неопределенными¹. И дело здесь вовсе не в том, что власть и само общество якобы в ней разочаровались. Значительное число россиян сохраняют приверженность многим демократическим ценностям и институтам: выборности органов власти, свободе слова и печати, свободе передвижения, включая свободу выезда за рубеж, свободе предпринимательства.

Будучи конституционной республикой и обладая очевидными возможностями формирования в обозримой перспективе гражданской нации (о чем свидетельствуют хотя бы результаты анализа идентификационных характеристик, согласно которому роль россиянина, гражданина России является в настоящее время наиболее распространенной «Я-идентификацией» – почти 60% поддержки²), Россия, очевидно, еще далека от демократического государства: партийная система и парламентаризм нестабильны; разделение власти в стране своеобразным образом сочетает и унитаризм, и федерализм.

Исследования выявляют парадоксальную вещь – именно те институты, которые по самой своей природе и предназначению должны «играть на стороне» общества, выражать и представлять интересы людей, обеспечивать реализацию регулирующей роли «писаного права», пользуются меньшей поддержкой, чем властные органы, включая силовые. Россияне менее всего склонны доверять политическим партиям, судебной системе, милиции, профсоюзам, Государственной Думе и Совету Федерации, прессе – как печатной, так и электронной, социальным службам. Лишь правозащитные, женские, ветеранские, экологические организации и церковь пользуются поддержкой граждан. Наиболее же высокое доверие проявляется ко всей вертикали власти – президенту, правительству, губернаторам, а также ФСБ и армии³.

1 Подробнее см., например: Российская идентичность в социологическом измерении. Информационно-аналитический бюллетень. – М.: ИС РАН, 2008; Петухов В.В. Модернизация и развитие российской демократии // Готово ли российское общество к модернизации: Аналитический доклад. – М.: ИС РАН, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.isras.ru/files/File/Doclad/gotovo_li_rossijskoe_obshestvo_k_modernizacii.pdf.

2 Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Социологические исследования. 2009, № 3. С. 15.

3 Подробнее см.: Горшков М.К. Российский менталитет в социологическом измерении // Социологические исследования. 2008, № 6. С. 100–114; Готово ли российское общество к модернизации: Аналитический доклад. – М.: ИС РАН, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.isras.ru/files/File/Doclad/gotovo_li_rossijskoe_obshestvo_k_modernizacii.pdf.

Современная Россия – это государство, в котором принята новая конституция и действуют политические институты, избираемые гражданами. Вместе с тем, мало кто усматривает в ней демократию, аналогичную европейской¹.

Хотя значительная часть средств производства и не находится в государственной собственности, государство и экономика связаны друг с другом самым тесным образом. Предприятия по-прежнему во многом зависят от государства, при этом огромную роль играют разного рода неденежные трансакции.

Немаловажно и то, что российское общество находится в состоянии постоянного перехода. При этом никто точно не знает, куда оно идет и с какой социальной скоростью движется. Как следствие, вопрос о будущем России остается во многом открытым.

И все же, не отрицая очевидных проблем – зависимости российской экономики от сырьевых ресурсов, крайне невысокую конкурентоспособность производимой в стране продукции, обусловившую большее, чем у других национальных экономик, падение производства во время нынешнего кризиса, а также неокрепшую демократию и слабости гражданского общества, негативные демографические тенденции и «полусоветскую» социальную сферу, наличие коррупции, порождающей произвол, несвободу и несправедливость, значимость которых признается сегодня не только научным сообществом, но и широкими слоями общественности, мы видим, что современная Россия «... уже не то полупарализованное полугосударство, каким была еще десять лет назад»². И определенная недостаточность в работе социальных систем общества, приводящая к тому, что в настоящее время они скорее воспроизводят сложившийся в стране уклад жизни, текущую модель, нежели развивают ее, не отменяет того факта, что все они работают. Как следствие, в пореформенной России концентрируется огромный социально-психологический ресурс,

1 Об особенностях российской модели демократии см., например: Клямкин И.М. Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России // Политические исследования. 1993, № 2. С. 6–24; Пантин И.К. Посткоммунистическая демократия в России: основания и особенности // Вопросы философии. 1996, № 6. С. 23–35; Горшков М.К., Петухов В.В. Перспективы демократии в России: угрозы реальные и мнимые // Социологические исследования. 2004, № 8. С. 23–32; Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. – М.: Новое издательство, 2006; Петухов В.В. Демократия участия и политическая трансформация России. – М.: Academia, 2007; Демократия: развитие российской модели / Под общ. ред. И.Ю. Юргенса. – М.: Эконинформ, 2008 и др.

2 Медведев Д. Россия, вперед! // Российская газета – Федеральный выпуск № 4995 (171) от 11 сентября 2009 г.

выступающий основой осуществления модернизационного прорыва, в котором столь остро нуждается сегодня российский социум.

Необходимо отметить и такой показательный результат: за время преодоления системного кризиса 1990-х годов в обществе произошло радикальное переосмысление социальных статусов. Доля россиян, довольных своим социальным положением, стала доминировать над долей недовольных им в соотношении 4:1. По всей видимости, мы имеем дело с весьма существенным обстоятельством, являющим собой не только важнейшую предпосылку социальной стабильности, но и значимое для людей условие комфортности их социально-психологического состояния в целом.

Сегодня можно утверждать: социальная структура российского общества, построенная на основе оценки самими гражданами своего места в нем, приближается к модели, характерной для стабильно развивающихся стран. Социологический анализ показывает, что изменения в самооощущениях людьми своего места в обществе за последние 7–8 лет поистине колоссальны. И проявляются они, прежде всего, в значительном сокращении числа тех, кто ощущает себя «социальными аутсайдерами», и, одновременно, в росте рассматривающих себя в качестве представителей средних слоев. И это, безусловно, влияет на укрепление стабильности российского общества. Обнадуживает и то, что в последние годы коренной перелом в социальных самооощущениях произошел во всех без исключения возрастных группах населения.

Немаловажную роль в модернизации российского социума призвана сыграть социологическая наука, интерес к которой постоянно возрастает, ибо она являет собой своеобразную анатомию и физиологию общества, позволяющую обнаруживать как его нормальные, так и патологические состояния, и на этой основе давать обоснованные прогнозы на будущее.

Особое внимание общества сегодня приковано к системе образования в России. И здесь нас, социологов, возможно, в первую очередь интересует система социологического образования. В наши дни социологов готовят сотни российских вузов. В стране функционирует многоуровневая система подготовки кадров социологов: бакалавр, специалист, магистр, аспирантура и докторантура.

Квалификационную работу по социологическим наукам осуществляют многочисленные докторские и кандидатские диссертационные советы.

Очевидно, что за последнее десятилетие преподавание социологии в России прошло большой путь. Вместе с тем, нерешенными остаются пока многие проблемы, наличие которых говорит о том, что экстенсивный рост поля высшего социологического образования, устойчивый конкурс абитуриентов на социологические факультеты и отделения, рост числа аспирантов и докторантов не снимают проблемы ни профессиональной престижности и практической востребованности социологов в России, ни становления социологической культуры как таковой¹.

Отдавая должное впечатляющим количественным характеристикам процесса развития отечественного социологического образования, следует отметить частое игнорирование его качественных аспектов, опосредующих качественное содержание новой российской социологии в целом. По мнению специалистов, за цифрами экстенсивного роста социологии в нашей стране подчас скрывается если не ее качественная деградация, то, по крайней мере, отсутствие столь же убедительных показателей ее качественного восходящего развития.

Таким образом, круг проблем, которые стоят сегодня перед исследователями российского общества, масштабен, что, вне всякого сомнения, должно найти свое отражение в журнале. В результате структура журнала окажется мобильной: рубрикатор будет меняться в соответствии с теми вызовами, перед лицом которых окажется общество в тот или иной период времени. Устойчивым элементом структуры журнала станет рубрика «Тема номера», определять ее для каждого выпуска будет редакционный совет и редколлегия.

¹ Демидова И.Д. Социологическое образование в России: итоги, проблемы, перспективы // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 3.

И.А. ХАЛИЙ
заместитель главного редактора
«Вестника Института социологии»,
доктор социологических наук

Представляю номер

Уважаемые коллеги-исследователи и коллеги-читатели!

Перед Вами первый номер электронного журнала «Вестник Института социологии». Это наш новогодний подарок научному сообществу и интересующимся жизнью российского общества гражданам.

Мы старались сделать его эксклюзивным, чтобы, прочитав, ученые – социологи, политологи, представители других общественных наук – вдохновились и стали присылать нам свои материалы для публикации. Читатели из ненаучных кругов откликнулись бы на поставленные в выпуске проблемы своими суждениями, для которых на сайте отведено специальное место. Особенно надеемся на реакцию молодежи из обеих групп.

Что мы сделали, для того, чтобы ожидать такую Вашу реакцию?

Во-первых, в номере размещены материалы, причем весьма сбалансированно, маститых ученых и молодых авторов – приблизительно пополам. Хочу обратить Ваше внимание, что мы публикуем материал из рубрики «Наше наследие» (статья Андрея Григорьевича Здравомыслова¹), и это не только в память о нашем друге и коллеге, но и потому, что мы уверены в востребованности его работ сегодня.

Во-вторых, в центре номера – в высшей степени актуальная тема - социальная политика российского государства. Решение о том, чтобы именно эту тему сделать центральной темой первого номера журнала созрело давно, еще в ходе презентации одноименного доклада доктора экономических наук, директора Института экономических проблем народонаселения Алексея Юрьевича Шевякова

¹ *Здравомыслов А.Г.* Сравнительный анализ национальных социологических школ в их отношении к национальным культурам. //Вестник Института социологии. 2010, № 1.

у нас в Институте на заседании Ученого совета в апреле 2010 г. Выступление вызвало широкий и глубокий отклик у членов Совета.

Номер открывает статья директора ИС РАН, члена-корреспондента РАН М.К. Горшкова о социальном неравенстве¹ – без сомнения, именно эта проблематика должна быть в центре стратегии или, если хотите, идеологии государственной социальной политики. Ведь основной функцией социальной политики является поддержание социального баланса, который препятствовал бы возникновению социальной напряженности в острой (конфликтной) форме и, одновременно, способствовал бы экономическому развитию страны. Известны, как минимум, три подхода: сконцентрировать усилия на поддержке главным образом элитного слоя, потому что якобы от него зависит благосостояние общества, государства и рост экономики; оказывать помощь только беднейшим слоям населения (хотя вряд ли мы когда-либо видели это в чистом виде); принять либеральную доктрину социальной политики – создавать «общество всеобщего благоденствия». То, что мы наблюдаем сегодня в мире, – это неолиберальная концепция, которая в период мирового экономического кризиса вылилась в призыв А. Меркель «экономить». Правда оказалось, что экономить в странах Запада удается, в первую очередь, на образовании и посредством сокращения заработной платы и рабочего времени трудящихся. В России экономить таким образом, в то время как большая часть населения бедствует, что и показано в статье М.К. Горшкова, практически невозможно, поэтому забота о «рядовых» гражданах декларируется властями всех уровней и, прежде всего, федеральной, но поддержка реальная все же в большей степени оказывается сильным экономическим акторам.

Именно о перераспределении бюджетных средств, как о главной проблеме социальной политики в современной России, убедительно пишет А.Ю. Шевяков в своей статье². Однако и сам он сомневается, что политическая элита и чиновники согласятся с такой тактикой. Но еще

1 Горшков М.К. Социальные неравенства современной России. //Вестник Института социологии. 2010, № 1.

2 Шевяков А.Ю. Мифы и реалии социальной политики. //Вестник Института социологии. 2010, № 1.

более однозначно о ее невозможности утверждается в статье А.Е. Чириковой¹, которая рассматривает интенции региональных чиновников высшего эшелона.

Анализируя социальную политику в западных странах, В.В. Люблинский показывает², что может быть полезно из их опыта для России. И главный вывод, подчеркивает автор, – следует принять новую стратегию, без которой тактику (перераспределение) изменить не удастся.

Весьма значимым для формирования составляющих социальной политики является знание политиками и чиновниками реальных проблем граждан и отношения к ним общества (статьи С.В. Мареевой³, К.П. Кульпиной и А.В. Прудника⁴).

В-третьих, мы надеемся, интересной читателям покажется вторая рубрика первого номера журнала, в которой поднимается ряд проблем, связанных с развитием социологии – в мире и России. В статье А.Г. Здравомыслова⁵ анализируются социологические школы на Западе и в России. О том, что социология переживает этап становления ее как науки, что она сегодня находится на стадии «преднауки», утверждает и доказывает А.В. Тихонов⁶. Статья представляется провокативной, и мы ждем реакции научного сообщества. Как приглашение к дискуссии можно рассматривать статью О.Н. Яницкого о «хромающей» экосоциологии⁷. Хотя следует подчеркнуть, что к чести российской науки, такая социологическая дисциплина в России (во многом усилиями самого автора статьи) существует и развивается. Кстати, делаются и попытки междисциплинарного «соединения» (и тоже благодаря Олегу Николаевичу, хотя и не только). Вызывает сомнение и качество междисциплинарных изысканий западных коллег, а именно с ними российских экосоциологов сравнивает (и не в их пользу) автор, а также причины, указанные в статье, того, почему «у них» – так, а «у нас» – эдак. Ожидаем развития темы.

1 Чирикова А.Е. Возможна ли сегодня модернизация социальной политики в России? // Вестник Института социологии. 2010, № 1.

2 Люблинский В.В. Социальная политика в странах Запада: новые вызовы и характер трансформации. // Вестник Института социологии. 2010, № 1.

3 Мареева С.В. Запрос россиян на определённый тип развития страны и социально-экономическую политику. // Вестник Института социологии. 2010, № 1.

4 Прудник А.В., Кульпина К.П. Обращения граждан как паллиатив гражданского участия в самоуправлении и социальной политике. // Вестник Института социологии. 2010, № 1.

5 Здравомыслов А.Г. Сравнительный анализ национальных социологических школ в их отношении к национальным культурам. // Вестник Института социологии. 2010, № 1.

6 Тихонов А.В. Отечественная социология: проблема выхода из состояния преднауки и поиска новых стратегий. // Вестник Института социологии. 2010, № 1.

7 Яницкий О.Н. Хромающая экосоциология. // Вестник Института социологии. 2010, № 1.

В-четвертых, важен и следующий раздел «Образование в России», который, как нам видится, может стать постоянной рубрикой и не потому, что этой тематикой много занимаются в нашем Институте, но и потому, что это суперактуально. В этом номере журнала, пожалуй, главной составляющей данной рубрики является анализ Ф.Э. Шереги¹ факторов, препятствующих модернизации образования в России. Из статьи становится ясно, что, собственно, собираются изменять и почему это вызывает противостояние в профессиональной, родительской и студенческой среде. Три другие статьи рассматривают более частные аспекты развития высшего образования, которые впечатляют разнообразием и даже неожиданностью тематики: систему управления на местах (статья А.М. Елисеевой²), обеспечение социальной безопасности студентов (статья П.И. Куконкова³), анализ профессиональных ценностей и норм, отраженных на сайтах вузов (статья Л.А. Окольской⁴). В целом, все статьи этой рубрики теснейшим образом связаны с социальной политикой. Да и вообще разделение политики в сфере образования и социальной политики, в целом, выглядит искусственным, в крайнем случае, условным, необходимым скорее для осуществления управления, чем для социологической науки, что с очевидностью доказывает статья Горшкова в этом номере, повествующая о неравенстве в сфере образования как о составляющей социального неравенства.

Надеемся, что рубрика «социология труда» привлечет внимание читателей, несмотря на то, что в редакционном портфеле была только одна статья на эту тему (авторы: С.Г. Климова, Е.Г. Галицкая, Е.Б. Галицкий⁵). Мы приняли решение ее срочно опубликовать, поскольку она представляет собой некую инновацию – метод изучения инновативности работника. Эта статья увлекает выдвинутой в ней методологической идеей: по прочтении захотелось попробовать операционализировать свои данные подобным образом.

1 Шереги Ф.Э. Факторы, противодействующие модернизации российского профессионального образования. //Вестник Института социологии. 2010, № 1.

2 Елисеева А.М. Проблемы управления локальным образовательным пространством в контексте политики модернизации. //Вестник Института социологии. 2010, № 1.

3 Куконков П.И. Студенты в системе социальной безопасности. //Вестник Института социологии. 2010, № 1.

4 Окольская Л.А. Ценности и нормы социологической профессии на сайтах факультетов и кафедр. //Вестник Института социологии. 2010, № 1.

5 Климова С.Г., Галицкая Е.Г., Галицкий Е.Б. Инновативное поведение на работе – опыт построения социологического индекса. //Вестник Института социологии. 2010, № 1.

Наша, по Яницкому, «хромающая» экосоциология представлена двумя статьями, которые посвящены актуальнейшей тематике (таковой она признана последним Международным социологическим конгрессом¹) – состоянию экосистем в условиях современной высокотехнологичной, но далеко небезопасной цивилизации.

О противостоянии и/или взаимной адаптации традиционной культуры и цивилизационного способа производства в сфере природопользования, а, значит, в социально-экологической сфере пишет О.В. Аксенова². Автор показывает, что природосберегающие традиционные способы хозяйствования не выдерживают натиска технологической модернизации. Вопрос заключается в том, будет ли адекватной экологическая модернизация.

Оперативным ответом на конкретный «вызов современности» является анализ социальных и экологических проблем, возникших вследствие «жаркого лета 2010» (статья О.Н. Яницкого)³. Естественно, автор ведет в ней речь об экологических нарушениях на подвергшихся пожарам территориях, но еще более – об уроне, нанесенном человеческому ресурсу, локальным сообществам как специфической экосистеме. Извечных вопросов «кто виноват?» и «что делать?» избежать в этой связи невозможно. Более того, они в исследуемой ситуации фундаментальные, ибо, как справедливо замечает автор, от их прояснения и последующего принятия адекватных управленческих или, не побоимся этого определения, политических решений будет зависеть жизнь многих людей впредь, так как подобные коллапсы в самых разных сферах становятся все более и более вероятными.

Наконец, последняя рубрика, не отличающаяся новизной сама по себе (она встречается почти во всех научных журналах), – это «Научные форумы». Хотелось придать ей некий новый формат – осмысление контента и сути научной дискуссии, развернувшейся во время того или иного мероприятия. Это кажется чрезвычайно важным, особенно, если речь идет о международных событиях, происходящих за рубежом, куда далеко не всем ученым удается попасть. Наилучшим образом, как кажется, это

1 Яницкий О.Н. Климатический или анти-углеродный конгресс социологов. //Вестник Института социологии. 2010, № 1.

2 Аксенова О.В. Устойчивое развитие российского Севера: пределы экологической модернизации. //Вестник Института социологии. 2010, № 1.

3 Яницкий О.Н. Модернизация и реабилитация после пожаров и наводнений. //Вестник Института социологии. 2010, № 1.

удалось в случае с представлением Международного социологического конгресса, прошедшего в Гетеборге. Здесь помещены эссе трех авторитетных ученых, которые взглянули на конгресс с различных точек зрения, одновременно и сходясь в чем-то. В следующих выпусках журнала будем стараться придерживаться такой формы. Инновационной представляется и то, что после эссе о каждом научном мероприятии размещены статьи, написанные на основе докладов. Надеемся, что это даст дополнительные ориентиры, информацию о выдвинутых научных позициях.

Подчеркнем в заключение, что и социально-экологическая тематика, и тематика представленных научных событий – этносоциологические сюжеты¹, проблемы тюркских народов и их осмысление социологами – все это также, как и образование, имеет непосредственное отношение к социальной политике. Так что можно констатировать, что если прочесть весь номер от начала до конца, то перед нами окажется развернутый анализ темы номера.

Дорогие коллеги! Мы искренне надеемся, что выпуск «Вестника Института социологии» мобилизует Вас и Вы «потянетесь к перу», в результате чего следующий номер журнала, выход которого в свет планируется на май – июне 2011г., будет сформирован из столь же качественных научных трудов. Тема следующего номера будет объявлена дополнительно, следите, пожалуйста, за информацией на сайте. Мы готовы принимать ваши статьи круглый год (и совсем не обязательно по теме номера). Прием материалов для следующего выпуска будет закончен в конце марта 2011 г.

¹ Щеголькова Е.Ю. Политическая нация и этничность в беспокойном современном обществе. Об итогах всероссийской социологической конференции «Этнос, нация, общество: российская реальность и перспективы». //Вестник Института социологии. 2010, № 1.

Т е м а н о м е р а : Социальная политика российского государства

Социальные неравенства как вызов современной России

Горшков Михаил Константинович —
член-корреспондент РАН,
директор Института социологии РАН

e-mail: director@isras.ru

Социальные неравенства как вызов современной России

Аннотация

Автор исследует допустимые границы социальных неравенств (когда неравенства выступают стимулом развития человеческого капитала и общества в целом, а не тормозом его) и предлагает модель социальной политики, соединяющую в себе свободные рыночные силы и социальный компромисс, учитывающую национальный менталитет, особенности повседневной жизни и социального самочувствия россиян.

Abstract

The article explores acceptable limits of social inequality within which it can provide incentive for the development of human capital rather than putting obstacles to it. The author proposes a model of social policy that combines free market forces and social compromise. The model accounts for national consciousness, daily life patterns and mental states of the Russian population.

Ключевые слова: социальное неравенство, социальная политика, человеческий капитал, социальный капитал, социальные сети, социальное самочувствие, социальная справедливость

Keywords: social inequality, social policy, human capital, social capital, social networks, social justice

На всех этапах развития социологии одной из ключевых рассматриваемых ею проблем оставалась проблема социальных неравенств – специфической формы социальной дифференциации, предопределяющей неравенство жизненных шансов отдельных индивидов, социальных групп, слоев, классов, а также возможностей удовлетворения ими актуальных и разнообразных по характеру и источникам происхождения потребностей.

Имея статус проблемы не только научной, но и социальной, неравенства отличаются непреходящим характером, сложной природой и склонностью к многоплановым манифестациям. Несмотря на то, что в более крупных и сложных современных обществах неравенства, основными механизмами воспроизводства и поддержания которых выступают отношения собственности, власти (господства и подчинения), социально закрепленного и иерархизированного разделения труда, а также неконтролируемая, стихийная социальная дифференциация, проявляются отчетливее, сами они появились на заре человеческого общества. Будучи обусловлены природой и сущностью мира людей, различиями в способностях и возможностях индивидов, особенностями социальной среды их обитания, социальные неравенства имманентны всем фазам исторического развития социума: существовали, существуют и будут существовать до тех пор, пока существует мир.

Задолго до XIX столетия, подарившего миру социологию, многообразие, универсальность, неизбежность и неоднозначность общественного неравенства, помноженные на его потенциальную способность выступать фактором дестабилизации социума, вести к росту социальной напряженности¹, привлекали к исследованию сущности данного феномена и механизмов его воздействия на развитие общества внимание представителей различных направлений социогуманитарного знания. Более того, проблема равенства и неравенства в социальном мире разрабатывалась – в качестве одной из самых фундаментальных социальных проблем – начиная с Античных времен, когда выдающиеся мыслители своего времени, такие как Платон, размышлявший над расслоением людей на богатых и бедных, живущих вместе и строящих друг другу всяческие козни, Аристотель, отмечавший необходимость думать о бедных, ибо у государства, где множество бедняков исключено из управления, неизбежно будет много врагов, Сенека, Аврелий, Дионисий Ареопагит анализировавшие онтоло-

¹ Так, по данным мониторинга, проведенного специалистами Института глобализации и социальных движений (ИГСО), причиной большинства народных волнений в России, наиболее острые из которых были зафиксированы весной 2010 г., стали кризис и растущее социальное неравенство. По мнению экспертов, причина всплеска активности граждан, проявившегося в заметно возросшем количестве протестных выступлений, «... сводится не только к экономическому кризису, который, однако, сыграл свою роль. Проблема в том, что власти занимаются не решением социальных проблем, а пытаются погасить возможные вспышки недовольства...». Виноградов Е. Эксперты: В России просыпается дух социального протеста URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5766327,00.html>.

гию и аксиологию общественного неравенства¹. Несмотря на очевидное различие в подходах к определению сущности и причин, порождающих социальные неравенства, равно как и неоднозначность трактовки их роли в жизни общества², большинство экспертов признает факт принципиальной неустранимости и широкой социальной распространенности данного явления. Таким образом, вопрос, волнующий не одно поколение обществоведов, активно изучающих неравенства в различных структурных и содержательных аспектах, состоит не в том, может ли человечество полностью освободиться от социальных неравенств, а в том, насколько оправданы неравенства, представленные в разных типах обществ? Каковы допустимые границы неравенств в тех или иных сферах общественной жизни? И, конечно: что может предпринять государство в целях минимизации социальных неравенств, выравнивания шансов людей на обеспечение достойного, соответствующего их способностям и устремлениям, бытия?

Проблематика социальных неравенств актуальна и для стран развитой, социально-ориентированной рыночной экономики. В постсоветской же России, где формирование рыночных отношений происходило в условиях глубокого экономического кризиса, эскалации безработицы и удорожания жизни, усугублявшихся практиками многомесячных задержек выплат заработной платы и социальных трансфертов, способствовавших развитию процессов пауперизации, увеличению пропасти в качестве жизни представителей различных социальных групп и слоев населения, значительному снижению уровня потребления, она становится одной из приоритетных, приобретает особое звучание и значение.

С одной стороны, такое внимание к проблеме обуславливается историческим прошлым страны. Если западные и американские социологи исходили из того, что социальное неравенство есть естественное и, как указывалось выше,

1 См., например: Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. – М.: Республика, Терра – Книжный клуб, 1995; Платон. Сочинения: В 4 т. – М.: Мысль, 1990; Аристотель. Сочинения: В 4 т. – М.: Мысль, 1976 и др.

2 Известно, что идея социального равенства доминировала далеко не всегда. Так, в гуманистической традиции европейской социальной мысли эпохи Возрождения тезис о необходимости неравенства являлся своеобразным замещением идеи теодицеи: неравенство должно существовать, чтобы добродетель сильных и успешных могла осознаваться и цениться. Примечательно, что такие яркие мыслители, как Т. Мор и Н. Макиавелли, во многом по-разному и противоположно видевшие идеал общественного устройства, тем не менее, сходились в главном – общество должно быть дифференцировано на неравные разноранговые социальные группы. См., например: Мор Т. Утопия. – М.: Наука, 1978; Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2001.

вечное состояние любого общества от самого примитивного до современного, а, следовательно, никогда не будет преодолено, то советская социологическая наука была убеждена в обратном: это состояние не вечно и вполне – при определенном стечении обстоятельств – преодолимо. И у подобной убежденности имелись очевидные основания.

На протяжении почти семи десятилетий привычной для граждан СССР оставалась *патерналистская модель отношений между ними и государством*. Модель, ориентированная на государственную заботу о социальном воспроизводстве и государственную же ответственность за качественные показатели будущих поколений, уровень доходов граждан, их социальное обеспечение. Неудивительно, что в условиях предоставления широкого объема социальных гарантий, неравенства, если и не элиминировались полностью, то зримо сглаживались.

Годы масштабных экономических (и не только) реформ, нацеленных на формирование эффективной модели рыночной экономики, равно как и порожденные ими значительные социально-экономические издержки, затронувшие – в большей или меньшей степени – все без исключения сферы российского общества, коренным образом изменили жизнь россиян, многие из которых оказались не в состоянии справиться с проблемой адаптации к стремительно и радикально обновляющейся социальной среде. Привычный патернализм и ситуация относительного благополучия сменились рыхлой в социальном отношении системой государственного управления, старающейся освободиться от решения социальных задач в прежних объемах и границах. Как следствие, одной из ключевых характеристик российского общества стал высокий уровень социально-экономического неравенства, проявившийся, в частности, в стремительном росте децильного коэффициента дифференциации доходов, показатели которого увеличились за период с 1980 по 1995 гг. в 4,5 раза (с 3,0 до 13,5 соответственно).

«Спасение утопающих – дело рук самих утопающих» – под таким девизом складывалась в 1990-е годы социальная политика в новой России. На повестку дня был поставлен вопрос формирования *либеральной модели* социальной политики, предполагающей расширение свободы индивидов в урегулировании собственных проблем, ратующей за независимость, стремление опираться на собственные силы и находить удовлетворение в самореализации. Модели,

обладающей очевидными преимуществами, препятствующей социальной однородности и снижению социальной активности и энергичности, однако, требующей для своего воплощения создания специальных – экономических, правовых, культурных – предпосылок, отсутствующих в тот (а во многом и в настоящий) момент времени в России¹.

Радикально либеральные реформы, помноженные на обвальную ломку отношений собственности и никем не регулирующую хищническую приватизацию государственного имущества и общенациональных природных ресурсов 1990-х годов, открыли шлюзы для ничем не ограниченного и неоправданного роста социальных неравенств. В результате всего за 10–15 лет мы получили огромную дифференциацию в социальном положении различных групп российского населения, а социальные неравенства приобрели как никогда ранее резкие формы.

Обращаясь к данным Федеральной службы государственной статистики, специалисты вынуждены констатировать: «Социальное неравенство в России ставит новые рекорды». По словам главы службы А.Е. Суринова, ссылающегося на результаты исследования «Россиянин в зеркале потребления», представленные в сентябре 2010 г., несмотря на то, что за последние двадцать лет население России стало немного богаче, а страна превратилась в государство со средними доходами, в ней произошло резкое расслоение по имущественному признаку.

Наблюдаемое в России с начала 2000-х годов увеличение реальных доходов населения, прирост «популяции» сверхбогатых россиян не способствовали благоденствию российского общества в целом. Более того, на фоне обозначенных тенденций разрыв в уровне доходов не только не сокращался, но в ряде случаев продолжал расти, достигая иногда критических отметок. Так, по данным Росстата, разница в доходах между 10% самых богатых и 10% самых бедных россиян увеличилась в период с 2000 по 2006 годы с 13,9 до 15,3 раз². В 2009 г. указанные доходы различались в 16,7 раза, что (впервые за последние 15 лет!) оказалось ниже показателей предыдущего года. В I квар-

1 По мнению специалистов, для нашей страны с ее гипертрофированной ролью государства как одного из основных субъектов социальной политики абсолютно неприемлемы характерные для данной модели минимизация вмешательства государства в социальную сферу, жесткое разделение ответственности за решение различных социальных проблем между разными уровнями власти и возложение максимума ответственности за собственное благополучие на самих граждан.

2 Миловзоров А. Мир снова становится биполярным
URL: <http://www.utro.ru/articles/2008/04/07/728835.shtml>.

тале 2010 г. дифференциация населения России по уровню доходов составила 15 раз. Правда, в Москве коэффициент неравенства средних доходов «богатых» и «бедных» приближается к 50: по мнению директора Центра социально-экономических измерений РАН А.Ю. Шевякова, таких показателей нет даже в странах Латинской Америки¹.

Несмотря на то, что, согласно сообщениям госстатистики, доля россиян, имеющих неприлично низкие доходы, сокращается, тогда как доля относящихся к лицам с «повышенными доходами» растет², наиболее бедные россияне живут стабильно плохо. Так, в январе–марте 2010 г. на долю 10% наименее обеспеченного населения страны приходилось лишь 2% от общей суммы денежных доходов жителей РФ³. К слову сказать, и подавляющее большинство входящих в «пул» 10% обладателей 30-процентной доли общей суммы доходов, нельзя назвать богатыми людьми. По мнению председателя комиссии Общественной палаты РФ по экономическому развитию и поддержке предпринимательства, главного редактора журнала «Эксперт» В.А. Фадеева, их следовало бы отнести к контингенту людей, которые живут достаточно сносно и могут позволить себе некие существенные траты, но не более⁴.

Гораздо раньше, в относительно благополучный период, когда мировой финансово-экономический кризис не превратился еще из виртуального, проявляющегося скорее в тревожных и панических настроениях российских граждан, в реальный, влекущий за собой прямые и косвенные негативные последствия, социологи, опираясь на данные социологических замеров, заявляли, что разница в доходах на душу населения между 10% самых бедных и 10% самых богатых составляла в России до 30 раз в среднем по стране (и до ста и более раз в мегаполисах)⁵. Результатом ничем не ограниченной дифференциации доходов стали фундаментальные потери и, в частности, резкое падение качественного потенциала российского населения, прояв-

1 Для сравнения: в скандинавских странах показатели данного коэффициента колеблются в пределах от 3 до 4; в среднем по Европе – от 6 до 8. Предельный коэффициент дифференциации доходов фиксируется в Мексике – 25, в Америке он составляет примерно 14–15 раз. Подробнее см.: Большое неравенство сдерживает экономический рост
URL: http://ecsystems.ru/lifestyle/news_2010-07-19-05-30-02-307.html

2 Подробнее см.: Богатые и бедные: разрыв в 15 раз
URL: <http://www.finmarket.ru/z/nws/hotnews.asp?id=1486852>.

3 Там же.

4 Аналитики: разрыв в доходах россиян объективен
URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=356705>.

5 Добрынина Е. До основания – незачем // Российская газета – Федеральный выпуск. 1 февраля 2008, № 4578.

ляющееся, например, в стабильно отмечаемых с начала 1990-х годов тенденциях снижения показателей индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), составившего в 2009 г. 0,817 (71-е место в мире). Для сравнения: ИРЧП в СССР составлял 0.920 (26-е место в мире). Таким образом, не только историческое прошлое, но и настоящее нашей страны предопределяет интерес российских обществоведов к крайне актуальной и значимой проблеме социальных неравенств.

Неудивительно, что в условиях современной России много дискутируют о том, как должны выглядеть инструменты, механизмы и способы снижения остроты социальных неравенств, какими должны быть будущая модель социальной сферы страны, национальная социальная политика – политика, способная позаботиться о том, чтобы масштабы социальных неравенств не превышали неких «нормальных» пределов, выход за которые чреват конфликтами и дезинтеграцией общества¹, решить задачи смягчения отрицательных последствий проводимых в стране реформ, а в конечном итоге – реализовать функцию социального воспроизводства различных групп и слоев населения, удовлетворить «... общесоциетальные потребности, связанные с самосохранением общества и поддержанием его конкурентоспособности в мире глобальной экономики и складывания системы информационных обществ»².

Несмотря на то, что в последние годы социальная политика российского государства начала приобретать более осмысленный, адресный и долгосрочный характер, использовать значительно большие материальные ресурсы, а национальные проекты стали охватывать не только оборонно-технические отрасли, но и важнейшие области социальной сферы (образование, здравоохранение, жилье), преодолеть глубину явно не оправданных социальных неравенств, возникших за годы реформ, пока не удастся.

1 «Норма» в данном случае выступает как оценка того неравенства, которое соответствует условиям, когда практически всё экономически активное население имело бы возможность полностью реализовать свой потенциал, а остальной части населения был бы обеспечен вполне приемлемый уровень жизни.

2 См., например: Жуков В.И. На рубеже тысячелетий. Социология отечественных преобразований. 1985-2005 годы. – М.: Изд-во РГСУ, 2008; Жуков В.И. Социология социальной сферы. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006; Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX – XXI веков. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004; Шкаратан О.И. Декларируемая и реальная социальная политика // Мир России. 2001. Том 10, № 2. – С. 3–24 и др.

Обращает на себя внимание и то, что сама проблема социальных неравенств остается на периферии публичной политики. Складывается впечатление, что государство и общество стесняются обсуждать ее широко и многогласно. В лучшем случае проблематика неравенств становится предметом дискуссий в экспертной среде, в основном среди экономистов, социологов, политологов. А между тем, позиция общества по такому ключевому вопросу как социальные неравенства в пореформенной России должна быть обязательно выяснена и публично политически артикулирована. Только в этом случае данная позиция может стать реальной силой, сглаживающей социальные неравенства, основой формирования адекватной и необходимой российскому обществу модели социальной политики.

Вот почему среди прочих задач, решаемых посредством реализации ряда общероссийских социологических исследований, проводимых на протяжении нескольких лет специалистами Института социологии РАН, был и анализ общественного мнения по основным проблемам социального неравенства в контексте социально-экономической дифференциации, существующей сегодня в российском обществе. Как относятся россияне к сложившейся в России системе социально-экономического неравенства? Что представляют собой справедливые и несправедливые, с их точки зрения, неравенства? Каковы причины социально-экономических неравенств, распространенных в российском обществе? Каковы должны быть особенности реализуемой в стране социальной политики в контексте проблемы неравенства? Таковы вопросы, требующие сегодня незамедлительного ответа.

Наблюдавшееся в середине 1990-х годов углубление кризисных явлений выступило фактором нагнетания и роста социальной напряженности. Как следствие, социальная неудовлетворенность и недовольство различными аспектами собственного бытия обрели статус характерных особенностей сознания значительной части российских граждан. Так, данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, полученные в 1994, 1996 и 1998 годах, свидетельствуют о нарастании в российском обществе тех лет пессимистических настроений – тенденции, выразившейся, в частности, в постепенном снижении доли россиян, уверенных в том, что со временем они смогут улучшить собственное положение (15,6, 12,6 и 9,4% соответственно), а также в уменьшении

Проблема социальных неравенств остается на периферии публичной политики. Складывается впечатление, что государство и общество стесняются обсуждать ее широко и многогласно.

степени удовлетворенности жизнью в целом (если в 1994 г. доля полностью неудовлетворенных последней составляла 23,1%, то в 1996 и 1998 годах она равнялась 32,6 и 39,6% соответственно)¹.

В сложных условиях начального этапа реформ российское государство принимало меры, направленные на смягчение отрицательных последствий проводимых в стране социально-экономических преобразований и частичную компенсацию потерь наиболее нуждающимся группам населения – пенсионерам и работникам бюджетной сферы, семьям с детьми, инвалидам, гражданам, потерявшим работу. В те годы доля расходов на социальные нужды возросла в совокупных расходах государства на треть – с 27,5% до 40% ВВП², однако, наращивание их объемов не смогло предотвратить кризиса, разразившегося в социальной сфере и явившегося следствием крайне низкой эффективности программ социальной поддержки, усугубленной нерациональным использованием финансовых и материальных ресурсов.

Со временем ситуация начала меняться в лучшую сторону: сумев преодолеть системный кризис, опасный своей способностью поражать все без исключения ячейки и сферы общества, достигнув стабильности в ключевых областях жизнедеятельности социума, сформировав необходимые макроэкономические, социальные, политические и макропсихологические предпосылки, РФ вышла на траекторию последовательного и устойчивого развития. Иными словами, несмотря на проявления мирового финансово-экономического кризиса и нараставшее на его фоне зримое ухудшение оценки россиянами своей жизни, Россия реформирующаяся превратилась в Россию пореформенную, смогла создать условия, способствующие переходу большинства населения страны от неприемлемого к минимально приемлемому уровню жизни³. Как следствие, в последние годы доля россиян, довольных своим социальным положением, стала доминировать над долей недовольных им в соотношении 4:1.

1 Воронин Г.Л. Социальное самочувствие россиян (1994-1996-1998): «Мерцающая» стратификация // Социологические исследования. 2001, № 6. – С. 60.

2 Социальная политика современной России: проблемы реформирования // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 1998, № 8 (75). – С. 3.

3 Добрынина Е. До основания – незачем // Российская газета – Федеральный выпуск. 1 февраля 2008, № 4578.

Социологический анализ показывает, что изменения в самооощущениях людьми своего места в обществе за последние 7–8 лет поистине колоссальны. И проявляются они, прежде всего, в значительном сокращении числа тех, кто ощущает себя «социальными аутсайдерами», и, одновременно, в росте рассматривающих себя в качестве представителей средних слоев, роль которых характеризуется как положительная (с точки зрения их вклада в развитие страны) более чем половиной представителей различных социальных (и, прежде всего, социально-профессиональных, групп), и которые, вне всякого сомнения, могут считаться социальной базой «модернизационного прорыва» России. Все это, безусловно, влияет на укрепление стабильности российского общества. Обнадуживает и то, что в последние годы коренной перелом в социальных самооощущениях произошел во всех без исключения возрастных группах населения.

Начиная с 2001-2002 годов, результаты мониторинговых исследований, осуществляемых ИС РАН, демонстрируют постепенное расширение в массовых умонастроениях позитивного спектра как следствие ослабления ощущений социального дискомфорта и повышения уровня адаптированности населения к условиям трансформирующегося общества. Это выразилось в снижении доли крайне негативных и тревожных оценок не только общей ситуации в стране, но и собственного бытия, в укреплении уверенности россиян в своем будущем¹. На протяжении последних десяти лет рост удовлетворенности жизнью сопровождался улучшением общего социально-психологического состояния граждан, которое выражалось, с одной стороны, в сокращении количества людей, переживавших такие негативные настроения, как подавленность и озлобленность, страх и отчаяние, а, с другой, в росте доли россиян, для которых были характерны спокойствие и уравновешенность, бодрость и эмоциональный подъем.

Сравнительный анализ показывает, что наиболее благоприятной, с точки зрения населения, ситуация в стране была в 2008 г. – тогда 44% россиян оценивали ее как нормальную, и лишь 6% – как катастрофическую. Кризис 2009 г. значительно изменил эту картину: всего за один год доля тех, кто считал ситуацию нормальной, сократилась более чем в три раза (с 44 до 13% в 2008 и 2009 гг. соот-

¹ Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Социологические исследования. 2009, № 3. – С. 15–16.

ветственно), при этом более чем в два раза выросла доля тех, кто оценивал ее катастрофическую (14% в 2009 г. против 6% в 2008 г.). Весной 2010 г. оценки немного улучшились, хотя при этом они продолжают резко отличаться от оценок, характерных для докризисного периода. Так, например, нормальной текущую ситуацию считают сегодня 13% опрошенных против уже упоминавшихся 44%, зафиксированных в 2008 г.¹

Вместе с тем, и в наши дни, несмотря на явные и значительные достижения, страна продолжает жить в контексте массы нерешенных социальных проблем. К числу таковых, несомненно, относятся: *крайне неравномерное распределение собственности и доходов между различными слоями и группами населения; невиданный для индустриальных стран и не сокращающийся* (несмотря на стабильную тенденцию уменьшения численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума и безработных, а также восстановительный подъем уровня производства) *разрыв между бедностью и богатством; появление значительного слоя так называемых «новых бедных», активно пополняемого группами «социального риска»* (в том числе неполными и многодетными семьями).

Согласно данным исследований ИС РАН, в настоящее время за чертой и на грани бедности, а также в состоянии малообеспеченности живут более половины россиян, характеризующихся – несмотря на отмеченный выше имевший место в последние годы рост текущих доходов всех групп российского населения – скромной имущественной обеспеченностью; нехваткой ресурсов, способных компенсировать неожиданное ухудшение материального положения; отсутствием возможностей для развития столь важного в современных условиях человеческого капитала, а то и удовлетворения базовых потребностей в питании, одежде, жилье.

Несмотря на определенные позитивные *количественные* изменения, произошедшие за последние годы в жизни малообеспеченных россиян и выразившиеся в некотором росте доходов, более позитивных оценках отдельных аспектов собственной жизни и увеличении числа имеющих в наличии товаров длительного пользования, три четверти нуждающихся и более половины собственно малообеспечен-

1 Подробнее см.: Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Издательство «Весь Мир», 2010.

ных российских граждан не сумели добиться за последние годы каких-либо *качественно* значимых изменений в своей жизни (см. рис. 1).

Рис. 1. Чего удалось добиться за период 2006-2008 гг. малообеспеченным и нуждающимся россиянам, %

Очевидно, что чаще всего улучшение затрагивало материальное положение малообеспеченных россиян, изменение которого, в сущности, не способствовало качественной трансформации их жизни в целом. Все это свидетельствует о консервации положения вышеупомянутых слоев населения на уровне, не превышающем «относительно стабильного выживания»: по реально значимым для поддержания уровня жизни параметрам их положение в последние годы ухудшилось, а использование необходимых для человеческого капитала социальных услуг сократилось.

Опасения социологов вызывает не столько численность бедных (которая, тем не менее, представляется нам серьезным вызовом государственной социально-экономической политике), сколько причины попадания в бедность (прежде всего, неадекватная государственная социальная политика и специфика российского рынка труда), под воздействием которых в современной России в ситуации бедности оказываются не только экономически неактивные члены общества, не способные – в силу тех или иных объективных обстоятельств (например, возраста или состояния здоровья) – обеспечить себе нормальный уровень доходов и, как следствие, приемлемый уровень жизни.

Бедность, хотя и в разных масштабах, затрагивает многих россиян, независимо от их возраста и места проживания, превращается в проблему социальной исключенности, демонстрирует тенденцию к консервации.

Тревожат и другие моменты. То, например, что хотя доходы людей и степень заботы о них со стороны государства демонстрируют некоторый рост, россияне, тем не менее, *отмечают улучшение лишь в 4 из 14 ключевых сфер своей жизни*: при этом самые болезненные проблемы (бедность, социальная справедливость, личная безопасность, доступность медицины и образования, обеспечение жильем), по их мнению, не только не решены, но и усугубились. Как следствие, количество людей, убежденных в том, что реализуемые государством социальные программы есть ничто иное как «перекладывание на них ответственности за решение проблем именно в тех сферах, в которых они больше всего рассчитывают на государство», в 2–4 раза превышает число тех, кто отмечает улучшение ситуации¹.

К этому можно добавить и крайне непоследовательное претворение в жизнь положений Конституции РФ и Трудового кодекса РФ о социальном государстве, а также очевидные свидетельства, говорящие в пользу того, что наблюдавшееся в России уменьшение степени государственной опеки не привело, как ожидалось, к значительному росту установок на инициативное поведение, но, напротив, способствовало в ряде случаев усилению патерналистских ожиданий.

К этому можно добавить и крайне непоследовательное претворение в жизнь положений Конституции РФ и Трудового кодекса РФ о социальном государстве, а также очевидные свидетельства, говорящие в пользу того, что наблюдавшееся в России уменьшение степени государственной опеки не привело, как ожидалось, к значительному росту установок на инициативное поведение, но, напротив, способствовало в ряде случаев усилению патерналистских ожиданий (см. таблицу 1), всплеск которых стоит рассматривать, скорее, как реакцию российских граждан на многолетний уход государства из социальной сферы, нежели как следствие представлений россиян о социальной справедливости и роли государства в социальной политике².

К числу *факторов*, учет которых необходим при разработке алгоритмов выхода из сложившейся в стране ситуации, относится *углубление социальных неравенств*, воспроизводимых в достаточно устойчивых формах, как отражение политической, культурно-нормативной, но, прежде всего, экономической структуры современного российского социума. Неравенств, стоящих на пути формирования конкурентоспособного гражданского общества, претендующего на передовые позиции мирового экономического, политического и культурного пространства и обеспечиваю-

1 См., например: Ильичев Г. Разочарование людей растет вместе с их доходами // Известия. 21 июня 2006, № 108.

2 Лукьянова Т.Н., Убиенных Т.Н., Эйдельман Я.Л. Культурные детерминанты отношения к труду // Россия реформирующаяся / Под ред. Л.М. Дробижевой. – М.: Academia, 2002. – С. 130–158.

щего высокие показатели благосостояния своих граждан, процессов модернизации и консолидации России, создания политически стабильного, правового демократического государства, развития высокотехнологичной экономики и социальной сферы.

Таблица 1

Взгляды россиян на то, кто должен нести ответственность за решение различных социальных проблем, %¹

Проблемы	Государство (федеральный центр)	Региональные власти	Местные власти	Население	Предприниматели	Профсоюзы
Обеспечение рабочего места	28,0	20,0	38,0	9,0	5,0	1,0
Справедливая оплата труда	49,0	16,0	19,0	1,0	10,0	5,0
Возможность получения среднего образования	64,0	9,0	11,0	15,0	0,0	0,0
Возможность получения высшего образования	64,0	8,0	6,0	21,0	0,0	0,0
Личная безопасность	45,0	9,0	26,0	19,0	0,0	0,0
Медицинская помощь	68,0	12,0	18,0	1,0	0,0	1,0
Пенсионное обеспечение	85,0	6,0	7,0	1,0	0,0	1,0
Благоприятная экологическая обстановка	35,0	30,0	29,0	5,0	1,0	0,0
Обеспечение жильем	37,0	23,0	33,0	6,0	0,0	0,0
Помощь семьям и детям	48,0	18,0	24,0	7,0	0,0	1,0
Борьба с бедностью	74,0	10,0	10,0	4,0	1,0	1,0
Обеспечение детскими дошкольными учреждениями	27,0	26,0	45,0	1,0	0,0	1,0
Справедливое распределение материальных благ	59,0	14,0	17,0	4,0	1,0	4,0

1 Тихонова Н.Е. Оптимальная модель социальной политики в массовых представлениях // Социологические исследования. 2006, № 12.

Глубина и разнообразие представленных в современной России социальных неравенств заставляют задуматься, какие из них воспринимаются населением наиболее болезненно, отторгаются им в первую очередь. Результаты, полученные специалистами ИС РАН, демонстрируют, что *наиболее резкое массовое недовольство россиян связано с чрезмерной глубиной неравенств в распределении собственности и доходов*. Несправедливыми неравенства в этих областях считают 74 и 86% опрошенных соответственно.

Решающую роль в определении позиции российских граждан в вопросе о справедливости этих и других неравенств играют не столько их личные интересы, сколько общие представления о справедливости, являющиеся социокультурной нормой, характерной для российского общества на нынешнем этапе его развития. Это говорит о том, что в современной России массовые реакции на социальные неравенства исходят из базовых ценностно-мировоззренческих позиций россиян, приобретая в результате характер недовольства сложившимися в стране за годы реформ социально-экономическими отношениями, включая, в первую очередь, практики распределения собственности и доходов.

Далее, по степени нелегитимности, следуют неравенства в сфере медицинского обслуживания, справедливость которых признают лишь 33% россиян. При этом, что вполне естественно, наиболее болезненно данный тип неравенств воспринимается пенсионерами, половина которых считает его несправедливым.

Если говорить об остальных видах неравенств, то они носят для россиян легитимный характер. Это относится к справедливости неравенств в размерах пенсии с учетом прошлого заработка, неравенству жилищных условий и возможностей дать детям лучшее образование. Таким образом, можно считать, что россияне достаточно толерантны к большинству «бытовых» социальных неравенств за исключением неравенств в оказании медицинской помощи.

В целом, проблема легитимизации социальных неравенств в современной России и преодоления недовольства россиян сложившейся в стране ситуацией заключается не столько в повышении зарплат бюджетникам или пенсий пенсионерам, сколько в общем изменении правил «игры», сближении этих правил с краеугольными для российского

В современной России массовые реакции на социальные неравенства исходят из базовых ценностно-мировоззренческих позиций россиян, приобретая в результате характер недовольства сложившимися в стране за годы реформ социально-экономическими отношениями, включая, в первую очередь, практики распределения собственности и доходов.

национального самосознания представлениями о справедливости, согласно которым основанием легитимности различий в получаемых благах, является, с точки зрения наших соотечественников, именно, труд, справедливое распределение по труду, а не близость к власти или умение «оказаться в нужном месте в нужное время».

Около 90% россиян соглашались с тем, что право иметь частную собственность должно быть неотъемлемым правом любого человека.

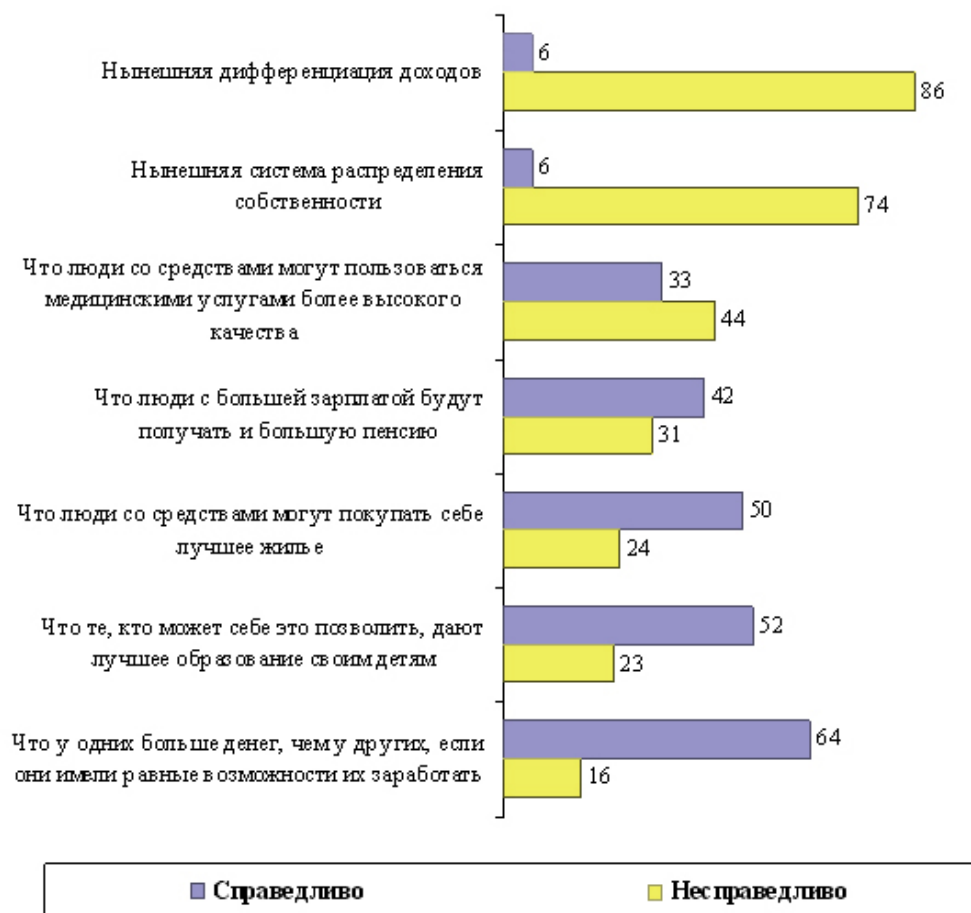

Рис. 2. Представления россиян о справедливости (2008 г., в %)

Означает ли это, что российские граждане являются упорными противниками частной собственности? Нет, не означает. Достаточно отметить, что около 90% россиян соглашались с тем, что право иметь частную собственность должно быть неотъемлемым правом любого человека. Таким образом, проблема заключается не в негативном отношении россиян к частной собственности вообще, а именно в нелегитимности ее распределения в обществе, когда все создававшиеся трудом многих поколений национальные богатства и «от бога данные» природные ресурсы буквально в одночасье оказались сосредоточены в руках немногочисленной группы крупных собственников.

Как установили исследования, одним из важнейших проявлений социальных неравенств в повседневной жизни россиян выступает недвижимость. Около 60% населения страны не имеют одновременно ни недвижимости, помимо жилья, где проживают (к тому же в большинстве случаев весьма низкого качества), ни сбережений (причем каждый второй из них имеет различного рода долги). Отсюда понятно, что у большинства российских граждан практически отсутствуют сегодня какие-либо экономические ресурсы, и неравенство их уровня жизни определяется в основном особенностями их текущих доходов и расходов.

Вместе с тем, *социальные неравенства, существующие в пореформенном российском обществе, не сводятся исключительно к неравенству доходов, но проявляются и в разном качестве отдельных аспектов жизни: физическом и социально-психологическом состоянии россиян, открывающихся для них возможностях, степени доступности стратегий адаптации и улучшения своего положения, в восприятии жизни в целом. При этом к разряду важнейших факторов, опосредующих типичные для современной России социальные неравенства, относятся: проживание в разных типах поселений, возрастная дискриминация, а также различия в уровне образования (которое является не только фактором нагнетания, но одновременно и областью проявления социальных неравенств).*

Данные исследований ИС РАН позволяют сделать вывод и о том, что социальные неравенства накладывают свой отпечаток на традиционные практики взаимной поддержки и качество существующих социальных связей, которые были и остаются для россиян важным дополнительным ресурсом выживания. С одной стороны, стабильное материальное положение способствует сохранению и преумножению социальных сетей (а сети, в свою очередь, помогают поддерживать благосостояние определенного уровня). С другой, применительно к низшим стратам российского общества можно говорить уже не только о бедности, но и о социальной эксклюзии. Они выпадают из мейнстрима и не в состоянии поддерживать традиционный для российского сообщества образ жизни, то есть выступать в качестве активных участников наиболее значимых социальных практик традиционных взаимообменов. У них либо вообще отсутствует социальный капитал, либо он явно недостаточен.

Социальные неравенства накладывают свой отпечаток на традиционные практики взаимной поддержки и качество существующих социальных связей, которые были и остаются для россиян важным дополнительным ресурсом выживания.

Включенность в социальные сети, по каналам которых циркулирует большой объем трансфертов как в натуральной, так и в денежной форме, является нормой жизни всех слоев российского общества. Вместе с тем, перспективы участия индивидов в социальных сетях определяются их принадлежностью к тем или иным социальным слоям, а, следовательно, и объемами тех ресурсов, которыми они располагают. Ведь социальные сети предполагают взаимность обмена товарами и услугами, что, в свою очередь, влечет за собой дифференциацию этих сетей по масштабу и структуре. В результате, степень развитости социального капитала оказывается в условиях современного российского общества реальным стратифицирующим критерием (см. рис. 3).

Включенность в социальные сети, по каналам которых циркулирует большой объем трансфертов как в натуральной, так и в денежной форме, является нормой жизни всех слоев российского общества.

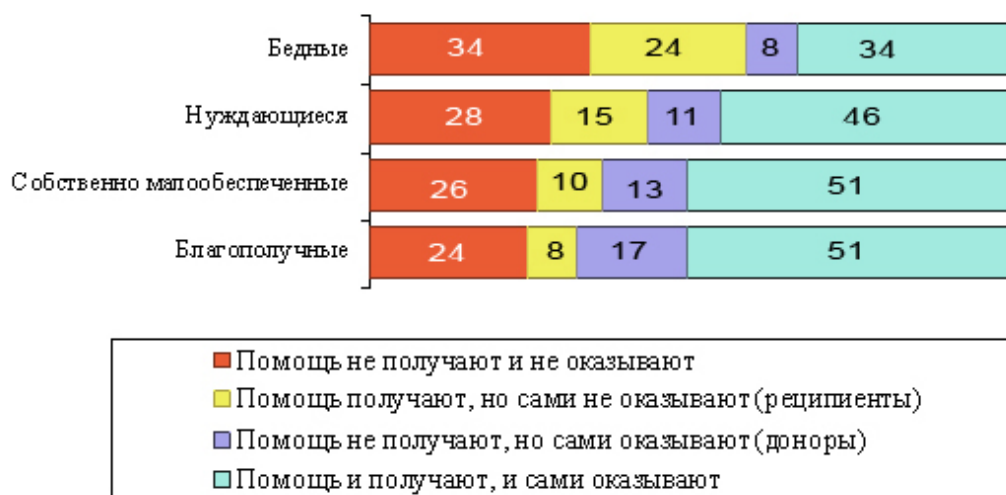

Рис. 3. Участие во взаимопомощи представителей различных социальных слоев (2008 г., в %)

Функциональные характеристики социальных сетей весьма разнообразны, а поддержка, получаемая их участниками, имеет разное наполнение: материальное, ресурсное, инструментальное, информационное.

Различные виды помощи, характеризующие многообразные функции социальных сетей, находятся в определенной иерархии в отношении возможного воздействия на социально-экономическое положение семьи, получающей эту помощь. К примеру, значимость материальной и инструментально-информационной поддержки выше и ценнее для перспектив изменения трудной жизненной ситуации, чем простое сопереживание или помощь по хозяйству и в быту. А доступ к получению сложной многофункциональной поддержки существенно повышает шансы человека на улучшение его материального положения.

Функциональная иерархия помощи, получаемой россиянами по разным каналам их сетей, выглядит в современной России следующим образом:

1. Простая помощь, то есть поддержка в быту (ведение хозяйства, уход за членами семьи и т. д.) И морально-психологическое сопереживание;

2. Ресурсная поддержка, то есть помощь как натуральными ресурсами (вещами, продуктами, в том числе и продукцией с приусадебных участков), так и непосредственно деньгами;

3. Инструментальная поддержка или предоставление услуг, требующих организационной подготовки и/или обладания специфическими материальными и нематериальными ресурсами (помощь в ремонте, строительстве, с транспортом, организацией дорогостоящих празднеств и ритуалов, принятие родственников и друзей на отдых и т. д.);

4. Обладание связями, предполагающее обмен протекциями, рекомендациями, информацией, консультациями, то есть активное использование социального капитала сетей (содействие в трудоустройстве, нахождении приработков, консультирование, обучение, посредничество в доступе к должностным лицам).

Включенность в сети межсемейной поддержки присутствует в российских семьях любого уровня благосостояния. Тем не менее, разрыв в доступе к социальным ресурсам сетей все-таки существует, и особенно это заметно, если сравнивать возможности получения различных видов помощи бедными, то есть наиболее обездоленными и нуждающимися в ней слоями населения, и возможностями тех, кто находится наверху социальной лестницы. Так, не получают никакой помощи со стороны родственников и друзей 40% бедных и лишь каждый четвертый представитель высших страт¹. Таким образом, специфика функционирования социальных сетей сильно дифференцирована в зависимости от уровня достатка респондентов.

В семьях с разным уровнем материального благосостояния существенно отличаются не только *объем*, но и *соотношение разных типов получаемой помощи*. Так, в отличие от относительно благополучных слоев российского населения, бедные и малообеспеченные россияне характеризуются отсутствием или ограничением доступа

¹ Социальное неравенство и публичная политика / Ред. кол.: Медведев В.А. (отв. ред.), Горшков М.К., Красин Ю.А. – М.: Культурная революция, 2007. – С. 173.

к наиболее дефицитным и важным формам поддержки со стороны их социальных сетей, связанным, например, с получением профессиональных консультаций, содействием в доступе к должностным лицам, а также помощью в трудоустройстве. В итоге, с одной стороны, они ощущают повседневную поддержку ближайшего окружения, а, с другой – речь идет о простой материально-хозяйственной поддержке, носящей по большей части натуральный, а не денежный характер, т. е. о типе поддержки, не способном качественно изменить нынешнее положение подавляющего большинства этих людей или решить реально влияющие на их жизненные шансы задачи (см. рис. 4).

Таким образом, использование ресурсов сетей социальной поддержки не приводит к реальному выравниванию положения индивидов, принадлежащих к разным слоям населения. Более того, в этой связи и возникает проблема постепенного выпадения бедных из наиболее значимых социальных практик традиционных взаимообменов, что со временем все больше и больше разрушает накопленный ими социальный потенциал.

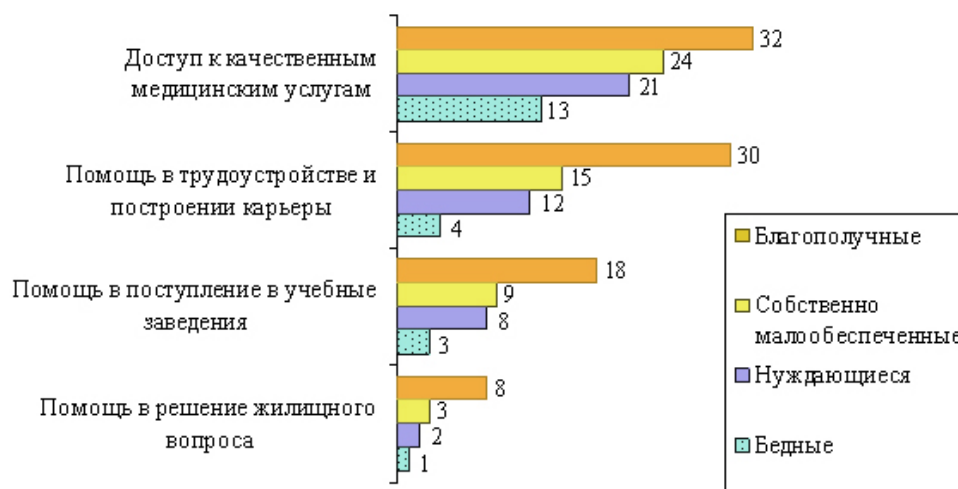

Рис. 4. Виды помощи, которыми могут воспользоваться представители различных слоев населения (2008 г., в %)

Именно доступ к сложной многофункциональной поддержке, как важнейший компонент неформальных сетей и социального капитала в целом, воздействует в первую очередь на преодоление трудных ситуаций и положительную динамику благосостояния. У бедных и малообеспеченных он оказывается существенно ниже, чем у всех остальных, а значит, бедные слои населения страдают не только от хронической нехватки доходов, но и от дефицита других жизненно важных ресурсов, и, прежде всего, отсутствия

социального капитала, что, в свою очередь консервирует их бедственное положение. Тем самым обладание развитым социальным капиталом напрямую связано с глубиной социальной дифференциации российского социума и консервацией (а, возможно, и углублением) социальных неравенств.

Проблемы социальных неравенств в современной России многогранны и разноплановы. Учитывая это, мы остановились лишь на наиболее актуальных и зримых из их числа. Однако и такой краткий экскурс в суть происходящего в данной области позволяет сделать принципиальной важности выводы.

В начале XXI века российское государство, пережившее шок либеральных преобразований, оказалось в ситуации «стабильной неопределенности», а российское общество – в состоянии напряженных ожиданий будущего. Особенность социальных изменений, в процессе которых Россия находилась и находится на протяжении последних лет, состоит в том, что они связаны и в высокой степени опосредованы системным переходом от одного общественно-экономического устройства к другому. Таким образом, фактически мы столкнулись с иным явлением, нежели перемены в отдельно взятых сферах общественной жизни. А именно с комплексом всех мыслимых и немыслимых видов и типов социальных изменений, обусловленных взаимодействием многочисленных и разнокачественных факторов.

Не отрицая очевидных проблем, мы видим, что современная Россия «... уже не то полупарализованное полугосударство, каким была еще десять лет назад»¹. В последние годы ценой невероятных усилий ей удалось, наконец, встать на траекторию последовательного и устойчивого развития. И определенная недостаточность в работе социальных систем общества, приводящая к тому, что в настоящий момент времени многие из них скорее воспроизводят сложившийся в стране уклад жизни, текущую модель, нежели развивают ее, не отменяет того факта, что все они работают.

Однако на этом – вполне плодотворном пути – встречаются и серьезные проблемы, к разряду которых относится и дискутируемое нами разрастание социальных

¹ Медведев Д. Россия, вперед! // Российская газета – Федеральный выпуск. 11 сентября 2009, № 4995 (171).

неравенств. Высокий уровень последних, усугубленный падением ИРЧП, подрывает социальный капитал российского общества в целом, формирует устойчивую «культуру неравенства», характеризующуюся повышенными показателями агрессивности и низкой сплоченности¹.

Бросая вызов современной России, тормозя системную модернизацию, развитие экономики, блокируя ее переход к инновационной стадии, опосредуя поляризацию общества, порождая апатию и пассивность определенных его слоев, маргинализируя обездоленные страты и, тем самым, подталкивая их к нелегитимным формам протеста и политическому экстремизму, разрушая нравственные устои общественного единения², социальные неравенства создают климат конфронтационности и нетерпимости, препятствуют достижению национального согласия, порождая при этом резкий разрыв между обществом и властью, воспринимаемой «социальными низами» в качестве защитницы интересов богатых и преуспевающих.

В сложившихся условиях депривированные слои населения перестают идентифицировать себя с государством и властными институтами: ослабевает, если не сказать разрушается, гражданская солидарность – глубинная основа самого понятия гражданства как сопричастности всех членов общества к общенациональным целям и государственной публичной политике. Единение общества затрудняется даже по тем вопросам и позициям, которые, казалось бы, касаются каждого гражданина. Пагубные последствия социального неравенства накладываются на быстро трансформирующееся российское общество, и без того разделенное по целому ряду идеологических и социальных показателей.

Неудивительно в связи с этим, что исследования последнего времени фиксируют рост недовольства россиян ситуацией в стране. Более того, впервые за последнее десятилетие недовольство это растет на фоне сравнительно благоприятной экономической ситуации, повышения (хотя и не очень значительного) реальных доходов населения. Это говорит о том, что *значительную часть общества уже не устраивает социально-экономическая модель, которая*

1 Кислицина О.А. Неравенство в распределении доходов и здоровья в современной России. – М.:РИЦ ИСЭПН, 2005. – С. 256–274.

2 Красин Ю.А. Социальное неравенство в политическом измерении
URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/socialnoe_neravenstvo_v_politicheskom_izmerenii_2008-11-4-16-29.htm.

предполагает стабильность без развития, без конвертации экономического роста в улучшение качества жизни большинства граждан.

Думается, что выходом из этого состояния могло бы стать развитие системы социального партнерства, механизмов корпоративной социальной ответственности, формирование адекватной реалиям текущего момента и практикам бытования отдельных российских граждан и представленных в российском обществе социальных групп модели социальной политики – модели, эклектичной, определяемой на стыке либеральной и патерналистской альтернатив, представляющей сложный социальный механизм, соединяющий в себе свободные рыночные силы и социальный компромисс. Немаловажно и то, что в основу подобной модели должны быть заложены специфика национального менталитета, четкое понимание особенностей повседневной жизни и социального самочувствия россиян как основных акторов («движущих сил») общественного развития.

Библиографический список

1. Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Социологические исследования. 2009, № 3. – С. 15–26.
2. Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Издательство «Весь Мир», 2010. – 344 с.
3. Доступность высшего образования в России / Отв. ред. С.В. Шишкин. – М.: Независимый институт социальной политики, 2004. – 500 с.
4. Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX – XXI веков. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004. – 320 с.
5. Малообеспеченные в России: Кто они? Как живут? К чему стремятся? Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН. Вып. 5. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – 80 с.
6. Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Альфа-М, 2009. – 272 с.
7. Социальное неравенство и публичная политика / Ред. кол.: Медведев В.А. (отв. ред.), Горшков М.К., Красин Ю.А. – М.: Культурная революция, 2007. – 336 с.

Т е м а н о м е р а : Социальная политика российского государства

Мифы и реалии социальной политики

Шевяков Алексей Юрьевич —
доктор экономических наук, профессор,
директор Института социально-экономических
проблем народонаселения РАН

e-mail: ashevi@gmail.com

Мифы и реалии социальной политики

Аннотация

Основная проблема неравенства и бедности населения лежит не в плоскости недостатка ресурсов, а в механизмах их распределения и перераспределения. В интересах российского правящего класса привести социально-экономическое неравенство к разумным пропорциям, обеспечивающим консолидацию общества, доверие к государственной власти и благоприятные условия для экономического и демографического роста. Перенос центра тяжести социально-экономической политики на оптимизацию распределительных отношений приобрел ключевое значение для оздоровления и процветания нашей страны.

Abstract

The main problem of inequality and poverty is not on the plane of resources shortage, but in the mechanisms of their distribution and redistribution. It is in the interests of the Russian ruling class to bring the socio-economic inequality to reasonable proportions ensuring consolidation of the society, confidence in the State power and favorable conditions for economic and demographic growth. Moving the centre of gravity of the socio-economic policy to optimization of the distributive relations has attained a key significance for enhancement and prosperity of our country.

Ключевые слова: социальная политика, неравенство, бедность, жилье, налогообложение

Keywords: social policy, inequality, poverty, housing, taxation

Одиннадцать мифов о социальной политике

Миф 1. Последние годы (исключая кризис) были успешными с точки зрения роста уровня жизни

С этим можно было бы согласиться при взгляде на среднестатистические показатели доходов населения. Однако, сегодня в России, несмотря на позитивную динамику роста средних показателей денежных доходов в «туч-

ные» годы, социальная поляризация ввиду форсированного роста самых высоких доходов и зарплат не уменьшалась, а продолжала нарастать.

Общим следствием проводимой в стране социальной политики являются острые социально-экономические диспропорции в социальной сфере, которые выражаются, в первую очередь, в избыточном экономическом неравенстве доходов и бедности населения, беспредельно высоком неравенстве в распределении собственности; и сегодня в связи с кризисом эти диспропорции могут получить дальнейшее ускоренное развитие и еще больше обострить и так уже напряженную ситуацию в социальной сфере.

В настоящее время это неравенство продолжает расти. Так, коэффициент Джини в РФ давно превысил критический (по отношению к экономическому росту) уровень Мирового банка 0,4 и продолжает увеличиваться¹ (см. таблицу 1).

Таблица 1

Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), коэффициент, январь–декабрь

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Российская Федерация	0,289	0,407	0,409	0,387	0,387	0,39	0,394	0,4	0,395

Продолжение таблицы 1

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Российская Федерация	0,397	0,397	0,403	0,409	0,409	0,416	0,423	0,422	0,422

То же самое можно сказать о коэффициенте фондов, небольшое снижение которого зафиксировано в кризисный 2009 г. (см. таблицу 2).

Таблица 2

Коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения), коэффициент, январь–декабрь

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Российская Федерация	8	13,5	15,2	13,5	13,3	13,6	13,8	14,1	13,9

Продолжение таблицы 2

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Российская Федерация	13,9	14	14,5	15,2	15,2	16	16,8	16,8	16,7

¹ Наши оценки коэффициента Джини с учетом выше отмеченных факторов по коррекции показателей неравенства показывают его большее значение, приближающиеся к 0,5.

Наши оценки неравенства значительно выше. Для корректных оценок неравенства, в том числе и с точки зрения международных сопоставлений, надо учитывать, во-первых, располагаемые, а не номинальные доходы, а во-вторых, разницу более чем в два раза в уровне инфляции для бедных и богатых.

С учетом этих факторов реальное неравенство (в значениях коэффициента фондов) оказывается почти в полтора раза выше – сегодня это 23–24 против 16,7 по оценкам Росстата.

На рис.1 для сравнения приведены коэффициенты фондов для стран OCED.

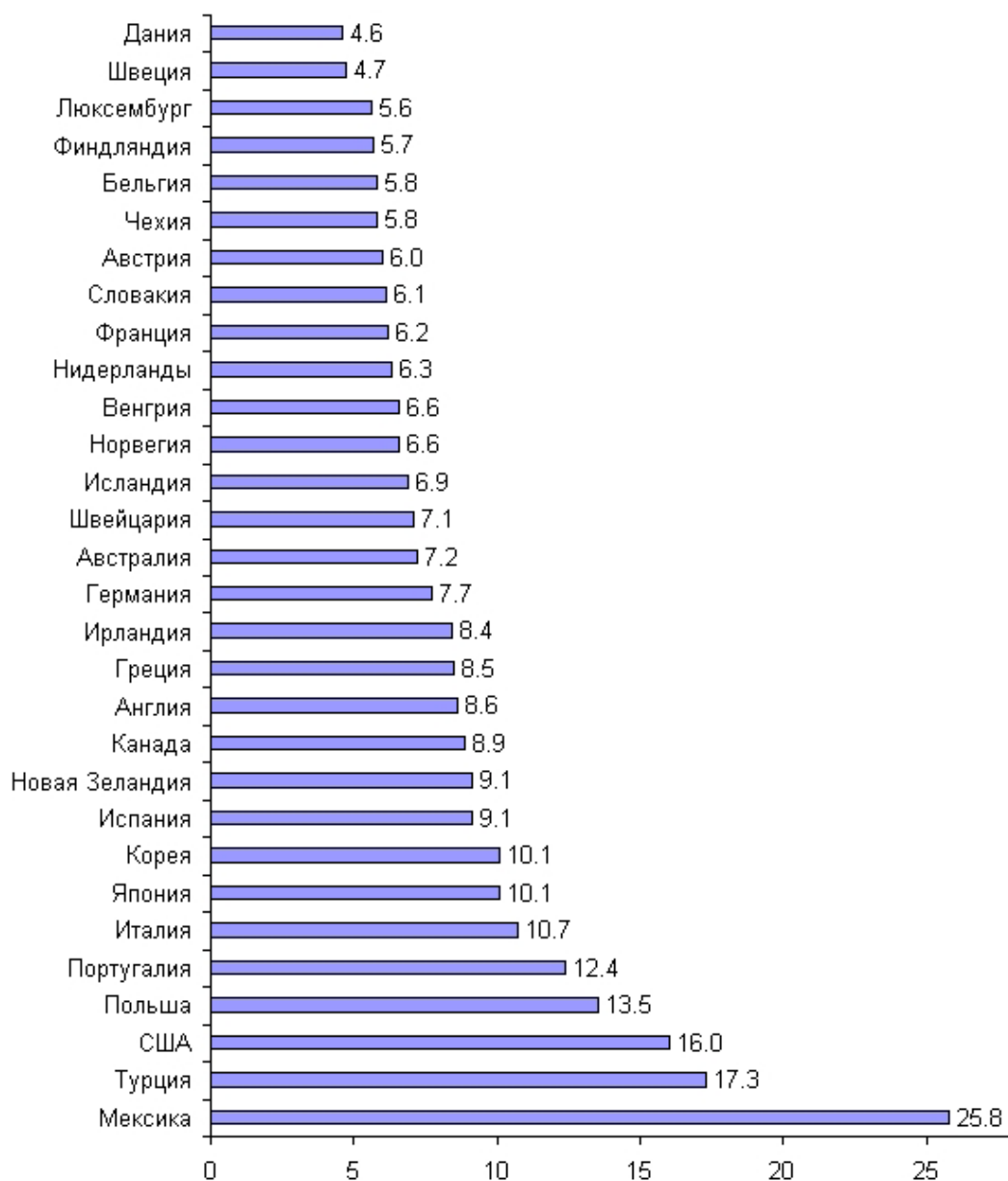

Рис. 1. Коэффициент фондов в странах OCED

Прогнозные расчеты этого показателя на 2025 г. при сохранении существующих распределительных механизмов и контрольных показателей роста зарплаты, пенсий и инфляции, определенных Правительством РФ, показывают его рост до 22–25¹. Особенно удручающее положение с неравенством в г. Москве, где его значение, несмотря на определенное снижение, составляет сегодня по оценкам Росстата 35,4, а по нашим – более 50. Трудно найти аналог таким запредельным значениям в статистике не только для развивающихся стран, но и вообще для стран, где такая статистика существует.

Суть проблемы в том, что, существующие сегодня механизмы формирования и перераспределения доходов населения настроены и работают в пользу богатых, большая доля совокупного роста доходов уходит на рост доходов наиболее обеспеченных слоев населения, а на повышение доходов наименее обеспеченных остаются крохи².

Рост высоких доходов происходил неравномерно: рост объема реальных доходов 20% самых обеспеченных в процентах к общему объему за годы реформ составил почти 25%, в то время как для 20% «бедных» объем реальных доходов снизился почти на 18%. А это означает, что отдельные (богатые) группы населения имеют институциональные преимущества, что позволяет им перетягивать эффекты экономического роста на себя.

В результате реформ в России выиграли только 20% наиболее обеспеченного населения. Группы населения со средними (близкими к медиане) доходами не только не разбогатели, но и не восстановили уровень благосостояния, который они имели в 1990 г. А группы населения с самыми низкими доходами остались за чертой абсолютной бедности.

Если говорить о бедности, то динамика показателей абсолютной бедности базируется на понятии прожиточного минимума, и помимо динамики показателей доходов совершенно естественно зависит от значения и динамики изменений этого минимума.

Выбор значения прожиточного минимума, так или иначе, достаточно субъективен, осуществляется практически без консультаций с наукой, общественностью и проф-

1 При упомянутой выше коррекции официальных цифр Росстата коэффициент фондов возрастает до 33–35.

2 Так, например, в 2008 г. по расчетам российской экономической школы «золотой миллион» (примерно 0,7% населения) получал 30% всех доходов населения! При этом оценки сделаны без учета дохода от роста стоимости капитальных активов и других доходов, не отражаемых в российской статистике.

союзами. И самое главное – не соответствует современным реалиям¹. Вообще говоря, сама идеология построения этого уровня имеет свои корни в советской действительности, когда многие необходимые потребности население удовлетворяло через общественные фонды потребления, и семья даже с низкими доходами имела реально бесплатный доступ к услугам здравоохранения, образования и отдыха. Мы сколь угодно можем говорить о бесплатном образовании и здравоохранении, но на самом деле сегодня даже за скорую помощь приходится платить².

Если же говорить о показателях относительной бедности, которые используются в странах ЕС и где в качестве ее границы выступает, как правило, 60% от медианного (среднего) уровня доходов, то численность относительно бедного населения России неуклонно продолжает расти. В 1990 г. относительная граница бедности (ОГБ, 60% от среднедушевого дохода) пролегла между среднедушевыми доходами 3-й и 4-й децильных групп. В 2000-е годы ОГБ приблизилась к среднедушевому доходу в 6-й децильной группе и вместе с неравенством продолжает расти, и тем больше, чем выше экономический рост и богаче регион³.

С точки зрения нормальной экономической логики (тем более логики социального государства) это представляется просто абсурдным и показывает, что деформация распределительных механизмов, связанная, прежде всего, с концентрацией доходов богатых, достигла такого уровня, когда не происходит снижение бедности по мере экономического роста.

Особенно тревожное положение с детской бедностью. По абсолютному показателю (ПМ) детская бедность сегодня составляет 24%, а относительная – 46% против относительной бедности по всему населению РФ – 34% и при европейской детской бедности в 6–8%. С каждым последующим деторождением семья погружается во все более глубокую бедность: относительная бедность полной нуклеарной семьи с одним ребенком – 42%; полной нуклеарной семьи с двумя детьми – 48%; полной нуклеарной

1 Например, в нем не предусмотрено никаких затрат на аренду и тем более покупку жилья, а нормы по хлебу и мясу в 1,5–3 раза меньше пайка немецкого военнопленного в Ленинграде.

2 Если говорить о приближении уровня прожиточного минимума к современным реалиям, то в него надо включать затраты на жилье и доступ с телекоммуникационным и информационным ресурсам, пересмотреть нормативы на одежду и пр. Даже грубая оценка всего этого показывает, что он должен быть увеличен минимум в 2,5–3 раза. И что при этом будет с показателем бедности?!

3 Так, в самом богатом регионе Москве, где уровень доходов в 3 раза превышает средний по стране и неравенство почти в два с половиной раза выше среднероссийского.

семьи с тремя детьми – 55%. Во всех семейных разрезах масштабы детской бедности в России в 4–5 раз превышают средние по OECD показатели, а для Западной Европы – в 10 раз! (см. рис. 2).

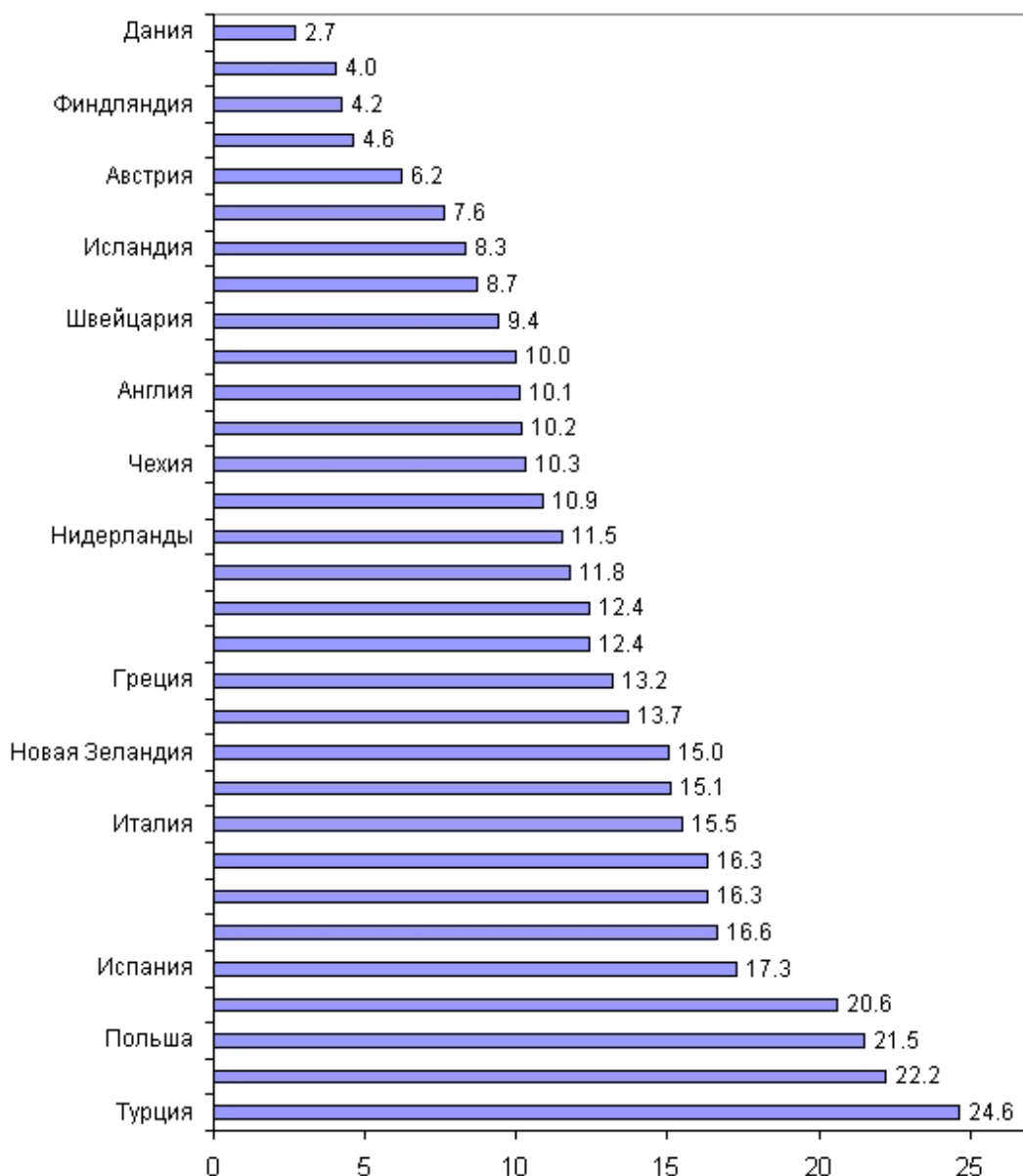

Рис. 2. Детская бедность по странам

Эти примеры наглядно показывают, что общим следствием проводимой в стране социальной политики являются острые и растущие социально-экономические диспропорции в социальной сфере, которые выражаются, в первую очередь, в избыточном экономическом неравенстве доходов и бедности населения, беспредельно высокой бедности семей с детьми; и сегодня в связи с кризисом эти тенденции могут получить дальнейшее ускоренное развитие.

Общим следствием проводимой в стране социальной политики являются острые и растущие социально-экономические диспропорции в социальной сфере, которые выражаются, в первую очередь, в избыточном экономическом неравенстве доходов и бедности населения, беспредельно высокой бедности семей с детьми; и сегодня в связи с кризисом эти тенденции могут получить дальнейшее ускоренное развитие.

Социально-экономические диспропорции оказывают негативное влияние на демографические процессы. Смертность, почти вдвое превышающая рождаемость и более чем вдвое превышающая смертность в развитых странах, низкая продолжительность жизни, депопуляция и продолжающийся снижаться средний уровень человеческого и социального капитала сегодня представляют серьезную угрозу социально-политической, экономической и демографической ситуации в стране, особенно в условиях развивающегося кризиса, который еще более обостряет проблемы социальной сферы. Вкладываются огромные средства, чтобы изменить ситуацию, но ожидаемых успехов это не приносит¹.

И дело все в том, что в основе сложившейся ситуации лежит несколько фундаментальных причин, которые не осознаются или не принимаются во внимание правительством при осуществлении социальной политики. Именно это определяет ее неэффективность, в то время как решение проблемы лежит в другой плоскости.

И прежде всего, это связано с тем, что у нас в основе социальной политики лежат ложные парадигмы и мифы.

Миф 2

До сих пор господствует либеральная точка зрения, согласно которой рыночные механизмы, так же, как и в экономике, для социальной сферы являются более эффективными, и во все предыдущие годы реформ государственная социальная политика была направлена на уход государства из социальной сферы и насаждение в ней рыночных отношений².

Принципиальное отличие государства от рыночной корпорации состоит в том, что цели и задачи государства значительно шире чисто экономических. Государство выстраивает социальный порядок, создавая и поддерживая

1 Повышенное внимание к социальной сфере, которое в последнее время демонстрирует власть, связано скорее с интуитивным ощущением опасности, а не с пониманием причин и следствий происходящих процессов в социальной сфере.

2 Ситуация с жилищной проблемой в РФ — яркий пример перекладывания важнейшей государственной проблемы на рынок, который при существующей структуре и уровне доходов населения и запущенности проблемы в принципе решить ее не может. Однако власть упорно продолжает искать решения в этом направлении, уповая на ипотеку, снижение процентов по ней, и т. п., не понимая, что для большинства населения при таких ценах на жилье оно им не доступно.

Такому положению дел в этой сфере способствовало также и то, что отпустив рынок жилья в свободное плавание, государство не поставило никаких преград на пути спекуляций, что сделано, например, в европейских странах. Так, например, в Москве 60% жилья приобреталось в 2000-е годы именно с этой целью.

Миф 2. До сих пор господствует либеральная точка зрения, согласно которой рыночные механизмы, также, как и в экономике, для социальной сферы являются более эффективными, и во все предыдущие годы реформ государственная социальная политика была направлена на уход государства из социальной сферы и насаждение в ней рыночных отношений.

институты, регулирующие социальную конкуренцию и социальный отбор. Государство управляет социальной стратификацией, создавая или поддерживая статусные приоритеты, необходимые в интересах *долговременного* развития общества. Иными словами, оно призвано совершенствовать институциональную и социальную структуру общества согласно критериям, основанным на ценностях, выработанных человечеством в историческом процессе отбора идей путем многочисленных проб и ошибок, ценностях, которые, ограничивая текущие предпочтения, позволяют минимизировать ошибки по отношению к будущему.

Рыночная экономика эффективна настолько, насколько эффективность обеспечивается свободой трансакций и ценовыми сигналами. Но не в упрощенной теории, а в реальном обществе есть широкий спектр некоммерческих видов деятельности, которые необходимы и для существования, и для эффективности рынка, и неценовые сигналы со стороны которых рынок никак не воспринимает. Суть дела в том, что экономические и социальные отношения регулируются не только рынком и не столько рынком, сколько фундаментальной системой институтов, определяющей мотивацию экономического и социального поведения, а также форму социально-экономической стратификации общества, пропорции между доходами различных социально-профессиональных групп и масштабы экономического неравенства. Поддержка этой системы институтов является неотъемлемой функцией государства.

Вместе с тем, в российской институциональной среде за годы реформ, направленных на повсеместное введение рыночных отношений, произошел распад нерыночных, в том числе, государственных институтов, регулирующих статусы различных социально-профессиональных слоев общества и, тем самым, взаимно упорядочивающих экономическое неравенство и социальную стратификацию.

Соответствующая институциональная среда ориентирует и собственников, и предпринимателей, и государство на кратковременные экономические интересы. В условиях, когда социальный статус определяется уровнем дохода независимо от того, каким образом этот доход был приобретен, в том числе, независимо от профессиональных достижений и вклада в развитие общества, мотивация экономического и социального поведения сводится к форсированию ближайших выгод. В отсутствие сильных нерыночных институтов это оказывает давление на государство в сторону подстрой-

ки под складывающуюся ситуацию. Поэтому государство, которое не обеспечивает достаточной поддержки основополагающим вне рыночным институтами, в конечном итоге само оказывается слабым.

Рынок, не ограничиваемый нерыночными институтами перераспределения, ведет к неограниченному росту экономического неравенства, относительному обнищанию большинства населения, допуская сосуществование очень низких и очень высоких доходов¹. Но недостаточные доходы ограничивают возможности осуществления разнообразных человеческих функций, и тем самым рынок создает неравенство возможностей.

Основной вывод заключается в том, что когда речь идет об осуществлении долговременных интересов, нерыночные институты и соответствующие организационные механизмы более эффективны, чем рыночные инструменты. Они, во-первых, менее затратны, а во-вторых, более адекватно приспособлены к неопределенности будущего, поскольку, в отличие от рыночных инструментов, они не «рационализируют» преимущества, которые могут быть достигнуты в будущем, под выгоды, видимые сейчас.

Рынок является одним из системообразующих институтов, но отнюдь не единственным и, наверное, не самым главным. *Системообразующая роль управления, науки, образования, культуры и искусства, здравоохранения и социального обеспечения является не меньшей, причем более неотъемлемой для общества, чем роль рынка.* Эти сферы являются самоорганизующимися институтами, со своей внутренней институциональной мотивацией продуктивного поведения, которая принципиально отличается от рыночной мотивации и разрушается, когда вмешательство рынка в эти сферы становится чрезмерным. Зарплаты в перечисленных отраслях экономики, как и в управлении рыночными фирмами и корпорациями, определяются не рынком, а системой институциональных факторов, точнее – соответствием, которое институциональная система устанавливает между социально-профессиональными статусами и распределением доходов. Здесь имеет место обратная по отношению к рыночной зависимость зарплат от социальных статусов: размер зарплаты работника определяется тем, какой статус ему приписывает инсти-

¹ Это, как мы видели выше, находит яркое подтверждение в нашей действительности.

Рынок, не ограничиваемый нерыночными институтами перераспределения, ведет к неограниченному росту экономического неравенства, относительному обнищанию большинства населения, допуская сосуществование очень низких и очень высоких доходов. Но недостаточные доходы ограничивают возможности осуществления разнообразных человеческих функций, и тем самым рынок создает неравенство возможностей.

туциональная система, то есть тем, какое положение по своему статусу он должен занимать в совокупном распределении доходов.

Как следствие, отказ государства от этой важной функции, обернулся для социальной сферы самыми сильными потрясениями и привел к тому, что занятые в ней люди оказались на нижних позициях в общей системе оплаты труда. А именно от их труда в первую очередь зависит будущее развитие государства и его человеческого потенциала.

В России давно назрела необходимость пересмотра места и роли государства в осуществлении социальной политики, основанного на понимании принципиального отличия государства от рыночной корпорации, а не на «всесильной руке рынка», которая в развитых странах отнюдь не играет такой роли, какая ей вменяется в произведенных и в планируемых ныне российских реформах.

Миф 3

Однако, судя по всему, правительство остается в плену представлений, что экономический рост автоматически приводит к успешному решению социальных проблем и повышению уровня жизни большинства населения, а все проблемы социальной сферы лежат в ресурсной плоскости – миф 3.

Это не так. Точнее не совсем так. Конечно экономический рост – необходимое условие повышения уровня жизни населения, но не достаточное. Дело в том, что повышение уровня жизни большинства населения происходит тогда, когда при распределении эффектов экономического роста отдельные группы населения не имеют значительных преимуществ перед другими. И именно государство, а не невидимая рука рынка, ответственно за выстраивание таких распределительных отношений, когда экономический рост влечет за собой и рост благосостояния большинства населения¹. Сегодня развитие теоретических и практических исследований, в том числе и международные сопоставления, показывают ошибочность такого взгляда – без активной перераспределительной государственной политики экономический рост не приводит к снижению масштабов неравенства и бедности. Это следует из результатов теоретического моделирования экономики рынка и неравенства,

¹ Ниже мы более подробно остановимся на проблемах неравенства и распределительных отношений.

Правительство остаётся в плену представлений, что экономический рост автоматически приводит к успешному решению социальных проблем и повышению уровня жизни большинства населения, а все проблемы социальной сферы лежат в ресурсной плоскости – миф 3.

которые смутили самих теоретиков, и пока остаются неизвестными политикам: в динамических моделях рынка с учетом накопления и наследования имущества *неравенство неограниченно возрастает*. Рост неравенства, не сдерживаемый прогрессивными налогами и другими способами перераспределения доходов, приводит к существенному увеличению доходов только богатых и *обнищанию* практически всего остального населения [1, 2, 3].

При этом оказывается, что неравенство, в том числе и в России, сегодня является системным и, по существу, определяющим динамику фактором экономического роста. В последнем исследовании Мирового банка, в основе которого лежат результаты обширных статистических исследований по странам мира, показано, что высокое неравенство (выше 0,4 для коэффициента Джини) отрицательно сказывается на экономической динамике и препятствует экономическому росту¹[4]. В настоящее время коэффициент Джини в РФ давно превысил критический уровень Мирового банка 0,4 и продолжает увеличиваться².

Одна из ключевых идей доклада ВБ состоит в том, что предшествующее неравенство воздействует на последующий экономический рост и существует *критический* уровень неравенства, определяющий, каким будет это воздействие: позитивным или негативным. При исходном неравенстве ниже критического уровня увеличение неравенства, не превышающее этого уровня, повышает ожидаемый темп роста. И, наоборот, при исходном неравенстве выше критического уровня любое его дальнейшее увеличение снижает ожидаемый темп роста, а его снижение, приближающее неравенство к критическому уровню, повышает темп роста. В основе этой идеи лежат результаты обширных статистических исследований по странам мира, изложенные в коллективной монографии под редакцией Корниа [5]. Фактически в этой книге утверждается, что зависимость темпа экономического роста от предшествующего неравенства описывается кривой, имеющей форму перевернутой буквы U, и максимальный темп роста соответствует критическому уровню неравенства, который в терминах индекса Джини оценивается как 40 процентных пунктов.

1 Исследование Мирового банка показывает, что высокое неравенство (выше 0,4 для коэффициента Джини) препятствует экономическому росту и прогрессивным преобразованиям институтов.

2 Наши оценки коэффициента Джини с учетом выше отмеченных факторов по коррекции показателей неравенства показывают его больше значение, приближающиеся к 0,5.

Эта идея отнюдь не нова: в 1990-е годы ее эмпирической проверкой занимались неоднократно, но результаты оказывались противоречивыми [6, 7]. Новым является то, что при использовании более обширных и представительных данных по странам мира она определенно статистически подтверждается. Такое подтверждение – не более чем указание на некую вероятностную тенденцию, отклонения от которой в отдельных случаях могут быть очень сильными. Выявленная зависимость не объясняет значительной части различий между странами по масштабам неравенства и темпам экономического роста и, поэтому, почти не имеет предсказательной силы¹.

Миф 4

Тем не менее, обсуждаемая идея и ее статистическое подтверждение имеют очень важные политические последствия. Дело в том, что замедление экономического роста из-за высокого неравенства в свою очередь ограничивает возможности для роста уровня жизни и этот механизм обратной связи будет работать до тех пор, пока уровень неравенства остается высоким. До сих пор в политике, в том числе и у нашего правительства, доминировала либеральная точка зрения, согласно которой в странах, осуществляющих модернизацию экономики, рост неравенства неизбежен и представляет собой временное явление – миф 4. И такие страны должны делать выбор между ограничением роста неравенства и экономическим ростом. По мере экономического роста неравенство стабилизируется, а затем снизится до масштабов, близких к масштабам неравенства в развитых странах; и бедность, обусловленная высоким неравенством, в конечном итоге будет устранена.

Однако действительность опровергает этот миф: как мы уже говорили, неравенство росло и продолжает расти все годы реформ. Если же говорить о показателях относительной бедности, которые используются в странах

¹ Например, по официальным оценкам неравенство доходов в США и в России очень близко к выявленному критическому уровню, но темп экономического роста в России двукратно превосходил темп роста в США в эти годы. А в Китае неравенство доходов выше, чем в России (опять-таки по официальным оценкам), и больше отклоняется от критического уровня, но темп экономического роста в Китае был примерно на одну треть выше, чем в России. Не говоря уже о том, что по данным Росстата неравенство доходов в России в 1994-1998 гг. незначительно отличалось от неравенства в 2000-е годы, но тогда происходил экономический спад, а в 2000-2007 гг. имел место экономический рост.

ЕС и где в качестве ее границы выступает, как правило, 60% среднедушевого дохода, то численность относительно бедного населения России неуклонно продолжает расти.

Прогнозные расчеты показывают, что проблема снижения масштабов высокого неравенства и относительной бедности без институциональных преобразований в сфере распределительных отношений не решается автоматически, даже несмотря на высокие темпы экономического роста, и будет только углубляться¹.

Миф 5

Непонимание прямых и обратных связей между социальными и экономическими факторами, в том числе между неравенством и экономическим ростом, приводит к тому, что финансирование социальной политики всё ещё продолжает строиться по «остаточному» принципу, а успешность решения социальных проблем и финансирование социальной сферы идёт от достигнутого уровня, а не от реальной потребности для решения имеющихся здесь проблем. Адресное ресурсное вливание рассматривается как основной метод эффективного решения социальных проблем и повышения уровня жизни большинства населения – миф 5.

Связывая решение социальных проблем только с успехами в экономической сфере, государство не утруждает себя глубоким мониторингом социальной ситуации, достижения в социальной сфере начинают оцениваться и подменяются экономическими показателями³, а ориентирами для оценки успешности социальной политики и выработки мероприятий по решению социальных проблем служат в основном *среднестатистические показатели*, которые не только не дают реального представления о продолжающемся углубляться социально-экономическом расслоении и бедности населения, но даже и дезориентируют.

1 Так например, децильный коэффициент дифференциации доходов населения в самом высоком по уровню доходов регионе – г. Москве – в три раза выше среднего по стране, а в 2025 г. может достичь значения порядка 55–60.

2 Это хорошо видно на примере уровня детских пособий, которые покрывают всего несколько процентов дефицита доходов в бедных семьях, или материнского капитала, уровень которого не сопоставим с ценами на жилье или образование.

3 Интересно отметить, что случайно или нет, но во всех планах правительства по снижению бедности фигурируют не собственно показатели бедности, а показатели увеличения МРОТ, пенсий, пособий, зарплат бюджетникам и т. п. Заметные проценты подтягивания этих показателей к прожиточному минимуму демонстрируют «серьезные» усилия правительства по решению проблемы бедности, в то время как эффект этих мероприятий на снижение показателей бедности, как мы уже отметили, относительно мал. Сам же показатель бедности и нормативы его снижения в планах правительства напрямую нигде не обозначены.

Интересно отметить, что случайно или нет, но во всех планах правительства по снижению бедности фигурируют не собственно показатели бедности, а показатели увеличения МРОТ, пенсий, пособий, зарплат бюджетникам и т. п. Заметные проценты подтягивания этих показателей к прожиточному минимуму демонстрируют «серьезные» усилия правительства по решению проблемы бедности. Такой подход в условиях сравнительно высоких темпов экономического роста и благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры позволял правительству увеличивать бюджетные расходы, в том числе на увеличение пенсий, пособий, МРОТ, зарплат в бюджетной сфере и т. п. и тем самым создавать иллюзию эффективной социальной политики.

Радикального снижения бедности при таком подходе ожидать не приходится, тем более, что инфляция и существующие распределительные механизмы, фактически сводят эффект этих мероприятий во времени к нулю¹. Детальный анализ на уровне различных доходных групп населения показывает, что даже достаточно радикальные предложения по повышению МРОТ и пенсий, которые в последнее время афишируются многими экономистами и политиками, не могут привести к заметным сдвигам по снижению бедности и неравенства: только 12–15% выделяемых на эти цели ресурсов попадают к действительно бедным².

Простое увеличение бюджетных расходов (а кризис ограничивает возможности дальнейшего роста расходов государства на социальные нужды) в рамках принятой парадигмы в принципе не может привести к существенным изменениям в решении проблемы снижения уровня неравенства и бедности, так как не устраняет причин, порождающих это неравенство. Не говоря уже о том, что для радикальных изменений необходимы огромные дополнительные ресурсы, а это инфляционные

¹ Если не считать того, что, задавая тот или иной уровень прожиточного уровня, мы можем и бедность свести к любой цифре.

² Дело в том, что повышение зарплат и пенсий происходит у конкретной личности, а уровень бедности измеряется по отношению к домохозяйствам. А пенсионеры, бюджетники и пр. присутствуют и в богатых, и в бедных домохозяйствах, что приводит к «размыванию» эффекта мероприятий по повышению МРОТ, пенсий и др. по всем доходным группам.

риски¹. А прогнозные оценки показывают невозможность выхода в обозримой перспективе на европейские стандарты по уровню МРОТ, пенсий и детских пособий.

Сегодня такой подход к решению социальных задач в связи с замедлением экономического роста и снижения доходов государства ставит перед правительством сложную проблему: надолго ли хватит запаса прочности и на чем можно сэкономить, чтобы не допустить резкого снижения уровня доходов населения и свертывания социальных программ.

Миф 6. Об «удочке» и социальных гарантиях государства

Очень часто противниками повышения социальных стандартов и гарантий используется аргумент, что надо дать «удочку в руки», а не увеличивать расходы государства, и совершенно игнорируется тот факт, что удочка бесполезна, если в озере нет рыбы. Крылатая идиома советских времен «кто не работает, тот не ест», которая в целом соответствовала реалиям того времени, сегодня трансформировалась в положение, когда наличие работы не гарантирует достойного уровня жизни и выхода из бедности.

Весь драматизм ситуации заключается в том, бедными в нашей стране в первую очередь являются не пенсионеры, а работающие и, как мы уже говорили выше, дети. В таблице 3 показаны вклады различных групп населения в общую бедность.

Таблица 3

Вклады различных групп населения в общую бедность (оценка на апрель 2009 г.)

Удельный вес* в бедном населении:	Абсолютная бедность (по ПМ) по всему населению = 15,75%
Детей (до 18 лет)	27,60%
Пенсионеров:	13,4%

¹ Международные сопоставления с развитыми странами показывают кардинальные отличия характера обеспеченности различных групп населения РФ от населения США и Европы, в том числе резкий, все увеличивающийся крен распределения доходов в пользу 15–20% богатого населения и позволяют получить представления о характере и масштабах таких институциональных изменений. В частности, для того, чтобы приблизить *относительное* соотношение доходов разных групп населения к западноевропейским стандартам, необходимо поднять доходы 75–80% населения: начиная с самой низкодоходной группы почти в 3 раза с постепенным убыванием этого коэффициента вплоть до 8 группы, и ограничить, не выходя за рамки существующих в этих странах нормативов, доходы только 15–20% богатого населения. Особенно значительна эта разница для Москвы: здесь доходы нижней группы необходимо поднять почти в 7 раз!

Миф 6. Об «удочке» и социальных гарантиях государства. Однако удочка бесполезна, если в озере нет рыбы. Сегодня наличие работы не гарантирует достойного уровня жизни и выхода из бедности.

Продолжение таблицы 3

Удельный вес* в бедном населении:	Абсолютная бедность (по ПМ) по всему населению = 15,75%
из них пенсионеров в чисто пенсионных семьях	0,5%
Работающих по найму:	38,10%
из них бюджетни- ков	9,7%
Безработных	6,25%
Самозанятых	4,8%

* Суммы по столбцам не могут быть равными 100% из-за существенных пересечений.

Такое положение работающих объясняется тем, что минимальная зарплата в России ниже прожиточного уровня и много ниже уровня бедных стран Евросоюза¹. Сейчас официальная минимальная зарплата (МРОТ) в нашей стране равна 4300 руб. (что соответствует немногим более 100 евро) при средней зарплате около 18000 руб.² А по данным последних обследований заработной платы Росстата около 37% работающих получают зарплату не более 10 тыс. руб. – менее 2-х прожиточных уровней, а 50% – не более 13 тыс. руб. Не трудно представить, какой уровень жизни в семьях, где единственный кормилец имеет такую зарплату. Именно этим положением объясняется высокая бедность детей и многодетных семей. Поэтому МРОТ должен быть такой, чтобы работающий человек не только сам не был бедным, но и мог худо-бедно содержать семью. По нашим расчетам сегодня он должен быть на уровне 60–70% средней зарплаты.

Это с одной стороны. А с другой, не секрет, что бюджетная сфера имеет относительно низкий уровень зарплат, и никакое малое предпринимательство не сможет

1 Самая высокая минимальная заработная плата (без вычетов) среди стран Евросоюза установлена в Люксембурге (1642 евро), Ирландии (1462) и Бельгии (1387). А самый низкий уровень минимальной зарплаты в ЕС в пересчете на евро зафиксирован в Болгарии (123 евро) и Румынии (153), Латвии (232), Литве (254), Венгрии (270), Эстонии (278) и Польше (281). В стране-кандидате Турции минимальная заработная плата установлена на уровне 319 евро. На фоне минимальных зарплат в России минимальные заработки даже в самых бедных странах Европы выглядят вполне солидными. Сейчас официальная минимальная зарплата (МРОТ) в нашей стране соответствует немногим выше 100 евро.

2 Сегодня приходит понимание того, что такой уровень МРОТ вместе с огромными разрывами в доходах населения представляет угрозу и национальной безопасности. Так, например, в принятой недавно Концепции безопасности г. Москвы уровень МРОТ в 3 раза меньше средней зарплаты и коэффициент дифференциации более 10 признаны серьезной угрозой для социально-экономического развития города.

существенно изменить ситуацию, если государство как основной работодатель для занятых в бюджетной сфере не будет гарантировать здесь достойную зарплату¹.

Миф 7. Равнодоступность услуг социальной сферы (жилья, образования, здравоохранения и т. п.)

Чрезмерные показатели неравенства доходов проецируются в свою очередь на доступность населения к таким важнейшим услугам социальной сферы как жилье, здравоохранение, образование и т. д.

Что касается жилья, то это становится ясным из сопоставления доходов семей из различных групп населения и – цен на аренду и ипотеку (см. рис. 3).

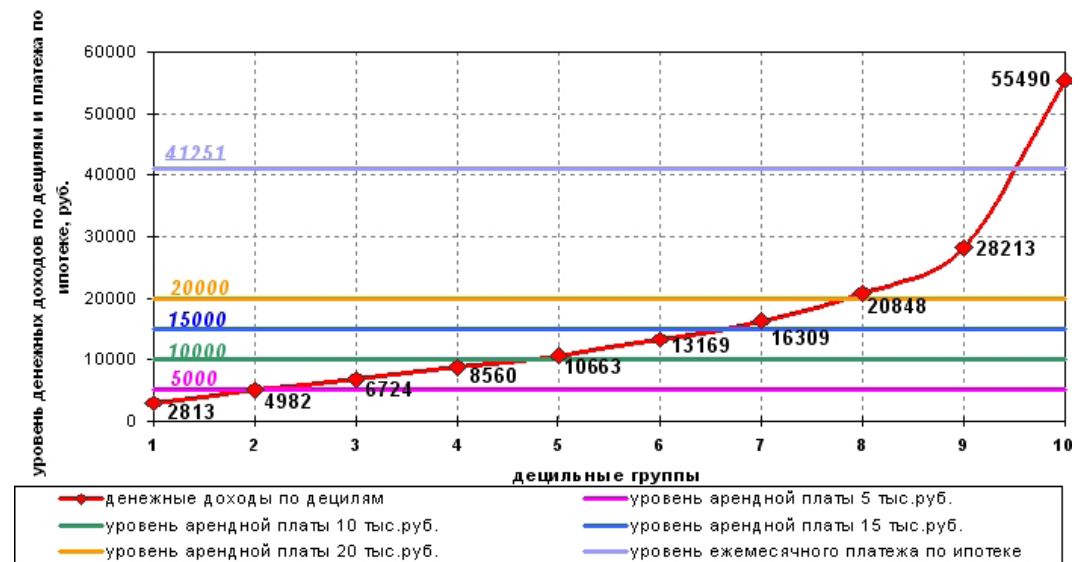

Рис. 3. Соотношение среднемесячных денежных доходов населения РФ по децильным группам с уровнями арендной платы и ежемесячного платежа по ипотеке за стандартную квартиру, апрель 2009 г.

Фактически при уровне арендной платы за квартиру для трех человек более 10 тыс. руб. в месяц, эта плата практически не приемлема для почти 50% населения. Если же говорить о покупке жилья, то коэффициент доступности жилья даже в среднем по нашим нормам находится по европейской классификации в области «существенно недоступно» – 10 лет, а для низко доходной группы в Москве составляет вообще запредельную величину – 80 лет².

1 Есть, конечно, и другой путь снижения государственных расходов и снижения бедности – сократить бюджетную сферу и количество занятых в ней. Судя по всему, государство сегодня идет по этому пути, исключив правда из этого процесса чиновников.

2 Ниже мы более подробно остановимся на ситуации с жильем.

Миф 7. Равнодоступность услуг социальной сферы (жилья, образования, здравоохранения и т. п.).

Аналогичная ситуация в здравоохранении, когда 30% населения (1–3 децили) имеют доступ только к 2–3% современных услуг в этой сфере. Здесь также необходимо отметить парадоксальную с точки зрения социального государства ситуацию, когда в здравоохранении у нас бедный платит за богатого, так как ЕСН берется только с зарплаты, а «другие» доходы, составляющие основную часть доходов «богатых», им не облагаются. В отличие от нас ЕС и США придерживаются диаметральной противоположной парадигмы – достаточно вспомнить о последних решениях Конгресса США по реформированию системы здравоохранения.

Заявленная сегодня «реформа» здравоохранения касается только увеличения расходов на его нужды, но ничего не говорит о повышении доступности здравоохранения для низкодоходных групп населения.

Но особенную тревогу вызывает законопроект о выводе из бюджетного финансирования всех основных объектов социальной сферы. Находясь, как мы уже отмечали, в плену ложной парадигмы эффективности невидимой руки рынка, с одной стороны, и пытаюсь как можно больше урезать государственные расходы при стремительно тающих резервах, с другой, правительство перекладывает проблему содержания социальной сферы на относительно беднеющие средне- и низкодоходные группы населения, не принимая во внимание, что именно социальная сфера определяет сохранение и развитие человеческого капитала.

Все это еще раз показывает, что социальная сфера воспринимается как только затратная, а проблема избыточного неравенства и относительного обнищания населения правительством не осознается и не ставится как важнейшая социальная проблема.

Находясь, как мы уже отмечали, в плену ложной парадигмы и не понимая, что речь идет не столько о недостатке ресурсов, а, прежде всего, о механизмах их распределения, правительство не только не может осуществлять эффективную социальную политику, но продолжает сохранять институциональные дефекты системы распределительных отношений.

Особенную тревогу вызывает законопроект о выводе из бюджетного финансирования всех основных объектов социальной сферы. Правительство перекладывает проблему содержания социальной сферы на относительно беднеющие средне- и низкодоходные группы населения, не принимая во внимание, что именно социальная сфера определяет сохранение и развитие человеческого капитала.

Миф 8

Например, правительство и многие депутаты считают, что раз у нас плоская шкала налогов, то налогообложение для всех равномерное – миф 8.

Чтобы разобраться в реальной картине, рассмотрим структуру денежных доходов населения для различных доходных групп. На рис. 4 эта структура показана в разрезе основных источников: заработной платы, пенсий, социальных трансфертов и «других» доходов, основную часть которых составляют доходы от предпринимательской деятельности, от разных видов собственности, дивидендов и т. п. [8].

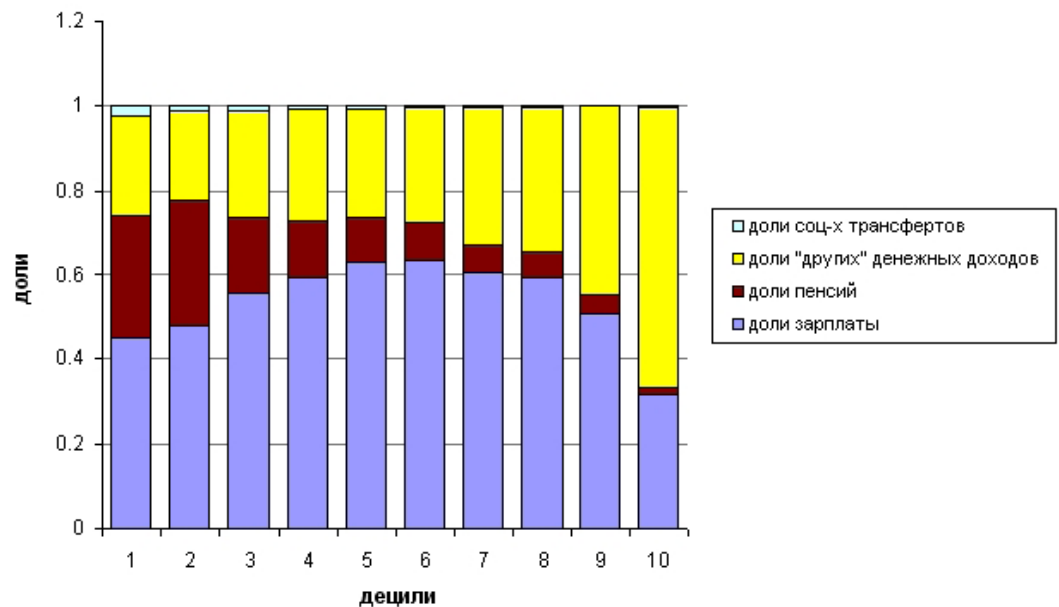

Рис. 4. Структура душевых денежных доходов населения РФ в 2007 г.

Из приведенной выше структуры доходов населения по их источникам видно, что доходы богатых более чем на 65% состоят из «других» доходов. Еще больший разрыв наблюдается для г. Москвы, где доля «других» душевых денежных доходов в 2006 гг. в 9 и 10 децилях превышает 90% душевых денежных доходов.

Доля «других» доходов в общих доходах превосходила в 2006 г. в 10-ой дециле соответствующую долю в 1-ой дециле в 828 раз, что почти вдвое превышает это отношение в 2003 г. И более чем в 15 раз превышает это отношение в целом по РФ (55).

Все это говорит о том, что, во-первых, основой благосостояния двух самых богатых групп населения является не заработная плата, а «другие», в большей степени «рентные» доходы, а во-вторых, концентрация этих доходов является основным фактором неравенства в РФ и, в том числе, катастрофического неравенства населения в г. Москве (см. рис. 5).

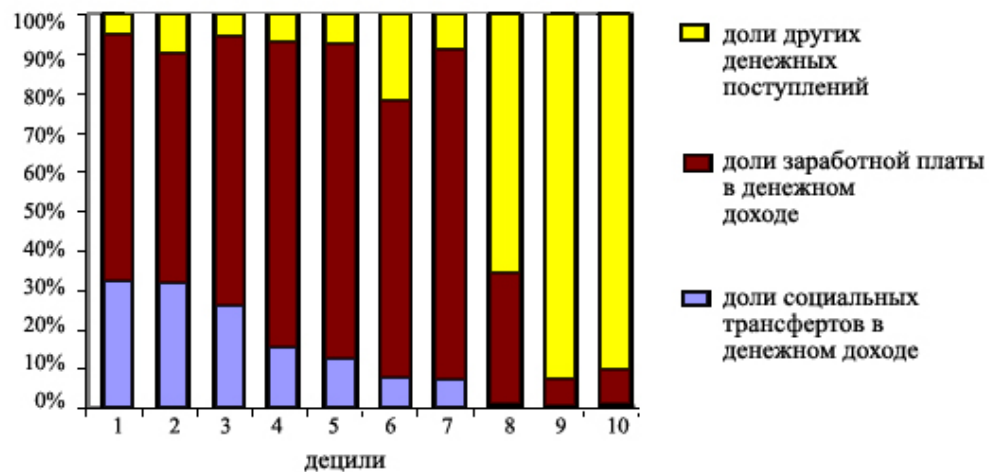

Рис. 5. Доли социальных трансфертов, заработной платы и «других» денежных доходов в душевых денежных доходах населения Москвы в 2006 г.

Такая деформированная картина образования доходов москвичей, в двух верхних децилях преимущественно нетрудовых, коренится в примитивной и несправедливой налоговой системе. Анализ реальной налоговой нагрузки различных доходных групп населения показывает ее значительную дифференциацию. Плоская шкала налогов подразумевает, что большие и малые доходы облагаются подоходным налогом в одинаковой процентной доле. Но это – лицемерное «равенство». Зарплату трудящихся дважды облагают налогом. Сначала снимали единый социальный налог (ЕСН) с фонда оплаты труда – 26,2%, а потом еще с зарплаты 13% – подоходный налог. Получается, что трудящийся отдает со своих доходов практически 40%.¹ А человек, который живет на дивиденды, банковский процент или с аренды собственности, платит с этих доходов в разы меньше. Если он хранит свой вклад под проценты Центробанка, то вообще не платит с них налогов, а если занимается предпринимательством – то 6%, а с дивидендов налог составляет 9%, с аренды собственности – 13%.

¹ Введенная правительством с 2010 г. замена ЕСН на страховые выплаты с одновременным увеличением на 8% налоговых отчислений еще больше усилит дискриминацию в пользу богатых.

Основой благосостояния двух самых богатых групп населения является не заработная плата, а «другие», в большей степени «рентные» доходы, а концентрация этих доходов является основным фактором неравенства в РФ и, в том числе, катастрофического неравенства населения в г. Москве. Такая деформированная картина образования доходов москвичей, в двух верхних децилях преимущественно нетрудовых, коренится в примитивной и несправедливой налоговой системе.

В таблице 4 для примера приведена реальная итоговая налоговая нагрузка различных доходных групп населения по г. Москве.

Таблица 4
**Трансферты на душу населения в % от общего
душевого денежного дохода***

Москва 2006				
Децили	Трансферт на душу населения руб.	Трансферт на душу населения %	Налоги на душу населения руб.	Налоги на душу населения в % от душевого денежного дохода с налогами
1	746,0	32,0	819,6	26,0
2	1759,8	31,5	1889,9	25,2
3	2152,9	25,8	3230,4	27,9
4	1681,9	15,4	4822,6	30,6
5	1837,0	12,6	6594,7	31,1
6	1524,9	7,7	8224,6	29,4
7	2040,6	7,3	13324,7	32,1
8	462,6	1,3	9501,0	20,5
9	311,9	0,5	7958,9	12,2
10	1139,9	1,0	16856,5	12,9

* Трансферты на душу населения включают в себя пенсии и все другие пособия по социальной поддержке населения.

Таблица 4 показывает, что фактическая налоговая нагрузка двух беднейших доходных групп населения вдвое выше, чем двух наиболее богатых групп¹.

Можно к этому добавить, что новый закон о страховых взносах эту дискриминацию средне и низко обеспеченных слоев населения только обострит.

Таким образом, наша плоская шкала на практике оказывается регрессионной!

Вместе с тем, правительство, не рассматривая проблему неравенства как серьезную угрозу развития страны, продолжает настаивать на целесообразности сохранения у нас так называемой «плоской» шкалы налогов на доходы физических лиц, которая, как мы показали выше, реально является регрессионной.

¹ Средняя картина по РФ менее контрастна, но качественно такая же.

Миф 9. Ипотека – основной путь решения жилищной проблемы

Резкое расслоение и неравенство доходов населения продуцирует и высокое неравенство в доступности такого важного ресурса для жизнедеятельности человека, как жилье. И здесь переход к дифференцированным показателям совершенно по-новому открывает глаза на реалии жилищной проблемы и показывает практическую невозможность использования ипотеки и других кредитных и сберегательных схем для решения жилищной проблемы для большинства населения.

В среднем ситуацию с доступностью жилья демонстрируют следующие данные (см. таблицу 5).

Таблица 5

Доступность жилья для населения на вторичном рынке жилья* из расчета среднедушевого/медианного уровня денежных доходов населения в 2000, 2006-2009 гг.

	2000**	2006	2007	2008	2009***
РОССИЯ					
Доступность стандартной квартиры 54 кв. м По среднедушевому/ медианному уровню дохода	4,33/ 5,85	5,39/ 7,11	5,62/ 7,59	5,60/ 7,56	4.71
Доступность квартиры по «евростандарту» 108 кв. м По среднедушевому/ медианному уровню дохода	8,67/ 11,70	10,77/ 14,22	11,24/ 15,17	11,20/ 15,12	9.42
МОСКВА					
Доступность стандартной квартиры 54 кв. м (по ценам Росстата) По среднедушевому/ медианному уровню дохода	2,89/ 6,73	5,10/ 9,69	5,40/ 9,88	6,44/ 11,08	5,37

Продолжение таблицы 5

	2000**	2006	2007	2008	2009***
Доступность квартиры по «евростандарту» 108 кв. м (по ценам Росстата) По среднему/ медианному уровню дохода	5,78/ 13,47	10,20/ 19,38	10,80/ 19,76	11,87/ 20,42	10,74
Доступность стандартной квартиры 54 кв. м (по рыночным ценам) По среднему/ медианному уровню дохода	3,80/ 8,85	6,26/ 11,89	5,48/ 10,03	8,07/ 13,88	5,14
Доступность квартиры по «евростандарту» 108 кв. м (по рыночным ценам) По среднему/ медианному уровню дохода	7,60/ 17,71	12,51/ 23,77	10,95/ 20,04	16,13/ 27,74	10,27
МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ					
Доступность стандартной квартиры 54 кв. м По среднему/ медианному уровню дохода	6,14/ 7,25	5,72/ 7,15	5,47/ 7,22	5,63/ 7,54	4,47
Доступность квартиры по «евростандарту» 108 кв. м По среднему/ медианному уровню дохода	12,27/ 14,48	11,45/ 14,31	10,94/ 14,44	11,26/ 15,09	8,94

Продолжение таблицы 5

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ					
Доступность стандартной квартиры 54 кв. м По среднедушевому/ медианному уровню дохода	5,90/ 7,08	5,16/ 7,07	5,24/ 7,39	6,79/ 9,37	6,07
Доступность квартиры по «евростандарту» 108 кв. м По среднедушевому/ медианному уровню дохода	11,79/ 14,15	10,32 14,14	10,49/ 14,79	13,57/ 18,73	12.14

*Цены – на конец периода; среднедушевые доходы – в среднем за соответствующий год, медианный уровень доходов оценён на основе распределения совокупного денежного дохода населения по 20% доходным группам (третий квинтиль).

** 2000 г. – год начала послекризисного (1998 г.) роста цен на рынке жилья, который опережал рост денежных доходов населения.

*** Для 2009 г. пока нет данных для расчёта медианного уровня денежных доходов населения.

Согласно международной классификации рынков жилья по критерию доступности [9], *жилье на рынке*:

- **доступно**, если значение коэффициента доступности жилья до 3 лет;
- **не очень доступно**, если значение коэффициента от 3 до 4 лет;
- **приобретение жилья серьезно осложнено**, если значение от 4 до 5 лет;
- **существенно недоступно**, если значение более 5 лет¹.

Таким образом, благоприятным считается показатель доступности, не превышающий 3 лет. На практике это означает, что среднестатистическая семья может приобрести стандартную квартиру не более чем за 10 лет, выплачивая за нее не более трети совокупного семейного денежного дохода в год (это без учета процентов, которые нужно выплачивать, если взят кредит).

У нас значение показателя доступности квартиры в 54 кв. м более 5–6 лет, что означает, что **жилье на рынке для большинства граждан недоступно**. Если же рассмотреть случай квартиры в 2 раза больше («евростандарт»), то соответственно, этот показатель более 10–12 лет (!!!).

1 Кд – коэффициент доступности жилья, равный количеству лет, в течение которых всех доходов семьи из 3-х человек хватит на покупку стандартной квартиры (54 кв. м – по нормативам РФ и 90 кв. м – по нормативам ЕС).

Важно подчеркнуть, что в западной экономике при оценке доступности жилья используется не среднедушевой, а **медианный денежный доход населения**, который, при той сильной дифференциации денежных доходов, которая характерна для России, и особенно для Москвы, значительно ниже среднедушевого¹.

Доступность для населения квартиры российского и европейского стандарта (54 и 108 кв. м. общей площади, соответственно) на вторичном рынке жилья для России в среднем, а также Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга за 2000 и 2006-2008 гг., рассчитанная на основе **медианного уровня доходов населения**, также представлена в таблице 5.

Доступность в эти годы варьирует:

Для России в среднем:

квартира 54 кв. м. – от 5,85 до 7,59 лет;
квартира 108 кв. м – от 11,7 до 15,17 лет.

Для Москвы (по данным Росстата о ценах):

квартира 54 кв. м. – от 6,73 до 11,08 лет;
квартира 108 кв. м – от 13,47 до 20,42 лет.

Для Москвы (по данным риэлторов о ценах):

квартира 54 кв. м. – от 8,85 до 13,88 лет;
квартира 108 кв. м – от 17,71 до 27,74 лет.

Для Московской области:

квартира 54 кв. м. – от 7,15 до 7,54 лет;
квартира 108 кв. м – от 14,31 до 15,09 лет.

Для Санкт-Петербурга:

квартира 54 кв. м. – от 7,07 до 9,37 лет;
квартира 108 кв. м – от 14,14 до 18,73 лет.

Таким образом, по европейским стандартам у нас коэффициент доступности жилья в среднем по населению более чем в два раза превышает уровень «существенно недоступно».

Если говорить о доступности жилья для различных групп населения, то для примера в таблице 6 приведены коэффициенты доступности жилья (Кд) в г. Москве для различных доходных групп населения.

¹ Медианный уровень денежных доходов населения оценён нами по данным Росстата о распределении денежных доходов населения по 20% доходным группам как среднедушевой уровень дохода в третьей квинтильной группе.

Таблица 6

Доступность (сколько лет потребуется для приобретения) стандартной квартиры на вторичном рынке жилья г. Москвы для населения с различным уровнем денежных доходов (декабрь 2006 г.)

Доходные 10%-ные группы населения	Средний уровень денежных доходов на человека (руб.)	Средний уровень денежных доходов на семью (руб.)	Средний уровень денежных доходов на семью (ам. долл.)	Количество лет
1 дециль	2331,5	6994,5	89	80,0
2 дециль	5593,8	16781,5	212	33,3
3 дециль	8333,4	25000,2	316	22,4
4 дециль	10956,4	32869,2	416	17,0
5 дециль	14581,3	43743,9	554	12,8
6 дециль	19777,3	59331,9	751	9,4
7 дециль	28130,9	84392,7	1068	6,6
8 дециль	36901,7	110705,1	1402	5,3
9 дециль	57088,2	171264,6	2168	3,27
10 дециль	114128,4	342385,2	4335	1,63

Как видим, для более чем 70% населения города жилье практически не доступно, а для низко доходных групп достигает запредельных значений, превышающих среднюю продолжительность жизни!

А как с потребностями?

Таблица 7

Данные по средней обеспеченности жилой площадью для различных доходных групп населения в динамике за последние 10 лет

Децили	1996	2006	Прирост/убыль
1	17,7	17,8	0,1
2	24,1	19,0	-5,1
3	23,8	20,3	-3,5
4	18,7	23,1	4,4
5	18,2	21,0	2,8
6	19,6	20,2	0,6
7	18,9	16,5	-2,4
8	19,5	33,9	14,4
9	20,7	31,5	10,8
10	25,2	36,6	11,4
Средняя	20,6	24,0	3,4

Как видно из таблицы 7, и обеспеченность, и динамика роста этого показателя также существенно смещена в пользу «богатых», в то время как основная потребность в жилье сегодня в средне- и низкодоходных группах населения.

Особенно напряженная ситуация у семей с детьми (см. таблицу 8).

Таблица 8

Доля домохозяйств с низкой обеспеченностью жилой площадью (менее 12 кв. м на человека) в зависимости от количества детей в домохозяйстве в 2006 г., %

Домохозяйства:	
без детей	7
с 1 ребенком	22
с 2 детьми	24,5
с 3 и более детьми	100

Миф 10. Догнать и перегнать

Сопоставления с развитыми странами показывают кардинальные отличия характера обеспеченности различных слоев российского населения от населения США и Европы, в том числе резкий, все увеличивающийся крен распределения доходов в пользу 15–20% богатого населения.

Чтобы понять, насколько далеко мы отстали в построении социального государства, интересно сравнить уровень европейских стандартов и наших «достижений» в росте показателей неравенства, бедности и других важнейших характеристик уровня жизни.

Из приведенной ниже диаграммы (см. рис. 6) видно, что отставание по уровню МРОТ, пенсий, обеспеченности жильем составляет от 2 до 10 раз, в то время как превышение показателей неравенства, бедности, доступности жилья над среднеевропейскими составляет от более 2 до почти 9 раз!

Одновременно эти данные позволяют оценить характер и масштабы институциональных изменений, позволяющих приблизиться к стандартам развитых стран Запада. Так, например, в таблице 9 приведены данные по количеству лет, которые требуются нам для выхода на существующую обеспеченность жильем в развитых странах.

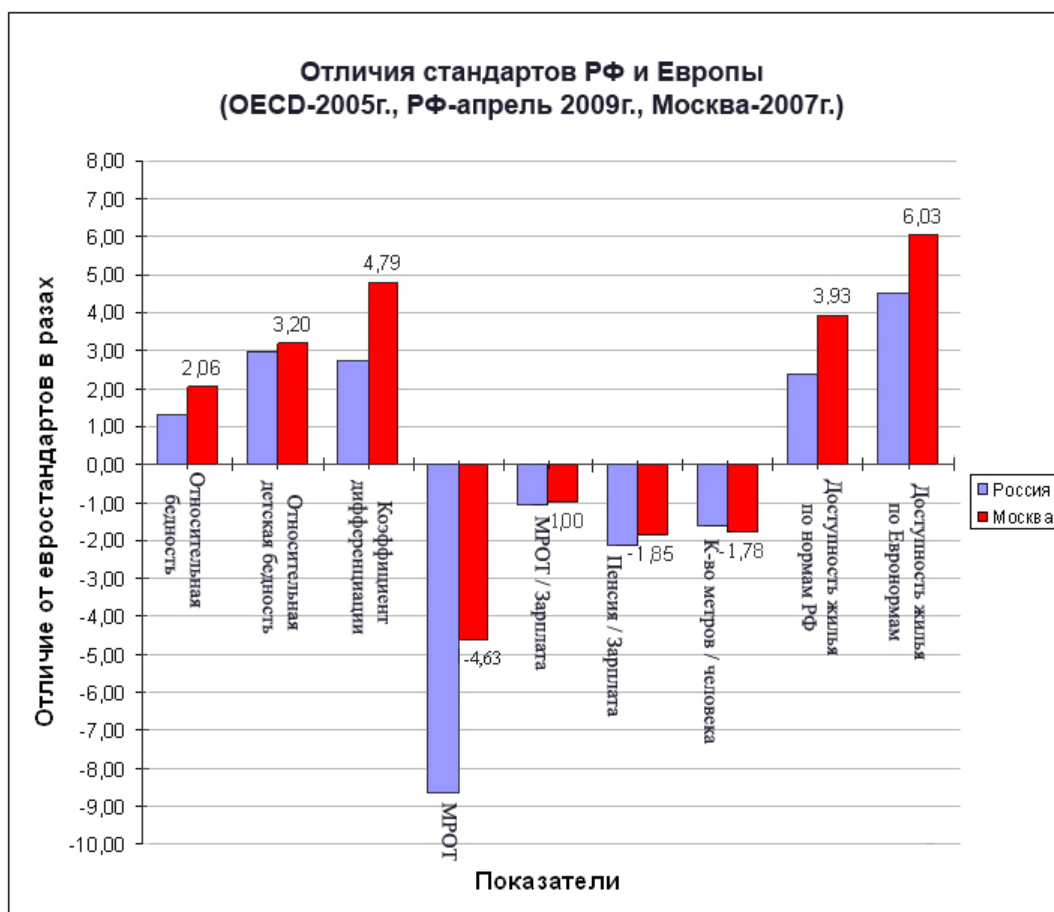

Рис. 6. Отличия стандартов РФ и Европы (OECD – 2005 г., РФ – апрель 2009 г., Москва – 2007 г.)

Таблица 9 [10]

Период сокращения отставания России по уровню жилищной обеспеченности от развитых стран мира

Страна	Период сокращения отставания (лет)	
	Пессимистический сценарий*	Оптимистический сценарий**
Норвегия	147	53
США	122	44
Дания	82	30
Швеция	65	24
Великобритания	64	23
Швейцария	64	23
Нидерланды	55	20
Германия	53	19
Австрия	48	17
Франция	46	17
Финляндия	42	15
Ирландия	39	14

*Пессимистический сценарий – ввод 0,5 кв. м жилья в год на душу;

**Оптимистический – 1 кв. м жилья в год на душу.

Отставание по уровню МРОТ, пенсий, обеспеченности жильём составляет от 2 до 10 раз, в то время как превышение показателей неравенства, бедности, доступности жилья над среднеевропейскими составляет от более 2 до почти 9 раз!

С другой стороны, интересно оценить относительную нехватку или избыток денежных среднечеловеческих доходов в РФ и Москве (в процентах к исходным значениям этих доходов) при приближении нашей структуры распределения доходов по децилям к среднеевропейской структуре.

Таблица 10

Необходимые изменения денежных душевых доходов

Децили	Необходимые изменения денежных душевых доходов в децилях в % по отношению к текущему денежному доходу на душу населения	
	Москва	В среднем по России
1	646	292,4
2	403	217,7
3	306	184,0
4	245	160,6
5	201	142,1
6	165	126,5
7	135	111,9
8	108	102,4
9	81	82,1
10	42	55,7

Таблица 10 иллюстрирует необходимые относительные изменения пропорции доходов отдельных групп населения для приведения кривой распределения доходов у нас к «мировым» стандартам, на которые так любят равняться наши реформаторы.

Оказалось, что для этого необходимо поднять доходы 75–80% населения или восьми низко и среднедоходных групп населения: по первой группе в среднем почти в 3 раза с постепенным убыванием этого коэффициента вплоть до 8-ой группы. И одновременно снизить, не выходя за нормативы ЕС, доходы 15–20% богатого населения в 9-ой и 10-ой группах. Особенно значительное повышение доходов потребует для нижней группы москвичей – почти в 7 раз.

Однако, как показывают прогнозные расчеты, сохранение существующих у нас распределительных механизмов и, прежде всего, налоговой системы, ведет к еще большему росту неравенства и дальнейшему увеличению пропасти между богатыми и бедными [11].

Необходимые относительные изменения пропорции доходов отдельных групп населения для приведения кривой распределения доходов у нас к «мировым» стандартам: необходимо поднять доходы 75–80% населения или восьми низко и среднедоходных групп населения (по первой группе в среднем почти в 3 раза с постепенным убыванием этого коэффициента вплоть до 8-ой группы) и одновременно снизить, не выходя за нормативы ЕС, доходы 15–20% богатого населения в 9-ой и 10-ой группах. Особенно значительное повышение доходов потребует для нижней группы – почти в 7 раз.

Миф 11. Справедливость как основная причина снижения неравенства

Каким же должно быть неравенство? Участники развернувшейся сегодня по этому вопросу дискуссии, так или иначе, оперируют понятием справедливости. Но оно тесно связано и с историческими традициями общества, и с тем, что конкретный человек или группа населения понимает под справедливостью. Однако для снижения неравенства имеются и другие, более веские и объективные причины.

Мы сначала рассмотрим, чем, на наш взгляд, определяется неравенство доходов, и изложим наш подход к объяснению его влияния на благосостояние и экономический рост, а затем дадим ответ на поставленный вопрос.

Неравенство доходов формируется в результате сложного взаимодействия между человеческими, экономическими, институциональными и политическими факторами. В оптимистическом взгляде на общество неравенство доходов объясняется дифференциацией человеческих качеств: когнитивных и креативных способностей, образования, квалификации, трудоспособности и склонности к интенсивному труду, предусмотрительности и склонности к сбережениям, инициативности и предприимчивости. Однако человеческое поведение и распределение доходов между членами общества всегда регулируются системой экономических, социальных и политических институтов и реализуются в рамках иерархических организационных структур. Совместное воздействие экономических, институциональных, организационных, а также случайных обстоятельств значительно ослабляет корреляцию между человеческими качествами и доходами, иногда сводя ее на нет. Кроме того, за счет экономических, институциональных и организационных барьеров неравенство доходов может превосходить и часто, в самом деле, значительно превосходит неравенство человеческих характеристик [12].

Институциональная организация общества определяет доступность образования, квалификации и разнообразных экономических возможностей, а также механизмы создания, фиксации, накопления и удерживания социально-экономических преимуществ. В рыночной экономике частная собственность является основным институтом, обеспечивающим накопление социально-экономических преимуществ. Однако, это не единственный такой институт:

Миф 11. Справедливость как основная причина снижения неравенства.

статусные позиции в корпоративных и в государственных организационных структурах тоже являются источниками социально-экономических преимуществ, конвертируемых в богатство¹.

Таким образом, институциональные, организационные, политические структуры в значительной степени видоизменяют рыночные эффекты и могут создавать более высокое и несправедливое неравенство, чем создаваемое рынком. При исходном неравенстве человеческих качеств развитие экономики и общества очень существенно зависит от того, посредством каких механизмов происходит отбор людей на преимущественные позиции. Накопление богатства, как и достижение высоких статусов в организационных структурах неоднозначно связаны с человеческими способностями. В системе, где «выигрывающий получает все», они относительно случайны. Но в реальной жизни они часто связаны с наличием влиятельных связей, использованием инсайдерской информации и с другими аспектами асимметрии информации и доступных возможностей. Экономическая, бюрократическая и политическая элиты образуют устойчивые группы постольку, поскольку создают механизмы, поддерживающие их преимущественные возможности, ограждающие их от конкуренции и ограничивающие возможности остальных членов общества.

Одинаково высокие масштабы неравенства доходов могут быть обусловлены диаметрально противоположными причинами: во-первых, интенсивной, но честной конкуренцией, которая сочетается с развитой социальной мобильностью, и, во-вторых, институционально обусловленными преимуществами положения одних социальных слоев по отношению к другим, когда социальная мобильность ограничивается институциональными барьерами и целенаправленными действиями групп, наделенных преимуществами. В первом случае неравенство стимулирует экономическую активность и накопление человеческого капитала, поскольку он является одним из основных источников конкурентных преимуществ. Во втором случае неравенство подавляет эту активность и направляет экономическое и социальное поведение в русло адаптации, которая может иметь регрессивные последствия по от-

¹ Коррупция является одним из способов такой конвертации, успешно и с большим размахом используемым сегодня в России.

ношению к развитию человеческого потенциала, а также приобретать деструктивные черты (такие как коррупция, теневое предпринимательство и преступность).

Когда говорят о воздействии неравенства на экономические, социальные и политические процессы, это воздействие производится не неравенством как таковым, а системой условий, в которых создается это неравенство, и поведением людей, которое формируется в таких условиях. Неравенство, несомненно, связано с функциональными свойствами экономики и общества, но один показатель неравенства доходов не отражает этих свойств. Общая оценка неравенства доходов (индекс Джини) ничего не говорит о социально-экономических различиях между странами. Аналогичная картина верна и для регионов России [13].

Дело в том, что показатель неравенства может быть одним и тем же в двух диаметрально разных ситуациях: 1) когда много богатых и мало бедных и 2) когда много бедных и мало богатых. А само влияние неравенства на экономическую и демографическую динамику также носит двоякий характер. С одной стороны, возможность достижения высоких доходов и потребительских стандартов стимулирует людей на более качественный, квалифицированный и интенсивный труд, что положительно влияет на экономический рост. С другой стороны, часть населения, живущая за чертой относительной бедности, испытывает нейро-психологическую напряженность, связанную с низкой оценкой социальных перспектив, безвыходностью социально-экономического положения, отсутствием путей для желаемой реализации своего человеческого потенциала. Эффект негативного социального напряжения подобен эффекту тяжелой депрессии, при которой ценность жизни утрачивается.

Для разделения положительных и отрицательных эффектов неравенства и выявления статистических зависимостей нами был разработан новый теоретический подход, основанный на разложении общих показателей неравенства на структурные компоненты, исходя из того, что различным видам экономического, социального и демографического поведения населения соответствуют определенные функциональные границы или пороговые уровни доходов, переход через которые необходим для того, чтобы соответствующие виды поведения были полноценно

Одинаково высокие масштабы неравенства доходов могут быть обусловлены диаметрально противоположными причинами: во-первых, интенсивной, но честной конкуренцией, которая сочетается с развитой социальной мобильностью, и, во-вторых, институционально обусловленными преимуществами положения одних социальных слоёв по отношению к другим, когда социальная мобильность ограничивается институциональными барьерами и целенаправленными действиями групп, наделённых преимуществами.

осуществимыми¹. Определение такой функциональной границы для того или иного вида активности позволяет не просто фиксировать размеры существующего неравенства, а подразделить его на нормальное и избыточное неравенство с точки зрения осуществимости человеческих возможностей. Неравенство доходов выше функциональной границы мы интерпретируем как нормальное, а неравенство доходов ниже нее – как избыточное.

Именно после такого подразделения (на основе статистической оценки соответствующих функциональных границ и их изменчивости при изменяющихся условиях) объяснение воздействия неравенства на макроэкономические и демографические показатели приобретает окончательную ясность, которую искали, но не могли найти до этого многочисленные исследователи.

На основе этой новой методологии были проведены обширные исследования взаимосвязей структурно-функциональных характеристик экономического неравенства с показателями социально-экономического и демографического развития как России в целом, так и отдельных регионов. Анализ таких связей показал, что нормальное неравенство всегда обнаруживает себя как позитивный фактор, а избыточное неравенство – как негативный, и динамика социально-экономических и демографических процессов хорошо объясняется динамикой соотношений между этими факторами².

Исследование структуры неравенства по источникам доходов вскрывает удивительные, не известные ранее факты и прежде всего показывает, что эффекты структурных изменений неравенства вполне сопоставимы с эффектами таких макроэкономических факторов, как инвестиции, рентабельность, доля экспортной продукции в объеме промышленного производства, и что существует статистически значимая причинная зависимость темпа экономического роста от структурных пропорций экономического неравенства. Основной итог наших исследований заключается

1 Наш подход развивает теорию человеческих возможностей Амартии Сена, в которой осуществимость тех или иных функциональных возможностей человека связывается не просто с уровнем его дохода, но с его положением в распределении доходов в обществе. Наша инновация состоит в том, что с помощью введения понятия функциональной границы и соответствующего разложения неравенства доходов на нормальную и избыточную составляющие мы придаем идеям Сена операциональное содержание, включая возможность статистического измерения и использования соответствующих показателей при разработке прогнозов.

2 Тот же самый вывод следует из анализа по странам мира, где показатели нормального и избыточного неравенства позволяют с высокой точностью отразить влияние неравенства на уровень продуктивности экономики и экономический рост.

в следующем. Чем выше нормальное неравенство, тем выше продуктивность региональной экономики, и тем ниже избыточное неравенство. И, чем выше доля нормального неравенства в общем неравенстве, тем выше темп роста экономики региона. Такие статистические зависимости очень устойчивы и выражают принципиально важную социально-экономическую закономерность.

Таким образом, роль нормального и избыточного неравенства в объяснении связей между социальными факторами и экономическими процессами заключается в следующем. Неравенство может играть двоякую роль в экономике. В нормальных условиях оно создает стимулы для продуктивной конкуренции и полного использования потенциальных возможностей социально-экономического развития. В этих условиях масштабы общего неравенства близки к масштабам нормального неравенства. Но в условиях, когда избыточные преимущества одних слоев населения обеспечиваются за счет ограничения возможностей других, более многочисленных слоев, неравенство препятствует социально-экономическому развитию. В этих условиях общее неравенство значительно превышает нормальное, то есть имеется высокое избыточное неравенство, которое отражает неспособность общества в равной степени использовать экономические потенциалы всех трудоспособных групп населения и обеспечивать приемлемый уровень жизни группам населения, нуждающимся в социальной поддержке.

Количественная оценка эффектов взаимодействия социальных и экономических факторов позволяет сделать ряд важных выводов.

Регрессионные уравнения на рис. 7 показывают, что снижение избыточного неравенства на 0,01 (на 1 пункт индекса Джини) повышает темп экономического роста на 1,87 процентного пункта, а темп роста объема инвестиций повышает в среднем на 3,6–3,8 процентного пункта¹ (при большем разбросе ожидаемого результата).

Исследование зависимостей темпов экономического роста и роста инвестиций от избыточного неравенства показало, что снижение избыточного неравенства по экономическим возможностям повышает темпы экономического роста и роста объемов инвестиций. При снижении избыточ-

¹ Но понизить избыточное неравенство можно только либо за счёт перераспределения доходов между группами населения, либо за счёт повышения государственных расходов, для которого необходимо повышение налогов.

ного неравенства на 1% темп экономического роста повышается примерно на 5% (0,33 процентного пункта), а темп роста инвестиций повышается на 6,2% (0,67 процентного пункта). Во всех вариантах ретроспективных расчетов при эффективной, с точки зрения роста ВВП, политике регулирования распределения доходов, снижающей неравенство до уровня 7–10 в коэффициентах фондов ВВП в период 2000-2006 гг. мог бы быть выше фактического на 30–50%.

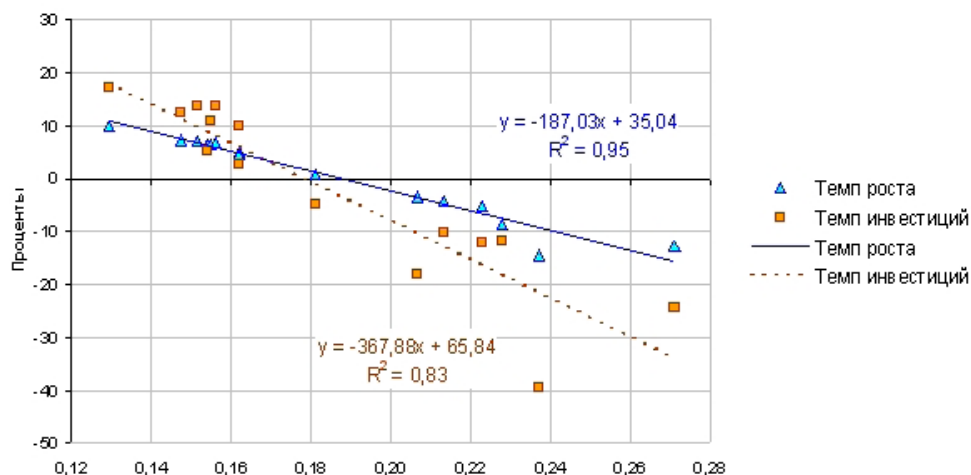

Рис. 7. Зависимость темпов экономического роста и роста инвестиций от избыточного неравенства по экономическим возможностям в 1992-2006 гг.

Что касается взаимосвязи структурно-функциональных компонент неравенства с демографическими показателями, то наши выводы об отрицательном влиянии неравенства на качества человеческого капитала подтверждаются и результатами исследований других ученых. Так, на рис. 8 и рис. 9 приведены зависимости благополучия детей и смертности в трудоспособном возрасте от уровня неравенства в развитых странах, рассмотренные в одном из докладов на конференции Института нового экономического мышления (INET), созданного Соросом в Нью-Йорке в конце прошлого года [14].

В докладе рассматриваются и другие многокомпонентные индексы социальных проблем и проблем здоровья, и показано, что эти индексы сильно статистически связаны с неравенством (в том числе, и в богатых странах ОЭСР): чем выше неравенство, тем больше проблем.

Наши исследования на основе эконометрического анализа позволили дать более четкую статистическую оценку интуитивным представлениям о роли и механизмах воздействия социально-экономического неравенства и бедности на

показатели рождаемости и смертности. Детальный анализ зависимостей коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста населения от различных показателей неравенства, уровня жизни и бедности показывает, что абсолютные значения этих показателей не проявляют статистически значимых корреляций с показателями рождаемости и смертности, в то время как относительные объясняют 85–90% их изменений.

Рис. 8

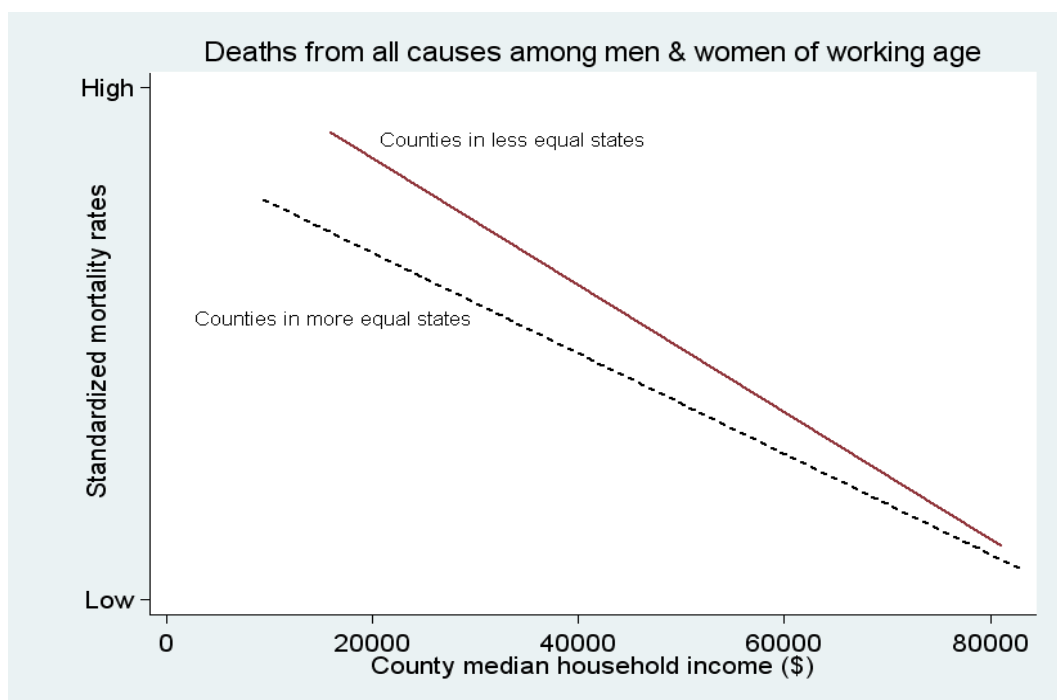

Рис. 9

То обстоятельство, что в объяснении динамики рождаемости и смертности основную роль играет именно относительная бедность, показывает рис. 10. Как показывают нелинейные регрессии, динамика коэффициентов рождаемости и смертности с высокой степенью статистической значимости объясняется соответствующими индексами избыточного неравенства.

Таким образом, можно определенно сказать, что ситуация с рождаемостью в России обусловлена относительной бедностью по социально-экономическим возможностям репродуктивного поведения. А ситуация с избыточной смертностью обусловлена относительной бедностью по возможностям социально-экономической адаптации населения.

Регрессии на рис. 10 позволяют оценить эластичности коэффициентов рождаемости и смертности по избыточному неравенству. В среднем снижение избыточного неравенства на 1 пункт индекса Джини, т. е. на величину 0,01 повысит коэффициент рождаемости на 0,2 и понизит коэффициент смертности на 0,3. Иными словами, снижение избыточного неравенства на величину 0,1 повышает коэффициент рождаемости примерно на 2 пункта и понижает коэффициент смертности примерно на 3 пункта.

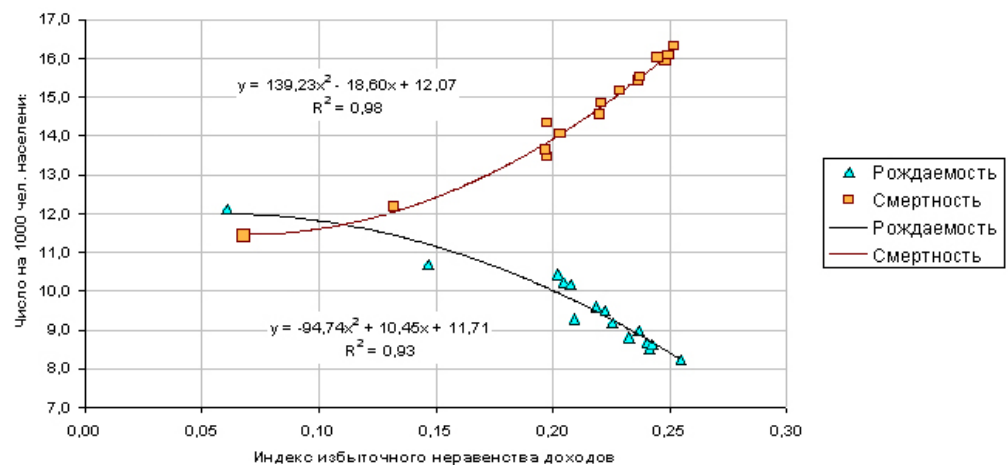

Рис. 10. Зависимость рождаемости и смертности в России в 1991-2005 гг. от избыточного неравенства доходов по соответствующей функциональной границе

Ретроспективный анализ показал, что при оптимальном перераспределении доходов, снижающем величину коэффициента дифференциации до 7–9, и при годовом росте реальных доходов на 10% рождаемость в 2007 г. повысилась бы на 2,8 промилле – до 13,2 промилле в год, – а не до 11 промилле, как это фактически происходит. А смертность при этом понизилась бы на 6 промилле – до 9,9 промилле

в год, то есть уже в этом году, в принципе, можно было бы выйти на положительный естественный прирост населения в размере 3,3 промилле.

Таким образом, можно сказать, что параметры распределительных механизмов, когда неравенство находится в пределах значений 7–9 для коэффициента фондов, являются оптимальными, как в экономическом, так и в общестратегическом (в том числе, геополитическом) плане. Именно при таких параметрах распределения большая часть населения сможет реализовывать свои чаяния в экономическом и репродуктивном поведении, сохранении своего здоровья, наращивании человеческого потенциала и т. п., и в этом смысле данные параметры являются и общественно справедливыми.

Так, из совместного анализа значений функциональных границ по экономическому росту и демографической динамике и соотношений доходов по децильным группам населения с этими функциональными границами следует, что значения таких границ в 2–2,5 раза превосходят прожиточный минимум и составляют 60–70% среднедушевого дохода. В то же время доходы более 60% населения лежат ниже этих границ, что не позволяет этой большей части населения эффективно реализовывать себя в экономике и накладывает ограничения на их здоровье и репродуктивное поведение.

Выявленные статистические зависимости позволяют говорить об исключительной значимости фактора неравенства в российских условиях: при оптимальном перераспределении доходов, снижающем величину коэффициента дифференциации до 7–10, рост ВВП в период 2000-2007 годов мог бы быть выше фактического на 30–50%, а при годовом росте реальных доходов на 10%, в принципе, можно было бы выйти на положительный естественный прирост населения¹. Эти цифры могут показаться фантастическими,

1 При снижении избыточного неравенства на 1% темп экономического роста, как показывает анализ, повышается примерно на 5%, а темп роста инвестиций повышается на 6,2%. Во всех вариантах ретроспективных расчётов эффективной с точки зрения роста ВВП политики распределения доходов этот рост в период 2000-2006 годов мог бы быть выше фактического на 30–50%. При оптимальном перераспределении доходов, снижающим величину коэффициента дифференциации до 8, и при годовом росте реальных доходов на 10% рождаемость в 2007 г. повысилась бы на 2,8 промилле до 13,2 промилле в год, – а не до 11 промилле, как это фактически происходит. А смертность при этом понизилась бы на 6 промилле – до 9,9 промилле в год, то есть уже в этом году, в принципе, можно было бы выйти на положительный естественный прирост населения в размере 3,3 промилле.

но к ним надо относиться не как к конкретному прогнозу, а как к оценке степени влияния указанных факторов неравенства на экономический и демографический рост.

Однако такое распределение требует радикальной смены парадигмы социально-экономической политики, ее последовательной ориентации на нужды большинства населения. *Это ключевой момент, носящий системный характер в решении задач ускорения экономического роста и изменения направления вектора демографической динамики.*

Пути преодоления неравенства и бедности

Как мы уже говорили, отдельные, адресные мероприятия по увеличению пенсий, МРОТ, зарплаты работников бюджетной сферы, несмотря на их необходимость и важность, показывают их низкую эффективность в деле снижения бедности и неравенства и, в принципе, не могут привести к существенным изменениям в решении проблемы снижения уровня неравенства и бедности, так как не устраняют причин, порождающих это неравенство. Простое увеличение бюджетных расходов не может привести к существенным изменениям в решении проблемы снижения уровня неравенства и бедности, тем более что кризис ограничивает возможности дальнейшего роста расходов государства на социальные нужды, не говоря уже о том, что для радикальных изменений необходимы огромные дополнительные ресурсы, а это инфляционные риски¹.

На сегодняшний день основная проблема неравенства и бедности населения лежит не в плоскости недостатка ресурсов, а в механизмах их распределения и перераспределения. Этот вывод представляется очень важным в современных условиях, когда кризис ограничивает возможности дальнейшего роста бюджетных расходов государства на социальные нужды.

Все это требует радикальной перестройки распределительных отношений.

Перераспределение доходов — это их ключевой момент, и системный и принципиально важный способ создания оптимальных условий для ускорения экономического роста и изменения направления вектора демографической

¹ Так, только последние мероприятия по повышению пенсий, по словам В. В. Путина, обошлись государству в 10% ВВП, а проблема с детской бедностью значительно более ресурсоёмка, не говоря уже о жилищной проблеме!

динамики. Без увеличения налоговой нагрузки на сверхдоходы и увеличения доходов малоимущих, мы проблему нарастающей относительной бедности и увеличивающегося разрыва «бедные – богатые» не решим.

Понятно, что подобный сценарий нельзя претворить в жизнь не только без реформы механизма налогообложения, но и других каналов перераспределения доходов. Без этого воспроизводство чрезмерного неравенства и относительной бедности не прекратится.

Основной путь корректировки распределительных механизмов – это механизмы перераспределения доходов в системе «налогообложение – социальные льготы». В странах с рыночной экономикой уже в течение длительного времени осуществляется государственное регулирование, направленное на выравнивание материального положения различных доходных групп населения, где прогрессивная шкала налогов признается наиболее важной частью механизма перераспределения доходов.

Из более чем 200 стран в мире 15 стран не имеют НДФЛ, 30 – имеют плоскую шкалу, более 150 – прогрессивную, и только одна РФ – регрессионную! Для примера в таблице 11 приведены ставки подоходного налога в некоторых развитых странах.

Таблица 11
Подоходный налог в некоторых странах [15].

Страны	Размер подоходного налога, %
США	15–35 (в связи с кризисом увеличен до 39)
Великобритания	0–40 (в связи с кризисом увеличен до 50)
Франция	5,5–40
Германия	0–42
Китай	5–45
Япония	5–50
Австрия	21–50
Нидерланды	0–52
Швеция	0–57
Дания	38–59 (в связи с кризисом увеличен до 65)

Эффективность государственного регулирования можно увидеть на примере США – такое выравнивание распределения доходов в США при переходе в результате перераспределения от первоначальных рыночных к располагаемым доходам приводит к снижению децильного коэффициента в 4,5 раза (с 67,6 до 14,7) и повышению доходов нижней бедной группы почти в 5 раз!

У нас же налогообложение неравенство увеличивает¹! Таким образом, необходима радикальная смена парадигмы социально-экономической политики и ее переориентации на нужды большинства населения, которая невозможна без радикальной перестройки распределительных отношений.

Прогрессивное налогообложение доходов населения – естественный атрибут цивилизованных распределительных отношений. Без него во всех странах Европы масштабы неравенства и бедности были бы сравнимы или превосходили бы наши. Это сформировавшийся оптимальный механизм, поддерживающий социальный мир и политическую стабильность в Европе. Прогрессивное налогообложение именно душевых денежных доходов (за вычетом всех социальных трансфертов) населения определяет одну из форм льготного налогообложения семей с детьми – это существенный элемент семейной политики.

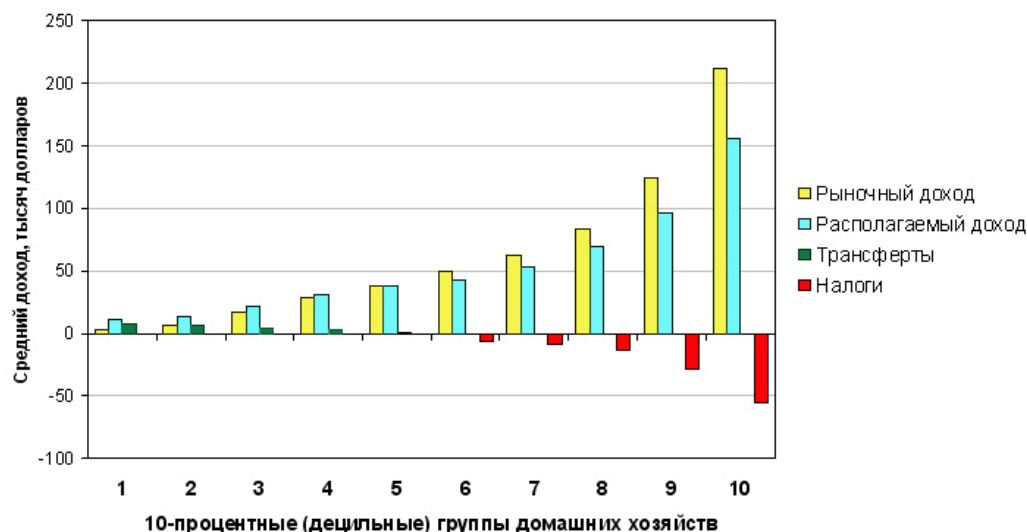

Рис. 11. Распределение доходов по децильным группам домашних хозяйств в США в 2005 г.

Рыночный доход — денежный доход за счет всех источников, включая прирост стоимости капитальных активов, за вычетом доходов за счет социальных трансфертов до выплаты налогов и обязательных платежей. Децильный коэффициент дифференциации = 67,6.

Располагаемый доход — рыночный доход минус налоги и обязательные платежи, плюс все виды социальных трансфертов.

Децильный коэффициент дифференциации = 14,6.

Наши расчеты показывают принципиальную возможность такого перераспределения, основанного на перестройке распределительных механизмов (в пределах существующих в Европе и США нормативов), когда одновременно с увеличением доходов малоимущих происходит сокращение разрыва в темпах роста доходов богатых и бедных [11].

¹ Так, например, в г. Москве первоначальное неравенство доходов (без социальных трансфертов) после уплаты налогов увеличивается с 132 до 175 в децильных коэффициентах.

Расчеты на модельном стенде показывают, что следующий комплекс мероприятий:

- увеличение минимального размера всех видов пенсий до прожиточного минимума (ПМ), а минимального размера пенсий неработающих пенсионеров до двух ПМ;
- увеличение начисленной заработной платы работников бюджетного сектора экономики в полтора раза;
- введение гарантированного душевого денежного дохода для полных и неполных нуклеарных семей с детьми на уровне 50% медианного душевого денежного дохода (в апреле 2009 г. – 6600 руб.), а для остальных семей с детьми увеличение ежемесячного пособия на ребенка до 2000 руб.;
- увеличение минимального размера оплаты труда (МРОТ) до ПМ, – может быть реализован без дополнительных бюджетных затрат за счет приведенной в таблице 12 прогрессивной шкалы налогообложения.

Таблица 12

Прогрессивная шкала налогообложения душевых денежных доходов населения

Шкала и границы для налога с душевых денежных доходов без социальных трансфертов				
Диапазоны душевых денежных доходов (руб./мес.)		Вычеты из душевых денежных доходов по диап- зонам в %	Результирующая ставка налога	
от	до		от	до
0 (0)	6600 (13200)	0,0%	0,0%	0,0%
6600 (13200)*	15000 (30000)	16,0%	16,0%	16,0%
15000 (30000)	30000 (60000)	30,0%	16,0%	23,0%
30000 (60000)	50000 (100000)	43,0%	23,0%	31,0%
50000 (100000)	75000 (150000)	50,0%	31,0%	37,3%
Свыше 75000 (150000)		55,0%	37,3%	55,0%

* В скобках даны значения налогооблагаемых доходов физических лиц, при которых диапазоны душевых доходов предлагаемой шкалы будут равносильны диапазонам денежных доходов работника (приближённо предполагалось, что в каждом домохозяйстве половина работников).

По первому впечатлению по порядку величин вычетов эта шкала близка к стандартным европейским, однако при ближайшем рассмотрении она оказывается существенно более мягкой. Во-первых, она относится к душевым денежным доходам. Поэтому, если, например, в домохо-

зайстве из трех человек только один работник и он имеет месячный денежный доход 75 000 руб. (душевой денежный доход – $75\,000/3=25\,000$ руб.) его результирующая налоговая ставка попадает в диапазон (от 15 000 руб. до 30 000 руб.). Во-вторых, колонка величин вычетов относится только к соответствующим диапазонам, так что каждый денежный доход раскладывается на диапазоны и из каждого диапазона берется соответствующий шкале вычет. Поэтому результирующая ставка налога с денежного дохода в 75 000 руб. не 50%, а 37,3%. В-третьих, с душевых денежных доходов до границы относительной бедности (6 600 руб. в месяц) подоходный налог не взимается. Это, например, означает, что если в домохозяйстве из трех человек единственный работник имеет денежный доход (заработную плату) до 19 800 руб., то он не платит подоходный налог. И, в-четвертых, прогрессивный налог должен взиматься по мере проведения всех упомянутых выше мероприятий по увеличению доходов населения. В результате потери денежных доходов коснутся только 9-го и 10-го дециля, т. е. богатых и сверхбогатых групп населения (см. таблицу 13).

Таблица 13

Изменения душевых денежных доходов в децилях в связи с мероприятиями по увеличению денежных доходов населения и переходом к прогрессивному налогообложению душевых денежных доходов

Децили	Рост или снижение душевого денежного дохода на:
1	90,7%
2	44,2%
3	29,9%
4	25,2%
5	17,7%
6	12,3%
7	6,9%
8	1,4%
9	-5,4%
10	-22,3%

Результатом предлагаемой реформы распределительных отношений является снижение масштабов неравенства и бедности, практически, до европейских стандартов (см. таблицу 14). Особенно отметим возможность снижения масштабов детской бедности до европейского уровня и то, что по мере увеличения количества детей в семье бедность семей не увеличивается, что может послужить мощным

положительным фактором при проведении активной демографической политики. Такое положение соответствует ситуации в северных европейских странах.

Таблица 14

Индексы неравенства и бедности в России (апрель 2009 г.) после всех мероприятий по реформированию распределительных отношений

Наименования индексов	Исходные
Коэффициент фондов по располагаемому денежному доходу	8,45
Коэффициент фондов по душевому денежному доходу (до налогообложения)	11,66
Коэффициент Джини	0,302
Уровень абсолютной бедности	4,89%
Доля детей за чертой абсолютной бедности (от численности детей)	4,67%
Относительная бедность (д.д.д * < 50% медианного д.д.д.)	10,40%
Доля детей за чертой относительной бедности (от численности детей)	9,36%
Медиана д.д.д.	13 150,4 руб.
50% от медианы д.д.д.	6 575,2 руб.
Располагаемый средний душевой денежный доход	15 473,0 руб.
Средний душевой денежный доход	19 246,4 руб.

*д.д.д. – Душевой денежный доход.

Эффект всех предлагаемых выше мероприятий по росту доходов населения составляет 4 115,5 млрд руб. в год (по состоянию на апрель 2009 г.). Расчетная годовая сумма налогов при предлагаемой прогрессивной шкале налогообложения душевых денежных доходов населения и при дееспособной фискальной системе должна составить 6 384 млрд руб., что превышает расчетную годовую сумму налогов в 2009 г., которая с учетом отсутствия налогов с теневой заработной платы составляет 2 268,6 млрд руб. (реально собрано 1 665 млрд руб., т. к. практически не собираются налоги с доходов от собственности), как раз на искомую величину в 4 115,4 млрд руб. При этом денежная масса и связанная с ней инфляция не растут, т. к. среднедушевой располагаемый (после налогообложения) денежный доход населения не увеличивается.

Все это позволит резко улучшить положение 80% населения, снизить неравенство и бедность до приемлемых уровней, а уменьшить темпы роста доходов не более чем

у 10% населения. Переход на «оптимальный» характер перераспределения доходов может затронуть не более 8–9% общего объема доходов и значительно (до 7–10 в значении децильного коэффициента дифференциации) снижает неравенство, абсолютную и относительную бедность.

Интересно сравнить изменения душевых денежных доходов в децилях в связи с переходом к прогрессивному налогообложению денежных доходов, принятому в других странах. В качестве примера мы выбрали Швецию и Китай, сделав пересчет их валют в рубли.

Таблица 15

Шведская шкала налогообложения денежных доходов населения

Шкала и границы для налога с душевых денежных доходов без социальных трансфертов				
Диапазоны месячных денежных доходов (руб./мес.)		Вычеты из душевых денежных доходов по диапазонам в %	Результирующая ставка налога	
от	до		от	до
00,00	131 417,00	31,5%	31,5%	31,5%
131 417,00	186 355,00	51,5%	31,5%	37,4%
Свыше 186 355,00	30000 (60000)	56,5%	37,4%	56,5%

Таблица 16

Изменения душевых денежных доходов в децилях в связи с переходом к прогрессивному налогообложению денежных доходов (шведская шкала)

Децили	Рост или снижение душевого денежного дохода на:
1	55,0%
2	5,0%
3	-8,9%
4	-12,1%
5	-23,9%
6	-32,9%
7	-39,1%
8	-43,4%
9	-47,2%
10	-59,0%

Расчетная годовая сумма налогов при шведской прогрессивной шкале налогообложения денежных доходов населения и при дееспособной фискальной системе могла бы составить **8 735** млрд руб., что более чем на треть превышает расчетную годовую сумму налогов в 2009 г. при предлагаемой нами прогрессивной шкале налогообложения душевых денежных доходов населения составляет **6 384** млрд руб.

Таблица 17

Китайская шкала налогообложения денежных доходов населения

Шкала и границы для налога с душевых денежных доходов без социальных трансфертов				
Диапазоны душевых денежных доходов (руб./мес.)		Вычеты из душевых денежных доходов по зонам в %	Результирующая ставка налога	
от	до		от	до
0,00	2 250,00	5,0%	5,0%	5,0%
2 250,00	22 500,00	13,0%	5,0%	12,2%
22 500,00	270 000,00	30,0%	12,2%	28,5%
270 000,00	360 000,00	35,0%	28,5%	30,1%
360 000,00	450 000,00	40,0%	30,1%	32,1%
Свыше 450 000,00		45,0%	32,1%	45,0%

Таблица 18

Изменения душевых денежных доходов в децилях в связи с переходом к прогрессивному налогообложению денежных доходов (китайская шкала)

Децили	Рост или снижение душевого денежного дохода на:
1	79,3%
2	31,8%
3	19,3%
4	15,5%
5	6,3%
6	-3,1%
7	-11,9%
8	-20,5%
9	-28,7%
10	-43,1%

Расчетная годовая сумма налогов при китайской прогрессивной шкале налогообложения денежных доходов населения и при дееспособной фискальной системе могла бы составить **5 525** млрд руб., что уступает годовой сумме налогов в 2009 г. (**6 384** млрд руб.) при предлагаемой нами прогрессивной шкале налогообложения **душевых** денежных доходов населения.

Таблица 19

Индексы неравенства и бедности в России (апрель 2009 г.) после всех мероприятий по реформированию распределительных отношений

Наименования индексов	Россия	Швеция	Китай
Коэффициент фондов по располагаемому денежному доходу	8,45	10,18	7,47

Продолжение таблицы 19

Наименования индексов	Россия	Швеция	Китай
Коэффициент фондов по душевому денежному доходу (до налогообложения)	11,66	7,64	9,57
Коэффициент Джини	0,302	0,287	0,269
Уровень абсолютной бедности	4,89%	19,08%	7,38%
Доля детей за чертой абсолютной бедности (от численности детей)	4,67%	17,58%	6,87%
Относительная бедность (д.д.д < 50% медианного д.д.д.)	10,40%	11,37%	9,13%
Доля детей за чертой относительной бедности (от численности детей)	9,36%	9,71%	8,41%
Медиана д.д.д.	13150,4	7435,9	11101,1
50% от медианы д.д.д.	6575,2	3718,0	5550,6
Располагаемый средний душевой денежный доход	15 473,0р.	9 272,1р.	1268 8,2р.
Средний душевой денежный доход	19446,4р.	14400,3р .	15932,4р.

Таким образом, мы видим, что китайская шкала близка к предлагаемой нами шкале, а шведская шкала существенно более жесткая, о чем свидетельствует оцутимое падение относительно предлагаемой нами шкалы как среднедушевого денежного дохода, так и среднедушевого располагаемого денежного дохода. Мы видим также, что предлагаемая нами шкала дает положительный эффект по приросту доходов для большей части (80%) населения в отличие от китайского (50%) и тем более шведского вариантов (20%) и более эффективна по снижению масштабов бедности¹, она не только компенсирует отменяемые налоги на физических лиц, но и обеспечивает все потребности эффективной социальной политики. При этом средние душевые денежные доходы снижаются только в 10-м – на 22,3% и в 9-м дециле – на 5,4%. Доходы среднего класса (предположительно, 6-й, 7-й и 8-й децили) только возрастают. Прогрессивное налогообложение потребует построения дееспособной фискальной системы. Опыт построения

¹ Вообще говоря, разработанный нами инструментарий (модельный стенд) позволяет проводить любые сценарные расчёты и оценивать влияние тех или иных мероприятий в области социальной политики на доходы населения, показатели неравенства, бедности и т. д.

такой эффективной системы можно позаимствовать в любой европейской стране, особенно в странах северной Европы. Была бы политическая воля.

Итак, на сегодняшний день можно с уверенностью говорить, что основная проблема неравенства и бедности населения лежит не в плоскости недостатка ресурсов, а в механизмах их распределения и перераспределения. Этот вывод представляется очень важным в современных условиях, когда кризис ограничивает возможности дальнейшего роста бюджетных расходов государства на социальные нужды.

Важно понять, что при таком подходе достигается радикальное снижение показателей неравенства и бедности без дополнительных значительных ресурсов, общая денежная масса доходов остается неизменной, так как мы меняем только пропорции ее распределения по различным доходным группам и инфляционной опасности в таком подходе нет¹. Более того, произойдет стимулирование спроса на отечественную продукцию, на которую ориентированы средне- и низкодходные группы населения.

Понятно, что в условиях слабости государственной машины управления, ее коррумпированности и сверхмерной бюрократизации кардинальные перемены в этой социально и политически сверхчувствительной сфере осуществить крайне сложно. Но российский правящий класс сам должен осознать, как это сделал в свое время политический класс ведущих стран Запада, что в его же интересах привести социально-экономическое неравенство к разумным пропорциям, обеспечивающим консолидацию общества, доверие к государственной власти и благоприятные условия для экономического и демографического роста.

Власти и обществу пора, наконец, осознать, что перенос центра тяжести социально-экономической политики на оптимизацию распределительных отношений приобрел ключевое значение для оздоровления и процветания нашей Родины.

¹ Такой подход к корректировке распределительных механизмов не имеет ничего общего с соображением «все отобрать и разделить», которые очень часто используется в возражениях апологетов сложившейся ситуации. Нормативное повышение МРОТ и пенсий, против которого они в принципе не возражают, имеет больше оснований быть отнесёнными к такому пути реформирования политики доходов.

Библиографический список

1. Atkeson, A; Lucas, R. E. Jr. On efficient distribution with private information // *Review of Economic Studies*. 1992. 59. № 3, pp. 427–453.
2. Phelan, C. On the long run implications of repeated moral hazard // *Journal of Economic Theory*. 1998. 79. № 2, pp. 174–191.
3. Farhi, E.; Werning, I. Inequality, social discounting and estate taxation // NBER working paper, No 11408. 2005. URL: <http://www.nber.org/papers/w11408>.
4. World Bank. *Equity and Development: World Development Report 2006*. N.Y.: The World Bank and Oxford University Press, 2006.
5. Cornia, G. A. (ed.). *Inequality, Growth, and Poverty in an Era of Liberalization and Globalization*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
6. Persson, T.; Tabellini, G. Is inequality harmful for growth? Theory and evidence // *American Economic Review*. 1994. № 84, pp. 600–621.
7. Li, H.; Zou, H. Income inequality is not harmful for growth: theory and evidence // *Review of development Economics*. 1998. № 2, pp. 318–334.
8. Социальные проблемы современной России: Московская специфика. Коллектив. моногр. / [Г. Волкова и др.]; под ред. А. Ю. Шевякова. М.: ИСЭПН РАН, 2010.
9. Портал «Demographia». URL: <http://www.demographia.com>.
10. Планета городов. URL: <http://www.urban-planet.org>.
11. Шевяков А. Ю., Жаромский В. С., Сопцов В. В. Стратегические направления политики доходов населения города Москвы // *Экономика мегаполисов и регионов*. 2008. Октябрь. № 5 (23). С. 15.
12. Туроу Л. *Будущее капитализма: как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир*. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 288–291.
13. Шевяков А., Кирута А. *Измерение экономического неравенства*. М.: Лето, 2002.
14. Wilkinson & Pickett, *The Spirit Level*. 2009. URL: <http://www.equalitytrust.org.uk>.
15. The Complete Worldwide Tax And Finance Site. URL: <http://www.worldwide-tax.com>.

Т е м а н о м е р а : Социальная политика российского государства

**Возможна ли сегодня модернизация
социальной политики в России?**

Чирикова Алла Евгеньевна —
доктор социологических наук,
главный научный сотрудник
Института социологии РАН

e-mail: chirikova_a@mail.ru

Возможна ли сегодня модернизация социальной политики в России?

Аннотация

В центре анализа готовность элит к преобразованиям в социальной сфере и их собственные представления о том, какие изменения в социальной сфере, на их взгляд, стоит делать в ближайшей перспективе.

Abstract

The analysis centers on the readiness of the elites for the transformation of the social sphere. The respondents assess the relevance of various social reforms in the short term perspective.

Ключевые слова: социальная политика регионов, модернизационный потенциал элит, адаптивное поведение, взаимоотношения Центра и регионов, готовность региональных элит к новациям в социальной сфере

Keywords: regional social policy, modernization potential of the elites, adaptive behavior, relations of the Center and the regions, readiness of the regional elites for innovation in the social sphere

Введение: социологи в дискуссии с экономистами

Статью директора Института социально-экономических проблем народонаселения, доктора экономических наук, профессора А.Ю. Шевякова я прочла с большим интересом. Не только потому, что это взгляд профессионала на наиболее общественные проблемы, но и, в первую очередь, потому, что статья с экономической точки зрения содержит хорошую доказательную базу, полна глубоких расчетов и международных сравнений, которые, однако, чаще всего оказываются не в пользу России. Но это суровая реальность, с которой нельзя не считаться.

Поднятая автором в статье проблема избыточного неравенства давно назрела. Сколько бы мы ни говорили об экономическом росте, нельзя не признать, – рост есть, а развития нет. Автор убежден: справиться с накопившимися социальными проблемами российского общества можно, – изменив в сторону справедливости перераспределительные процессы, то есть, отняв какую-то часть денег у богатых, в пользу бедных слоев населения.

Обоснованность своей идеи А. Ю. Шевяков доказывает, опираясь на экономическую логику и теорию рационального поведения. В этом контексте набор аргументов автора вполне убедителен. Скрупулезность экономических расчетов практически не оставляет иного выбора, как разделить позицию автора в необходимости продвижения выдвинутой идеи.

Вот только что-то внутри мешает; может быть, привычка смотреть на процессы, происходящие в российском обществе глазами социального психолога? Привыкшего, не только оценивать целесообразность тех или иных инновационных шагов, но и дотошно анализировать готовность элит и общества к инновационным преобразованиям, наличие субъектов, способных эти преобразования провести в жизнь.

Стремление смотреть на предлагаемые меры с позиций реализуемости и субъектности, делает их не столь очевидными с социально-психологической точки зрения.

Достаточно обратиться к уже имеющейся практике преобразований в социальной сфере. Например, можно вполне к месту вспомнить монетизацию льгот или реализацию национальных проектов. И один, и другой пример, на мой взгляд, весьма показательны.

Первый свидетельствует о том, что российские элиты сегодня не готовы проводить социальные преобразования, если они задевают интересы населения, потому что последние не умеют справляться с протестными настроениями. А разве богатые – это не часть населения, да еще со своими теневыми ресурсами влияния на механизм принятия ключевых решений? Возникающее напряжение между элитой и народом они склонны «заливать» деньгами, забывая о конечной цели предпринятых изменений. В результате изменения наступают, но не те, которых хотелось бы, а которые получились...

В другом случае мы имеем масштабный социальный проект, имевший под собой глубокую электоральную поддержку и потребовавший у своих авторов денег в 4–6 раз больше, чем планировалось. В результате национальные проекты есть, а эффективных преобразований в социальной сфере нет. Это если говорить об общенациональных социальных проектах, где ключевую роль играют общенациональные элиты.

Не менее показательными в этом смысле являются стратегии региональных элит, которых кризис сделал еще более нерешительными и еще более неспособными к каким-либо нововведениям. Стремление на протяжении последних десяти лет любой ценой обеспечивать политическую стабильность в регионе, отучило региональных лидеров от радикальных шагов в социальной и политической сферах. Более того, в условиях вертикали власти, настоятельное требование со стороны Центра к региональным элитам, – держать под контролем протестные настроения населения любой ценой, совсем не стимулируют к каким-то революциям в сфере перераспределения, какими бы необходимыми для общества они не представлялись.

Однако не стоит думать, что только кризис сделал региональные элиты такими нерешительными. Причины здесь расположены намного глубже.

На мой взгляд, существенную роль в этом играют: характер мотивации региональных элит, привычные поведенческие стратегии во взаимоотношениях с Центром, сложившиеся за годы «вертикали», а также специфика представлений элит о принципиальной возможности в России преобразований в сфере социальной политики. Ситуация осложняется тем, что эксперты, давно и успешно работающие в сфере социальной политики, своими скептическими оценками возможностей реформ в данной сфере, если не использовать такой ресурс, как политическая воля, не помогают, а мешают региональным элитам брать на себя необходимый груз ответственности. Дефицит политической воли становится определяющим фактором на пути преобразований.

И оценки экспертов, и положение элит, и характер их представлений о возможностях преобразований в социальной сфере, на мой взгляд, перевешивают значимость экономических аргументов, хотя и не отрицают их.

Стремление на протяжении последних десяти лет любой ценой обеспечивать политическую стабильность в регионе, отучило региональных лидеров от радикальных шагов в социальной и политической сферах.

Постараюсь на конкретных аналитических и эмпирических материалах доказать, что высказанные мною аргументы имеют право на существование, хотя бы потому, что реальная социальная и политическая жизнь в России всегда полна неожиданностей и никогда не протекает линейно, по раз и навсегда усвоенным образцам.

В основе предлагаемых обобщений материалы эмпирического исследования региональных элит, проведенного в разные годы с использованием метода интервью. Палитра исследуемых регионов достаточно широка, что позволяет говорить о правомерности распространения полученных выводов на более широкие общности.

Возможности преобразований в социальной сфере: оценки экспертного сообщества

Определяя основные черты современной российской социальной политики (СП), российские эксперты единодушно сходятся во мнении, что для современной СП характерно отсутствие системной стратегии [1, 2, 3, 4, 5]. На позицию экспертов наслаиваются различные политические оценки, присущий участникам дискуссии социальный оптимизм/пессимизм, принадлежность к различным школам. Однако базовая оценка ситуации остается неизменной.

Особенность российской ситуации в социальной сфере, как считают оппоненты правительственного курса, состоит в невыполнении государством правил и обязательств, обеспечивающих социальную стабильность [1, с. 27], в слабой концептуальной обеспеченности СП, в результате чего Россия от одних социально-политических мифов переходит к другим [6]. Что кстати согласуется с мнением А. Ю. Шевякова.

Отсутствие эффективных действий в социальной сфере аналитики объясняют ресурсными ограничениями [7, 8]; несовершенством экономических и политических институтов и неготовностью власти «к их радикальному переустройству» [9]; разрывом между интенциями властей и ожиданиями населения («государство и население говорят на разных языках» [10, с. 17]; зависимостью социальной политики от политических интересов и избирательных циклов («в ближайшие два года будут увеличиваться средства, которые закачиваются в СП, но эффекта от этого не будет» [11]; несовершенством законодательства в социальной сфере, позволяющим «широко» трактовать реформы [12].

Не менее важную роль в «пробуксовке» СП играет новый компромисс власти и общества. Его результатом стала «модель выживания», позволяющая населению адаптироваться к меняющимся условиям существования с помощью не всегда законных методов, на что власть закрывает глаза [4]. Факторами торможения изменений в социальной сфере наряду с несовершенством социальных практик признаются продолжающиеся накапливаться мягкие обязательства государства, коррупция, система отношений, в том числе и теневых, которые сложились в социальной сфере в постсоветский период.

Решить эти проблемы можно, с точки зрения одних специалистов, отказавшись от «институционального лицемерия» и порожденных им диспропорций между провозглашенными и реализуемыми социальными правами, с точки зрения других, – усилив роль государства в социальной сфере [7].

Социальная реформа в том виде, в котором она сформулирована властью, замыкается на нескольких проблемах – монетизации льгот, введении адресной социальной помощи для наиболее нуждающихся категорий населения. «Узкое» понимание содержания социальных реформ оставляет нерешенной проблему инвестиций в социальную сферу. В результате, как считает Н. Тихонова «СП не реализует тех функций, которые она должна выполнять в обществах современного типа, а поступает как в 18 веке, занимаясь содержанием богоделен» [11].

Социальные реформы, на чем настаивает и А. Ю. Шевяков, мыслились властью как путь «выравнивания» социального пространства и сглаживания региональных различий. Однако, как свидетельствуют эмпирические исследования, полученный эффект оказался прямо противоположенным. Монетизация льгот увеличила различия в доходах населения в «богатых» и «бедных» регионах, спровоцировала рост межрегионального неравенства в области проведения социальной политики, т. к. в связи с реформой на «бедные» регионы были возложены непосильные социальные обязательства. Незнание реформаторами логики функционирования российского пространства стало мощнейшим тормозом на пути социальных преобразований. Не означает ли это, что и последующие преобразования столкнутся с подобными трудностями?

Централизаторская политика федеральных властей входит сегодня в противоречие с региональным многообразием и в этом смысле «становится тупиковой» [13]. Выработка решений в социальной сфере без консультаций с регионами приводит к тому, что они вынуждены работать в «адаптационном режиме», приспособливаясь к законам, которые с ними не согласовывались, что еще больше усиливает «региональное дробление» [14]. Политика, параметры которой задаются «из центра», не учитывает имеющийся региональный опыт. «Социальная инженерия» федерального центра не только не принимает во внимание удачные региональные практики, но разрушительно сказывается на них, не оставляя регионам средств для осуществления собственных социальных экспериментов [12].

Взгляд на социальное развитие через призму отношений между центром и регионами позволяет сделать вывод, что социальные преобразования в среднесрочной перспективе будут эволюционировать в зависимости от вектора этих отношений, которые продолжают оставаться централизаторскими, что не способствует успешности любых преобразований, тем более социальных.

Социальные реформы имеют мощную политическую составляющую. Действуя по авторитарному сценарию, федеральный центр создает дополнительные механизмы контроля над региональными властями. Распределение ресурсов приобретает откровенно политический характер: дополнительные средства получают политически лояльные региональные руководители и руководители-«тяжеловесы», пользующиеся большим влиянием в московских коридорах власти [15].

Но не только это усложняет проведение социальных преобразований. Реформы возможны лишь при осознании их необходимости в управленческой среде, а, следовательно, требуют изменений внутри Министерства, в котором на сегодняшний день, по ряду оценок, наблюдается дефицит высококвалифицированных кадров и серьезных «внутренних» аналитиков.

Бюрократия – не единственный тормоз на пути реформ. В их осуществлении не заинтересованы работники социальной сферы и часть, преимущественно состоятельная, населения. Размышляя об «институциональных ловушках», директор научных программ НИСП С. Шишкин отмечает, что сформировавшиеся в социальной сфере правила игры, которые «обуславливают ее неэффективность, выгодны

Бюрократия – не единственный тормоз на пути реформ. В их осуществлении не заинтересованы работники социальной сферы и часть, преимущественно состоятельная, населения.

Выработка решений в социальной сфере без консультаций с регионами приводит к тому, что они вынуждены работать в «адаптационном режиме», приспособливаясь к законам, которые с ними не согласовывались, что еще больше усиливает «региональное дробление».

всем участникам, а экономические, политические и административные издержки изменения этих правил очень велики» [16, 17]. Противодействие реформам со стороны профессиональных корпораций на протяжении последнего десятилетия было так велико, что до 2004 г. им удавалось блокировать все попытки преобразований.

Региональные элиты, как основные субъекты преобразований в регионах, совсем не спешат включаться в рискованные социальные эксперименты, хотя бы потому, что легкого результата не получится, а трудный и противоречивый вполне может стоять места во власти, но разве на это кто-нибудь согласится?

Сопротивление региональных элит любым новациям совсем не случайно. За последние 10 лет было сделано все возможное, чтобы ключевые субъекты регионального уровня отвыкли от самостоятельных решений. И они отвыкли. Отыграть ситуацию назад будет весьма сложно. По крайней мере, так можно заключить, проанализировав результаты исследований поведенческих стратегий и мотивации региональных элит в контексте процессов модернизации вообще и социальной сферы в частности.

Региональные политические элиты: может ли российская модернизация начаться с регионов?

Вес в политическом пространстве региональных элит в эпоху Б. Ельцина был сопоставим с политическим весом федеральных политиков. Более того, политические ресурсы российской региональной власти были таковы, что Москва не могла предъявлять им свои требования с позиции силы. Для Б. Ельцина и его команды было важно учитывать настроения региональных элит, особенности функционирования власти на местах. В ельцинский период это было необходимым условием успешности проведения политики федеральным Центром. Неадекватные представления о целях, ресурсах и особенностях поведения региональных элит оказались чреватые тем, что решения Центра существенно искажались или не исполнялись вовсе на региональном уровне.

В путинское время учет законных интересов регионов сначала был подменен индивидуализированным «торгом» с наиболее известными и политически активными руководителями, несмотря на установленную законами и постановлениями практику равенства в отношениях между

всеми субъектами федерации и Центром. Со временем, Центр ужесточил требования к регионам, добившись их полного политического подчинения. Возможным это стало благодаря политике фаворитизма Кремля по отношению к регионам, которая начала набирать свою силу в начале 2000-х гг., а к середине второго путинского срока приобрела свои наиболее выраженные формы, особенно в период реализации национальных проектов.

Во второй путинский срок региональные элиты были фактически вытеснены из федерального политического процесса. Уход из федерального политического пространства региональных элит, идеология вертикального подчинения которых отразилась не только на механизмах реализации власти, способствовал появлению новых правил во взаимодействии Центра и регионов и существенным образом изменил политические стратегии самих региональных элит.

Сегодня эти стратегии, если опираться на данные, полученные в ходе глубинных интервью, характеризуются следующими особенностями:

- сужение политической составляющей в стратегиях региональных элит, уход региональных элит из публичной сферы в область неформальных договоренностей;
- принятие скрытого патернализма при взаимодействии с федеральным Центром;
- доминирование коротких целей над долгосрочными в политическом поведении элит;
- прагматизация мотивации региональных элит, нарастание адаптивных стратегий в политическом поведении.

Региональные элиты, получив преференции, отныне демонстрируют полную подчиненность Центру, причем делают это инициативно. В условиях кризиса эта стратегия дает наилучшие результаты для региона. Ведь социальная стабильность в регионах, как правило, достигалась за счет дополнительных финансовых ресурсов, которых сегодня не хватает всем. Поэтому для региональных элит сегодня делом чести и политическим успехом становится обеспечение по возможности федеральными ресурсами своих регионов любой ценой.

Однако какие бы скрытые мотивы ни лежали в нарастающей поддержке Центра со стороны региональных элит, ясно одно – в их основе желание любой ценой удержаться во власти, получить необходимые ресурсы и суметь выжить в условиях кризиса. Подчиняться выгоднее, чем идти вперед собственным путем и, возможно, ошибаться, реализуя стратегические, а не тактические задачи. В результате потенциал экономического роста, заложенный в рациональном устройстве государства, оказывается утраченным.

Исследования Аналитического Центра Юрия Левады показывают, что оценки элитами состояния институтов власти и процессов, происходящих в них, далеки от идеала. Неслучайно, что сегодня со стороны региональных элит активно формируется запрос на *формализацию правил политического взаимодействия* между Центром и регионами. Засилье неформальных практик в деятельности властей всех уровней так велико, что региональные элиты даже не пытаются скрыть это в своих оценках. Так, о доминировании неформальных практик над формальными говорили представители власти всех уровней в своих интервью на протяжении последних пяти лет.

Данные Аналитического Центра Юрия Левады практически подтверждают выводы, сделанные на локальных региональных выборах, и позволяют распространить полученные оценки на все российское пространство. Большинство опрошенных региональных элит не сомневается в том, что сегодня именно неформальные политические правила определяют действенность рычагов и инструментов влияния на проведение нужных решений, идет ли речь о федеральном центре или о ситуации на местах (см. таблицу 1).

Таблица 1
Рычаги и инструменты влияния для проведения нужных решений, в %

Рычаги и инструменты влияния	Вице-губернаторы	Высокопоставленные чиновники исполнительной власти	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители крупных госпредприятий
Близость к президенту и администрации	65	70	69	76	57

Продолжение таблицы 1

Рычаги и инструменты влияния	Вице-губернаторы	Высокопоставленные чиновники исполнительной власти	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители крупных госпредприятий
Работа командой разных ветвей власти	35	26	18	16	21
Интриги, закулисные ходы	33	32	39	35	43
Финансы, крупный капитал	31	42	47	45	41
Административно-бюрократический ресурс	40	46	35	43	55
Понимание необходимости реформ, умение их реализовывать	13	12	10	2	10

Источник: [18].

Данные, приведенные в таблице, показывают, что до сих пор близость к администрации президента, административно-бюрократические ресурсы, интриги, финансовый капитал во многом определяют те или иные политические решения на всех уровнях власти. Умение работать командой, понимание необходимости реформ, способность их проводить в жизнь занимают у большинства респондентов весьма скромное место в оценке рычагов влияния. Лишь вице-губернаторы отводят умению работать командой роль, сопоставимую с интригами и крупным капиталом.

До сих пор близость к администрации президента, административно-бюрократические ресурсы, интриги, финансовый капитал во многом определяют те или иные политические решения на всех уровнях власти.

Остальные представители элитных групп относятся к этому еще более критично, что отчетливо проявляется в оценках крупного бизнеса.

Для одних представителей региональной власти вертикаль продлила жизнь в политике, для других – существенно упростила властные функции, для третьих – позволила не зависеть от населения, выведя элиты из-под накала выборной борьбы.

Ожидание средств и борьба за федеральные деньги оказываются важнее поиска модернизационных проектов для региона. Мотивация риска и поиска новых перспектив слабее мотивации выживания во власти, которая остается мощным внутренним стимулом для повседневной управленческой деятельности региональных элит. Именно на этом фоне развивается феномен коротких целей у региональной власти. Сколько бы планов стратегического развития регионов при этом ни составлялось по заданию федерального Центра и сколько бы модернизационных проектов ни задумывалось, если нет внутренних побудителей для их реализации, то ожидать чуда вряд ли стоит.

Регионы все больше становятся координаторами, отвечающими за реализацию указаний сверху. Причем даже успешные практики регионального развития в ряде секторов постепенно сворачиваются, так как у регионов нет мотивации и средств на собственные социальные, экономические или политические инициативы. Центр в результате получает управляемость. Одновременно исчезает региональное многообразие. Тактическая победа Центра над регионами очевидна. Но не является ли подобный выигрыш Центра над регионами на самом деле политическим проигрышем, если брать в расчет долгосрочную перспективу?

Ни путинские реформы, ни медведевские новации, ни попытки укрепить властные институты не улучшают качества российских элит. Политическая элита продолжает оставаться в России закрытой социальной группой, для которой внутренние противостояния и конфликты оказываются важнее, чем функции общественного управления.

Вместо того чтобы сделать все возможное для расширения элитного слоя, для развития внутренней мотивации фигур, принимающих ключевые решения в регионах, роста их открытости, Центр его сужает, делая из региональных политических руководителей – зависимых и неинициативных исполнителей «приказов сверху», не верящих в то, что следование формальным правилам может привести их

Ожидание средств и борьба за федеральные деньги оказываются важнее поиска модернизационных проектов для региона. Мотивация риска и поиска новых перспектив слабее мотивации выживания во власти, которая остается мощным внутренним стимулом для повседневной управленческой деятельности региональных элит.

к решению важных общественных проблем. В результате российская политическая элита, в том числе региональная, в основной своей массе отличается короткой мотивацией и высокой прагматичностью. Жесткое подчинение и управление с помощью страха потерять свое «место под солнцем», административный отбор лояльных кадров, неформальные практики не могут рождать политических лидеров, способных совершить модернизационный прорыв. Тем более, если речь идет о сложных социальных инновациях, когда затрагиваются интересы богатой части населения, которые пока морально не готовы делиться своими доходами с бедными, и более того, имеют свои каналы влияния на лиц, принимающих решения на всех уровнях российской федеральной и региональной власти.

Куда следует двигаться в социальной сфере: оценки региональных элит

Как это ни парадоксально, но отсутствие политической воли у региональных элит, привычка действовать в адаптивных схемах, в свою очередь, вовсе не означают, что они не осознают необходимости коренных перемен в социальной сфере регионов. Однако говорить о том, что у них сформировано единообразное представление о том, как, кем и с помощью каких ресурсов это следует делать, вряд ли правомерно. Более того, региональные элиты в качестве механизма оптимизации СП видят не преобразования в распределительных механизмах, а введение системы единых социальных стандартов (ЕСС), которые должны обеспечиваться по единой схеме из федерального Центра. Не менее важной сферой для инноваций являются, по их мнению, изменения в сфере разграничения полномочий в области СП, без оптимизации которой никакие новые распределительные отношения не спасут ситуацию в социальном поле.

Причина, которая побуждает представителей региональных элит настаивать на необходимости подобных преобразований, и, прежде всего, на введении ЕСС, схожа с аргументацией А. Ю. Шевякова – 15 лет рыночных реформ в России привели, по мнению респондентов, к усилению региональной экономической и социальной дифференциации. Естественно, что существенная экономическая дифференциация регионального пространства обусловила укрепление социального неравенства, проявлением кото-

Региональные элиты в качестве механизма оптимизации СП видят не преобразования в распределительных механизмах, а введение системы единых социальных стандартов (ЕСС), которые должны обеспечиваться по единой схеме из федерального Центра.

рого явилась разная доступность населения к получению образовательных и медицинских услуг, разный уровень социальной поддержки. Региональная дифференциация социальной сферы нарастала год от года, причем богатые регионы наращивали свои возможности в предоставлении социальных услуг, в то время как в бедных регионах усугублялась деградация социальной сферы. И это нельзя назвать случайностью. Трансферты из федерального Центра давали возможность поддерживать социальную сферу в регионах крайне слабо, а собственного ресурса для поддержания и развития социальных отраслей в регионах не было. В результате отношения, складывающиеся на поле «Центр – регионы», различные представления о том, за что способен отвечать один актор, а за что – другой, стали основным тормозом на пути социальных изменений.

Полученные в ходе интервью оценки экспертов, настаивающих на необходимости разграничения полномочий и на оптимизации договорных процессов, свидетельствуют о том, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе, если Центр не изменит действующих привычных схем в области СП, какие-либо изменения в социальной сфере регионов окажутся невозможными.

Эксперты подтверждают тот факт, что при работе с регионами Центр привык действовать по модели «приказа», а необходимые рецепты в области социальной политики трудно выработать в Москве. Для региональных элит очевидно – в разработке необходимых мер должны принимать участие те, кто отвечает за СП в регионах. Однако подобное влияние регионов на выработку тех или иных стратегий оказывается на деле минимальным. Принимаемые в Центре решения лишь весьма условно учитывают особенности тех или иных региональных процессов. Кроме того, Центр сторонится сегодня реальных преобразований, демонстрируя «охранительное поведение», ради поддержания стабильности отказываясь признавать регионы в качестве стратегического партнера, с которым следует работать в диалоговом режиме.

Регионалы убеждены: сегодня накопилось немало вопросов, требующих согласования Центра и регионов. В первую очередь принципиальный для СП вопрос – может ли в России существовать единая социальная политика, каким образом она должна учитывать особенности регионов?

Полученные в ходе интервью суждения показали, что доминирующей здесь является позиция – единая социальная политика в России не только может, но и должна существовать. Именно она работает на суверенитет и целостность России, которые нуждаются в политической поддержке сегодня как никогда: «В России должна быть единая СП. Россия сегодня слишком разнородная. Если мы будем вести разную СП, то вскоре получим проблему целостности и суверенитета. СП является консолидирующим регионы инструментом», – убежден Павел Исаев, ярославский депутат и предприниматель.

Более того, время, когда это нужно было делать, давно наступило, а дальнейшее бездействие Правительства РФ в этом направлении лишь усугубляет все нарастающую социальную дифференциацию.

Несмотря на то, что подавляющее большинство региональных элит и экспертов выступает за выработку единой СП, для ее реализации следует как минимум придерживаться двух важных принципов: единая СП не должна отменять право регионов на собственные дополнительные вложения в социальную политику региона, это, во-первых; во-вторых, единую СП следует ориентировать на обеспечение минимальных социальных стандартов, за которые федерация должна нести полную ответственность, не перекладывая выполнение основного перечня обязательств по стандартам на плечи регионов.

Представители региональной власти, занятые решением социальных проблем региона, убеждены, что выработка такой политики необходима для регионов, так как позволяет сделать Центр более ответственным игроком на поле региональной политики: «Пусть действуют социальные стандарты, о которых так много говорят. Иначе: есть в регионе возможности – социальные программы реализуются, а нет – так ничего не делается», – убеждена Светлана Митрошина, заместитель министра здравоохранения и социального развития правительства Пензенской области.

Без взаимного присутствия Центра и регионов, которое регулируется взаимными обязательствами и согласованными правилами, изначальное содержание понятия политики просто исчезает.

Это тем более необходимо в силу того, что Центр является местом, где концентрируются финансовые ресурсы, поступающие из регионов, которые потом распределяются

Единая социальная политика в России не только может, но и должна существовать. Именно она работает на суверенитет и целостность России, которые нуждаются в политической поддержке сегодня как никогда.

на реализацию СП: «При той централизации финансов, которая существует, единая СП просто необходима», – считает один из региональных руководителей.

Настаивая на необходимости единой социальной политики (ЕСП), в виде единых социальных стандартов (ЕСС), участники опроса подчеркивают, что введение ЕСС не должно означать отказа от самостоятельности регионов. Более того, по их мнению, необходимо включать механизмы конкуренции между регионами более решительно, что послужит дополнительным стимулом участия в социальной политике.

Важным компонентом реализации ЕСП, наряду с ЕСС, могли бы стать федеральные целевые программы, которые не ограничивают регион.

Выработка и обеспечение ЕСС могут сопровождаться контролем со стороны Центра, однако жесткая регулировка «всего и вся» из Центра может значительно повысить издержки на реализацию технологии ЕСС.

Хорошо осознавая, что реализация политики ЕСС – это достаточно сложная процедура, представители элит, занимающиеся реализацией СП в регионах, считают необходимым переходить к предлагаемой системе постепенно, начав с самых насущных вопросов, которые в первую очередь должны подпадать под действие такой политики.

Выработке ЕСС должна предшествовать большая работа по концептуализации и разделению полномочий в сфере СП. Те из них, которые передаются регионам, следует обеспечить финансовыми средствами.

Среди приоритетных направлений представители элитных групп называют следующие:

- поддержка детей и детства;
- поддержка граждан, имеющих заслуги перед государством (ветераны, тыловики);
- поддержка инвалидов;
- лекарственное обеспечение;
- льготы по проезду.

Это минимальный перечень, который может расширяться за счет других групп, но унификация именно в этих направлениях социальной защиты представляется сегодня первоочередной задачей. Важным приоритетом для государства должны стать лица, имеющие заслуги перед

ним. Иначе получается, что государство, сформулировав некоторые моральные принципы, перебрасывает фактически их исполнение на регионы.

Настаивая на унификации СП через выработку социальных стандартов, региональные руководители остаются на практике последователями смешанной модели – унификации и плюрализации одновременно. Смешанная модель позволяет учитывать многообразие российских регионов, по принципу «право сильного наращивать свои возможности и пользоваться ими по своему усмотрению». Такой подход дает возможность дополнительно мотивировать регионы на реализацию продуманной СП – за счет собственных усилий, в том числе. Важно только, чтобы предпринимаемые шаги не обернулись нарастанием патерналистских установок среди населения.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что сегодня региональные элиты приходят к осознанию необходимости более четкого разделения полномочий на поле СП между федерацией и регионами. Несмотря на то, что этот процесс уже начался, он пока не удовлетворяет регионалов. Движение в необходимом направлении должно осуществляться параллельно с установлением четких правил игры, которые бы не ущемляли интересы регионов, прежде всего финансовые.

Не менее существенными, по мнению элит, являются шаги, направленные на поддержание практики реализации федеральных целевых программ, которые дают возможность помогать наиболее активным, инициативным и нуждающимся в поддержке регионам. Следует избегать при этом политики фаворитизма при распределении трансфертов, которая сегодня является определяющей во взаимоотношениях Центра и регионов на поле СП.

Особо тщательно процесс распределения зон ответственности должен осуществляться по отношению к дотационным регионам, чтобы избежать, с одной стороны, ущемления интересов этих регионов, с другой – неоправданного роста бюджетного иждивенчества, характерного для кризисного периода. В любом случае полномочия между Центром и регионами в сфере СП должны разрабатываться с учетом мнений территорий, а не базироваться на жестких схемах.

Наиболее сложным и противоречивым для регионалов оказался вопрос об оптимальной модели распределения полномочий на поле СП.

Анализ материалов интервью позволяет говорить о преимущественно позитивной оценке региональными элитами передачи части мандатов в области социальной сферы с федерального на региональный уровень, предусмотренные недавно принятыми федеральными законами. Однако подобный шаг будет иметь положительные последствия при условии, что Федерация не только отдает полномочия, но и обеспечивает их выполнение финансами в виде трансфертов тех денег, которые регион заработал: *«Если тебе дают полномочия, тогда тебе должны дать рычаги для выполнения этих полномочий»*, – считает один из участников опроса.

Одновременно, представители элит достаточно скептически относятся к тому, что баланс полномочий и средств на их реализацию будет когда-либо достигнут. Это не единственное ограничение подобного шага. Позиции элит относительно целесообразности передачи части полномочий в социальной защите с муниципального на региональный уровень также весьма неоднозначны. Одни говорят (таких большинство) о том, что подобный шаг неоправдан и будет иметь негативные последствия для населения городов и районов, другие настаивают на позитивности принятых изменений.

Сторонники передачи полномочий с муниципального на региональный уровень, представленные в основном высшими чиновниками регионального уровня, видят в этом шаге, как минимум, два преимущества: повышение уровня финансовой обеспеченности СП и возможное улучшение качества управления социальной отраслью на муниципальном уровне, за счет более жесткого регулирования кадровых назначений со стороны областного уровня власти.

Улучшение уровня финансовой обеспеченности осуществимо благодаря большим финансовым возможностям области, с одной стороны, с другой – за счет повышения контроля за целевым использованием социальных денег. Предотвращение нецелевого использования средств, которое так распространено на этом уровне власти, – важное последствие такой передачи.

Возрастание качества менеджмента представители областной власти связывают с возможностью реализации принципа эффективности, прежде всего, в отношении социальной инфраструктуры, которая не является доминирующей при финансировании для глав муниципальных образований. На ограниченную рациональность стратегий

многих муниципальных управленцев указывает большинство представителей элитных групп, представляющих областной уровень власти, как и ряд региональных экспертов. Оптимизация полномочий позволит, по мнению представителей областной власти, улучшить, прежде всего, качественный состав муниципальных кадров, работающих в социальной сфере. Выказанные позитивные оценки разделяет и часть опрошенных экспертов.

Муниципалы и другие эксперты не столь однозначно готовы оценить предпринятый шаг и даже предупреждают о его серьезных негативных последствиях. Прежде всего, они отмечают неправомерность передачи социальных учреждений на областной уровень, хотя бы потому, что муниципалитеты наиболее плотно работают с населением. Однако Федеральный Закон № 131-ФЗ лишил муниципалитеты значительной части налоговой базы, что не позволяет им содержать социальную сферу.

На сомнительную позитивность сделанного шага указывают не только большинство муниципалов, но и часть представителей областной власти (около 20%). Они убеждены, что возврат к старой схеме распределения полномочий, особенно в социальной защите, вполне правомерен: *«Социальная защита должна быть сферой общих полномочий. Надо вернуться к старой системе. Пусть они выполняют свои полномочия за счет средств вышестоящих органов. Пусть бюджет будет у них»*, – убеждена Валентина Землякова, руководитель сферы социальной защиты Пензенской области.

Некоторые регионы нашли выход из новой ситуации, передав назад свои полномочия по социальной защите муниципалитетам. Такой шаг, по мнению представителей власти, вполне целесообразен. Он снимает часть оперативной нагрузки и приближает социальную услугу к населению. При этом областная власть не остается без дела: она оказывает организационную помощь, выполняет методическую работу, осуществляет контроль над реализацией полномочий.

Дело теперь за следующим шагом: добиться того, чтобы у регионов было право передачи полномочий в области социальной защиты – не только своих собственных, но и федеральных, муниципалитетам.

В настоящий момент ситуация смягчается тем, что на практике региональный уровень забирает на себя реально те полномочия, которые может выполнить лучше,

и отказывается от тех, которые могут исполняться более эффективно муниципальными органами власти. Если сформировалось доверие к муниципалитету, тогда, по мнению региональных элит, ему может быть возвращен довольно большой объем таких полномочий. Это вполне оправданно, так как региональной власти не всегда хватает видения ситуации «на местах», что может негативным образом сказаться на качестве управления социальной сферой на муниципальном уровне.

Таким образом, реализация Федерального Закона № 122 и № 131-ФЗ позволяет убедиться в том, что сегодня, в условиях вертикали власти, при выработке и реализации законов требуются гибкость и доверие всех уровней власти друг к другу. Пока это большой дефицит. Именно поэтому власть всех уровней вынуждена пробовать изменения, не доверяя друг другу. Цена таких изменений велика, а технологии несовершенны. Но это не означает, что они не нужны.

Можно говорить о том, что низкий уровень доверия властных акторов на всех уровнях иерархии – еще один существенный тормоз на пути революционных преобразований. Власть и сама признается в том, что ей под силу только локальные реформы, не требующие властной мобилизации и быстрых реакций. Это является серьезным сигналом к тому, что ученым и экспертам следует в полной мере учитывать эти особенности российской бюрократии, без которой инновации в социальной сфере, к сожалению, не возможны.

Заключение

Проделанный анализ мотивации региональных элит, сформировавшихся в исследуемые годы практик взаимодействия Центра и регионов в социальной сфере, система внутренних приоритетов региональных элит относительно целесообразности тех или иных изменений в области социальной политики, позволяет утверждать: ни ментальных, ни социальных условий для реализации предлагаемых А. Ю. Шевяковым изменений в распределительной политике ни в обществе, ни среди элит сегодня не сформировано. Любые изменения в сфере социальной политики не могут быть революционными и должны, как минимум, не изменять в худшую сторону жизнь любых групп населения, в том числе населения, входящего в верхние 9–10 децили.

Изменение распределительных отношений затрагивает интересы, в первую очередь, не населения, а элитного регионального корпуса. Это означает необходимость достижения элитного консенсуса при любых преобразованиях.

Кроме того, предлагаемые нововведения не могут не учитывать готовности элит к намечаемым изменениям. Не стоит утверждать, что сегодня региональные элиты совсем не хотели бы преобразований в социальной сфере, по крайней мере, об этом свидетельствуют материалы интервью, но рассчитывать на то, что они будут действовать по указке федерального Центра, полностью забыв о своих интересах, и рисковать своим местом во власти, вряд ли правомерно. Изменение распределительных отношений затрагивает интересы, в первую очередь, не населения, а элитного регионального корпуса. Это означает необходимость достижения элитного консенсуса при любых преобразованиях. Но ни для кого не секрет, что подобный консенсус трудно достигим в отношении даже менее значимых вопросов, нежели налоговая политика.

Библиографический список

1. Виноградова Е. Социальная политика: исторический, теоретический и практический аспекты // Экономические и социальные проблемы России: социальная политика и социальные реформы в России (2000-2003 гг.). М., 2004. С. 27.
2. Гонтмахер Е. Социальная политика: Уроки 90-х. М.: Гелиос – АРВ, 2000.
3. Горшков М., Тихонова Н. и др. Социальная политика в оценках населения и экспертов. М., 2005. Рукопись.
4. Государственная социальная политика и стратегия выживания домохозяйств. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
5. Зубаревич Н. Экспертное интервью, проведенное автором в 2006-2008 гг.
6. Осипов Г., Локосов В. Социальная цена неолиберального реформирования. М. – ИСПИ РАН, 2001.
7. Львов Д. Нравственная экономика // Свободная мысль. 2004. № 9. С. 24–36;
8. Шкаратан О. Социальная политика. Ориентир – новый средний класс // Общественные науки и современность. 2006. № 4. С. 39–54.
9. Яacobсон Л. Социальная политика: коридоры возможного // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 54.
10. Тихонова Н. Куда ведет коридор? (О социальной политике с позиций общественного мнения) // Общественные науки и современность. 2006. № 3. С. 10–17.
11. Тихонова Н. Экспертное интервью, проведенное автором в июле 2006 г.

12. Овчарова Л. Н. Экспертное интервью, проведенное автором в 2006-2008 гг.
13. Дробижева Л., Чирикова А. Центр и регионы: современное состояние российского федерализма. Казань, 2006. Рукопись.
14. Зубаревич Н. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Эдиториал УРСС, 2003.
15. Лапина Н., Чирикова А. Взаимодействие Центра и регионов на поле социальной политики М., 2006. Рукопись.
16. Шишкин С. Можно ли реформировать российское здравоохранение? // Полит. Ру. Публичные лекции. 2009. 9 декабря. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2006/06/29/shishkin.html>.
17. Шишкин С. Экспертное интервью, проведенное автором в июле 2006 г.
18. Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Левада Ю. А. Проблема элиты в сегодняшней России. М.: Фонд Либеральная миссия, 2007. С. 327.

Т е м а н о м е р а : Социальная политика российского государства

Социальная политика в странах Запада: новые вызовы и характер трансформации

Люблинский Виктор Викторович —
доктор политических наук,
зав. Сектором сравнительного анализа
социальной политики
Института социологии РАН

e-mail: sp@isras.ru

Социальная политика в странах Запада: новые вызовы и характер трансформации

Аннотация

Автор, изучая опыт социальной политики других стран, исследует, каким образом нужно реформировать социальную сферу в России и как интерпретировать эффективность социальной политики в условиях роста международной конкуренции.

Abstract

The author analyzes social policy in various countries, draws conclusions over the ways to reform the social policy in Russia. He also proposes ways to assess the effectiveness of social policy in the context of social competition.

Ключевые слова: социальная политика, социальное государство, модернизация, кризис

Keywords: social policy, social state, modernization, crisis

В последнее десятилетие в странах Запада заметно активизировались силы, выступающие за пересмотр принципов, на которых основывалось социально-экономическое и политическое развитие во второй половине XX в. Речь идет о характере государства благосостояния и социальной политики. Мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. лишь актуализировал дискуссии по данным вопросам.

Важно отметить, что социальное государство по-прежнему выполняет задачи, которые частные рынки по техническим причинам или вообще не могут выполнить, или делают это неэффективно. В том или ином виде государство благосостояния необходимо по причинам эффективности [1]. Между тем либеральная доктрина, которая с 1980-х гг. стала активно использоваться при формировании социаль-

ной политики во многих странах Запада, исходит из того, что неконкурентное пространство приводит к снижению экономического потенциала и динамизма развития. Отсюда предпринимавшиеся периодически попытки осуществить пересмотр характера социальной политики, когда сторонники данного подхода находились у власти (наиболее яркий пример – США, Великобритании), в целом оказывались безуспешными, ибо сформировалась мощная система социальных гарантий, имеющая широкую социальную поддержку и высоко интегрированная в политико-экономическую систему современного общества. Другое дело – естественный процесс трансформации (или модернизации) этой, как и любой другой, системы. Он определяется качественными сдвигами в базовых основах развития (например, технологической основы), значительным усилением воздействия внешних факторов (глобальных) на развитие отдельных стран и регионов мира. В новом контексте социальная политика неизбежно становится объектом повышенного внимания и пересечения различных экономических и политических интересов, а отсюда неизбежным оказывается проведение реформ в социальной сфере.

В каком направлении они реально должны осуществляться? Данный вопрос предельно ясен – в направлении эффективности. И существенный вопрос – смысловой: как интерпретировать эффективность в связи с необходимостью модернизации социальной сферы. Социальная политика второй половины XX в. соответствовала условиям индустриального общества и процессу его перехода в постиндустриальное. В равной мере она соответствовала и характеру политического устройства мира, решая важные стратегические задачи – в частности, обеспечивая социальную стабильность и позиции в идеологическом противоборстве социально-политических систем.

Новый контекст формирования приоритетов в политической стратегии в XXI в. обуславливает рост международной конкуренции и, как неизбежное следствие, влечет за собой постановку задачи роста эффективности. Но как эта задача может соотноситься с социальной политикой? Разве социальная политика в 1950-80-е гг. XX в. отрицательным образом влияла на эффективность? Практика показала, что это влияние носило определенно позитивный характер: рост социальных гарантий (гарантий обусловленного типа) в значительно большей степени способствовал мотивации, чем снижению экономической активности и эффективности

труда. Не менее значительным достижением надо признать и то, что благодаря такой стратегии происходила консолидация общества, которое обрело достаточно высокий уровень социальной устойчивости. Поэтому пространство «неконкурентных гарантий» (социальная сфера, организуемая и управляемая государством) может стать механизмом не потери, а умножения традиционных стимулов.

Необходима «конкурентная модель» социальной политики – такова суть нового подхода, направленного на пересмотр прежних принципов управления обществом в странах Запада. Свидетельством этого с 1990-х гг. является фактический отказ многих стран ЕС от политики, направленной на «социальное выравнивание», снижение дифференциации доходов. Эта политика опирается на идеологическое обоснование необходимости трансформации «эгалитарного» социального государства. Речь идет об изменении принципа социальных отношений, формировании социальной солидарности нового типа – солидарности на основе различия в статусах, которая должна заменить солидарность, основанную на различиях в доходах, ибо «общество пассивного вспомоществования достигло пределов своего развития» [2, с. 141].

Конечно, использование термина «эгалитарное» применительно к социальному государству, как оно утверждалось и развивалось в ряде стран Западной Европы, – это преувеличение и искажение действительности. В реальности подобной модели нигде не было и, тем более, нет сейчас. Идеологическая направленность указанного подхода вполне ясна: она обусловлена во многом социально-политическими интересами, непрекращающейся борьбой в сфере распределительных отношений.

В том же русле выдержана концепция «пассивного государства благосостояния», которое исчерпало себя, что обуславливает необходимость «перейти от логики возмещения социального ущерба к логике социального действия» [2, с. 101]. Ни в одной стране Запада, даже в тех, которые отличаются наиболее высокой степенью социальной ориентированности в политике, государство оказалось «неспособно обеспечить гарантии занятости». Хотя как пассивное государство соотносится с концепцией «полной занятости», на которой базировалась социально-экономическая политика на протяжении длительного периода вплоть до 1980-х гг., совершенно непонятно.

Необходима «конкурентная модель» социальной политики – такова суть нового подхода, направленного на пересмотр прежних принципов управления обществом в странах Запада. Идеологическая направленность указанного подхода вполне ясна: она обусловлена во многом социально-политическими интересами, непрекращающейся борьбой в сфере распределительных отношений.

Основной акцент в новом подходе сделан на усилении индивидуальной ответственности с учетом того, что государство должно оказывать гражданам необходимую поддержку. Правда, вопрос об уровне этой поддержки остается за кадром. На деле это фактически означает стремление минимизировать социальные расходы, которые несет государство. Не отказываясь формально от принципов «равенства и справедливости», ставится вопрос о наполнении их новым содержанием, что означает во многом разрыв с характером социальной политики второй половины XX в.

В практическом плане первоначально попытка реализации данного подхода относится к эпохе М. Тэтчер в Великобритании и Р. Рейгана в США – 1980-е гг. Но в тот период фактически она оказалась безуспешной, ибо экономика достаточно активно развивалась, а система социальных гарантий уже стала важным фактором развития, прочно укоренилась в сознании населения. Поэтому и консерваторы в Великобритании, и республиканцы в США вынуждены были следовать, так или иначе, логике сформировавшейся ранее модели социальной политики, хотя им все же удалось осуществить определенное снижение темпов роста социальных расходов.

Один из основных вопросов социальной политики – вопрос финансирования, который тесно связан с характером распределения и перераспределения доходов и их социальной дифференциацией.

Необходимо учитывать, что существование нынешней модели социальной политики, отличительной характеристикой которой является высокий уровень социальных расходов в ВВП, объясняется комплексом факторов. Один из основных – это отнюдь не принесенная жертва на алтарь социально-политической стабильности, хотя он также играет существенную роль. В данном случае речь идет о социальной политике в контексте решения экономических проблем. Было бы странно, если бы в странах Запада при формировании политической стратегии, осуществлении социальных реформ государство не принимало во внимание в полной мере вопросы, связанные с эффективностью: не проводило оценку воздействия своих решений на производительность, прибыльность и конкурентоспособность. В частности, через инвестиции в человеческий капитал и обеспечение социальной консолидации (механизмы мотивации) государство осуществляет поддержку конкурентоспособности. Однако, так или иначе, социальная политика

Основной акцент в новом подходе сделан на усилении индивидуальной ответственности с учетом того, что государство должно оказывать гражданам необходимую поддержку.

в странах Запада сбалансирована между порой противоречивыми интересами социальных партнеров (работодателей и работников) и социально-профессиональных групп таким образом, что соответствующие расходы на развитие социальной сферы играют роль и фактора накопления, и фактора спроса. Это весьма существенно, ибо создает комплекс постоянных импульсов к росту и трансформации. Поэтому одна из основных проблем для государства при формировании и реализации социальной политики состоит в том, чтобы обеспечить правильный баланс между накоплением и удовлетворением интересов труда [3].

И нынешние реформы в странах Запада отнюдь не перечеркивают такой подход: они направлены на то, чтобы привести социальную политику в соответствие с новыми условиями развития – не только внутренними, но и внешними.

Одна из важных характеристик социальной политики в странах Запада заключается в обеспечении достаточно умеренного уровня дифференциации доходов различных социальных групп. В каких странах сохраняется низкий уровень дифференциации доходов? В тех, где уровень социальных расходов наибольший – 30–35% ВВП (в Швеции, других Скандинавских странах, а также Франции и т. д.), в странах с преимущественно социал-демократической моделью социального государства. В США, например, доля заработной платы в ВВП весьма значительна – была 59%, сейчас снизилась до 56%, но дифференциация доходов наиболее высокая среди развитых стран, а уровень социальных расходов – 17–18%.

Собственно говоря, Россия, если говорить о макроэкономической «картинке», фактически сделала выбор в пользу подобной модели. Но с одним существенным дополнением: в отношении уровня социальных расходов, который в США является наиболее низким среди этой группы стран, но не заработной платы. И в то же время интересен опыт Японии – достаточно низкий по меркам развитых стран уровень социальных расходов в ВВП, но и низкий уровень дифференциации!

Однако в последние десятилетия (начиная с 1990-х гг.) эти модели проходят проверку на прочность. Заметно усилилась борьба вокруг проблемы распределения, общество весьма напряжено и чувствительно реагирует на попытки осуществить ревизию принципов социальной политики.

Социальная политика в странах Запада сбалансирована между порой противоречивыми интересами социальных партнеров (работодателей и работников) и социально-профессиональных групп таким образом, что расходы на развитие социальной сферы играют роль и фактора накопления, и фактора спроса, что создает комплекс постоянных импульсов к росту и трансформации.

Однако соответствует ли такой подход нынешним условиям развития России, задачам модернизации? В России в результате реформ фактически сложилась модель высокой дифференциации доходов, которая обуславливает сохранение избыточного неравенства (по терминологии А. Ю. Шевякова) [4]. Неэффективность этой модели подтверждена практикой: Россия не решила проблемы формирования эффективной и конкурентоспособной экономики.

В этих условиях встает вопрос о необходимости осуществить переход к модели, способной консолидировать общество, мотивировать производительный труд и рост эффективности производства. Это должна быть модель, способствующая трансформации экономической структуры, отдающая приоритет высококвалифицированному персоналу в тех сферах жизнедеятельности, которые обеспечивают конкурентоспособность. Речь идет о модели умеренной дифференциации доходов. И нет иного пути, кроме как расширение государственного сектора, усиление распределительных функций государства. Данный вопрос непосредственно связан с фундаментальным вопросом – соотношения справедливости (равенства) и эффективности. Речь идет о трансформации структуры ВВП по доходам. Какая сейчас доля заработной платы в ВВП в России? Здесь существуют большие разночтения. По данным официальной статистики, более 40% (но она включает т. н. скрытую зарплату, а это 10–12% ВВП), по другим данным – 30%, а по некоторым – и того меньше.

Все это свидетельствует в пользу формирования политики коррекции, или выравнивания доходов социально-профессиональных групп. Например, налоговая и трансфертная системы в странах ОЭСР снижают неравенство на 1/3. Это снижение составляет 45% в Дании, Швеции и Бельгии, но менее 8% в Корее. В Швеции и Дании отмечается сокращение неравенства вдвое большее, чем в США. В среднем по странам ОЭСР государственные социальные расходы приводят к сокращению неравенства в доходах с 5,2 (межквильное соотношение) до 3,4 раз. В США дифференциация в рамках первичного распределения – 6,9 раз. Расходы на здравоохранение снижают этот показатель до 5,1 раза; эффективность расходов на образование аналогична – неравенство уменьшается на 1,8. С учетом всех предоставляемых государством социальных услуг квинтильная дифференциация в США составляет 4,0 раза. По расходам на медицинское обслуживание наибо-

лее сильный выравнивающий эффект отмечается в США и Италии (1,7); Португалии (1,8); Великобритании – 1,0; Франции – 0,9; ФРГ – 1,0; Японии – 1,4. А по расходам на образование США и Италия – 1,4; Канада 0,9; Франция, Великобритания – 0,8; ФРГ 0,6. Но особенно сильный эффект отмечается в Мексике (2,7) и Турции (1,9) [5, с. 109, 243].

Однако корректирующее воздействие социальной политики достаточно ограничено. Прежде всего, это касается положения элиты и распределения собственности. Так, с середины 1970-х гг. доля валовых доходов высшего слоя (1% населения) значительно возросла: на 70% и более в Австралии, Канаде, Ирландии, Великобритании, США. В ФРГ, Японии, Новой Зеландии, Испании и Швеции рост составил 10–25%. Одновременно она снизилась на 10% во Франции и Нидерландах [5, с. 32]. Во Франции по показателю уровня жизни социальная дифференциация составляет 4:1. Одновременно разрыв в уровне владения собственностью между 10% наиболее богатых и 10% наиболее бедных семей оценивается в соотношении 64:1; 10% наиболее богатых семей владеют 45–50% всей собственности. Значительно неравенство в отношении жилищной собственности. Недвижимость практически отсутствует в низшей децильной группе, в то время как в 9-ой группе она составляет 366 тыс. евро [6].

Необходимо подчеркнуть, что модели распределения и перераспределения доходов во многом предопределены характером экономического развития. На основе приоритета отраслей первичного сектора экономика не может быть эффективной, ибо ее структура не сбалансирована, различна конкурентная способность разных отраслей и секторов не только на мировом, но и на внутреннем рынке. Отсюда следует, что в рамках нынешней модели социально-экономического развития Россия обречена на сохранение сложившегося характера распределения со всеми его отрицательными моментами.

Недооценивается не только социально-мотивационный, но и экономико-мотивационный потенциал выравнивания доходов. Необходимо, например, учитывать фактор склонности к потреблению различных социальных групп. В плане экономического роста считается, что рост доходов малообеспеченных категорий населения более продуктивен, чем рост доходов высокооплачиваемых. Ибо их доходы направляются непосредственно на потребление, увеличивают

Необходимо подчеркнуть, что модели распределения и перераспределения доходов во многом предопределены характером экономического развития.

платежеспособный спрос, а это основной фактор роста. Хотя, надо признать, что в России в значительной степени этот эффект снижается, учитывая большой удельный вес импортной потребительской продукции в совокупном потреблении.

Одна из главных проблем развития экономики России – формирование эффективно функционирующей системы воспроизводства, эффективной взаимосвязи секторов, что само по себе обеспечит рост и качественную трансформацию и хозяйства, и отдельных отраслей, и социальной сферы, а в результате – рост жизненного уровня населения. Большие резервы роста также – в трансформации системы распределения доходов и богатства.

В контексте рассматриваемой темы заслуживает серьезного внимания опыт регулирования в период наступившего в 2008 г. мирового финансово-экономического кризиса. Надо сказать, что антикризисная политика стран Запада основывалась на активизации государственного регулирования. Власти исходили из того, что необходимо поддержать потребление (или платежеспособный спрос) – главный фактор ВВП. В 2009 г. во Франции его снижение прогнозировалось на 0,7%; в ФРГ – на 2,0%; в США – 2,8%; Великобритании – 3,5%; Испании – 4,9%. В результате повсеместно отмечался рост государственных расходов. Например, в реальном выражении они возросли в 2007-2009 гг. на 17% в США, 14% в Испании, 11% в Великобритании. Во Франции – только на 3,8%. При этом наиболее высокий уровень централизации ресурсов в руках государства характерен для Швеции и Франции: соответственно 56,6% и 55,6% в 2009 г., а в среднем в ЕС – 50,1% ВВП. И основная часть этих средств – социальные расходы. Во Франции социальные пособия – 34,6% ВВП, из которых 18,9% в форме прямых выплат. Эти механизмы в значительной степени способствовали стабилизации доходов населения в условиях кризиса [7].

Собственно говоря, для российского правительства антикризисная политика стран Запада явилась во многом примером. С одной стороны, она была прагматичной и строилась исходя из того, какой сектор породил кризис. Отсюда – меры, направленные на предотвращение краха финансовой системы. А финансовый сектор успешно использовал данную ситуацию, фактически возложив на общество громадные издержки. Насколько это помогло? Улучшить ситуацию в текущем плане, несомненно, помогло – на-

чался процесс восстановления. Но эта политика формирует серьезную долговременную проблему – значительный рост бюджетных дефицитов и задолженности. Это, в свою очередь, влечет неизбежный рост налогов. Другое дело, как структурировано налоговое бремя, особенно в социальном плане? Вряд ли такая политика будет ориентирована на «выравнивание», ибо фактически в условиях кризиса именно все общество оплачивало «безответственность» высокодоходных групп, прежде всего в финансовом секторе, а это не может не вести к росту социальной дифференциации по доходам и неравенству. Некоторые западные специалисты прямо отмечают, что рост неравенства является одним из факторов, который находится в основе кризиса и нынешней модели экономического роста.

Какую они видят альтернативу? Они пришли к заключению, что для преодоления кризиса необходимы меры по повышению покупательной способности тех социальных групп, которые в наименьшей степени склонны к накоплению. Это предполагает позитивное воздействие на распределение в форме сокращения налогов и других платежей с малообеспеченных групп и предоставления им дополнительных трансфертных выплат [8]. Но, к сожалению, такой подход предлагается в ЕС. А в России?

Обращает на себя внимание серьезный пересмотр социально-экономической политики, который происходит в КНР. Об этом, в частности, свидетельствует то, что взят курс на стимулирование потребления как фактора экономического роста. И эта политика будет иметь далеко идущие последствия. Во-первых, позиции этой страны будут усиливаться и в мировой экономике, и мировой политике, ибо в КНР и других странах Юго-Восточной Азии располагается сейчас значительная часть всей обрабатывающей промышленности в мире. Конечно, они отстают и сильно зависят от новых научных идей и технологий, которые разрабатываются в основном на Западе. Но они могут достаточно быстро ликвидировать отставание в этой сфере, что, собственно говоря, и происходит. Во-вторых, такая переориентация непосредственно связана с ростом благосостояния населения. Правительство приняло также серьезные меры, направленные на улучшение системы социальной защиты, увеличение финансирования здравоохранения, пенсионного обеспечения, поддержки низкооплачиваемым категориям.

Обращает на себя внимание серьезный пересмотр социально-экономической политики, который происходит в КНР. Об этом, в частности, свидетельствует то, что взят курс на стимулирование потребления как фактора экономического роста.

В рамках нового подхода в последнее время предпринимаются действия по развитию потребительского кредитования. Согласно подсчетам зарубежных специалистов, в большинстве азиатских стран совокупный долг домохозяйств составляет менее 50% ВВП по сравнению с 100% в развитых странах, а в КНР и Индии – менее 15%. Однако одной из проблем переориентации роста с экспорта на внутренний спрос, по мнению некоторых экономистов, является повышение курса национальных валют. Ибо оно может стать важным стимулом для предприятий в целях переориентации развития на внутренний рынок. Фактически длительное время они субсидировали потребителей в странах Запада через низкие курсы валюты. В результате может начаться значительное перемещение покупательной способности и потребления с Запада на Восток [9].

Кризис фактически поставил фундаментальный вопрос, связанный с преодолением значительных разрывов в уровнях благосостояния между основными центрами мировой политико-экономической системы. А это может серьезно затронуть страны Запада и в социально-экономическом, и в политическом отношении, ибо они должны будут, так или иначе, адаптироваться к новым условиям «жизни по средствам», в то время как сейчас их потребление (особенно это касается США) существенно превосходит вклад в производство мирового ВВП. Таким образом, кризис объективно поставил в повестку дня проблему модернизации общества на глобальном и национальном уровнях. Эта проблема, как мы видим, касается не только России, но и развитых стран Запада, а также активно развивающихся стран Азии.

Какой перспективный путь возможен в отношении России? По моему мнению, это – смена парадигмы политического курса в социально-экономической сфере. Необходим переход от парадигмы капитала, которая определяла развитие страны и в 1990-х, и 2000-х гг., к парадигме труда. Именно интересы человека должны рассматриваться как основополагающие при формировании политики. Они должны быть поставлены в центр политической и социально-экономической стратегии государства. А формирование справедливого общества может стать основой и национальной идеи, и решения проблем развития страны, в том числе модернизации экономики.

Какой перспективный путь возможен в отношении России? По моему мнению, это – смена парадигмы политического курса в социально-экономической сфере. Необходим переход от парадигмы капитала, которая определяла развитие страны и в 1990-х, и 2000-х гг., к парадигме труда.

Нынешняя парадигма бесперспективна и исчерпала себя. Она обуславливает низкое качество бизнеса, в том числе малого бизнеса, который в основном ориентирован на перераспределение доходов, а не на развитие. И эта ситуация усугубляется низким качеством управления, коррумпированностью институтов государства. Подорван нормальный механизм воспроизводства, при котором основные конкурентные факторы используются эффективно. И в отношении традиционных источников роста и благосостояния (сырьевых ресурсов) ситуация и сейчас непростая, а со временем тем более будет осложняться.

А население – главное богатство и главный ресурс? Положение здесь выглядит все более тревожным, постоянно ухудшается. И предпринимаемые государством меры несопоставимы с масштабом угрозы. Сейчас экономика еще поддерживается поколением, которое формировалось в советские годы. А что дальше, когда эстафета перейдет к поколению 1990-2000-х гг.? Оно не соответствует требованиям позитивной модернизации и не имеет в основной своей массе большой склонности к работе в производственной сфере. Ведь во многом увеличение потока рабочих-мигрантов в Россию связано именно с этим. Кроме того, это поколение воспитано на идеологии общества «массового потребления» и ориентировано на распределение. Молодежь отнюдь не проявляет особого стремления к занятости в отраслях обрабатывающей промышленности. А ведь необходимо учитывать, что эти отрасли в период рыночных реформ пострадали больше всего.

Для успеха политики модернизации необходима, таким образом, новая социальная политика, ориентированная на консолидацию общества. Но как ее достичь, как приблизиться к ней? С одной стороны, необходима политическая воля, направленная на утверждение принципов справедливости. В условиях постоянного расширения пространства несправедливости говорить о какой-либо мотивации и прогрессе не приходится. С другой стороны, в отношении модернизации существуют объективные ограничители, и обойти их «волевым» путем невозможно. Какими бы хорошими ни были декларации, они не смогут трансформироваться в реальную ткань жизни, позитивно (по принципу нарастающего – кумулятивного – эффекта) преобразуя ее, если соответствующие условия отсутствуют. Это будет в лучшем случае социально-психотерапевтическая процедура, ориентированная на успокоение общества путем внушения

ему надежды на «прекрасное будущее», что, впрочем, также стало частью российской политической традиции. Но необходимо учитывать, что Россия находится в XXI в. и сталкивается с внешними вызовами, которые беспрецедентны относительно текущих возможностей, в частности в социально-экономической и политической сферах.

Одним из важнейших элементов новой социальной политики, ориентированной на модернизацию общества, могла бы стать задача, связанная с преодолением избыточного неравенства. Обусловленное несправедливым характером распределения доходов и собственности, оно является препятствием для консолидации общества и мотивации эффективной экономической и трудовой деятельности. В результате общество теряет значительную часть потенциала роста благосостояния. Хотя несомненно, что политика государства должна быть ориентирована на достижение эффективного баланса, направленного на развитие, между потреблением и накоплением, а значит, эффективного баланса отношений между социальными группами.

Библиографический список

1. Atkinson, A. V. *Poverty & Social Security*. L., 1989. P. 100.
2. Розанваллон П. Новый социальный вопрос: Переосмысливая государство всеобщего благосостояния. М.: Ad Marginem, 1997.
3. Farnsworth, K. *Corporate power and social policy in a global economy*. Bristol: Policy press, Univ. of Bristol, 2004. P. 24.
4. Шевяков А. Ю. Социальная политика России: мифы и реальность. Тезисы доклада на Ученом совете Института социологии РАН 7 апреля 2010 г.
5. *Growing unequal? Income distribution and poverty in OECD countries*. P.: OECD, 2008. P. 109, 243.
6. Charles du Granrut. *Le patrimoine des francais // Futuribles*. 2008. № 347. P. 43.
7. *Le modele francais et la crise. France: pourquoi ca ne va pas plus mal // Alternatives economiques*. 2009. № 282. P. 8–10.
8. Watt A. *Distributional Issues in the Context of the Economic Crisis in Europe // Intereconomics*. 2009. Vol. 44. № 2. P. 87.
9. *Asian consumer spending. Shopaholics wanted // The Economist*. 2009. Vol. 391. № 8637. P. 86–87.

Т е м а н о м е р а : Социальная политика российского государства

**Запрос россиян на определенный
тип развития страны и социально-
экономическую политику**

Мареева Светлана Владимировна —
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
Института социологии РАН

e-mail: s.mareeva@gmail.com

Запрос россиян на определенный тип развития страны и социально-экономическую политику

Аннотация

В статье на материалах общероссийских исследований проводится анализ запроса россиян на определённый тип социально-экономического развития страны, а также ожиданий населения от социальной и экономической политики государства.

Abstract

The article uses All-Russian surveys to analyze the Russians' demands for certain types of social and economic development of the country. It speculates on public expectations over the state social and economic policy.

Ключевые слова: социальная политика, экономическая политика, социально-экономическое развитие

Keywords: social policy, economic policy, socio-economic development

В свете происходящих во всем мире трансформационных процессов остро встает вопрос о том, каковы перспективы России в глобализирующемся мире, какое место сможет занять страна в системе международного разделения труда. Эти вопросы напрямую связаны с процессами трансформации российского общества в целом. В современных условиях потенциальное место России в глобализирующемся мире связано как с качеством человеческого потенциала, которым обладает Россия, так и с проводимыми на макроуровне экономическими и социальными реформами, а соответственно – с векторами экономической и социальной политики, проводимой государством.

Политика государства в социальной и экономической сферах оказывает безусловное влияние на направление и характер протекания трансформационных процессов в стране. Неудивительно, что по вопросам социальной и экономической политики и направлениям развития России в новом тысячелетии, идеальной модели ее будущего часто высказываются политические и общественные деятели разных уровней. Однако необходимо учитывать, что не менее важным актором социальных процессов в стране является также и население. Соответствие или несоответствие проводимой политики ожиданиям населения определяет и уровень социальной стабильности в обществе, и эффективность тех или иных мер, проводимых государством. Следует учитывать, что результаты конкретных решений и действий на государственном уровне, связанных с социальной политикой, зависят, в том числе, от соответствия их ожиданиям населения и, соответственно, степени поддержки их россиянами. В этой связи необходимо понимать, какой запрос предъявляет население к социальной политике в частности и к развитию страны в целом, так как разработка действенных мер социальной политики возможна только на основе понимания этого запроса. Запросу россиян на определенный социально-экономический тип развития страны и видение ими роли государства в жизни страны и посвящена данная статья.

Для эмпирического анализа были использованы данные общероссийских репрезентативных исследований ИС РАН, проведенных в 2005, 2006 и 2010 гг. Опрос «Собственность в жизни россиян: домыслы и реальность» был проведен в апреле 2005 г. Выборка составляла 1750 респондентов и репрезентировала население по полу, возрасту, региону проживания и типу поселения. Опросы «Социальная политика и социальные реформы глазами россиян» и «Социальное неравенство и публичная политика» были проведены в марте – апреле 2006 г. Выборка также составляла 1750 респондентов и аналогичным образом репрезентировала население страны. Опрос «Готово ли российское общество к модернизации» был проведен в марте – апреле 2010 г. и аналогичным образом репрезентировал население России; выборка составляла 1734 респондента.

Начнем наш анализ с ключевого для построения социальной политики вопроса – представлений россиян о роли государства в социальной сфере. Как показывают

Необходимо учитывать, что не менее важным актором (чем политики) социальных процессов в стране является и население.

данные, россияне склоняются к тому, что эта роль должна быть достаточно значима. Однако это отнюдь не стремление к общей «уравниловке» – наибольшую долю сторонников получает такая модель взаимоотношений государства и населения, когда государство обеспечивает всем определенный минимум, а остального граждане добиваются сами (см. таблицу 1).

Таблица 1

Наиболее предпочтительная для россиян роль государства в социальной сфере (2010 г.), %

Суждения	%
Государство вообще не должно вмешиваться в жизнь граждан, каждый должен рассчитывать только на себя	4
Государство должно помогать лишь слабым и беспомощным	16
Государство должно обеспечить всем гражданам определенный минимум, а кто хочет получить больше, должен добиваться этого сам	46
Государство должно обеспечивать полное равенство всех граждан (имущественное, правовое, политическое)	34

Вариант модели, когда государство обеспечивает всем определенный минимум, а остального все добиваются самостоятельно, распространен во всех группах населения, в том числе и наиболее благополучных. Однако среди тех, кто считает, что их жизнь в настоящий момент складывается плохо, наиболее распространенным вариантом выступает обеспечиваемое государством полное равенство всех граждан. Это же характерно для наиболее пожилой когорты – тех, кто старше 60 лет. Но такая ситуация – это не столько завышенные патерналистские ожидания россиян, сколько реакция на сложившуюся реальность. Так, желание большей поддержки от государства чаще выражают те, кто отмечает, что без поддержки государства им и их семье прожить сложно. И, как показывают данные, такая оценка своих возможностей в большинстве случаев не является искусственно заниженной – это действительно та часть населения, которая сильно зависит от государства (в частности, государственные трансферты гораздо чаще, чем для остального населения, выступают для них одним из основных источников дохода) и не имеет возможности самостоятельно решать свои проблемы.

Показательно, что представления россиян о роли государства в социальной сфере и об оптимальной модели, при которой всем обеспечивается определенный минимум,

Наибольшую долю сторонников получает такая модель взаимоотношений государства и населения, когда государство обеспечивает всем определенный минимум, а остального граждане добиваются сами.

достаточно устойчивы. Так, запрос к государству на обеспечение определенного минимума для всех граждан был наиболее распространенным ответом и в 2004 г. Тогда его отмечали более половины населения (53%). Треть россиян, как и в 2010 г., выступала за полное равенство всех граждан (33%). И хотя за последние несколько лет немного возросла доля тех, кто поддерживает помощь государства лишь для слабых и беспомощных (с 11% в 2004 г. до 16% в 2010 г.), для относительного большинства населения «идеальной» моделью остается обеспечение государством социального минимума для всех граждан при том, что остального они добиваются сами. По всей видимости, это представление об оптимальной модели построения социальной политики и роли государства в социальной сфере является устойчивой, сформировавшейся в сознании россиян.

Нужно сказать, что роль государства в социальной сфере вообще является достаточно важной для россиян. Россияне в массе своей и в докризисное время являлись сторонниками включения социальной политики в число основных приоритетов деятельности российского государства (см. таблицу 2).

Таблица 2

Представления россиян о главных целях деятельности российского правительства (2006 г.), % (допускалось до 3-х ответов, ответы проранжированы)

Цели	%
Развитие традиционных отраслей экономики	49
Социальная помощь наиболее обездоленным слоям населения	45
Повышение качества человеческого капитала страны	32
Выравнивание заработной платы за одну и ту же работу	29
Развитие новых наукоемких отраслей экономики	27
Забота о развитии культуры, морали и т. п.	23
Развитие отечественной науки	15
Рост обороноспособности страны	15
Активная внешняя политика, отстаивание интересов России на международной арене	13

Однако при этом в основной своей массе россияне приоритеты государственной политики в 2006 г. связывали, как видно из данных, в большей мере с экономикой, чем с социальной сферой. Так, чуть более трети россиян (36%) вообще не включили социальную проблематику в число

Россияне в массе своей и в докризисное время являлись сторонниками включения социальной политики в число основных приоритетов деятельности российского государства.

трех основных целей деятельности российского правительства. При этом такие функции социальной политики, как инвестиционную (связанную с повышением качества человеческого капитала страны) и гуманитарную (поддержку самых нуждающихся слоев населения) выбирали представители разных по своему положению, поведению и мировоззрению групп россиян.

О приоритетности инвестиционной функции социальной политики – повышении качества человеческого капитала страны как одной из главных целей российского правительства – чаще говорили представители молодых, образованных групп населения, уделяющие большее внимание инвестициям в свой человеческий капитал. Они были в меньшей степени зависимы от помощи государства, выражающейся в прямых трансфертах, были готовы обеспечивать себя и свою семью самостоятельно, но полагались при этом на государство в содействии инвестициям в свой человеческий капитал. Судя по более высокому уровню образования, навыков и квалификации, россияне, поддерживающие инвестиционную функцию социальной политики, являлись представителями той группы, которая была конкурентоспособна на рынке труда.

В качестве других приоритетов деятельности государства представители этой группы называли обычно также и необходимость активизации государственной экономической политики, причем как в отношении традиционных отраслей экономики, так и в отношении наукоемких ее отраслей. Таким образом, в их представлении и социальная политика государства должна была быть направлена на дальнейшее качественное развитие человеческого потенциала страны как предпосылку развития экономики, что, в совокупности с поддержкой и традиционных, и инновационных, наукоемких отраслей экономики позволило бы России входить в международную систему разделения труда, занимая в ней конкурентоспособные позиции.

Гуманитарную функцию социальной политики – социальную помощь наиболее обездоленным слоям населения – как приоритетную цель деятельности государства отмечали представители качественно иной группы. Такой приоритет социальной политики государства выбирали, прежде всего, низкоресурсные группы населения – то есть те, кто не мог изменить свое плачевное положение самостоятельно в силу отсутствия у них для этого необходимых ресурсов (бедные и малообеспеченные россияне,

часто пожилого возраста, не способные занять стабильное положение на российском рынке труда в силу различных факторов – возраста, низкой квалификации, состояния здоровья). Неслучайно доля тех, кто считал это направление социальной политики приоритетным, возростала по мере уменьшения ежемесячного среднедушевого дохода в домохозяйстве. Только среди наиболее благополучных по уровню жизни слоев населения эта идея становилась менее значимой.

Такие данные демонстрируют неоднородность россиян в их ожиданиях относительно социальной и экономической политики государства и, более того, в их взглядах на будущее России. Показательно при этом, что только чуть более 10% россиян назвали в числе приоритетов одновременно обе основные функции социальной политики – инвестиционную и гуманитарную. В остальном же приверженцы инвестиционной и гуманитарной функций социальной политики не пересекались, отражая наличие в российском обществе полярных по мировоззрению групп. При этом надо учитывать и наличие в обществе еще одной группы россиян, которые связывают приоритеты деятельности правительства только с экономикой, не упоминая при этом социальную политику. Данная группа в качестве приоритетных целей называет экономическую политику государства, связанную с развитием традиционных и наукоемких отраслей экономики, а также с рынком труда – выравниванием заработной платы по типу работы. Таким образом, для этой группы первична экономическая политика государства, а задачи социальной политики отходят на второй план.

В условиях такой неоднородности взглядов еще сложнее выглядит вопрос о том, какая именно модель социальной политики является наиболее приемлемой для России и будет в наибольшей степени соответствовать ожиданиям населения. Вспомним, что модели социальной политики, распространенные в странах Западной Европы, относятся к разновидностям социальной политики «государств всеобщего благосостояния». Конкретные реализации этой модели могут значительно различаться, но ключевой остается идея ответственности государства за возможности удовлетворения населением их базовых социальных потребностей, т. е. обеспечение доступа к услугам образования, здравоохранения, досуга, оздоровления и т. д. И хотя население России, как было показано выше, неоднородно по

своим запросам к социальной политике государства, все же именно эта модель, судя по полученным данным, может быть наиболее легитимна в глазах россиян. При этом важно отметить, что одно из основных отличий восприятия данной модели российским населением от восприятия ее населением Западной Европы состоит в значительно большей роли государства в социальной сфере в качестве главного (и фактически единственного) актора социальной политики.

Итак, анализ показывает, что россияне ожидают от государства достаточно активного участия в социальной сфере. При этом их представления о главных приоритетах деятельности государства расходятся, что зависит, в том числе, от степени их конкурентоспособности на рынке труда. Рассмотрим теперь вопрос о запросах россиян к государству с немного иной точки зрения, – проанализировав ответы населения на вопросы о том, какая идея может стать ключевой для российской модернизации. Помимо того, что ответы на этот вопрос свидетельствуют о поддержке той или иной модели модернизации, они демонстрируют и ключевые ожидания от государства, так как выявляют наиболее актуальные проблемы, «болевы точки» в российском обществе.

Как видно на рис. 1, наибольшее количество сторонников в качестве ключевой для российской модернизации идеи набирает идея соблюдения прав человека, равенства перед законом.

Рис. 1. Какая идея должна стать ключевой для модернизации России (2010 г.), % (допускалось два варианта ответа)

Наибольшее количество сторонников в качестве ключевой для российской модернизации идеи набирает идея соблюдения прав человека, равенства перед законом.

Данные показывают, что запрос на равенство перед законом незначительно изменяется в разных возрастных когортах. Кроме того, и в разных доходных группах доля тех, кто выбирает в качестве ключевой для развития России именно эту идею, варьировалась совсем незначительно. Выделялись в этом вопросе жители сел – там эта идея распространена чуть реже (38%), чем в других типах поселений. Кроме того, идею равенства всех перед законом в большей мере поддерживают те, кто считает, что для России важнее хорошие законы, чем хорошие руководители. Однако и во второй группе запрос на равенство всех перед законом формулируют 39% ее представителей. В целом во всех группах населения около 40% означает устойчивый запрос к пути модернизации России через обеспечение соблюдения прав человека и равенства всех перед законом – что означает и соответствующий запрос к политике государства. Интересно также, что по этому вопросу не наблюдалось и значительных расхождений между сторонниками общества индивидуальной свободы и сторонниками общества социального равенства, которые, как было показано выше, качественно отличались друг от друга. Таким образом, даже для групп людей с разной идеологией и разными идеальными моделями общества и государства проблема всеобщего равенства перед законом в России является общей и наиболее острой, отражая «универсальный» запрос к государству и проводимой им политике.

Незначительно отстает по количеству сторонников и вторая ключевая идея, которая, по мнению 38% россиян, могла бы лечь в основу модернизации в России, – жесткая борьба с коррупцией. Этот вариант чаще, чем другие группы населения, склонны были выбирать более обеспеченные россияне. Доля тех, кто выдвигал в качестве ключевой именно эту идею, оказалась также выше среди жителей мегаполисов – половина из них поддержала такую идею, причем по доле сторонников она вышла на первое место в мегаполисах, демонстрируя, тем самым, важную «болеву» точку, характерную в наибольшей степени именно для данного типа поселений. Отчасти это связано, видимо, с тем, что идею жесткой борьбы с коррупцией скорее поддерживают те, кто, по собственным признаниям, с ней сталкивался, а таковых больше в наиболее обеспеченной части населения, относительно чаще проживающей в мегаполисах. Таким образом, и вторая ключевая идея модерни-

Вторая ключевая идея, которая, по мнению 38% россиян, могла бы лечь в основу модернизации в России, – жесткая борьба с коррупцией.
Третья ключевая идея (31% россиян) – обеспечение социальной справедливости.

зации, которую выбирает население, является не столько элементом образа «идеального» будущего, сколько ответом на сложившуюся в стране социально-экономическую ситуацию и представлением о тех проблемах, которые должны быть в первую очередь учтены государством в проводимой им социальной и экономической политике.

Третий наиболее распространенный вариант ответа – обеспечение социальной справедливости – набрал чуть менее трети голосов всех россиян (31%). По данному вопросу наблюдалась дифференциация в зависимости от возраста. Так, среди тех, кто был моложе 40 лет, этот вариант в качестве ключевой идеи модернизации выдвигал каждый четвертый; в группе россиян в возрасте от 41 до 50 лет – уже каждый третий, а среди тех, кто был старше 50 лет, эта доля доходила до 37%. Наблюдалась и зависимость от дохода – среди тех, чей ежемесячный среднедушевой доход не превышал половины медианного для страны, обеспечения социальной справедливости требовали 33%, а среди тех, чей доход превышал две страновые медианы – 25%. Еще более показательна связь выбора этого варианта ответа и оценки личного ущерба от кризиса: те, кто оценил свой ущерб от кризиса как катастрофический, выдвигали идею социальной справедливости как ключевую почти в половине случаев (48%). В группе же тех, кто отметил, что кризис ущерба им практически не нанес, она снижалась до 23%. Кроме того, запрос на социальную справедливость был тем выше, чем ниже россияне оценивали свое положение в обществе. Тем самым, запрос на социальную справедливость в некоторой степени является ситуативным запросом, растущим в особенно сложные для населения моменты, с которыми наименее благополучные группы населения не могут справиться самостоятельно, без поддержки государства. Мы уже отмечали выше, что за социальное равенство как цель проводимой государством политики выступали, прежде всего, те россияне, кто не мог самостоятельно справиться со своими проблемами в силу отсутствия у них необходимых для этого ресурсов. В результате кризиса 2009 г. численность этой группы возросла, что и привело к росту запроса на социальную справедливость, обеспечиваемую государством с помощью проводимой им социальной политики.

При этом запрос на обеспечение социальной справедливости гораздо выше среди тех россиян, кто изначально настроен на большую роль государства в жизни общества.

Так, среди сторонников социалистического планового хозяйства доля предъявляющих запрос на обеспечение социальной справедливости составляет 43%, в то время как среди сторонников рыночной экономики (как в чистом виде, так и с элементами государственного регулирования) эта доля более чем в два раза ниже. Таким образом, запросы населения по отношению к государству в социальной сфере тесно связаны и с запросами на роль государства в экономике, и социальная и экономическая политика государства рассматриваются россиянами в единой связке, с точки зрения той или иной оптимальной модели общества и социально-экономического развития страны.

Аспект, связанный с экономической политикой – формированием эффективной инновационной экономики – отметил в качестве ключевой идеи для модернизации лишь каждый четвертый россиянин, хотя именно этот аспект чаще всего звучит на различных властных уровнях. Возможно, это связано с тем, что россияне понимают – в сложившейся социально-экономической обстановке, утвердившейся «институциональной матрице» становление эффективной инновационной экономики невозможно, и, соответственно, ставят во главу угла именно проблемы изменения самой этой «матрицы». Причем основным актором, по мнению населения, здесь должно выступать именно государство, формируя с помощью проводимой им политики новую «матрицу», в которой обеспечивается равенство всех перед законом, ведется борьба с коррупцией, проводится инвестиционная или гуманитарная социальная политика, соответствующая ожиданиям населения.

Нужно сказать, что идею формирования эффективной инновационной экономики как ключевую для модернизации чаще отмечали люди в экономически активном возрасте от 30 до 50 лет (29%), и в наименьшей степени поддерживали россияне старше 60 лет (среди них аналогичная доля была более чем в 2,5 раза ниже, составляя 11%). В отличие от идеи обеспечения социальной справедливости, этот вариант чаще выбирали те, кто выступал за общество индивидуальной свободы (30%), чем выступающие за общество социального равенства (21%). Идея построения эффективной рыночной экономики в качестве основной идеи модернизации России была также ближе тем, кто имел более высокие уровни человеческого капитала, и доля ее сторонников достигала 32% среди имеющих высшее образование и 35% имеющих научную степень или два высших

образования – при 13% среди тех, чей уровень образования был ниже среднего. Кроме того, ее чаще отмечали те, кто за последние три года тем или иным способом пополнял свои знания, инвестируя, тем самым, в свой человеческий капитал. Что касается профессионального статуса, то запрос к инновационной эффективной экономике в наибольшей степени был характерен для предпринимателей, имеющих наемных работников, руководителей разных уровней, специалистов с высшим образованием. Среди служащих и рабочих разного уровня квалификации популярность этой идеи была значительно ниже. Таким образом, идея инновационной экономики в большей степени оказалась востребована среди тех, кто мог бы относительно эффективно работать в ее условиях – по сути, это та же группа, которая, как было показано выше, готова была поддержать, в первую очередь, инвестиционное направление социальной политики государства. Для тех россиян, кто выступал, в первую очередь, за гуманитарную функцию социальной политики, идея построения эффективной инновационной экономики была гораздо более абстрактной и отдаленной от реальности, так как они в массе своей не могли бы войти в рабочую силу новой экономической системы, а проблемы текущего обеспечения себя и семьи были для них гораздо более актуальны.

Среди ключевых идей для модернизации страны россияне называют, прежде всего, инструментальные ценности. Запрос к целям и способам модернизации страны формируется через те проблемы, которые, по ощущениям россиян, в обществе еще не решены, хотя потребность в этом очень высока. Именно они создают и ключевые параметры запроса к государству и проводимой им политике. Картина наиболее распространенных в обществе мнений о ключевых идеях российской модернизации ярко отражает наиболее значимые общественные потребности населения, которые государство пока не может удовлетворить – всеобщее равенство перед законом, искоренение коррупции, обеспечение социальной справедливости для тех, кто нуждается в государственной поддержке, и построение инновационной экономики для тех, кто мог бы эффективно в ней работать.

Картина наиболее распространенных в обществе мнений о ключевых идеях российской модернизации ярко отражает наиболее значимые общественные потребности населения, которые государство пока не может удовлетворить – всеобщее равенство перед законом, искоренение коррупции, обеспечение социальной справедливости для тех, кто нуждается в государственной поддержке и построение инновационной экономики для тех, кто мог бы эффективно в ней работать.

Неудивительно, что при таком общественном запросе среди мер, которые, по мнению россиян, могут обеспечить проведение в стране успешной модернизации, первое место занимает именно искоренение коррупции. Эту меру отметила половина россиян (см. рис. 2).

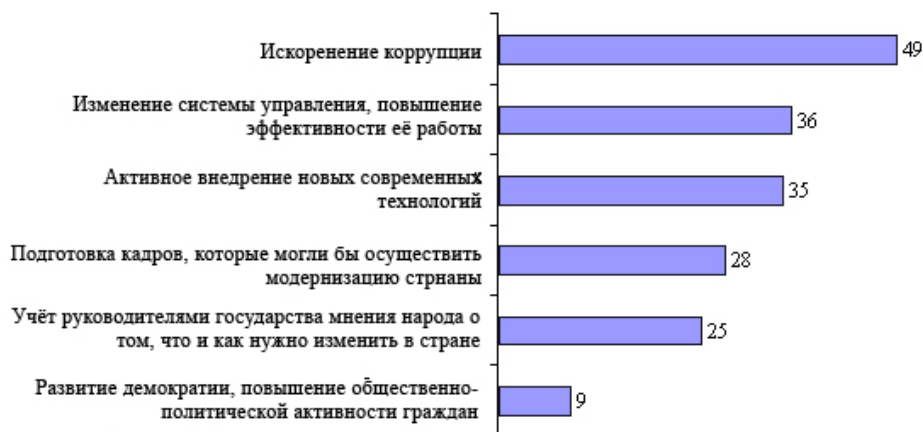

Рис. 2. Какие меры, по мнению населения, могут обеспечить проведение в стране успешной модернизации (2010 г.), % (допускалось два варианта ответа)

Как видим, меры, связанные с развитием демократии, – учет руководителями мнения народа, повышение общественно-политической активности граждан – называются россиянами гораздо реже – на первые места выходит борьба с коррупцией и повышение эффективности работы системы управления, т. е. как раз то, что относится к уже упоминавшейся выше «институциональной матрице». Промежуточные позиции связаны с новыми технологиями и подготовкой кадров, которые могли бы осуществлять успешную модернизацию страны (поддержка этих позиций вновь оказалась более характерна для тех, кто имеет более развитый человеческий капитал, а также для молодых россиян) – т. е., в том числе, с инвестиционной функцией социальной политики государства.

Посмотрим теперь, каков существующий запрос россиян к экономической сфере жизни страны и, соответственно, экономической политике государства. Начнем с того, какой экономический строй представляется населению оптимальным для России и какова, соответственно, должна быть роль в нем государства (см. таблицу 3).

Таблица 3
Каким должен быть, по мнению населения, экономический строй в России (2010 г.), %

Модели экономического развития	%
Плановое социалистическое хозяйство	16
Экономика, основанная на государственной собственности, с отдельными элементами рыночного хозяйства и частной собственности	42
Экономика, основанная на частной собственности, с элементами государственного регулирования	28
Свободная конкурентная рыночная экономика	14

Полученные результаты показывают, что для большей части россиян представляется правильной более значимая роль государства, а не рынка, в экономической сфере. Так, 16% населения вообще предпочли бы видеть плановое социалистическое хозяйство, еще 42% – экономику с элементами рыночного хозяйства, но основанную все же на государственной собственности. Менее половины населения (42%) считают, что для России больше подходит экономический строй, полностью или частично основанный на рынке и частной собственности.

Доля тех, кто считает, что для страны в большей степени подходит плановое социалистическое хозяйство, различается в разных возрастных когортах. Особенно значительно выбивается группа тех, кто старше 60 лет – среди них за исключительно государственное управление экономической сферой страны высказались 42%. В два раза меньше эта доля среди россиян в возрасте от 51 до 60 лет (21%), еще почти в два раза она сокращается при переходе к группе тех, кому от 31 до 50 лет (11%), а в самых молодых когортах населения она не превышает 6%. Таким образом, за полное государственное регулирование экономики выступают, в первую очередь, те, кто сам уже не вступает в рыночные отношения. Свободную рыночную экономику поддерживают, наоборот, более молодые когорты населения – за подобный экономический строй высказались 28% россиян, не достигших еще 21 года, и лишь 5% россиян старше 60 лет.

Анализ показывает, что существует связь запроса на плановое социалистическое хозяйство с уровнем дохода. Значительный перелом наблюдается на уровне дохода, совпадающем с медианным по стране: те, чей ежемесячный среднедушевой уровень дохода не достигал медианного

Для большей части россиян представляется правильной более значимая роль государства, а не рынка, в экономической сфере.

для страны в целом значения, выступали за плановое социалистическое хозяйство в 20% случаев, а те, чей доход был не ниже медианного для страны значения – в 11%.

В большей степени поддерживают свободную рыночную экономику те, кто поддерживают и идею общества индивидуальной свободы (среди них 21% высказались за свободный рынок, а 6% – за плановое социалистическое хозяйство), чем те, кто предпочитают общество индивидуального равенства (аналогичные доли в этой группе составили 11% и 21%, т. е. ситуация прямо противоположна).

Наконец, нужно отметить, что больше за высокую степень вмешательства государства в экономическую сферу высказываются те, кто считает, что в настоящий момент их жизнь складывается плохо. Три четверти из них видят ведущую роль государства в экономической сфере, предпочитая либо плановую экономику, либо экономику, основанную на государственной собственности. Среди тех, кто считает, что их жизнь складывается в настоящий момент хорошо, эта доля не достигает и половины (46%) – большая часть из них хотела бы видеть экономический строй, основанный целиком или, как минимум, по большей части на рыночных конкурентных отношениях.

Таким образом, запрос россиян на желаемый экономический строй в России неоднороден. Хотя 58% хотели бы отвести ведущую роль в экономике государству, для более молодых россиян, выросших уже в условиях рыночной экономики, а также для тех, кто к настоящему моменту успешно адаптировался к условиям рынка, предпочтительной представляется конкурентная рыночная экономика. Запросы этих групп к соответствующей социальной и экономической политике также различаются – для первых более характерен запрос на ведущую роль государства и в социальной сфере, выражающийся в стремлении к обеспечению равенства для всех граждан, в то время как для вторых важнее обеспечение государством индивидуальной свободы и инвестиционной социальной политики, и в этих условиях они готовы самостоятельно добиваться необходимого для них уровня и качества жизни.

Посмотрим, какова динамика этого запроса, как изменилось мнение россиян об оптимальном экономическом строе за последние 12 лет (см. рис. 3).

Как видно ниже из рисунка 3, за последние годы среди россиян произошел небольшой рост доли сторонников рыночных начал в экономике, хотя они по-прежнему на-

ходятся в меньшинстве. При этом, по сравнению с 1998 г., доля тех, кто поддерживает плановое социалистическое хозяйство, осталась неизменной, а доля сторонников экономики, основанной на государственной собственности, но с элементами рыночного хозяйства, немного уменьшилась. Таким образом, среди россиян медленно, но растет запрос на повышение значимости рыночных начал в экономической сфере жизни и на снижение в ней роли государства в экономической сфере.

Рис. 3. Каким должен быть, по мнению населения, экономический строй в России, 1998/2010 гг., % (данные по 1998 г. приведены по результатам мониторингового исследования РНИСиНП, проведенного по стандартной общероссийской выборке в октябре 1998 г.)

Посмотрим, как россияне относятся к различным возможностям распределения прав собственности на природные ресурсы, являющиеся, по сути, «стратегическим запасом», на котором основано в их глазах будущее России. По данным исследования, на первом месте по оценкам реалистичности сценария будущего положения страны в мире оказывается превращение России в энергетическую и сырьевую «сверхдержаву», что, по сути, означает экстенсивное развитие сырьевого сектора и положение поставщика ресурсов развитым промышленным странам. В вопросе о том, кому должны принадлежать природные богатства страны, наибольшая доля россиян выбрала вариант «народу» (45%). Немного отстает от этого стремления к коллективной собственности на природные ресурсы вариант государственной собственности на них (39%).

Показательно, что для россиян абсолютно нелегитимна частная собственность на природные ресурсы. В праве собственности на природные богатства население отказывает и тем, кто с ними работает, и тем, кто проживает на

В вопросе о том, кому должны принадлежать природные богатства страны, наибольшая доля россиян выбрала вариант «народу» (45%). Немного отстает от этого стремления к коллективной собственности на природные ресурсы вариант государственной собственности на них (39%).

соответствующей территории, и, тем более, тем, кто стал их официальным собственником в результате реформ (см. таблицу 4).

Таблица 4

Кому, по мнению россиян, должны принадлежать природные богатства страны (2010 г.), %

Варианты ответов	%
Народу	45
Государству	39
Жителям территории, на которой они расположены	8
Тем, кто непосредственно работает с этими природными богатствами	6
Тому, кто стал их официальным собственником в результате реформ последних лет	2

Отметим, что распределение ответов на этот вопрос не сильно изменилось с 2000 г. Тогда россияне также были готовы предоставить право собственности на природные богатства страны, в первую очередь, государству (41%) и народу (39%). За официальными собственниками природных ресурсов их право собственности признавали, как и сегодня, лишь 2% россиян. Таким образом, здесь вновь проявляется ведущая роль государства, запрос на которую в экономической сфере – по крайней мере в некоторых ее аспектах – ярко выражен у населения страны и не сильно изменился за последнее время.

Вывод о высокой роли государства в экономической сфере подтверждается анализом ответов на вопрос о том, может ли государство ограничивать права собственников распоряжаться своей собственностью, и если да, то по каким видам собственности это возможно (см. рис. 4).

Как видим, недра и содержащиеся в них полезные ископаемые не воспринимаются большинством россиян как объекты реальной частной собственности – право распоряжения ими население готово предоставить государству. Почти 70% населения считают, что государство может ограничивать собственников недр и ресурсов в распоряжении их собственностью. Более 60% аналогичным образом относятся к побережьям морей и водоемов. Таким образом, распоряжение стратегическими ресурсами страны входит, по мнению населения, в сферу проводимой государством экономической политики.

Рис. 4. По каким видам собственности государство, по мнению населения, может ограничивать права собственников распоряжаться своей собственностью (2010 г.), % (допускалось несколько ответов)

Остальные варианты выбирают менее половины населения, тем не менее, цифры эти также очень показательны. Так, 44% считают, что право собственности может быть ограничено государством и по таким объектам, как заводы, фабрики, магазины. Каждый четвертый россиянин считает, что государство может контролировать такой вид собственности, как пай и акции предприятий. Согласие с регулированием государством этих объектов означает, по сути, что вмешательство государства в экономические отношения на уровне отдельных фирм в глазах россиян легитимно и даже востребовано в рамках реализуемой экономической политики.

Очевидно, что при такой модели речь не может идти о свободной рыночной экономике в традиционном ее понимании, и вновь нужно вспомнить про наиболее распространенное видение россиянами оптимального экономического строя – экономика, основанная, прежде всего, на государственной собственности – причем с возможностями контролирования государством и тех элементов рыночной экономики, которые могут в ней присутствовать.

При этом россияне не выступают против частной собственности как таковой, особенно если это касается собственности, принадлежащей им лично и составляющей их жизнь, их быт. Предоставить государству возможность ограничивать права собственников квартир, дач, участков,

машин готовы лишь 2–3% населения. Для подавляющего большинства россиян эти объекты составляют ту группу, на которую распространяется идея неприкосновенности частной собственности. Как видим, в нее входят лишь те типы собственности, которые не используются для получения доходов – а вот все, что связано с получением доходов, уже относится ими к той собственности, которую государство может и должно контролировать. В этом отношении показательно, что о возможности государства контролировать земельные участки населения, используемые для собственных нужд, упомянули только 2% россиян. Однако если речь идет уже не о личном пользовании участком, а о получении дохода путем производства на нем продукции для продажи, эта доля возрастает в несколько раз и составляет уже 13%, хотя и продолжает оставаться несопоставимо меньше, чем в отношении других природных ресурсов.

Только 22% россиян считают, что государство никогда не может вмешиваться в отношения частной собственности, и собственник может распоряжаться своим достоянием по своему усмотрению. Оно в большей мере распространено среди молодежи (так, этот вариант выбрали 34% россиян моложе 26 лет), а также среди предпринимателей и самозанятых. За последние несколько лет число сторонников этой точки зрения выросло – в 2005 г. полную свободу собственника в распоряжении своей собственностью поддерживали лишь 8% россиян. При этом доли тех, кто готов был допустить ограничения государством прав собственников квартир, автомобилей, дач и т. п. изменились незначительно, но сократились доли тех, кто считает правомерным ограничение государством прав собственников природных ресурсов, промышленных предприятий, акций и паев (см. рис. 5).

Таким образом, в последние годы происходит некоторое движение в сторону осознания и принятия россиянами права частной собственности и, соответственно, снижения роли государства в экономической сфере. Однако, судя по приведенным данным, роль государства пока остается наиболее значительной, и именно на него возлагаются надежды как на ключевого актора и в социальной сфере, и в сфере экономики.

Россияне не выступают против частной собственности как таковой, особенно если это касается собственности, принадлежащей им лично и составляющей их жизнь, их быт. Предоставить государству возможность ограничивать права собственников квартир, дач, участков, машин готовы лишь 2–3% населения.

Рис. 5. Поддержка населением права государства ограничивать права собственников по некоторым видам собственности, 2005/2010 гг., % (допускалось несколько ответов)

Подведем итоги. Для россиян характерно ожидание достаточно активной роли государства во всех сферах жизни общества, что отражается в их представлениях об идеальной модели общества и соответствующих функциях государства. Что касается экономической политики, то население выражает устойчивый запрос на ведущую роль государства в экономике, хотя за последние 10 лет его популярность немного сократилась. В социальной сфере роль государства, по мнению населения, также должна быть решающей и ощутимой. При этом большинство россиян ждут от государства обеспечения для всех определенного минимума, а вот чего-то большего каждый должен, по их мнению, добиваться самостоятельно. Такая модель является устойчивой и наиболее характерной для российского общества все последние годы.

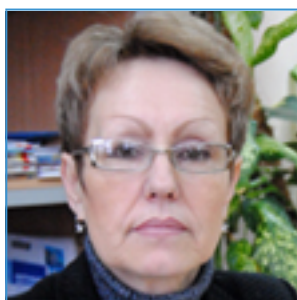
Вместе с тем, запрос населения на тип социально-экономического развития России во многом неоднороден, и в стране сосуществуют группы населения, характеризующиеся разными типами мировоззрения. Они различаются запросами к роли государства в экономической и социальной сфере, представлениями о желаемой модели развития страны и т. п. В частности, если говорить о социальной политике, то инвестиционную и гуманитарную функции поддерживают качественно разные группы населения. Так, наименее ресурсобеспеченные и, вследствие этого, наименее конкурентоспособные группы населения в большей степени акцентируют гуманитарную функцию, а более мо-

лодые и квалифицированные группы поддерживают, прежде всего, инвестиционную функцию, которая, совместно с экономической политикой по поддержке и развитию как традиционных, так и инновационных отраслей, сможет обеспечить для страны более достойное место в международном разделении труда, нежели позицию «сырьевой сверхдержавы».

Однако успешная реализация инвестиционной функции социальной политики, обеспечивающей конкурентоспособность страны на международной арене за счет определенного качества ее человеческого капитала возможна только при изменении «институциональной матрицы», сложившейся в стране. Именно с подобными изменениями связан, в первую очередь, запрос населения к государству, существующий на настоящий момент. Первые наиболее важные шаги, которые, по мнению россиян, должно сделать государство для успешной модернизации России, – это обеспечить практическую реализацию принципа равенства всех перед законом и начать жесткую и эффективную борьбу с коррупцией. Запрос на эти меры практически одинаков в разных группах населения и отражает те наиболее актуальные проблемы, которые, по ощущениям россиян, еще не решены, хотя потребность в этом стоит очень остро. При этом запрос на социальную справедливость является более ситуативным – он возрастает в сложные моменты жизни россиян, когда они не могут самостоятельно справиться с возникающими проблемами, что и продемонстрировал кризис 2009 г.

Т е м а н о м е р а : Социальная политика российского государства

Обращения граждан как паллиатив гражданского участия в самоуправлении и социальной политике

Кульпина Клавдия Павловна —
соискатель Нижегородского
исследовательского
университета им. Н.И. Лобачевского

e-mail: balss@yandex.ru

Прудник Александр Васильевич —
старший научный сотрудник
Институт социологии РАН

e-mail: soc@sandy.ru

Обращения граждан как паллиатив гражданского участия в самоуправлении и социальной политике

Аннотация

Авторы рассматривают обращения граждан во властные структуры как полумеру, как элемент участия населения в формировании и реализации социальной политики, который нельзя отнести к полноценному участию граждан в управлении делами общества и государства. В статье показано, что и чиновники, и граждане нередко воспринимают рассмотрение обращения «традиционно» – как милость, а не обязанность власти.

Abstract

The authors analyze citizens' appeals to authorities as a half-measure, a primary form of participation in the formation and implementation of social policy. The practice of appealing cannot be qualified as full civic participation in the running of society and the state. The article shows that bureaucrats and citizens often regard such appeals in the traditional way – as a favor rather than an obligation on the part of the authorities.

Ключевые слова: гражданское участие, гражданское общество, самоуправление, обращения граждан, социальная политика

Keywords: civic participation, civil society, self-government, citizens' appeals, social policy

Известно, что непосредственное участие большинства российских граждан в управлении делами государства и общества оставляет желать лучшего. Следовательно, и их влияние на социальную политику государства не может быть весомым по определению, за исключением, пожалуй,

стихийных всплесков протестной активности по поводу, например, пресловутого 122 Федерального закона, резкого падения уровня жизни в период экономического кризиса, массовых увольнений, задержек с выплатой заработной платы и иных случаев подобного рода.

На «Круглом столе» в редакции журнала «Социологические исследования» на тему «Состоялось ли гражданское общество в России?» главный редактор журнала Ж.Т. Тощенко приводит ответы российских граждан на вопрос, нужно ли, чтобы трудящиеся принимали участие в управлении: «80% ...» сказали – да. А реально участвуют 12-13%.

В России есть начала гражданского общества, но до тех пор, пока человек не почувствует себя силой, влияющей на решение проблем, хотя бы на уровне местного самоуправления, о гражданском обществе как состоявшемся говорить проблематично» [1, с. 49].

Одной из форм гражданского участия населения России в решении насущных проблем своей жизни (гораздо реже – местного сообщества) являются обращения граждан в органы исполнительной власти, интерпретируемые нами как их участие в постановке целей социальной политики в муниципальных образованиях.

Памятуя о многовековой традиции простого народа обращаться с челобитными в вышестоящие властные структуры (минуя местных чиновников или получив в них отказ), нельзя не отметить, что дело не только в традициях: своих ресурсов (прежде всего финансовых) у местных органов власти для проведения сильной социальной политики как не хватало, так и не хватает, существенно помочь гражданам на территории своего муниципального образования в решении их проблем (даже при всем желании местных чиновников) не всегда представляется возможным. Кроме того, районные администрации, аккумулируя проблемы и недовольство населения своего муниципального образования, лучше каждого отдельно взятого гражданина представляют перечень насущных проблем района (поселка) и очередность их решения. Большинство граждан хорошо понимают это и не питают иллюзий о возможностях властей муниципальных образований в улучшении условий их бытия.

В том, что определенную часть проблем в принципе невозможно решить в регионе, тем более, в муниципальных образованиях, виновата и порочная практика Центра

возлагать ответственность за реализацию социальной политики государства в муниципальных образованиях на региональные и местные власти, а средства на ее реализацию оставлять в ведении федеральных.

В 2006 г. Госдума РФ приняла Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» от 02 мая 2006 № 59-ФЗ, который базирует рассмотрение обращений граждан на принципах всеобщего права на обращение и свободы направления обращений, гласности и объективности при их рассмотрении, равной ответственности должностного лица и заявителя при разбирательстве поставленных вопросов. При этих условиях конституционная норма о праве на обращение превращается (или должна превращаться) в действенный элемент системы внесудебной защиты прав, свобод и интересов граждан. Как показывает приведенный ниже анализ обращений граждан Нижегородской области в Приемную Губернатора и Правительства Нижегородской области и работы с ними, обращения являются важным моментом участия граждан (заявителей) в формировании повестки дня социальной политики в муниципальных образованиях и в регионе. Действительно, побудительных моментов обращений в Приемную множество, но практически все из них по своему содержанию можно отнести к разряду актуальных вопросов социальной политики государства, региона и муниципальных образований.

За четыре года после выхода Федерального Закона в Приемной Губернатора и Правительства Нижегородской области накоплен большой опыт приема обращений граждан, как письменных, так и устных. Практика обращений и организация работы по рассмотрению устных обращений граждан показывает, что каждый гражданин будет выслушан и каждый обратившийся получит ответ по существу.

Во-первых, это ежедневный прием граждан по социально-бытовым вопросам сотрудниками Приемной; во-вторых, это организация личных приемов граждан Вице-губернатором и заместителями Губернатора; в-третьих, проведение выездных приемов граждан в городах и районах Нижегородской области; проведение безвозмездных правовых консультаций для граждан, имеющих льготные категории, проведение телеконсультаций для сельских жителей в режиме он-лайн и т. д.

За период 2006-2008 гг. работы Приемной наблюдается удивительная стабильность ежегодного количества устных обращений граждан, в то время как число обраще-

Обращения являются важным моментом участия граждан в формировании повестки дня социальной политики в муниципальных образованиях и в Нижегородском регионе.

ний должно бы зависеть от множества факторов, например, снижения остроты некоторых социальных проблем или обострения экономических проблем в регионе, принятия новых федеральных и региональных законов, направленных на решение проблем населения и предоставляющих новые возможности в улучшении условий жизни; возрастающей социальной активности (или пассивности) граждан и т. п. Возможно, что стабильное число устных обращений в Приемную Губернатора и Правительства демпфируется изменением письменных обращений граждан, проживающих на территории региона, в местные органы власти либо в федеральные, в Приемную Всероссийской политической партии «Единая Россия», в Общественные приемные Председателя партии «Единая Россия» В.В. Путина. Отмеченная стабильность количества обращений была нарушена в 2009 г.: последствия мирового финансового кризиса докатились до самых глухих деревень области, что отозвалось снижением уровня жизни и существенным всплеском числа обращений граждан в Приемную.

Представленные в годовых отчетах Приемной интерпретации всплесков и падений количества обращений по той или иной тематике трактуются однозначно в пользу власти («учитывающей интересы населения», проявляющей заботу о гражданах, проводящей социальную политику в регионе в интересах большинства граждан, ищущей новые формы работы с населением»).

Нам представляется, что анализ причин активности граждан в общении с региональной властью путем обращений, тематика обращений и другие аспекты взаимодействия власти и народа могут быть важной исследовательской задачей и иметь практическое значение в совершенствовании работы Приемной граждан Губернатора и Правительства Нижегородской области, других аналогичных функциональных подразделений региональных органов исполнительной власти краев и областей Российской Федерации, а также использоваться для корректировки региональной социальной политики.

Какие категории граждан преимущественно реализуют свое право на обращения и тем самым включаются в число акторов (хотя бы в качестве целеуказателей) социальной политики в регионе? Понятно, что социальный состав заявителей определяется только среди посетителей Приемной.

Традиционно чаще всего в Приемную обращается нетрудоспособная часть граждан, люди, которые не могут справиться с жизненными трудностями своими силами: инвалиды, ветераны, пенсионеры, многодетные матери, матери-одиночки и др. (см. таблицу 1). В среднем за последние годы они составляют почти 70% всех заявителей. Состав граждан, лично обратившихся в Приемную по территориальному признаку (месту прописки), имеет следующий вид: примерно половина заявителей – это жители областного центра, другую половину составляет население других городов и районов области. Это соотношение довольно устойчиво в течение наблюдаемого периода.

Таблица 1
Социальный состав заявителей, обратившихся
в группу первичного приема лично. 2006-2009 гг., %

Категория граждан	2006	2007	2008	2009
Всего обратилось (человек)	2716	2689	2692	3413
Из них:				
трудоспособные	25	20	28	29
инвалиды	26	33	26	23
ветераны труда	13	12	20	21
пенсионеры	26	25	16	12
безработные	7	7	7	8
ИВОВ, УВОВ, ВВОВ	-	-	3	4
многодетные родители	3	3	2	2
иные категории	-	-	2	2

Поскольку за пределами Нижнего Новгорода проживает несколько больше граждан (возможных заявителей), то можно утверждать, что жители областного центра чаще реализуют свое право на обращения путем личных встреч со специалистами Приемной и иными должностными лицами, активнее пользуются своими правами по сравнению с иногородними.

Не преувеличивая роли территориального фактора в частоте обращений граждан в Приемную, нельзя игнорировать тот факт, что местожительство в известной степени дискриминирует жителей сел и других городов, особенно самых удаленных по доступности от областной власти. В этом в определенной степени проявляется и социальное неравенство между городом и деревней.

Обратим особое внимание на тот факт, что большинство обращений жителей области связаны прежде всего с решением своих личных социально-бытовых проблем и заметно реже – проблем местного сообщества, которые большей частью решены в городах, но остаются на повестке дня в ряде отдаленных сельских районов: газификация частного сектора, строительство и ремонт дорог, водоснабжение населенных пунктов, улучшение жилищных условий селян, электроснабжение и др.

Объективным является и то обстоятельство, что для значительного числа заявителей, особенно из отдаленных районов области, проезд в областной центр на прием к специалистам администрации области сам по себе является проблемой. Не только из-за расходов на проезд, из-за бездорожья, невозможности надолго отлучиться от дома, хозяйства, но и по причине слабого здоровья достаточно большой части заявителей. Поэтому Приемная Губернатора и Правительства области организовала выездные приемы граждан с привлечением специалистов министерств Нижегородской области непосредственно в отдаленных районах области, тем самым обеспечивая «почти» равные возможности для всех граждан области подать обращение и получить содержательный ответ, а нередко и решить свой вопрос непосредственно в ходе выездного приема.

Выездам в районы области предшествует «информационный залп» о предстоящем приезде в район представителей руководства области: в районных СМИ публикуются объявления о дате и месте проведения приема граждан, его участниках. Информация проходит также через местные телеканалы, радио. Таким образом, широкое информирование граждан с использованием всех технических возможностей – неременный элемент в системе подготовки и проведения выездных приемов. Благодаря выездным приемам граждан региональная власть становится доступнее и ближе к народу, что с политической точки зрения трудно переоценить.

Более 90% обращений граждан на выездных приемах рассматриваются полностью или частично с положительным результатом, что однозначно говорит о высокой результативности встреч сельского населения с ответственными лицами областной администрации (см. таблицу 2).

Благодаря выездным приемам граждан региональная власть становится доступнее и ближе к народу, что с политической точки зрения трудно переоценить.

Таблица 2

**Итоги рассмотрения обращений, поступивших
во время выездных приемов граждан в городах
и районах Нижегородской области, 2006-2009 гг.,
число обращений**

Результат рассмотрения обращений	2006	2007	2008	2009
Всего обращений	787	1013	1006	983
Решено полностью или частично с положительным результатом	533	906	910	961
Записано на личный прием к заместителям Губернатора	13	26	19	-
Взято на контроль	-	-	77	22

По-видимому, дело не столько в больших полномочиях представителей региональной власти (по сравнению с городскими и районными), но и в более высокой квалификации специалистов министерств и ведомств Нижегородской области, их лучшем знании законодательства и нормативных документов, накопленном опыте работы с обращениями, умением принимать грамотные управленческие решения.

Основные проблемы, поднимаемые жителями городов и районов Нижегородской области, из года в год практически одни и те же:

- улучшение жилищных условий;
- ремонт и строительство дорог межпоселкового сообщения;
- газификация частного сектора;
- работа жилищно-коммунального хозяйства;
- работа сельхозпредприятий в условиях кризиса и т. п.

В общественном мнении существует устойчивое убеждение, что в коридорах районной исполнительной власти, которая ближе всего к народу, заявители получают ответы типа «это не наш вопрос», «нет средств», «не запланировано», «не в нашей компетенции» и т. п. Такие ответы чаще всего не отписки, не отговорки, не бюрократическая казуистика, а свидетельство того, что многие граждане не знают, как функционирует власть и за какие сферы жизни общества местная власть несет ответственность, а решение каких вопросов не входит в ее компетенцию.

С момента принятия Федерального Закона «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» происходит поиск новых форм работы с обращениями граждан.

В 2008 г. Приемная продолжила работу по организации личных приемов граждан Вице-губернатором, заместителями Губернатора Нижегородской области. Было проведено 23 приема, на которых принято 297 заявителей. В среднем каждое высокопоставленное лицо за один прием встретилось с 12–13 гражданами. Вопрос об эффективности этих встреч (если понимать под эффективностью решение проблемы заявителя) остается открытым, но сам факт реальной возможности для любого гражданина встретиться с высоким начальством трудно переоценить. Это также может быть интерпретировано как свидетельство демократичности общества и акт обеспечения конституционных прав граждан.

Опыт работы с обращениями граждан свидетельствует о том, что уровень правовой грамотности населения (особенно пожилого, с глубокой убежденностью, что личные проблемы человека являются и проблемами общественными, что государство-патрон должно вмешаться в жизнь каждого гражданина) оставляет желать лучшего.

Значительная часть вопросов и претензий, с которыми граждане обращаются в органы исполнительной власти, не имеет к ней прямого отношения, так как требует рассмотрения в суде, прокуратуре и иных организациях. И тот факт, что более половины обратившихся – пожилые люди с советским менталитетом, – объясняет перегруженность Приемной обращениями, которые направлены не по адресу. Чтобы не усугублять недовольство граждан-заявителей тем, что определенную часть обращений не принимают к рассмотрению (предлагают отправить в иные инстанции), в Нижегородской области проводятся безвозмездные правовые консультации для малоимущих граждан с привлечением специалистов государственного правового департамента и отделения Пенсионного фонда РФ по Нижегородской области.

Доступность областной исполнительной власти для иногородних граждан затрудняется, а порой и блокируется трудностями железнодорожного, водного и автобусного сообщения и дороговизной билетов на эти виды транспорта. И даже выездные приемы граждан не позволяют охватывать население многих районов области. Новые информационные технологии, телемосты Приемной Губернатора с жителями районов области реально приблизили власть к населению: в работе первого телемоста в 2008 г. приняло

участие население четырех районов области, было задано и получено в режиме реального времени более пятидесяти вопросов и ответов.

Более существенный эффект дают телеконсультации для жителей городов и районов области в режиме онлайн с привлечением юристов государственно-правового департамента, специалистов органов исполнительной власти, заинтересованных организаций.

В 2008 г. Приемная подготовила и провела четыре телеконсультации по теме «Проблемы жилищно-коммунального хозяйства и качество предоставляемых населению услуг». Это самая актуальная тема последних трех лет. В консультациях приняли участие жители 19 районов Нижегородской области, собравшиеся в информационных центрах своих городов и райцентрах и получившие квалифицированные ответы от должностных лиц областного уровня. На этих телеконсультациях присутствовали и руководители органов местного самоуправления, для многих из них телемосты были своего рода обучающими семинарами, на которых предлагались алгоритмы решения проблем ЖКХ на местах. Присутствие на телемостах заместителя Губернатора, министров и заместителей министров Нижегородской области во многом способствует оперативному решению части вопросов сельского населения.

Практика работы по рассмотрению обращений граждан на телемостах в режиме прямого диалога, возможно, эффективнее личных приемов посетителей специалистами Приемной: прямой диалог ответственных работников исполнительной власти с населением – один из путей решения многочисленных вопросов социальной политики региональными властями.

Высокая результативность принимаемых по обращениям граждан решений органами региональной и местной власти невозможна без работы по контролю качества, полноты, а также сроков рассмотрения обращений граждан. Например, с начала 2008 г. на контроль взято 1381 обращение, в том числе 295 обращений с личных приемов граждан заместителями Губернатора и выездных приемов, 1086 письменных обращений поступило от граждан во время встреч Губернатора с населением.

Существенное уменьшение количества обращений, взятых на контроль во время **личных** приемов граждан в 2008 г. (без учета обращений, поступивших от граждан во время личных встреч с Губернатором), обусловлено,

прежде всего, тем, что многие вопросы, с которыми граждане обращаются к заместителям Губернатора, решаются непосредственно во время приема. Эти вопросы не требуют дальнейшего рассмотрения и постановки на контроль.

За 2006-2009 гг. доля положительно решенных вопросов по обращениям составляет около трети всех взятых на контроль, по каждому второму обращению граждане получили разъяснения, в 15% случаев граждане получили отказ. Как правило, число положительных решений коррелирует с суммами бюджетных средств, выделяемых федеральными властями на социальные программы в регионе и размером резервного фонда Правительства области.

Жаль, что в половине встреч с заявителями заместители Губернатора играют роль консультантов по российскому законодательству и правам граждан и только в половине случаев принимают принципиально важные для заявителей решения.

Тем не менее, сам факт доступности власти для каждого заявителя играет важную роль в формировании из обывателя гражданина, вступающего в диалог с высокопоставленными представителями исполнительной власти.

Статистика рассмотрения обращений граждан с положительным результатом по итогам **личных** приемов граждан заместителями Губернатора свидетельствует о правильности тактики населения обращаться сразу в самые высокие инстанции («вот приедет барин, барин нас рассудит») и игнорировать местные власти («от которых помощи не дождешься»)!

Послав письмо, скажем, сразу в Администрацию Президента РФ, заявитель в конце-концов вновь придет к местному чиновнику, но не только со своим заявлением, а с кипой предписывающих сопроводительных бумаг из самых высоких инстанций, отмахнуться от которых уже невозможно.

Ошибочно считать, что увеличение обращений в Приемную по той или иной тематике однозначно говорит об обострении конкретной проблемы населения. Порою мотивом обращения как раз выступают инициативы власти по повышению благосостояния отдельных групп населения, т. е. возникает интерес граждан к тем или иным заявленным социальным программам областного правительства, появляется «информационный голод», вызывающий рост числа обращений.

Сам факт доступности власти для каждого заявителя играет важную роль в формировании из обывателя гражданина, вступающего в диалог с высокопоставленными представителями исполнительной власти.

Мировой экономический кризис (2009 г.) внес несколько корректив в рейтинг частоты поднимаемых населением вопросов. Основная часть обращений граждан касается вопросов предоставления жилья и улучшения жилищных условий, а также роста безработицы.

Если жители области пока еще сравнительно редко используют возможность направления обращений в Приемную через интернет, то телефон является главным каналом связи с населением области. Не случайно в структуре Приемной четвертый год работает «горячая телефонная линия», ежедневно принимающая устные обращения граждан по телефону.

Номера телефонов «горячей линии» находятся не только на видных местах в помещениях всех городских и районных администраций области, но и в общественном транспорте: автобусах, троллейбусах, трамваях, благодаря чему каждый гражданин может связаться с Приемной Губернатора и Правительства.

Этой возможностью воспользовались в первый год работы «горячей линии» свыше 10 тыс. нижегородцев, в 2007 и 2008 гг. примерно по пять тысяч граждан.

Сотрудники Приемной Губернатора и Правительства области приложили немало усилий для разъяснения гражданам, по каким вопросам целесообразнее обращаться на «горячую» линию, в решении каких вопросов ее сотрудники могут оказать оперативное содействие. Именно оперативное, так как установленные сроки исполнения поручений по рассмотрению обращений, поступающих по каналам «горячей линии», от 3 до 7 дней (в исключительных случаях – до 14 дней). В результате разъяснительной работы количество устных обращений граждан на «горячую линию» в последние годы (по сравнению с 2006 г.) сократилось вдвое.

Если учитывать долю взрослого населения областного центра в общей численности населения Нижегородской области, то можно сказать, что жители Нижнего Новгорода примерно в 4 раза активнее жителей области (городских и сельских) используют возможности этого канала связи населения с властью. Кроме географического фактора, по видимому, играет роль более высокий уровень образования жителей областного центра, лучшая информированность.

Тематика обращений граждан по «горячей линии» обширна, но вновь легко укладывается в русло самых актуальных проблем бытия и повседневных забот большого

Порою мотивом обращения как раз выступают инициативы власти по повышению благосостояния отдельных групп населения, т. е. возникает интерес граждан к тем или иным заявленным социальным программам областного правительства, появляется «информационный голод», вызывающий рост числа обращений.

числа нижегородцев и, к сожалению, повторяется из года в год; следовательно, озвученные проблемы населения не только решаются полностью или частично, но также воспроизводятся ежегодно.

Судя по тематике обращений граждан, Приемная на 99% процентов завязана на решение вопросов именно социальной политики государства, региональных и местных властей! Это весьма примечательный факт, иллюстрирующий активное участие Приемной в реализации социальной политики государства и региональной исполнительной власти (см. таблицу 3).

Таблица 3

Основная тематика обращений граждан по группе «горячая линия», 2007-2009 гг., число обращений

Тематика обращений	2007	2008	2009
Всего обращений, из них:	3766	3951	2731
вопросы ЖКХ	2570	2500	2731
здравоохранение	277	108	70
социальная защита населения	138	117	157
вопросы транспорта, дорог, связи	173	176	119
прочие вопросы	608	1050	951

Тематика обращений граждан по телефону, с одной стороны, стабильна по содержанию обращений (это из года в год нерешаемые или решаемые частично вопросы социальной политики государства), с другой стороны, подвижна – граждане чутко реагируют на те изменения в законодательных актах, которые затрагивают их жизненные интересы (см. таблицу 4 в Приложении 1).

Одной из причин существенного увеличения количества обращений на «горячую телефонную линию» является, в частности, введение с января 2009 г. практики проведения выездных «горячих телефонных линий» в городах и районах Нижегородской области.

Абсолютное большинство проблем – социальные, незначительная часть – экономические, и практически нет политических. Содержание обращений и их количество по отдельным темам дает полное основание включить их как заявку населения в информационную базу социальной политики в регионе.

Главный вопрос, ответ на который оправдывает существование и работу этой группы специалистов в приемной, – это действенность и результативность работы (см. таблицу 5).

Таблица 5

Результаты деятельности «горячей линии».
2006-2009 гг., число вопросов

Вопросы, принятые сотрудниками по «горячей линии»	2006	2007	2008	2009
Всего, из них:	10156	3766	3951	6192
полностью или частично удовлетворено	9933	3596	3854	5927
решено с положительным результатом	2737	1024	900	997
даны консультации и разъяснения	7196	2572	2954	4930
отказано	0	66	31	44
на контроле (на конец отчетного периода)	223	104	66	221

Чем вызван шквал звонков по «горячей линии» в первый год работы линии и постепенное уменьшение обращений в последующие годы? И это в условиях, когда о существовании столь удобной формы диалога с властью в решении своих и общественных проблем информируется все больше нижегородцев, а число звонков с каждым годом убывает? Появляются новые каналы связи с властью? Или наступило разочарование от несбывшихся (а, возможно, неоправданных) ожиданий? Эти вопросы требуют дополнительного изучения. Тем не менее, «горячая линия» оказалась чутким барометром повседневной жизни горожан и жителей сел.

Поиск в сети интернет по сайтам с ключевыми словами «обращения граждан...» показывает, что в других регионах страны число различных обращений в органы власти тоже снижается.

Наибольшее количество обращений за 3,5 года поступило от жителей районов области с преобладанием городского населения. Но было бы опрометчиво делать скоропалительный вывод о том, что эти районы входят в «зону неблагополучия». Само обращение и мотивы, его вызвавшие, – многофакторное явление, и нельзя судить о них по величине одного или небольшого числа показателей. Повышение гражданской активности населения, увидевшего в обращениях граждан в Приемную реальную возможность заставить власть «шевелиться» в интересах

народа, может быть, например, одним из ведущих факторов роста числа обращений к власти. Здесь же можно указать на то, что прописанная в Законе процедура работы с обращениями граждан обеспечивает «взаимное признание и учет каждым индивидом интересов другого как равного и достойного уважения человеческого существа» [2, с. 172].

Сотрудниками группы «горячей линии» путем взаимодействия с исполнителями по телефону направлено в 2008 г. по обращениям граждан 692 письменных поручения в органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, в федеральные органы власти.

В работе с устными обращениями граждан выработана и отлажена система работы с исполнителями вопросов, затронутых в обращениях. Эффективность работы сотрудников «горячей линии», например, в 2006 г. характеризуется тем, что в государственные органы власти, органы местного самоуправления и должностным лицам было направлено 678 письменных поручений. Ни одно из них не осталось без ответа! Это еще одно свидетельство того, что проблема граждан, которую они хотят решить с местными властями, имеет существенно больше шансов быть решенной, если взаимодействие двух сторон, находящихся заведомо в неравных «весовых категориях», опосредовано Приемной граждан Губернатора и Правительства. В чем причина достаточно высокой эффективности обращений?

По М. Веберу, «бюрократическое управление регулируется общими правилами, которые в большей или меньшей степени являются исчерпывающими» [3, с. 56]. Это означает, что, во-первых, «обращение не может быть проигнорировано в силу самой природы бюрократической системы, связанной формальными рамками инструкций, а во-вторых, институт обращений в целом не может быть ликвидирован, поскольку он является древнейшим информационным каналом для власти и одним из главных средств ее самооправдания... Обращение всегда с необходимостью порождает последствия, развивающиеся по своей внутренней логике.... Как показывает история, институт обращений граждан – ровесник государства. Он существовал, когда не было ни представлений о демократии (даже в античном понимании), ни разделения властей, ни тем более современных информационных технологий. Обращения служили зримым воплощением принципа «го-

сударя – отца», из которого прямо следует, что власть не может остаться безучастной к бедам своих подданных и не слышать их «воплей».

И, несмотря на все изменения, произошедшие в понимании феномена власти и формах легитимации, этот принцип никуда не исчез» [4, с. 21]. На основании этого, полагает автор цитируемой работы (и мы присоединяемся к его точке зрения), «институт обращений граждан может рассматриваться как единственная форма гражданского участия, которая одновременно интегрирована в структуру публичной власти, причем так, что не может быть изъята оттуда без смертельного ущерба для этой структуры. Следовательно, через посредство обращений возможно влиять на принимаемые субъектами власти решения, причем используя сущностные, неотъемлемые черты бюрократии. Такие особенности бюрократии, как формализованность, субординация и автоматизм исполнения, часто считающиеся злом, здесь могут пойти на пользу гражданскому участию [4, с. 21]. Закон «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» гарантирует(!), что любое обращение будет рассмотрено и обратившийся получит своевременно ответ по существу.

В первый же год работы «горячей линии» было принято решение организовать для граждан **ежемесячные тематические телефонные линии**, в ходе проведения которых люди имеют возможность получить квалифицированную помощь от специалистов исполнительной власти Нижегородской области, а также специалистов из иных организаций и учреждений по самым актуальным проблемам, волнующим население. Тематику этих линий подсказывает население. За три с половиной года работы «горячей линии» проведена 41 тематическая горячая линия.

Например, тематика линий в первом полугодии 2009 г. имела следующий вид:

21.01.2009. «Закон «О защите прав потребителя» на территории Нижегородской области» – 81 звонок;

11.02.2009. «Задай свой вопрос ГИБДД. Проблема парковки и эвакуации автотранспорта в Нижегородской области» – 54;

11.03.2009. «Тарифы на услуги ЖКХ» – 87;

15.04.2009. «Проблемы защиты окружающей среды на территории Нижегородской области» – 44;

13.05.2009. «Весенний призыв» – 40;

10.06.2009. «Дачная амнистия» – 48;

Посредством обращений возможно влиять на принимаемые субъектами власти решения, причем используя сущностные, неотъемлемые черты бюрократии.

16.07.2009. «Проблемы водоснабжения населения Нижегородской области» – 119;

05.08.2009. «Проблемы капитального ремонта в Нижегородской области» – 100.

Необходимо отметить, что «горячая линия» – это не только информационный канал обратной связи региональной власти и населения области. Задачи сотрудников группы «горячая линия» – оказать максимум содействия в решении проблемы обратившегося к ним гражданина.

За три с половиной года работы на телефоны группы «горячая линия» обратилось около 23 тыс. граждан, из которых около 16 тыс. – жители областного центра. Из 23 тыс. обращений полностью или частично решено с положительным результатом более 22 тыс.

Такая статистика подвергает сомнению сложившийся стереотип о власти, которая живет своими интересами, далекими от нужд и чаяний народа. Но важно обратить внимание и на другое: тысячи жителей области звонят по тем вопросам, решать которые призваны органы муниципальной власти. Призваны, но не решают! Люди звонят в Приемную граждан Губернатора и Правительства Нижегородской области, устав от обещаний, от несоблюдения сроков выполнения тех или иных работ, от бездушного отношения к ним со стороны чиновников.

Анализ работы Приемной (не только горячей линии) показал, что можно достаточно эффективно через Приемную влиять на решения властных акторов.

Чтобы население могло использовать Приемную как инструмент влияния на власть, необходимо его информировать о существовании этого инструмента, назначении, возможностях и порядке приема обращений. И эта норма тоже прописана в Федеральном законе и реализована в Нижегородской области.

Деятельность Приемной освещается через опубликование материалов в региональных и районных средствах массовой информации, например, в 2008 г. работа Приемной была представлена в 2446(!) публикациях: из них: 434 – в региональных СМИ, 2012 – в районных печатных СМИ, 16 сюжетов о работе Приемной было показано по каналам телевидения. Кроме того, 21 сообщение о деятельности Приемной было размещено на сайте Правительства Нижегородской области и Интернет-портале государственных и муниципальных услуг Нижегородской

области. В фойе Приемной для граждан установлен информационный терминал государственных и муниципальных услуг.

Путем распространения объективной информации о деятельности Приемной, грамотной организации работы с людьми, чуткого отношения к их проблемам Приемная способствует повышению доверия к власти в обществе, укреплению авторитета органов государственной власти (в меньшей степени – местного самоуправления как распространенного объекта жалоб), созданию единого механизма прямой и обратной связи между населением и государственной властью, органами местного самоуправления, позволяющего оперативно решать возникающие у граждан вопросы.

Одной из причин обращения жителей к органам исполнительной власти области является незнание гражданами полномочий органов местной власти, недоверие к руководству органов местного самоуправления, упование на помощь областных органов власти.

Сотрудниками группы «горячей линии» путем взаимодействия с исполнителями по телефону, направлено в 2008 г. 692 письменных поручения по обращениям граждан в органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, в федеральные учреждения (в 2007 г. – 554).

«Горячая линия», на наш взгляд, выполняет сегодня важнейшую функцию обратной связи между региональной властью области и его населением, функцию, совершенно необходимую в любой системе управления, являясь одним из важных звеньев системы государственной внесудебной защиты прав, свобод, жизненных интересов граждан. Это касается всех видов обращений граждан во власть, а не только обращений по телефонам «горячей линии».

Хотя значительная часть обращений граждан носит характер «челобитных» (просьб о «милости» и помощи), благодаря Федеральному Закону, процедуре рассмотрения обращений некоторые просьбы даже приобретают статус требования, а предложения граждан, высказанные в обращениях, уже представляют по своему содержанию момент участия граждан в управлении государством. «Автор обращения в этом случае уже не столько проситель, сколько партнер. Рассмотрение обращения – не милость, а обязанность власти. Необходимо уточнить, что это в идеале, в действительности же отношение управленцев-чиновников подчас содержит больше элементов "традиционного", нежели

“современного”. Да и сами граждане подчас продолжают воспринимать обращения именно традиционно, т. е. как челобитные, а не как реальное участие и партнерство» [3, с. 19].

Как соотносится получаемая таким путем информация с той, которая приходит через опросы общественного мнения, проводимые многочисленными социологическими службами, как в масштабах страны, так и в каждом регионе?

На наш взгляд, эти два канала информации имеют больше различий, чем сходства, и потому не взаимозаменяемы, а взаимодополняемы даже в тех случаях, когда речь идет о проблемах заявителей в одних случаях и респондентов – в других. Это верно даже тогда, когда тематика того или иного социологического опроса относится к социальным проблемам. Респонденты в опросах дают свои оценки ситуации, интересующие в первую очередь социологов (или заказчиков опросов) и не более того. Мало кто из респондентов рассчитывает, что по итогам опроса те проблемы, о которых они говорили, будут решаться для них лично и оперативно. Прибегая к аллегории, скажем, что опросы общественного мнения – это социальный барометр, который показывает напряженность, температуру общественного мнения, а обращения граждан – это готовый диагноз болезни заявителя, который ожидает, что власть немедленно приступит к лечению его болезни. В немалом числе случаев обращения, как было показано в проведенном анализе, – это и лекарство для обратившегося за помощью.

У заявителя обращения принципиально иной подход, нежели у респондентов в опросах общественного мнения. Он не столько информирует власть о своих проблемах, проблемах своей семьи (гораздо реже – местного сообщества), сколько активно ищет пути их решения и ищет союзника в лице власти, просит увидеть «маленького человека» и подает свою челобитную в надежде, что власть (местная, региональная, федеральная) его услышит и окажет помощь. Хотя Федеральный Закон «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» гарантирует только первую часть ожиданий граждан, а именно, что его челобитная будет рассмотрена и заявитель получит ответ по существу своего дела.

Обращения населения во власть демонстрируют «наличие отсутствия» гражданского общества в России в том смысле, что граждане обращаются во власть преимуще-

ственно только от своего имени, а не от организаций и объединений граждан как составных элементов гражданского общества. Редко в принимаемых обращениях специально указывается, что заявитель поднимает вопрос, касающийся не только его, но, скажем, коллег, соседей по дому, местного сообщества. Таким образом, нет того кумулятивного социально-политического эффекта давления на власть, который может проявиться при петициях с множеством подписей.

Анализ обращений населения показывает не только разобщенность граждан при решении сходных насущных вопросов своей жизни, но и стремление заявителей решить его только своими силами, в одиночку. Есть ли, например, в настоящее время для горожан более жгучая проблема, чем содержание жилого фонда? А можно ли собрать кворум собрания собственников жилья многоквартирных домов, чтобы оформить юридически отношения с управляющей компанией? Если и возможно, то только в результате заочного голосования собственников.

В случае с обращениями граждан ситуация иная. Как ни странно, закон об обращениях граждан удобен и выгоден всей вертикали исполнительной власти. С политической точки зрения, всегда можно спустить вниз по вертикали ответственность за промахи и провалы в социальной политике на местные власти, «недостаточно работающие с населением, невнимательные к нуждам и чаяниям граждан». При этом вышестоящие выглядят защитниками народа, пекущимися о его насущных интересах, критикующих «бюрократов» на местах, иногда устраивающих «публичные порки» нерадивых чиновников. Неслучайно наибольшее число обращений поступает на самый верх властной вертикали, к Президенту и Премьер-министру, которые в глазах народа (судя по результатам выборов и опросам общественного мнения) приобрели имидж защитников народных интересов [5, с. 3].

У власти любого уровня (кроме муниципального) есть хорошая возможность показать свою близость к народу, выглядеть его защитником от «бюрократов» в нижестоящих органах власти, спустив обращение заявителя на следующий уровень власти того региона (района), откуда пришло обращение, и обязать чиновников рассмотреть, дать ответ по существу и принять меры.

Закон об обращениях граждан удобен и выгоден всей вертикали исполнительной власти.

Власть заинтересована в решении вопросов заявителя, но далеко не всегда в состоянии выделить необходимые дополнительные средства для решения проблем заявителя из своего бюджета или других источников, предлагая нижестоящим самим изыскать средства. Естественно, что у властных структур свои приоритеты неотложных дел, нежели у отдельного гражданина. Именно так работает федеральная власть по отношению к региональной, а последняя – по отношению к муниципальной, самой близкой к населению, у которой традиционно нет необходимых средств на проведение социальной политики по месту жительства граждан.

Закон выгоден нашему «атомизированному» населению, не стремящемуся к объединению в различного рода ассоциации, но законодатель в Федеральном Законе «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» фактически уравнивал при подаче заявлений весовые категории инициативной группы населения и единичного заявителя. Кроме того, он дает возможность отдельному гражданину использовать властный ресурс вышестоящих органов власти в диалоге с нижестоящей. Следует согласиться с точкой зрения К. Подъячева, что «действующий Закон в большей степени отражает интересы бюрократии, однако является шагом вперед по сравнению с предшествующей ситуацией; в нормах этого закона заложены некоторые предпосылки для модернизации и демократизации института обращений граждан» [4, с. 21]. Он же предлагает один из путей продвижения интересов народного большинства, опираясь на упомянутый закон: «Сегодня можно относительно эффективно влиять на решения властных акторов через посредство обращений граждан двумя путями: сочетая обращения с другими формами гражданского участия (прежде всего, массовыми акциями и гражданской экспертизой), либо организуя потоки индивидуальных обращений с одинаковыми требованиями» [4, с. 22]. На наш взгляд, использовать обращения граждан как инструмент борьбы партий, политиков и политиканов за власть не только нецелесообразно, но и вредно для осуществления прямых функций таких подразделений в аппарате Губернатора и Правительства области. Если предположить такое развитие событий, что институт обращений как эффективный канал связи граждан с властью превратится в арену политических баталий, в результате на второй и даже третий

план уйдет социальная проблематика местных сообществ, что дезориентирует власть в ее понимании насущных проблем граждан региона и их потребностях.

В отличие от других каналов выражения мнений отдельных лиц и групп граждан, подразделения власти, специализирующиеся на приеме обращений и работе с ними, по закону обязаны рассмотреть обращения и дать заявителю ответ по существу – искусственное же увеличение количества обращений и подписантов может парализовать работу сотрудников аппарата, работающего с обращениями о насущных нуждах граждан. Тем более что каждая властная структура имеет тенденцию расширяться, собирать и перерабатывать все больше информации, не имеющей прямого отношения к ее основным функциям, но этому не следует потакать.

Возвратимся к вызвавшей большой резонанс одной из последних статей А.И. Солженицына, где он, полемизируя с противниками повышения роли местного самоуправления в жизни российского общества, ту же мысль выразил своим литературным языком: «Если мы не научимся брать [власть] в свои руки и деятельно обеспечивать близкие, жизненные наши нужды, а всегда отдавать их на милость далеких, высоких бюрократов, — не видать нам благоденствия ни при каких золотовалютных запасах. И неправда, что не способны мы уже к самоорганизации» [6]. С первым выводом Нобелевского лауреата трудно не согласиться. Что касается самоорганизации – трудно согласиться.

Обращения как элемент участия населения в формировании и реализации социальной политики нельзя отнести к полноценному участию граждан в управлении делами общества и государства. Это полумера и не главный путь активизации граждан в решении своих проблем. Неслучайно в контексте реализации социальной политики в регионе мы называем обращения граждан паллиативом их участия в управлении, т. е. как «средства, представляющего собой временный выход из затруднительного положения.

Закон об обращениях выгоден нашему «атомизированному» населению, не стремящемуся к объединению в различного рода ассоциации.

Приложение 1

Таблица 4

Тематика рассмотренных вопросов в обращениях граждан Нижегородской области по «горячей линии», 2008-2009 гг., число обращений

Тематика обращений	2008	2009
Вопросы промышленности, предпринимательства и акционирования предприятий	1	25
Агропромышленный комплекс, в том числе:	23	35
землепользование	16	27
другие вопросы АПК	7	8
вопросы транспорта, дорог, связи	176	226
работа транспорта и оплата за проезд	89	96
связь, телефонизация и радиофикация	55	37
строительство и ремонт дорог	30	69
Вопросы жилищно-коммунального хозяйства в том числе:	2500	2731
о предоставлении отдельных квартир, улучшении жилищных условий	49	90
о льготном получении жилья	15	23
вопросы приватизации	2	14
ремонт жилья и инженерной инфраструктуры	465	462
оплата жилья и коммунальных услуг	76	171
теплоснабжение	615	762
водоснабжение	286	322
расселение ветхого фонда	25	34
благоустройство городов и посёлков	423	401
другие жилищные вопросы	286	237
ремонт кровли	106	76
ремонт лифтов	35	17
электроснабжение	90	97
газоснабжение	24	23
вопросы строительства	72	105
строительство жилья	21	11
обеспечение жильем по сертификатам	4	8
газификация	31	52
другие вопросы строительства	16	31
Вопросы торговли, бытового обслуживания	25	78
Торговля	20	60
Бытовое обслуживание населения	3	16
Вопросы культуры и спорта	18	29

Продолжение Таблицы 4

Тематика обращений	2008	2009
Вопросы средств массовой информации	3	19
Вопросы народного образования и детских учреждений	51	79
Вопросы здравоохранения и медобслуживания	108	191
Охрана и рациональное использование окружающей среды	11	17
Вопросы труда и зарплаты	60	164
О безработице и трудоустройстве	5	25
Увольнение и восстановление на работе	4	9
Оплата труда	39	112
Другие вопросы труда и зарплаты	12	17
Социальная защита населения	117	285
Вопросы пенсионного обеспечения	14	25
Оказание материальной помощи	11	29
О льготах	17	36
Обеспечение средствами передвижения	9	6
Социальные пособия	13	56
Другие вопросы социальной защиты населения	53	131
Финансовые вопросы	12	18
Налоги и сборы	11	18
Обеспечение законности и правопорядка	44	112
Судебные вопросы	9	30
Иные вопросы законности и правопорядка	27	76
Вопросы беженцев и вынужденных переселенцев	1	5
Вопросы награждения и присвоения почётных званий	4	4
О работе органов власти	7	23
О порядке рассмотрения обращений граждан, личный прием	86	259
Обращения, не имеющие смыслового содержания	6	14
Другие вопросы	625	1772
Звонки по ранее принятым обращениям	80	559
Обратная связь	66	501
Итого	3951	8192
На тематические линии поступило	866	843
Всего	4817	7035

Библиографический список

1. Состоялось ли Гражданское общество в России (Круглый стол) // Социологические исследования. 2007. № 1.
2. Seligman, A.V. The Idea of Civil Society/ N.Y.: Princeton University Press, 1992.
3. Вебер М. Бюрократия // Классики теории государственного управления: американская школа. Хрестоматия. Сост. Д. Шафритц, А. Хайд. – М.: Издательство МГУ им. М.В.Ломоносова, 2003.
4. Подъячев К.В. Обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления как форма гражданского участия. Автореф. дис. канд. полит. н: 23.00.02. – М., 2007.
5. Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 4(96). Июль – август.
6. Солженицын А.И. Что нам по силам? // Аргументы и факты. 2008. 30 января.

Социология: проблемы развития

Сравнительный анализ национальных социологических школ в их отношении к национальным культурам

Из цикла «Наше наследие»¹

**Здравомыслов Андрей Григорьевич
(1928–2009)**

доктор философских наук,
почётный доктор Института социологии РАН

¹ Статья Андрея Григорьевича Здравомыслова открывает цикл под названием «Наше наследие». В этом цикле мы будем регулярно публиковать труды патриархов отечественной социологии.

Сравнительный анализ национальных социологических школ в их отношении к национальным культурам

Аннотация

В статье анализируются особенности становления национальных научных социологических школ во Франции, США, Англии и Германии и их опыт соотносится с особенностями России. Главный вопрос, который ставит автор – возможно ли формирование национальной теоретической традиции в российской социологии? В заключение делается вывод, что наиболее конструктивным для оценки современной российской социологии является «поколенческий подход».

Abstract

The article analyzes the development of national sociological schools in France, USA, Britain and Germany. Their experience is compared with that of Russia. The author poses a major question: is the formation of a national theoretical tradition possible in Russian sociology? He concludes that the “generation-related” approach is an optimal way to evaluate contemporary Russian sociology.

Ключевые слова: теоретическая социология, национальные социологические школы, поколения, научная традиция

Keywords: theoretical sociology, national sociological schools, generations, national traumas

1. Перед российской социологией в данный момент стоит сложная задача профессионального самоопределения и автономизации при сохранении ее известной ангажированности¹. На этом пути был сделан ряд важных шагов в 1960-е (этап возрождения) и 1990-е гг. (распространение

¹ Следует заметить, что политическая ангажированность – национальная черта российского социального мышления, препятствовавшая становлению профессиональной социологии в России. Сейчас очень важно понять внутренние дифференциации на самом поле социологии и добиваться упрочения профессиональных позиций, которые до сей поры ставятся под сомнение.

социологии вширь, главным образом в СМИ, в системе образования, а также благодаря мониторинговым опросам общественного мнения, превратившимся в систему). Но в то же время у нас не создана устойчивая профессиональная среда, мало профессиональных сообществ, журналов, самостоятельных исследовательских центров как отраслевых, так и региональных. Длительное время существует раскол в профессиональной среде, который не в последнюю очередь объясняется разной ориентацией базовых социологических учреждений¹ [1]. Спрос на выпускников социологических факультетов, магистратур и аспирантур деформирован. Социология в стране в целом переживает кризис профессионального роста. Наблюдаются также весьма симптоматичные явления – паранаучные публикации и выходы за пределы социологии авторов, обладающих признанным социологическим статусом.

Одним из признаков кризиса и является дискуссия на тему о том «Может ли существовать российская теоретическая социология?».

2. Мы переформулируем этот вопрос. Существуют ли в принципе национальные социологические школы? Если они существуют (а этот тезис, как представляется, не оспаривается никем² [2]), то, как они возникли? Как именно некоторые идеи и имена, возникшие в рамках определенного национального контекста, обрели наднациональное признание? Какие фигуры и какие институты содействовали этому процессу? Происходила ли при этом смена парадигм социологического мышления? И если да, то, в каком именно направлении?

Авторитетные специалисты по истории социологии (А. Гидденс, Ю. Хабермас) рассматривают социологию а качестве теории современного общества с такими его атрибутами, как рынок, демократическое политическое устройство, упрочение национального государства, демократическая система массового образования. Если согласиться с этой точкой зрения, то следует признать, что социальные теории и идеи, возникшие до Конта, Д. Милля и Маркса, не относятся к социологии. Более позднее вступление России на путь капиталистического развития в сравнении с другими европейскими странами объясняет, почему в России

1 Противоречивая оценка состояния дисциплины дана в докладе [1].

2 См., напр., А. Б. Гофман, А. Ф. Филиппов, А. И. Кравченко о французской, немецкой, американской социологии [2]. Т. 1. Раздел 3: Становление региональных социологий. И следующие тома.

социология как дисциплина стала развиваться с большим опозданием и, главным образом, путем освоения западно-европейских источников.

Что касается взаимоотношения национального и наднационального бытия социологии, то существуют две точки зрения по этому вопросу.

Первая состоит в том, что национальные школы существуют: социологическое мышление осуществляется в каждой из стран на своем языке; преподавание дисциплины также ведется через систему национальных образовательных учреждений; приоритетное внимание в соответствующих публикациях отдается национальной проблематике¹ [3].

Вторая позиция состоит в том, что наука вообще, в том числе и социальная наука, является наднациональным феноменом и интернациональным достоянием. Как утверждает Р. Мертон, «универсализм, коммунизм, незаинтересованность и организованный скептицизм определяют этос современной науки» [4].

Однако если принять вторую точку зрения, то и в этом случае возникает вопрос: как осуществляется взаимодействие между дисциплинами, претендующими на наднациональное существование, и формами социологического мышления, развивающимися в рамках национальных культур?

Вторая часть этого вопроса заключается в необходимости постоянно ощущать движение социологической мысли в самой широкой постановке вопроса, связанной с осмыслением пределов самого социологического мышления. В ходе постоянных дискуссий социология меняет свой предмет и это особенно значимо в эпоху перехода от классики к модерну и от модерна к постмодернизму. В какой-то мере это совпадает с эпохами европейского исторического развития – от предвоенной ситуации к послевоенному периоду, от дуальной системы мира к его современному состоянию. При этом в постмодерне обнаруживается комплекс необъяснимых явлений, выходящих за пределы социологической рациональности. Некоторые авторы говорят о наступлении новой магической эпохи.

¹ Как отмечают многие признанные авторитеты современной социологии, одна из главных принципов организации современного общества состоит в идее национального государства: «идея современного национального государства (the modern nation-state – la patrie) стала современной основой политической интеграции. Национальное государство воспринимается ныне как единственный носитель суверенитета и управления, как некая территория, имеющая свои границы, как локус экономической самодостаточности, как монополичный носитель легитимного применения силы и насилия, как центр общей культуры (включающей язык), как объект лояльности и групповой идентичности» [3].

3. Сама постановка этих вопросов предполагает формулирование гипотез, направленных на прояснение взаимодействия национальных школ в социологии. При этом мы ограничимся несколькими странами, в которых развитие социологии приобрело достаточно отчетливые и более или менее законченные формы. Мы выделим четыре страны – США, Германию, Францию и Великобританию и попробуем осмыслить некоторые линии воздействия социологии этих стран на положение дел в отечественной социологии. Этот анализ может теперь опираться на обобщение огромной работы, проделанной за последние годы российскими социологами по имплантации соответствующих социологических идей на российскую почву и, соответственно, и на самооценку этой культуртрегерской миссии самими участниками процесса, к которым относятся в первую очередь Г. М. Андреева, Ю. Н. Давыдов, П. П. Гайденко, А. Б. Гофман, Л. Г. Ионин¹ [5; 6], А. Д. Ковалев и М. С. Ковалева, Н. И. Лапин² [7], И. С. Кон, И. Ф. Девятко, Е. В. Осипова и Г. В. Осипов, Н. А. Шматко и Ю. Л. Качанов, А. Ф. Филиппов и С. Н. Баньковская, Н. Е. Покровский, В. Г. Николаев, В. Н. Фомина, А. И. Кравченко, В. В. Козловский, В. А. Ядов, и другие. В настоящем докладе представлены лишь предварительные контуры такого анализа.

4. История национальных социологических школ может быть адекватно представлена лишь в контексте истории соответствующей страны. При этом важно осмыслить, как решающие события общественно-политической истории страны стимулировали (или блокировали) социологическую мысль и задавали ей определенное направление. Эта гипотеза может быть подтверждена с достаточной убедительностью при сопоставлении особенностей развития главных национальных социологических школ. Так, необходимость выхода из экономической депрессии конца 1920-х гг. стала мощным стимулом развития социологии в США. Дюркгейм – активный дрейфусар своего времени, – переосмысливая историю Франции, формулирует

1 Обратим внимание на ряд публикаций этого автора: «Философия и методология эмпирической социологии», которая выходит далеко за пределы «учебного пособия» [5]. Другая работа «Парадоксальный сон» [6], в которой собраны наиболее важные публикации того же автора с 1997 г. Л. Г. Ионин – руководитель проекта «Школы и направления эмпирических исследований в социологии», осуществленного издательством ГУ-ВШЭ.

2 См.: Н. И. Лапин «Эмпирическая социология в Западной Европе» [7], где впервые сознательно проведен принцип страноведческого подхода к социологии и на этом основании представлена эмпирическая социология во Франции, Англии, Германии. Книга Н. И. Лапина вышла в рамках вышеназванного проекта.

главную идею своей социологии – идею солидарности. Заметим, что в отличие от России социология в этих странах не подвергалась каким-либо видам репрессий.

Потребность в развитии демократических институтов стала доминирующим фактором развития и распространения социологического мышления в СССР и России в конце 1950-х гг. и с середины 1980-х по настоящее время. В Великобритании таким фактором стала задача послевоенной стабилизации, которая и породила потребность в институционализации социологии в 1950-е гг. [8; 9]. В то же время для нас особенно важно выработать социологическую (неполитологическую) интерпретацию самой российской истории и, прежде всего, ее советского периода. Наиболее близко к решению этой задачи подошли Н. Н. Козлова, Л. Г. Ионин, Ю. А. Левада.

5. Во всех случаях социология в конкретных странах в ходе своего утверждения опиралась на те формы социального мышления, которые были присущи именно данной стране. В концентрированном виде соответствующие формы мышления были выражены в философской культуре. Американская социология опиралась, прежде всего, на прагматизм¹, английская – на эмпиризм, социология во Франции – на традиции Просвещения и на политическую философию. Становление российской социологии в дореволюционный период было связано с философско-политическими дискуссиями на тему о перспективах и судьбах России. С 40-х гг. XIX в. эта тема становится постоянной в российском социальном мышлении. Обособление же социологии в нашей стране было связано с возникновением исследований теоретико-эмпирического характера, направленных на осмысление более конкретной проблематики.

6. В связи с проблемой взаимодействия социологии и культуры необходимо провести различия двоякого рода. Во-первых, при сравнении национальных школ между собою выявляется четкое различие в соотношениях теоретического и эмпирического дискурсов. Каждая из национальных школ предоставляет собственную систему взаимоотношений между эмпирическим и теоретическим знанием. При рассмотрении этой стороны вопроса в не-

¹ В литературе отмечается связь чикагской школы с прагматизмом Джеймса и Дьюи, в то же время при рассмотрении истоков американской социологии необходимо отметить сильное влияние протестантской этики.

которых отечественных публикациях проводится весьма жесткое различие между социологией теоретической и эмпирической¹.

Во-вторых, необходимо провести границу между социологией в узком смысле слова как дисциплиной академического плана и собственно социальным мышлением, которое осуществляется в самых разнообразных формах.

7. Было бы ошибочным прямо выводить направление социологической мысли и практики исследований из политической ситуации. Важным фактором ее развития является освоение социологией общего культурного этоса данной страны. Именно благодаря культурному «бульону» происходит формирование запроса со стороны общества на разработку определенных социологических идей. В свою очередь разработка этих идей вписывается в культурный процесс данного общества, становится его частью. В конечном счете, культурное «брожение» совместно с социальным осмыслением проблематики приводит к формулировке ценностных ориентиров в обществе.

В американской культуре XX в. наиболее отчетливо выражена социологическая составляющая. В европейской культуре ситуация различается в разных странах: во Франции в интеллектуальных кругах доминирует светское мышление, в то же время здесь четко формулируются политические позиции и оценки; в Германии сохраняются традиции философствования, дополненные практикой вытеснения нежелательной проблематики; в Англии Social Science culture тесно связана с практическими задачами социальной политики. Явные признаки деградации российской культуры (в рамках которой доминировало литературно-художественное освоение мира) объясняются подчас с помощью постмодернизма и глобализации.

Культурные императивы общества определяют границы мышления, а институциональные структуры – варианты национального бытия социологии.

¹ Так, в упомянутой коллективной монографии «История теоретической социологии» [1] вопрос о взаимоотношениях между теоретическим мышлением в социологии и эмпирическими исследованиями не возникает. При этом границы теоретической социологии часто нарушаются за счет вступления на поле философии (например, В. Соловьев представлен в виде русского социолога). В учебнике Н. И. Лапина проводится жесткая граница между эмпирической и теоретической социологией – первая имеет дело с «фактами», вторая – с «идеальными типами» [7, с. 20].

8. Что касается независимости социологического дискурса, то во всех странах он обеспечивается своеобразной автономией системы образования, организации исследований и издательского дела.

9. Вместе с тем, необходимо помнить, что каждая из национальных культур, имея в своей основе некоторое ядро, подвержена изменениям как в силу влияния динамики внутренней проблематики, так и в результате глобалистских тенденций.

Национальные школы

Попытаемся с учетом высказанных выше соображений дать предварительную характеристику имеющихся национальных школ. Здесь есть одна трудность: желательное изложение проблемы должно было бы строиться следующим образом:

- характеристика культурных традиций данной страны в аспекте их влияния на социологию;
- характеристика социологии в ее стремлении соединить проблематику национального государства с проблематикой глобального порядка;
- вычленение тех идей соответствующих социологов и национальных школ, которые имеют преимущественное значение для осмысления российской проблематики.

На данном этапе реализация этого замысла не представляется возможной. Поэтому мы ограничимся лишь отрывочными соображениями по намеченным вопросам.

США

Американская культура представляет собою наиболее динамичное образование, и динамичность эта обусловлена не только стремлением строительства новой нации, но и прагматизмом как базовым элементом ценностного сознания американцев.

Этот прагматизм прежде всего обнаружился в Чикагской школе, которая во многом определила тип социологического мышления в США – его союз с грязекопателями в журналистике и ориентацию на исследования проблем иммиграции и трущоб. На этой основе сформировался союз В. Томаса

и Ф. Знанецкого (1910-е гг.). В. Томас дал определение важнейшей категории американской социологии. Это было не «общество», не «прогресс с его стадиями» и не «борьба классов и идеологий», а «социальная ситуация», данная каждому человеку в его собственном опыте. При этом «если ситуация воспринимается как реальная, то и последствия ее станут реальными». Весьма реалистическая философия, включающая в себя бесспорный оптимизм.

Окультурирование американской социологии было связано с деятельностью Т. Парсонса, который включил в структуру социологического образования в Гарварде М. Вебера, Э. Дюркгейма, А. Маршалла и В. Парето. Заметим, что такой отбор означал включение именно европейских мыслителей из четырех стран, наиболее полно разрабатывавших то направление социальной мысли, которое оказалось близким самому автору «Структуры социального действия» (1937). И хотя в этой работе содержатся ссылки и на П. А. Сорокина, он не попадает в число предшественников классиков не только в силу личных причин, но и главным образом в силу иной мировоззренческой установки.

Ныне в США социология – официально признанная доминирующая дисциплина социального мышления, наука, представляющая некие рамки интерпретации коренного мировоззренческого вопроса о соотношении Я и Общества, индивидуума и социума. Содержание интерпретаций различно, но сам этот вопрос поставлен вместе с вариантами ответа:

1) структура, стратификация, ролевые предписания – социализация, освоение заданных ролей, адаптивность, девиантность, социальный контроль;

2) социальность как восприятие другого, сложная структура Я и его презентации, мое взаимодействие с Другим, конструирование собственного микромира;

3) становление моего Я через систему групповых конфликтов и идентификаций.

Но смысл состоит в том, что комбинация структурно-функционалистских параметров и параметров символического взаимодействия предлагает рамки практического разума, обоснования выбора вариантов поведения в море разнообразных ситуаций макро-, мезо- и микроуровня.

Ныне в США социология – официально признанная доминирующая дисциплина социального мышления, наука, представляющая некие рамки интерпретации коренного мировоззренческого вопроса о соотношении Я и Общества, индивидуума и социума.

Само понятие социального действия становится теперь главной категорией социологической теории (социальная ситуация – снята в нем как момент) и в этом качестве оказывается методологическим основанием всей совокупности общественных наук.

Парсонс и неопарсонсианцы выделяют при анализе этой категории компонент смысла. Современная критика указывает на недостаточность этого подхода и обращает внимание на необходимость уяснения причин социального действия [см, например: 10]. Можно было бы продолжить анализ этой неисчерпаемой темы, но я обращаю внимание на концепцию разделения явных и латентных функций и, в особенности, на необходимость социологического анализа непредвиденных последствий реализуемых социальных действий, высказанную Р. Мертоном.

Р. Мертон является автором и другой идеи, имеющей огромное значение для современной социологии – это идея амбивалентности мотивации действия, которая в известном смысле противостоит концепциям рационального выбора, распространенным в американской социологической литературе. Н. Смелзер в упомянутом выше докладе разрабатывает эту тему более основательно на различных уровнях – от психологического до социетального. Он подчеркивает необходимость дополнения постулата рационального выбора постулатом амбивалентности, которая пронизывает все человеческие действия и отношения. По мере исследования соотношения рациональности и амбивалентности в различных аспектах жизни общества становится ясно, что «мы имеем здесь дело с фундаментальной дилеммой человеческого существования, которая обнаруживает себя в различных дихотомиях: свобода versus ограничения, независимость versus зависимость, автономия versus зависимость, зрелость versus состояния детства и т. д. При этом, какова бы ни была эта дихотомия, сама дилемма оказывается неразрешимой. Ни один из полюсов не существует самостоятельно. Ни свобода, ни зависимость не могут быть осуществлены полностью в силу того, что одно есть лишь часть другого. Люди стремятся и к тому, и к другому, но когда они достигают одного из полюсов, другой начинает о себе заявлять. Такова природа

амбивалентности: мы хотим того и другого сразу, но не можем полностью удовлетворить ни одну из сторон»¹ [3; см. также: 11; 12].

Эта методологическая позиция позволяет Смелзеру подойти к анализу проблемы соотношения свободы как базовой ценности европейской и западной культуры и национального государства, проблемы, весьма существенной для российской социологии и политики.

Наряду со Смелзером главными фигурами сегодняшней американской социологии выступают Джеффри Александер, Рендалл Коллинз, Джордж Ритцер.

Германия

Немецкая культура по общему признанию – чрезвычайно противоречива. Она дала миру классиков просвещения в лице Гете и Шиллера, она же породила и классику антропологического национализма или националистической антропологии, что оказало гораздо большее влияние на смятенные умы немцев, побежденных в первой мировой войне. Значительная часть немецкой культуры эмигрировала в годы нацистской диктатуры. Одна из ветвей этой эмиграции произвела классическое социологическое исследование «Авторитарная личность» (Т. Адорно и др.). Хотя исследование было осуществлено в США, оно все же может рассматриваться как произведенное на немецкой почве. Ибо травма от антисемитизма была движущей силой этого замечательного произведения, в котором раскрывался психологический механизм формирования этноцентризма и сопровождающих его фобий.

Как известно, одной из доминирующих тем в историко-социологической литературе является тема чередования марксистского и веберовского ренессансов [12].

С 30-х гг. прошлого столетия Вебер становится фигурой интернационального масштаба. В этом отношении его можно приравнять к Марксу, который сразу же утвердился в качестве такового. Вместе с тем, следует заметить, что и Маркс, и Вебер по своему происхождению являются немецкими социологами, возросшими на почве противоречий немецкой политической жизни и культуры. И тот, и другой стали классиками социологического мышления.

¹ Приведем здесь аналогичное высказывание, но уже российского автора: «Не бывает расчетливости без лихорадки, рефлексии без аффекта, бесхарактерности без героизма, цельности без фрагментарности и т. д. Не бывает, наконец, того, чтобы ценности не оправдывались жертвами (а не наоборот, что казалось бы более естественным)» [11]. Последняя реплика, на мой взгляд, представляет собою ответ автора на вопрос поставленный Ю. Н. Давыдовым [12, с. 457].

Дальнейшее развитие немецкой и мировой социологии отмечено чередующимися влияниями неомарксизма и неовеберизма.

М. Вебера трудно сопоставить с каким-либо из российских мыслителей. Он непохож и на американских социологов. В отличие от Маркса он типичный представитель академической социологии, не вовлеченный непосредственно в политическую борьбу. Веберовская социология формируется **на немецкой почве**, в контексте развития неокантианства как антигегелевской трактовки познавательного процесса. Именно здесь мы находим тот культурный «бульон», из которого образуется весьма приемлемая «пища» веберизма. Правда, политическая ситуация, связанная с поражением Германии в первой мировой войне надолго отодвинула спрос на веберовскую проблематику в самой Германии. Веберу, в отличие от Маркса, не удалось дожить до мировой известности и признания своих идей. Признание это пришло значительно позже.

Можно считать, что открывателем Вебера был сравнительно молодой в начале 1930-х гг. американец, приехавший по поручению Гарвардского университета изучать немецкую социологию. Талкотт Парсонс нашел золотую жилу – бесконечный источник переопределения дефиниций, которые он препарировал под интересующим его углом зрения. Этот угол зрения был связан с определением социального действия как клетки общественных связей и отношений. Парсонс переселил покойного в США, и сделал его кумиром американской академической социологической культуры, из которой некоторое время спустя (уже после Второй мировой войны) Германия вновь обрела теперь уже международного социологического кумира.

Научные интересы Вебера в значительной мере формируются в связи с тем, что за полвека до начала его академической карьеры Маркс и Энгельс оставили огромное научное наследие, нуждавшееся в осмыслении и переосмыслении с позиций «нормального» развития немецкого и европейского общества¹ [13].

Марксизм, пустивший глубокие корни в немецком и общеевропейском социал-демократическом движении, вел эти страны в сторону революционных преобразований. Были ли другие варианты развития? М. Вебер показал, что

¹ Вопрос о соотношении веберизма и марксизма, как видно из литературы по истории социологии, не имеет однозначного решения. Точка зрения автора по этому вопросу сформировалась в начале 80-х гг. См. предисловие к книге Д. Льюиса [13].

может быть предложено иное понимание основных категорий, выработанных марксизмом: капитализм, феодализм, классовое положение и классовые интересы, идеологическая борьба (сквозь призму материальных и идеологических интересов), соотношение политики и научного знания, механизм формирования массового сознания и т. д. - все это было переопределено М. Вебером. В то же время Вебер вводит новые категории, задающие новые рамки исследовательской деятельности. Среди них центральное место занимает категория рациональности, которая впоследствии приобретет статус центральной (одной из центральных) категорий социологического дискурса¹ [14].

М. Вебер не вступал в прямую полемику с марксизмом. В отличие от Маркса, он не стал концентрировать свое внимание лишь на европейском развитии, а обрисовал контуры мировых цивилизаций (Индия, Китай, Древняя Палестина, Античный полис). При их исследовании он обращал внимание на структуру общепринятых ценностей (религиозных воззрений), скрепляющих эти общества и обеспечивающих относительную стабильность соответствующих культур, несмотря на постоянный антагонизм внутренних группировок в борьбе за власть и влияние в обществе. Вебер в основном опирался на исторические исследования своих современников, он показал те ресурсы устойчивости общественных взаимоотношений, которые классический марксизм игнорировал. Так, Вебер не стал заниматься изучением истории крестьянской войны в Германии², он прямо перешел к проблеме организации промышленного предприятия как основной структурной единицы капиталистического общества. Он сделал акцент не на вопросах эксплуатации, получения прибыли, цены товара «рабочая сила», а на нравственном значении трудовой деятельности, освященной протестантской этикой. Во главу исторического процесса он поставил не развитие производительных сил и производственных отношений, а формы религиозного сознания, которые, по его мнению, детерминировали практическое поведение людей в их повседневной жизни.

«Позитивной» идеей Вебера стала идея национального государства как способа позиционирования Германии в мире. Такая идея воплощала весьма значимое полити-

1 Не лишне напомнить дискуссию, проведенную Профессиональной социологической ассоциацией в 1996 г. [14].

2 Этому событию начала XVI в. посвящена одна из классических работ Фридриха Энгельса.

ческое содержание. Она дополнялась концепцией исключительной легитимности применения насилия на своей территории со стороны этого национального государства, а, следовательно, обосновывала и легитимность войн между государствами в случае возникновения конфликта их интересов. Подчинение господствующему классу было обусловлено, по Веберу, не только насилием как таковым, но и согласием граждан данного государства с наличным государственным строем.

Послевоенная Германия характеризуется географическим разделением двух немецких культур. Германия потерпела поражение более охотно воспринимаемое как поражение от «правильных союзников», нежели чем от «коммунизма». Но это было не просто поражение, но и катастрофа, наиболее остро переживаемая как катастрофа европейской культуры вообще. В противоположность этой позиции в Германии высказывалась и иная мысль – о самом национал-социализме как источнике катастрофы и о спасительной миссии Советской России (Т. Манн, А. Вебер¹ [15]).

На чем сосредотачивается социологическая мысль в низшей точке этой катастрофы? На проблемах культуры, взаимоотношения массы и элиты, на вопросах воспитания нового человека, затем уже на вопросах преодоления травмы психологической и социально-культурной² [16].

В социологии объединенной Германии можно отметить символические фигуры Ю. Хабермаса, с одной стороны, а с другой – Г. Шельского – крупного теоретика в области институциональной социологии и специалиста по организации национального образования.

Переместимся во Францию

Во французской культуре гораздо четче обозначаются параметры личностного пространства. Франция – родина Просвещения – наиболее влиятельного интеллектуального движения в истории мировой культуры. Она, как и Германия, страна с богатой философской традицией.

1 «...То, что в последние десятилетия предпринял, и с ложными целями, и только внешне достиг в Германии национал-социализм, а также то, что в Советской России удалось посредством воспитания превратить лишённого всякой активности, вялого мужика во взыскательного, деятельного, восприимчивого рабочего, показало, чего можно достигнуть в преобразовании человека при правильном подходе к молодежи и соответствующем воспитании» [15, с. 511].

2 Для осмысления травмы, оставшейся после нацистского режима и поражения Германии во второй мировой войне особое значение имеет немецкая литература о комплексе вины немцев (Schuldproblem), в том числе работа супругов Митчелрих: Die Unfaehigkeit zu Trauern. Grundlagen kollektiven Verhaltens (Неспособность к печали) [16].

В те же годы, когда в Германии писал свои первые исследования об устройстве римских городов М. Вебер, во Франции начинала всходить звезда другого неутомимого труженика социологии Э. Дюркгейма. Он был гораздо ближе к левому флангу политической ориентации, чем его немецкий коллега. В своих научных изысканиях он первым сформулировал тезис о специфике социологического знания. Прежде всего, он провел границу между психологией (в лице Тарда) и социологией, которая изучает «общество как реальность особого рода», несводимую к сумме индивидуальных психологических переживаний и побуждений к действию. Особое значение в социологическом восприятии мира приобретает понятие «социального факта», который представляет собою нечто гораздо более устойчивое, нормативное, повторяющееся, массовое, нежели индивидуальное стремление. Отдельное самоубийство – во многом результат стечения обстоятельств, дело случая, но когда национальная статистика фиксирует из года в год повторяющиеся соотношения в количестве самоубийств между мужчинами и женщинами, между представителями разных культур и религиозных вероисповеданий, когда обнаруживается зависимость числа этих событий от возраста и т. д., то это значит, что мы имеем дело с социальными фактами. Так начинается дюркгеймианская традиция во французской социологии, которая характеризуется подчеркиванием идеи органической солидарности – важного сцепляющего механизма в современном обществе. Именно в этой связи формулируется концепция нормативности и девиации, поощрения и наказания (столь понравившаяся П. Сорокину), а в последующем уже у Парсонса – идея социального контроля. Французская социология прошла длительный путь после «Элементарных форм религиозной жизни», раскрывших социальную значимость совместных ощущений, совместного переживания в ходе исполнения некоего установленного обычая ритуала. Здесь корни теории идентификации и идентичности: основания отождествления себя с некоторым «Мы», то есть увеличение самого себя, выявление во мне некоего внетелесного бытия.

Теперь во Франции даже не модно говорить о французской социологии, о традициях Дюркгейма и Мосса, даже о структурализме Леви-Стросса, поскольку социология, превратившись в подлинно автономное поле деятельности (исследовательской и преподавательской), дифференцировалась внутри себя на несколько течений, обозначенных

Теперь во Франции даже не модно говорить о французской социологии, о традициях Дюркгейма и Мосса, даже о структурализме Леви-Стросса, поскольку социология, превратившись в подлинно автономное поле деятельности (исследовательской и преподавательской), дифференцировалась внутри себя на несколько течений, обозначенных именами Р. Будона, М. Крозье, А. Турена, М. Фуко. Но наибольшее влияние на развитие современного социологического мышления оказали работы Пьера Бурдьё.

именами-символами Р. Будона, М. Крозье, А. Турена, М. Фуко. Они действительно весьма существенно отличаются друг от друга. Социологический номинализм и позитивистская ориентация характеризуют первого, второй известен как аналитик бюрократии и менеджмента, третий – представитель активистской социологии и теоретик социальных движений, инициировавший опыт исследования польской «Солидарности» и российских шахтерских забастовок в конце 1980-х гг., оказавшихся важным орудием в ниспровержении режима М. Горбачева.

Но наибольшее влияние на развитие современного социологического мышления оказали работы Пьера Бурдьё. В России есть группа последователей выдающегося французского социолога.

Есть ли связь французской социологии с французским национальным характером? С французской культурной традицией, с культурным бульоном?

Франция – исключительно политизированная страна. Термины «левый» и «правый» имеют здесь вот уже около 200 лет вполне определенное значение. В отличие от России, где коммунисты могут быть националистами. Во французской терминологии это не может быть воспринято и понято. Коммунист – это интернационалист. Четко обозначены границы политических полей, капитала (культурного, социального, экономического). Да, они могут обмениваться друг на друга, но это не означает изменения политической определенности взглядов участников обмена. Правила игры исключительно важны в культурной традиции. Стиль одежды и поведения говорят о человеке больше, чем его слова. Очень четко проводится разделение между светской и религиозной культурой.

Distinctions – различения – вот главная ориентация современной французской социологии.

Социология за Ла-Маншем

Великобритания – страна не менее великой культурной традиции. Множество тех вопросов, которые были поставлены в континентальной культуре лишь в XIX в., в Англии рассматриваются в начале века XVII. Речь идет о Шекспире, сформировавшем своего рода образцы социально-психологического анализа мотивации поведения людей в борьбе за власть, наследство, в разрешение извечной проблемы долга и личной заинтересованности, противостоя-

Distinctions – различия
– вот главная ориентация
современной французской
социологии.

ния благородства и подлости. Шекспир – один из главных предметов образования и в современной Великобритании и это, несомненно, влияет на формирование национального социологического мышления.

Герцен дал удивительно емкую характеристику английского общества середины XIX в.¹ [17]. «Мой дом – моя крепость» означает полную терпимость к мировоззренческим позициям других. Социологический капитал Великобритании не столь ярок, как во Франции, и тем более не столь принудителен. Но весьма основателен. Д. С. Милль соперничает с О. Контом в изобретении термина «социология». Традиции изучения классового положения, классов в связи с практической социальной политикой, стабильное политическое устройство и рациональные изменения государственной власти (пример Черчилля, отправленного в отставку с поста премьер-министра еще до окончания войны в предвидении того, что восстановление мирной жизни потребует иных человеческих качеств, чем качества того, кто был вождем нации во время войны).

Проблема свободы личности получила в Великобритании особое звучание еще в колониальный период. Именно эта проблема стала основой английской экономической науки классического периода. А. Смит и Д. Риккардо стали идеологами «робинзонады» – понимания общества как суммы индивидуумов, вступающих друг с другом в договорные отношения. Вторым постулатом экономической классики стала теория рынка в своеобразной интерпретации. Классики исходили из предпосылки равенства участников акта купли-продажи. Между этими акторами был лишь один посредник – цена товара и деньги покупателя – «предложение и спрос». Это была идеальная модель, которая могла быть мощным объяснительным инструментом для условий данного момента и данного времени. Но в перспективе для анализа динамики самих рынков, для определения взаимоотношений между производством и потреблением,

¹ «С одной стороны, английскому гению противно отвлечённое обобщение и смелая логическая последовательность, он своим скептицизмом чувствует, что логическая крайность, как законы чистой математики, неприлагаемы без ввода жизненных условий. С другой стороны, он привык физически и нравственно застегивать пальто на все пуговицы и поднимать воротник, это его предостерегает от сырого ветра и от суровой нетерпимости» Герцен «Былое и Думы». Часть 6-ая «Англия», глава 3: Прибавление [17, с. 52]. И еще: «В Лондоне надо много работать в самом деле, работать безостановочно, как локомотив, правильно, как машина, Если человек отошел на день, на его место стоят двое других, если человек занемог – его считают мёртвым – все, от кого ему надобно получить работу, и здоровым – все, кому надобно получать от него деньги». Там же, гл. 7-ая [17, с. 138].

между простым и расширенным воспроизводством, для определения источников капиталовложений и их направленности эта концепция не работала.

Маркс создал учение о прибавочной стоимости, которое было гораздо более реалистичным, поскольку оно исходило из идеи исходного неравенства участников рынка. Капитал и труд, хотя они и сопоставляются друг с другом на рынке труда, не обладают равными ресурсами. Труд живет в расчете от одной рабочей недели до другой, его горизонт простирается от зарплаты до зарплаты, а капитал рассматривает свое бытие в масштабе поколений (Р. Титмус). Это основное различие мотивации деятельности субъектов, которое корректирует теорию рынка и требует социальной компенсации. Маркс полагал, что это противоречие будет разрешено с помощью обобществления труда и средств производства. Его теоретическая конструкция была моделью разрешения этого противоречия. Но вопрос оказался сложнее.

Практические противоречия английского капитализма были определены новой экономической наукой в лице А. Маршалла и его школы. Важно отметить, что Маршалл, который никогда не называл себя социологом, был возведен в этот ранг никем иным как Парсонсом. Именно Маршалл обратил внимание на проблему бедности, которая, как он полагал, имеет гуманитарное содержание. Общество, в котором бедность воспроизводится от поколения к поколению, не может считаться цивилизованным.

По Маршаллу и Найту стабильное государство имеет четко очерченные функции, вопреки идеям либералов.

В одной из недавно вышедших работ историк британской социологии А. Халси выделяет семь значимых социологических имен в университетах страны: З. Бауман, Crouch, А. Гидденс, Д. Плат, Oakley, Runciman, Westergaard [8; 9].

Социология в России

Путь к профессиональной социологии оказался в России гораздо более сложным, чем в других европейских странах и США, прежде всего потому, что российская культурная традиция была ориентирована не на прагматизм и эмпиризм, а на более абстрактные идеи, например, на идею справедливости, на преодоление социального нера-

венства. В ней гораздо прочнее укоренены конструкции, стимулирующие надежды на желаемое, но недостижимое. Наконец, российская культура, даже в ее светских проявлениях, ориентирует на чувственное восприятие мира и на переходы от одной крайней интерпретации к другой (инверсия, по Ахиезеру). В конце 1980-х – начале 1990-х гг. была осуществлена такая инверсия, равная идеологическому перевороту (Ионин). В российской культурной традиции нет и того жесткого запрета на насилие, которое связано с идеей личной свободы и личного достоинства – идеями, которые стали получать распространение лишь немногим более ста лет тому назад и именно через русскую литературу, а не через правовое сознание.

Рассматривая процесс становления социологии как самостоятельной профессии, можно выделить шесть этапов.

На первом этапе социальная мысль сливалась с общекультурным процессом. Это особенно ярко прослеживается на истории «Современника» – одного из первых российских изданий, на страницах которых обсуждались кардинальные социологические идеи еще до того, как совокупность этих идей и дискуссий приобрела название «социологии». Несомненно и то, что «Колокол» и «Полярная звезда», выходявшие в Лондоне, решительно способствовали пониманию того, что представляет собою российское общество не только как совокупность политических и социальных институтов – монархии, крепостного права и православной церкви, – но и как определенная культурная традиция, формирующая и воспроизводящая разнообразные личностные типы, мотивированные не только смирением с крепостнической зависимостью, но и крайними формами индивидуального и коллективного протеста против угнетения.

С этой точки зрения А. Герцен выступил как первый российский социолог. Его «Былое и Думы» воспроизводит картину социальной жизни и социальных отношений не только в России, но и в основных европейских странах. И всюду его внимание приковано к тому, как правительство и политические деятели воспринимают интересы простого народа, к анализу европейской политики, пережившей опыт революционной борьбы 1848 г., к судьбам основных социальных идей и конкретных персонажей – русских, немцев, итальянцев, французов. Всюду Герцен прослеживает социальное расслоение общества и идейные противоречия, возникающие в эмигрантской среде. Он

Путь к профессиональной социологии оказался в России гораздо более сложным, чем в других европейских странах и США, прежде всего потому, что российская культурная традиция была ориентирована не на прагматизм и эмпиризм, а на более абстрактные идеи, например, на идею справедливости, на преодоление социального неравенства.

предпринимает основательный социологический и психологический анализ идеологов и политиков разных стран. Биографические портреты его строятся на анализе конкретных событий, в которых участвовали люди, о судьбе и действиях которых он размышляет в своих Думах. Они избираются не случайно, а как главные акторы идейных, освободительных и революционных движений своего времени – Мадзини и Гарибальди (Италия), Ледрю-Роллен, Луи Блан и Бланки (Франция), Бернацкий и Ворцель (Польша), Кошут (Венгрия), Белинский, Огарев, Бакунин (Россия). Вряд ли кто-либо может оспорить мысль, что в «Былом и Думах» нашел блестящее применение биографический метод, который используется как средство понимания не только отдельных жизненных историй, но и как средство понимания современного Герцену европейского мира [18].

Следующий шаг в развитии российской социологии связан с деятельностью Михайловского и Лаврова как лидеров народнического движения 1880-х – 1890-х гг. Именно в текстах этих авторов обнаруживается знакомство с европейской социологической литературой своего времени. Прежде всего, их внимание привлекает задача построения научной картины жизни общества на основе идей О. Конта и Г. Спенсера.

Одновременно в России формируется интерес к творчеству Маркса и марксизму. В рамках выработки революционной программы российских преобразований разгорается нешуточная полемика между народниками и социал-демократами. Каждое из этих направлений опирается на собственную версию социологии. Народническая литература опирается на социологию, трактующую «общество вообще». Социал-демократия опирается на марксистское понимание общества, его классовой структуры и причин социальных изменений. Французская революция 1789-1793 гг., перепугавшая все монархии мира, становится для этого направления своеобразной моделью для подражания. Все сознательные силы российского общества – в том числе и те, кто, как П. Сорокин, выступают на стороне определенной политической партии, – так или иначе, вовлекаются в осуществление революционной драмы. Одни становятся победителями, другие – жертвами. Повторение Французской революции в России становится гораздо более кровавым и драматичным, а гражданская война продолжается в сталинском терроре.

Первый профессиональный российский социолог М. М. Ковалевский скончался за год до начала революционных событий. Дальнейшие судьбы социологии в России теснейшим образом сопряжены с продолжающейся классово-вой борьбой: П. Сорокин против Н. Бухарина, Н. Бухарин против И. Сталина, И. Сталин против В. Ленина: политические позиции меняются как в калейдоскопе.

Традиции социологического мышления сохраняются до конца 1920-х гг. Сорокин продолжает публиковать свои работы в журнале «Экономист» вплоть до момента его высылки из Советской России. После акции 1922 г. в журнале «Под знаменем марксизма» публикуются работы Неусыхина о М. Вебере, в конце 1920-х гг. издается первый том С. Оранского (из намеченных трех томов) и эмпирическое исследование Е. О. Кабо «Очерки рабочего быта». Работа Н. И. Бухарина «Теория исторического материализма. Популярный очерк марксистской социологии»¹ [16] была опубликована в 1921 г. и ежегодно переиздавалась вплоть до 1929 г.

Что же происходит с социологией в начале 1930-х гг.? Сам термин «социология» изгоняется из научного и политического лексикона на основе того аргумента, что любая социология служит интересам буржуазии. Издания социологической литературы запрещены. Марксисты, употребляющие этот термин, подвернуты репрессиям. Н. И. Бухарин исключен из состава политического руководства, и в 1938 г. расстрелян как «враг народа». Его имя и публикации, также, как имена Троцкого, Зиновьева и других лидеров Октябрьской революции, запрещены. Сталин, добившийся к середине 1930-х гг. абсолютной личной власти, устанавливает жесткий контроль над всеми видами печатной продукции и устной политически значимой речи. Но поскольку в любом обществе сохраняется потребность в объяснении социума, постольку сам вождь создает канон для интерпретации как революции, так и всей истории человечества² [20], которая, согласно этому канону, неуклонно движется к коммунизму в мировом масштабе, и страна Советов выступает в качестве лидера в этом процессе.

1 См. переиздание книги Н. Бухарина [19]. Тираж 800 экз. Переиздание осуществлено по инициативе академика Г. В. Осипова.

2 Канон получил название «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». См. в особенности: гл. IV, пар. 2 «О диалектическом и историческом материализме». 302-е издание с научным послесловием Роя Медведева. М.: Логос, 2004. С. 99–127.

Лишь в конце 1950-х гг. – после смерти Сталина – появляются первые ростки социологии как самостоятельной дисциплины. Изменение политической ситуации (1953-1956) создает предпосылки для автономизации профессиональной социологии на основе постепенного отхода научного знания от идеологии¹ [21; 22], а культуры – от политики. В это время социология становится общественным движением, в сознательную жизнь входят социологи-шестидесятники. Их исследовательская работа оказывается важной составляющей общекультурного процесса этого яркого периода в жизни советского общества. Несомненно, что жизненный путь шестидесятников во многом определился тем, что через их биографию прошла война.

Социология шестидесятых сыграла важную роль в стимулировании перестройки (доклад Заславской 1983 г.), в ходе которой были созданы новые условия существования самой дисциплины. Именно в этот период социология стала предметом преподавания в системе высшего образования, был создан Мониторинг, открыты новые каналы профессиональной социализации.

Обратим внимание на некоторые направления и идеи теоретического характера, заслуживающие специального внимания.

Нынешняя наша ситуация характеризуется не только полипарадигмальностью, но и существованием анклавов французской, немецкой, американской, английской социологий в пространстве российской общественной мысли.

В этой связи вновь возникает вопрос, поставленный в самом начале доклада: может ли существовать теоретическая социология в России, основная проблематика которой была бы нацелена на анализ российских проблем? Из сказанного выше напрашивается следующий ответ на этот вопрос. Существовать российская теоретическая социология может, и она на самом деле существует, но она существует не как самоизолирующийся способ рассмотрения социальных проблем, а как движение мысли в рамках современного социологического дискурса, выходящего за пределы отдельной страны, которая в силу вызовов современной жизни сама прекращает изолированное состояние.

Полагаю, что наиболее конструктивным является поколенческий подход в оценке современной российской социологии. К социологам-шестидесятникам, еще активным

¹ Этот процесс был проанализирован по свежим следам в работе Джорджа Фишера [21]. См. так же [22].

по настоящее время, относятся В. А. Ядов, Н. И. Лапин, И. С. Кон, Т. И. Заславская, О. И. Шкаратан, И. В. Рывкина, Л. М. Дробижева, автор этих строк. Каждый из этих авторов опирается на собственную теоретическую конструкцию, которая не во всех случаях является эксплицированной¹.

Следующее поколение – примерно на 20 лет моложе – представлено А. Ф. Филипповым (социология пространства), Л. Г. Иониным (социология культуры и вступления мира в «магическую эпоху»), Н. Е. Покровским (процессы глобализации), В. В. Радаевым (экономическая социология), Н. Н. Козловой (социология повседневности), И. Ф. Девятко (история социологии и методология исследований), В. И. Ильиным (социальная структура) и многие другие. В данном случае выделение имен осуществлено на основе определенного теоретического ресурса, которыми располагают обозначенные авторы. **К сожалению, этот ресурс не является взаимопризнанным, в результате чего и возникает тезис, что теоретической социологии в России не существует (А. Ф. Филиппов, Л. Г. Ионин).**

Библиографический список

1. Константиновский Д. Л. , Овчинников А. А. , Покровский Н. Е. Программы Национального фонда подготовки кадров и обновление социологического образования в России // Социологический журнал. 2004. № 3–4.
2. История теоретической социологии / Под ред. Ю. Н. Давыдова. В 4-х томах. М.: Изд-во «Канон+», 2002.
3. Smelser, N. The rational and the ambivalent in the social sciences: 1997-presidential address // American Sociological Review. V. 63, n. 1 (Feb. 1998).
4. Merton, R. K. Social Theory and Social Structure // The Free Press, Glencoe, Ill. 1957. P. 552–561.
5. Ионин Л. Г. Философия и методология эмпирической социологии. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2004.
6. Ионин Л. Г. Парадоксальный сон. М.: Университетская книга, 2005.
7. Лапин Н. И. Эмпирическая социология в Западной Европе. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.
8. Halsey, A. N. A history of sociology in Britain: Science, Literature and Society. Oxford Un. Press. 2004.
9. Социологический журнал. 2004. № 3-4. С. 218.

¹ За последние годы российская социология потеряла многих из тех, кто начинал социологические исследования в 60-е годы. В их числе Ю. А. Левада, Л. А. Гордон, Б. А. Грушин, В. Н. Кудрявцев. Но их дело не пропало. У каждого из них нашлись продолжатели в новых поколениях.

10. Девятко И. Ф. Критика старых и поиск новых моделей объяснения в посткризисной социологической теории // История теоретической социологии. СПб.: РХГИ, 2000. Т. 4. С. 423–435.
11. Филиппов А. Ф. Категория «современности» в зеркале социологической классики // История теоретической социологии. СПб.: РХГИ, 2000. С. 593.
12. Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология. М.: Мартис, 1998.
13. Здравомыслов А. Г. Предисловие // Д. Льюис. Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера. М.: Прогресс, 1981.
14. Рациональность и власть. Вопросы социологии. Тематический выпуск. М.: Socio-Logos, 1996.
15. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. - СПб.: Университетская книга, 1999.
16. Die Unfaehigkeit zu Trauern. Grundlagen kollektiven Verhaltens. Munchen, 1967, 1977, 1991.
17. Герцен А. И. Былое и Думы. М.: Иностранная литература, 1982.
18. Берлин И. Герцен и Бакунин о свободе личности // Берлин И. История свободы. М.: НЛО, 2001.
19. Бухарин Н. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М.: Вече, 2008.
20. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М.: Логос, 2004.
21. Fischer, G. (ed.) Science and sociology in Soviet society. Preface and part 1. NY: Atherton Press, 1967.
22. Weinberg, E. A. Sociology in the Soviet Union and beyond. Social Enquiry and Social Change. Burlington: Ashgate, 2004.

Социология: проблемы развития

Отечественная социология: проблема выхода из состояния преднауки и поиска новых стратегий

Тихонов Александр Васильевич —
доктор социологических наук, главный научный
сотрудник, руководитель Центра социологии
управления и социальных технологий Института
социологии РАН

e-mail: alvast@isras.ru

Отечественная социология: проблема выхода из состояния преднауки и поиска новых стратегий

Аннотация

В статье говорится о необходимости преодолеть чрезмерную фрагментацию социологического знания, сделать ряд шагов для приобретения социологией дисциплинарного статуса и выйти на проблемно-ориентированный тип фундаментальных исследований.

Abstract

The article speaks of the necessity to overcome the fragmentation of sociological knowledge and raise sociology to a new disciplinary status. The new stage of its development is related to wider proliferation of the problem-oriented type of fundamental research.

Ключевые слова: социальная теория, социологическая теория, объяснительная социология, деятельностно-активистский подход, П. Бурдьё, постнеклассическая наука

Keywords: social theory, sociological theory, explanatory sociology, action activist approach, P.Bourdieu, post non-classical science

Эта статья продолжает теоретико-методологические размышления автора о состоянии отечественной социологии и поиске путей выхода на новый этап своего развития [1, 2, 3]. За последние двадцать лет отечественная социология во многом синхронизировалась с европейской и мировой социологиями и приобрела при этом не только плюсы, но и минусы. К ним добавились и свои собственные, о чем весьма обстоятельно пишет заместитель главного редактора журнала «Социологические исследования» Н. В. Романовский¹ [4]. Он выделил и описал внутренние и внешние факторы

¹ При этом обращаем внимание читателя, что в этой статье собран и систематизирован достаточно богатый критический материал, который даёт пищу для дальнейших размышлений.

динамики мировой и отечественной социологии и обратил при этом внимание на парадоксальность такого факта: удивительная способность России неоднократно наступать на одни и те же грабли и при этом проявлять слабую заинтересованность в научных знаниях относительно причин происходивших катаклизмов. На самом деле механизм неостребованности российским обществом науки об обществе не прост. Прежде всего, социология не находится непосредственно в зависимости от состояния и изменений своего главного объекта, что для наук о природе было бы вполне естественно, а включена в сложную механику отношений между наукой, властью и обществом. Приведем только один, но «неслабый» пример из новейшей истории, по публикации бывшего советника правительства Гайдара профессора О. И. Шкаратана [5]. Ему удалось накануне реформ 1992 г. пригласить в Москву группу высококвалифицированных специалистов по проблемам их проведения в составе Ф. Э. Кардозу, М. Карноя, М. Кастельса, С. Коэна и А. Турена. Эти уважаемые ученые и политики пытались открыть глаза президенту Б. Н. Ельцину на последствия для России тупого следования рекомендациям Всемирного банка и предлагали обоснованные альтернативы. Нужно сказать, что эта консультация проводилась добровольно и бесплатно. С российской стороны в подготовке обширного документа приняли участие, помимо О. И. Шкаратана, Ю. А. Левада, В. А. Ядов и Л. Ф. Шевцова. Практический результат попытки ученых повлиять на власть в самом начале принятия ею судьбоносных решений для страны (речь ведь шла о возвращении к капитализму после 74 лет строительства нового общества!) был нулевой. Так что уроки нужно извлекать, но не только власти и обществу, а и самим социологам, многие из которых сегодня усердно стараются усовершенствовать «дикий капитализм», как раньше советские обществоведы шлифовали «развитой социализм». Есть впечатляющие историко-сравнительные данные Э. И. Колчинского (ИИЕТ РАН) о взаимоотношениях науки, власти и общества, начиная с Нового времени и кончая современностью, которые заставляют и социологов задумываться относительно перспектив своей науки [6]. Да мы и сами хорошо помним, как она запрещалась у нас (в мире есть еще только один аналогичный пример – Германия) и как трудно нам дался ее возрожденческий этап. Поэтому если отечественной социологии,

как оптимистично считает С. Г. Кирдина¹, выпадет шанс преодолеть полипарадигмальную фрагментацию в мировой социологии и внутри себя путем диалога и методологического синтеза разных стратегий ее развития [4, с. 556], то следовало бы обсудить, по крайней мере, еще два вопроса: 1) в какой степени отечественная социология отвечает сегодня критериям современной постнеклассической науки и 2) может ли наша социология претендовать на признание ее в своем обществе, если она не обращается к нему с новыми идеями, а, в основном, выполняет обслуживающие функции в системе власти и бизнеса.

Сама постановка этих вопросов более чем актуальна для социологии и для российского общества, переживающего время от времени радикальные изменения. Устойчивое развитие – это даже не стратегия, а «голубая мечта» современного общества-государства в непрерывно меняющемся мире. Она остается таковой не только для периферии и полупериферии миросистемы, по И. Валлерстайну, но и для наиболее благополучного «ядра» ее, для т. н. «золотого миллиарда», в который мы, увы, не входим. Последний мировой финансово-экономический кризис (и он же первый кризис глобального постиндустриального общества), показал, что не все так хорошо даже в «лучшем из миров», что тогда говорить о нас. Поэтому и мировой, и нашей социологии еще рано, а может быть и вообще не надо отказываться от общества как от своего научного объекта, заменять его социумом, общностями, социальной сферой или таким аспектом, как гражданское общество. Все это можно и нужно делать в отдельных направлениях исследований. Ведь позитивистски ориентированная программа науки об обществе О. Конта заявляла только об одном, что наряду с явлениями природы, ответственность за изучение которых взяли на себя естественные науки, так же строго и так же последовательно надо заниматься изучением общества как целого, выдвигая гипотезы и проверяя их на основе твердо установленных позитивных фактов. Тем самым был брошен вызов не только теологии и спекулятивной философии того времени, но и всему вненаучному

¹ В упомянутой статье С. Г. Кирдиной [7, с. 543 и др.], говорится не только о шансе преодолеть полипарадигмальность, но и методологическом противостоянии западных и не западных подходов как индивидуалистического и холистского. При этом холисты третируются как «неполноценные» теоретики. Это похоже на разжигание «внутривидовой борьбы» в социологическом сообществе. Нам крайне нежелательно участвовать в такой борьбе. Она контрпродуктивна. У нас есть фундаментальная работа по истории теоретической социологии в 5-ти томах, под редакцией Ю. Н. Давыдова и целый ряд других работ, по истории мировой и отечественной социологии, что позволяет занять взвешенную позицию.

и паранаучному потоку социального знания, непрерывно генерирующему идеи путем непосредственного наблюдения над травмирующими сознание социальными явлениями. Естественным наукам во все времена производить теоретизирование было намного проще, чем социологии, которая и сейчас не вышла, на наш взгляд, из стадии преднауки. Объекты естественных наук не имеют знания о самих себе и не манифестируют свое согласие или несогласие с наукой, когда та отклоняется от реальности или когда она прогнозирует явления на основе познанных закономерностей. Уже только поэтому естественнонаучному знанию удалось успешно пройти период полипарадигмальности, разработать более или менее согласованные позиции для теоретического дискурса и определиться по своему отношению к практике. Дело дошло до того, что сегодня естественные науки не испытывают острой необходимости опираться на схемы производственной практики, как это было в начале их пути, а способны генерировать новые, непривычные для практики, предметные миры и тем самым опережать происходящие в ней изменения. Из практики не вытекали, например, многие новые физические и химические свойства тел и веществ, открытые наукой. В практике само собой не появилась ни электрическая, ни ядерная энергия, не говоря уже о нанотехнологиях или о клонировании живых организмов. Все это сделано путем разработки теорий, выдвижения гипотез и их экспериментальной проверки в специально созданных лабораториях, или, говоря шире, в искусственно созданных приборных комплексах типа синхрофазатрона или коллайдера.

В социологии ничего подобного не происходило. Ее теории становились все более обширными и детализированными в понятийном отношении, но все равно еще мало чем отличающимися от социальных наблюдений над схемами практики. Уже то, что общества типологизируются в социологии по способу производства, говорит о том, что сначала происходят изменения в практике, а потом появляются теории, описывающие эту практику и критикующие ее очевидные недостатки. Так появилось представление об индустриальном обществе, которое пришло на смену аграрному. А. Сен-Симон, О. Конт, У. Спенсер и Э. Дюркгейм говорили о «промышленном обществе», К. Маркс и М. Вебер о «капиталистическом обществе» тогда, когда эти общества уже возникли в ходе промышленной и буржуазной

революций. Каким же образом наблюдения над практикой отразились в социологических теориях и что это были за теории? Можно ли их отнести к социологическим?

У всех ведущих социологов XIX в. основным системообразующим элементом общества выступала экономическая подсистема, которая, по теории, задавала его тип, структуру, принципы организации и формирования социального порядка. Основным механизмом функционирования и развития общества признавалось разделение труда и связанная с ним его социально-профессиональная и классовая дифференциация, хотя, конечно, это не единственный способ структурирования социального. К. Маркс увидел в этом механизме антагонистические отношения между трудом и капиталом и выдвинул всеобъемлющую эвристическую теорию смены общественно-экономических формаций, не потерявшую значения и до сего дня. Он не только исходил из анализа практики, но и возвел ее в критерий истины, чем значительно притормозил теоретизацию общественных наук. Что ценного было в работах этих первопроходцев социальной мысли? Они концептуализировали отдельные явления практики на начальной стадии формирования индустриального общества, создали систему соответствующих дефиниций и использовали их для описания его состояний и изменений. У О. Конта это статика и динамика из доквантово-механической физики с весьма надуманной теорией «трех стадий», у К. Маркса – идеи отчуждения, прибавочной стоимости и классовой борьбы, взятые из критики Гегелевской философии и политэкономии, у Г. Спенсера – эволюционные изменения социального порядка как организма (из биологии), у Э. Дюркгейма – идеи социального факта, механической и органической солидарности (из теории разделения труда и наблюдения над коллективным сознанием), у М. Вебера – идея решающей роли целерационального социального действия в развитии западного общества (из протестантской этики). Все это были значительные шаги в деле концептуализации социальной реальности и в методах изучения социальных явлений, но еще слишком далекие от того, чтобы эти теории можно было назвать социологическими. Примером тому является противоположность позиций и понятийного ряда терминологии, описывающей реальность у таких классиков, как Дюркгейм и Вебер, хотя такие концепты, как «коллективные представления», «идеальные типы» вполне можно отнести к социологическим. Если они и имели отношение

к переживающей становление науке об обществе, то как этап, похожий на этап «великих географических открытий», когда каждый первооткрыватель, находясь под впечатлением от увиденного, давал наименования открытым явлениям по своему усмотрению. Поэтому нам так трудно сегодня увязывать их терминологию в связную теорию, ведущую к социологическому описанию и пониманию свойств и строения социальной реальности.

Положение в социологии как объявленной, но нереализованной науке об обществе мало в чем изменилось и в 20–70е гг. XX в. Здесь также были сделаны новые открытия «континентов», но уже на основе обобщения динамики индустриальных обществ. Так выяснилось, например, что либеральный капитализм, развивающийся через череду кризисов, чтобы как-то смягчить их последствия, превратился в государственно-монополистический. Наряду с тем, что экономическая сфера продолжала рассматриваться как доминирующая, были отмечены изменения в содержании и характере труда, в отношениях собственности, в отношениях между экономикой и сферами политики и государственного управления. В структуре общества были выделены уровни управления: социетальный, институциональный, менеджеральный и технический. Появились и новые понятия: «массовое общество», «посткапиталистическое общество», – как следствие крупномасштабного производства и нового образа жизни. Как раз в этот период много говорили о возможности конвергенции капиталистической и социалистической систем, поскольку и та, и другая имели общие черты индустриального общества. Появилась и фундаментальная работа Т. Парсонса на основе методологии структурного функционализма, претендующая на роль новой всеобъемлющей теории. Эта попытка почти сразу была раскритикована и в СССР, и на Западе, но, возможно, в этом и была ее самая большая заслуга в деле становления социологии как науки. Критиковали ее, прежде всего за доминирование целого (общества) над человеком, за обращение к органическим и биологическим аналогиям, за преувеличение роли социального порядка над его изменениями и, соответственно, за принижение роли конфликтов и девиации в развитии общества, за отсутствие анализа социальных классов и за многое другое. В частности, за тавтологичность отдельных понятий и невозможность их операционализации. Все это имело место, но, тем не менее, нельзя не отметить, что вместе с этой критикой

через заимствования стали развиваться другие подходы и теории, которые стали называться социологическими. Влияние К. Маркса и Т. Парсонса можно и сегодня найти в работах Дж. Александера, Р. Коллинза, Э. Гидденса, Дж. Тернера, Ю. Хабермаса, П. Бурдьё, П. Штомпки и в работах многих отечественных социологов. В то же время именно Т. Парсонс явил собой первый пример создания не социальной, а именно социологической теории общества, на основе идей и достижений таких общенаучных дисциплин, как теория систем и кибернетика. Его четырехфункциональная парадигма (AGIL) уже не содержала видимых следов практики, а позволяла теоретизировать на тему поддержания внутреннего гомеостаза с внешним окружением идеально структурированной системы в разных исторических условиях, культурах и обществах¹. Это старая, но всегда современная идея для теоретической социологии: внутри системы главное – отношения между ее частями и целым, а вовне – общая реакция социальной системы как целого на вызовы и угрозы. Для описания этих разных состояний потребовался особый теоретический язык, который и попытались создать Т. Парсонс и Р. Мертон.

Тем временем, на рубеже 1960-1970-х гг. в западных обществах стали происходить изменения, которые позволили сначала определить их как постиндустриальные, а затем более точно – информационные. Эти изменения были заданы информационно-компьютерной революцией, обусловленной научно-техническими достижениями, что нужно отнести на счет признания обществом особых заслуг естественнонаучного корпуса знаний [8]. Здесь наука в прямом и переносном смысле проявила себя новой производительной силой, предлагая обществу впервые в истории человечества новый ресурс – научные знания. Используемые до этого в качестве ресурсов свойства природы, труд и капитал, составлявшие универсальные условия существования человеческих обществ, стали терять свое исключительное значение, а научное знание, воплощенное в новой технике и в инновационных технологиях, впервые стало в массовом порядке менять традиционную практику. Осмысление этих новых явлений происходило в рамках социально-философских теорий, которые нельзя назвать социологическими. Это общество «третьей волны»

¹ Свои идеи Т. Парсонс развивал на протяжении 40 лет, и судить о его вкладе в социологию следует все же по поздним работам: «Система современных обществ» (1971) и «Социальное действие и условия человеческого существования» (1978). У нас они остаются ещё мало прочитанными.

у О. Тоффлера, «постиндустриальное общество» у Д. Белла и А. Турена, «общество сервисного класса» у Р. Дарендорфа, «посткапиталистическое общество» у П. Друкера и др. В этих теориях произошел своеобразный эффект «открытия Америки», когда Колумб вместо нового пути в Индию, открыл «Новый Свет», а здесь, поскольку до этого все теории строились на признании ведущей роли индустриализма, открыли постиндустриализм, хотя это был уже совсем другой континент, с другой ролью науки и с другими теориями. Социологическая литература наполнилась новой терминологией от наблюдений за происходящими в информационном обществе изменениями, для которых еще не выработаны подходящая маркировка и понятийный аппарат в общей социологии, но он появляется в отраслевых социологиях, в таких, например, как социология знания, социология организаций и управления и ряде других [см., например, 6, 7, 8].

В итоге, как пишет о новой ситуации в теоретической социологии Н. А. Полякова, она характеризуется не столько необходимостью смены старой парадигмы, по Куну, сколько осознанием потребности в ревизии всего исторического пути развития социологических представлений об обществе. «Задача состоит в том, – пишет она, – чтобы построить новую теорию, хотя бы сопоставимую по своей эффективности с теорией общества Т. Парсонса... В этом направлении движется социологическая рефлексия целого ряда авторитетных социологов» [9]. В наши задачи не входит сейчас детальный анализ того, кто и как движется в этом направлении. Можно только в качестве примеров назвать «логическую социологию» А. А. Зиновьева, теорию социальных механизмов Т. И. Заславской, теории социальных матриц С. Г. Кирдиной и социальной стратификации (О. И. Шкаратан, Н. Е. Тихонова, З. Т. Голенкова), введение в теорию социального пространства А. Ф. Филиппова, парадигмы Т. М. Дридзе, концепцию «социологии жизни» Ж. Т. Тощенко, антропосоциетальную теорию общества Н. И. Лапина, социологию социологии А. Г. Здравомыслова (особенно в его последней книге [10]). Это, конечно, только некоторые примеры того, что существует в «мейнстриме» теоретизации отечественной социологии, который способен, на наш взгляд, вывести ее на уровень дисциплинарной науки. В то же время следует включить в орбиту социологического дискурса и альтернативные подходы, относящие себя к неклассической социологии, хотя уже самое время

говорить о постнеклассической, в соответствии с тем, как обозначает себя современная наука. В. А. Ядов в своей весьма информативной работе «Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций» [11] специальное внимание уделяет тенденциям разработки интегративных теорий [11, с. 81], где перечисленные им авторы пытаются «диалектически интегрировать системно-структурные, конструктивистские и феноменологические подходы». Можно сказать, что «процесс пошел», но вопрос о том, в какой мере сопоставим эпистемологический статус знания об обществе в этих теориях с социологическим, остается открытым.

Важно подчеркнуть, что основными препятствиями дальнейшей теоретизации мировой и отечественной социологии являются: 1) упорное неразличение в теориях социологической и социальной реальности, что, на наш взгляд, связано с традицией описывать и объяснять социальное через социальное и называть это социологией; 2) несоразмерное смещение внимания в определении социологии как науки об обществе на объект (общество с его модификациями), вместо того, чтобы сделать разумный акцент и на слове «наука» и ответить на вопрос: в какой мере современная теоретическая активность в социологии соответствует современному состоянию теоретического знания в развитых отраслях науки?

Что касается первого препятствия, то хочется предложить читателю открыть любой наш или западный учебник по социологии на выбор, чтобы самому убедиться, что авторы многократно упоминают слова «социальная теория» и «социологическая теория» как синонимы. Это то же самое, как если бы физик, химик или биолог называли свои дисциплины природоведческими. При наличии такого словоупотребления уже можно было смело говорить о нахождении социологии на преднаучной стадии своего развития. Но можно привести и более конкретные примеры. Так, Брайан Тернер, редактор и издатель «Journal of classical sociology», выпустил целый ряд крупных теоретических работ по социологии. Поскольку центр развития социологии, по его словам, снова перемещается в Европу, он пишет: «Европейская социальная теория, возможно, снова займет доминирующую позицию в мировом развитии социальной теории» [12]. Можно подумать, что речь идет о констатации реального положения дел в социологии, которая относится к социальным наукам. Это было бы

Основными препятствиями дальнейшей теоретизации мировой и отечественной социологии являются:

1) упорное неразличение в теориях социологической и социальной реальности, что, на наш взгляд, связано с традицией описывать и объяснять социальное через социальное и называть это социологией; 2) несоразмерное смещение внимания в определении социологии как науки об обществе на объект (общество с его модификациями), вместо того, чтобы сделать разумный акцент и на слове «наука» и ответить на вопрос: в какой мере современная теоретическая активность в социологии соответствует современному состоянию теоретического знания в развитых отраслях науки?

верно, поскольку по своему генезису все социологические теории являются социальными, но ведь не все социальные теории являются социологическими.

Последний тезис игнорируется на каждом шагу. Более того, в большинстве случаев это сознательная позиция. Так, ссылаясь на мертоновский принцип «дисциплинарного эклектизма», который понимается как открытое, свободное и терпимое отношение к альтернативным объяснениям в науке, подверстывают совсем другой эклектизм – «без принципный». Например, в докладе Фонда Гулбенкяна (под ред. И. Валлерстайна) с названием «Open Social sciences» призывают к объединению социологии с психологией, экономикой, антропологией, когнитивной наукой, политической наукой. М. Доган, поддерживая эту идею, считает, что это надо сделать для того, чтобы изменить старую классификацию социальных наук и перейти к их новым гибридам [13]. Как тут не вспомнить слова «вождя мирового пролетариата»: «прежде чем объединиться, нужно хорошенько разъединиться». Одно дело – междисциплинарные контакты и исследования, а другое – эклектика социальной мысли, которая противоречит современным тенденциям формирования дисциплинарного знания, выступающего в качестве исходного пункта его теоретизации. Для такой переживающей стадию становления науки, как социология, именно ее дисциплинарная организация, объединяющая теории разных уровней с уровнем эмпирических исследований, и представляет возможность перестраивать ее научные основания, содействовать переходу от стадии преднауки к стадии науки.

В этой связи обратимся к классификации социологических теорий, предложенной П. Штомпкой, с точки зрения их вклада в теоретизацию социологии. Он выделяет, как известно, четыре типа: 1) экзегетические, 2) аналитические, 3) эвристические и 4) объяснительные [15].

Первые из них, по его мнению, наименее полезны для социологии, поскольку представляют собой произвольные интеллектуальные упражнения на «любимую тему». Их содержание – разбор точек зрения и текстов других авторов. Эту стадию проходят все начинающие ученые, когда собирают в одну «кучу» самое существенное, что можно найти в литературе по интересующему их вопросу. Надежд на то, что в таком понятийном сумбуре социологическое знание будет четко отделяться от социального, питать не приходится. П. Штомпка относит к таким типам работ

По своему генезису все социологические теории являются социальными, но ведь не все социальные теории являются социологическими.

Для такой переживающей стадию становления науки, как социология, именно ее дисциплинарная организация, объединяющая теории разных уровней с уровнем эмпирических исследований, и представляет возможность перестраивать ее научные основания, содействовать переходу от стадии преднауки к стадии науки.

и довольно известные, которые многие считают социологическими. Например, «Объяснение и социальная теория» Н. Смелсера, «Капитализм и современная социальная теория» Э. Гидденса, «Структура социального действия» Т. Парсонса. Так что возможностей сочетать «кислое с пресным» для начинающего социолога предостаточно. Но при этом нельзя не признать значения таких работ на стадии формирования социологии как научной дисциплины.

Вторые (аналитические) обобщают и проясняют используемые в литературе понятия, разрабатывают типологии и классификации, имеют тенденцию к созданию концептуальных схем, без которых обзоры литературы и критические замечания в адрес оппонентов или других авторов могут показаться логически не убедительными. Но такие систематизация и концептуализация еще ничего не говорят о принадлежности социальной теории к социологии. Это общенаучная процедура работы с понятийным аппаратом, однако словарь социального и словарь социологического – это разные словари, они содержат слова с разной семантикой, грамматикой и прагматикой, если говорить языком семиотики. Первые отражают социальную практику, явления общественной жизни, как онтологию, а вторые – идеи о сути этих явлений и связи между ними. Это различие очень существенно для социологии вообще и для теорий «среднего уровня», в частности, особенно – для составления программ эмпирических исследований. Перевод социальной проблемы в социологическую – это перевод с практического языка на научный. Всякие попытки непосредственного измерения социальных явлений путем, например, опросов без социологической концептуализации предмета исследования, лишают полученные данные социологического статуса. Это в лучшем случае будут данные социальной статистики, полезные, возможно, для политиков, идеологов и управленцев, но малопригодные для науки. Тем более, что сомнения относительно социологичности социальной статистики уже не раз высказывались в социологической литературе.

Третий вид социологических теорий – эвристические. Это те, которые нельзя проверить эмпирически, но содержат образы социальных явлений и понятия, ориентирующие социологию на постановку проблем. П. Штомпка относит их больше к социальной философии, чем к социологии. Здесь обсуждаются «вечные» онтологические проблемы: что такое социальная реальность в отличие, скажем, от

природной, что такое социальный порядок, как и почему происходят социальные изменения. Собственно в этих теориях на определенном этапе формирования социологии как науки и должно произойти разделение социального и социологического, онтологического и гносеологического, практического и научного. Но, как показывает история социальный мысли и тесно связанная с ней история социологии, это разделение происходит с большим трудом, так что и марксизм, и структурфункционализм, и символический интеракционизм, и другие теории, типа теории технократизма Гэлбрайта и т. п., остаются в лучшем случае социально-философскими. Впечатляющее развитие таких теорий связано не с обнаружением и интерпретацией новых социальных фактов (это отдельный методологический разговор), а, по словам П. Штомпки, «с интеллектуальным напряжением», возникающим в связи с новыми идеями в развитии социальной мысли. К этим тенденциям мы еще вернемся, поскольку они имеют принципиальное значение для формирования социологии как дисциплинарного знания. Здесь скажем только то, что социальная мысль в конце XX и в начале XXI вв. в ее философской форме оказалась резонансно вовлеченной в формирование новой научной «картины мира» и в этом непреходящая роль эвристических теорий. Они имеют прямое отношение к пересмотру оснований социологии как науки и разрабатываются для того этапа, на котором решается проблема соединения теоретической социологии и эмпирического знания.

Ближе всего к этому этапу четвертый тип теорий – объяснительный. Здесь П. Штомпка слишком оптимистично, на наш взгляд, описывает происходящую в мировой социологии ликвидацию разрыва между социологической теорией и эмпирией. «Многие теоретики больше не занимаются абстрактными идеями, – пишет он, – а обращаются к таким реальным проблемам, как глобализация, личность, риск, доверие, гражданское общество, демократия, новые формы труда, социальные эксклюзии, моральные травмы и т. д. Эмпирические исследования якобы, по Штомпке, более не ограничиваются регистрацией фактов и сбором данных. Вместо этого они предлагают обобщающие модели на основе систематизированных фактов. В качестве примеров объяснительных теорий он называет теории девиантности, теорию коллективного поведения, социальных движений, этничности, теорию массовой информации, социального капитала, постматериальных ценностей и т. п. [16]. О том же

пишет и Ж. Т. Тощенко в статье «Социологическое знание: структура и уровни» [17]: «Эти теории не рассматривают глобальные взаимодействия, а выделяют характерные связи в рамках конкретных сфер общественной жизни. Иначе говоря, каждая из отраслевых социологических теорий состоит из совокупности теорий, изучающих такие процессы, которые образуют социально-экономические явления: социологию города и села, социологию рынка, социологию труда, демографические и миграционные процессы и т. д.». Ниже он добавляет этносоциологию, социологию семьи, молодежи, власти, права, международных отношений, военную социологию, образования, культуры, СМИ, науки, литературы и искусства и пр. Наряду с общей социологией, отраслевой и специальной выделяют еще и частные концепции. Такие как социологию образования с подразделением ее на социологии высшего, школьного и дошкольного образования. Таким образом, число описательно-объяснительных социологий множится и ветвится до единичных случаев. Спрашивается, за счет чего это многообразие сохраняет статус социологического знания? Ответ известен: за счет проведения эмпирических исследований, не обеспеченных программами, что сводит полученное знание к статистике мнений с весьма произвольной последующей интерпретацией.

В целом от позиции П. Штомпки, от того, как он себе представляет статус объяснительных теорий в социологии, остается противоречивое впечатление. С одной стороны, это вроде бы теории «среднего уровня», которыми руководствуются многочисленные отраслевые социологии. На Западе их около 60, у нас, по материалам последнего Всероссийского социологического конгресса, около 40. Но неясно, какие из них и как выражают дисциплинарный характер социологического знания. Из ссылки на учебник по социологии под редакцией С. Куа и А. Сейлса [18], цель которого – суммировать положение дел в разных областях социологии, вытекает, что такие теории больше приближаются к реальным социальным проблемам (*common people*), чем к «эзотерическим проблемам» профессиональных социологов. «Социальная теория процветает и выживает наилучшим образом, когда она занимается эмпирическими исследованиями и общественными вопросами» (Дж. Тренер). Ее функция – давать объяснение, или, по крайней мере, модель для лучшей организации разрозненных фактов и явлений, для их дальнейшей интерпретации и не только

для самой социологии (для коллег-теоретиков), но и для простых людей, чтобы давать им ориентацию, просвещение, понимание своего состояния, а в обществе – обеспечивать информацию для демократического дискурса. В связи с происходящими в обществе быстрыми и радикальными изменениями не только common people, но и политикам, как считает С. Calpoun, нужно ориентироваться в происходящей неразберихе. «Люди хотят знать, откуда они пришли, что они есть и куда идут. Адекватные представления об обществе, карты социальных отношений могут быть предоставлены только с помощью обобщенных объяснительных моделей». Последнее верно, но все, что говорилось выше, – это прямая индульгенция тем, кто профанирует социологию как науку.

Хочется извиниться перед читателями за то, что нам пришлось так подробно излагать все эти аргументы в пользу именно объяснительных теорий, но другой способ показать, насколько не только мы, но и продвинутая западная социология, слабо рефлектируем по поводу своего статуса как науки, трудно было найти.

Напрашивается вывод: синонимичность социального и социологического в процессе теоретизации социологии не случайность, это неотъемлемый спутник процесса ее теоретизации, и очень важно, чтобы он был хотя бы четко артикулирован.

Чем больше мы будем теоретизировать, что же такое общество от «человейника» до глобального общества, тем больше будем привлекать вненаучное (философское, эзотерическое, культурологическое и просто опытное) знание. Поэтому экзегетические и эвристические теории в такой системе координат оказываются важной интеллектуальной средой для развития социологической мысли. Аналитические и объяснительные теории намного ближе к формированию дисциплинарного статуса социологии как науки. Вопрос еще и в том, в какой степени социология стремится утвердить этот статус в самом обществе, которое ждет от социологии практических шагов и новых идей.

Понятно, что отвечать на запросы практики путем разработки объяснительных теорий недостаточно. Формирование у населения «социологического воображения», за что ратуют вслед за Р. Миллсом П. Штомпка, наши авторитетные социологи Н. Е. Покровский, С. А. Кравченко и новый президент МСАМ. Буровой, – скорее образовательная и пропагандистская, чем научно-исследовательская

Напрашивается вывод: синонимичность социального и социологического в процессе теоретизации социологии не случайность, это неотъемлемый спутник процесса ее теоретизации, и очень важно, чтобы он был хотя бы четко артикулирован.

программа. В предложенной выше иерархии социологических теорий (а она не единственная; можно, например, говорить о макро-, мезо- и микросоциологиях) не хватает одного важного звена, имеющего непосредственное отношение к практике. Речь идет о таких социологических прикладных теориях, которые непосредственно ее обслуживают (например, теория модернизации). Эти теории разрабатывают новые способы решения практических проблем в глобальном и региональном масштабах. В советское время такой теорией было обоснование и методолого-методическая разработка социального планирования. Благодаря ей произошла перелицовка всей системы авторитарно-технократического управления в стране от Госплана до отдельных предприятий, работавших ранее на основе устаревших техпромфинпланов. Но нельзя сказать, чтобы эта инновация спасла страну от застоя и последующего развала. Сейчас в связи с политикой модернизации материально-технической базы экономики и стремлением использовать информационные технологии есть потребность в разработке стратегических планов развития отраслей, регионов, предприятий, местного самоуправления. Это все комплексные задачи, но может ли иметь какое-то отношение к их решению социология, представляющая собой то разнообразие «социологий», о которых говорилось выше?

Трудно ответить на этот вопрос однозначно. С одной стороны, «да», поскольку современная социология содержит в себе достаточно большой массив внутридисциплинарного знания, охватывающего почти все без исключения уровни и сферы общественной жизни, от политической и экономической до сознания и поведения на уровне повседневности. Социологам не надо быть для этого политиками, менеджерами, экономистами, юристами, психологами, экологами или культурологами. Им нужно оставаться социологами, поскольку все необходимые теоретические знания и эмпирические данные у них уже есть. Но, с другой стороны, «нет», поскольку социология не обладает необходимым дисциплинарным единством, чтобы сопоставить и объединить это знание для практического решения многоаспектных комплексных проблем. Первым препятствием здесь являются полипарадигмальность; вторым – разрыв между теориями и эмпирией; третьим, и самым главным, методологические трудности в различении социальной и социологической реальностей, что задерживает социологию на стадии преднауки. Она способна что-то порекомендо-

вать практике, о чем-то предостеречь, но она не способна разработать такие идеи и технологии, которые содержали бы принципиально новые ответы на современные вызовы и угрозы. Для этого ей необходимо пересмотреть свои основания и методологические стратегии в отношении практики и выработать некий общий дисциплинарный подход.

В этой связи следует отметить, что стратегии практики и стратегии науки, особенно науки в ее современном понимании как постнеклассической, значительно различаются. Общество рассматривается сегодня как исторически развивающиеся, далекие от равновесного состояния диссипативные системы, порождающие, на основе самоорганизации, бесконечное разнообразие форм социальной жизни с наличием в каждый момент времени альтернативных вариантов их развития. Социальный мир под воздействием комбинации эндогенных и экзогенных факторов изменяется нелинейно, без гарантий устойчивого прогрессивного развития. Нелинейность заложена в повседневную практику, в деятельность различного уровня и генезиса субъектов социального действия и взаимодействия по модели «вызов – ответ». Задержка с ответом, как и его неадекватность, угрожают существованию тех или иных форм социальной жизни обществ и целых государств, а успешный ответ приводит к выживанию этих форм через механизм отбора наиболее приспособленных к сознательной селекции. Но успешный ответ сегодня не гарантирует распространения его результатов на завтра, когда возникнут новые риски и угрозы (см. об этом в работах О. Н. Яницкого [например: 19]). Поэтому социальная динамика никогда не превращается в надолго упорядоченный ламинарный поток и чревата спонтанными переходами в неуправляемое кавитозное состояние. Обыденному мышлению, непосредственно рефлексизирующему над проблемами практики, по теореме У. Томаса, присуща онтологичность, позволяющая влиять на поведение и направлять его на решение возникающих проблем по своему разумению. Поэтому социальная практика в режиме «вызовов и ответов» обладает стратегической интенцией, стремящейся упредить возможные последствия реактивных действий и получить в обозримом будущем положительный результат. Для его достижения она изобретает непредсказуемую комбинацию средств, которая с трудом поддается теоретическому упорядочению. По этой причине ни одна социальная теория практики не оказалась

состоятельной, будь то марксизм, в том числе в вариантах А. Грамши и Д. Лукача, структурфункционализм или праксеология Т. Котарбинского.

Стратегия науки до сих пор была принципиально иная. Наука была в своей родовой позиции способом получения нового знания об окружающем мире путем обнаружения в нем недоступных для текущей практики новых свойств и закономерностей, которые, возможно, будут, а, возможно, и не будут востребованы. По причине принципиальных различий стратегий практик и стратегий науки, положение науки в обществе на протяжении всей писаной истории и, особенно, начиная с Нового времени, складывалось драматически. Достаточно вспомнить судьбу Галилея, Коперника, Джордано Бруно и многих других гигантов мысли, и слова Гоббса: «Если бы геометрия заявила свое право на власть, она бы кончила свою жизнь на костре».

Как пишет В. С. Степин, «все перестройки оснований науки, характеризовавшие глобальные революции в естествознании, были вызваны не только его экспансией в новые предметные области, обнаружением новых типов объектов, но и ее социокультурной детерминацией, связанной с изменениями места и функций науки в общественной жизни» [14, с. 711]. Это замечание может быть отнесено как к тому историческому моменту, когда было объявлено о рождении науки об обществе, так и к нынешнему положению социологии в российском обществе. Обществу, кроме студентов, совсем не нужна та социология, о которой мы пишем в своих монографиях, а на ту, которая нужна была бы уже сегодня и действительно нужна будет завтра, на фундаментальную науку страна не выделяет бюджетных средств. Заполняет разрыв между теорией и практикой экспертное сообщество. Оно создает нужные сегодня власти практически ориентированные, но не научные, а обслуживающие теории и доктрины с произвольным использованием наработанных наукой знаний¹ [20]. Фундаментальные исследования в отечественной социологии тормозятся, таким образом, не только историческими или социокультурными причинами, но и непосредственно социально-политическими факторами. К ним нет интереса, прежде всего, у правящего политического класса. Поэтому приведение своей

¹ Как пример таких разработок см.: А. И. Ракитов и др. Системный анализ и аналитические исследования... Здесь автор пишет «... аналитические систематические исследования должны учитывать результаты, полученные в науке, и опираться на них, поскольку это возможно и необходимо. Но высшей целью аналитических исследований является решение задач, поставленных заказчиком» [23, с. 15 и др.].

дисциплины в соответствии с современной наукой – дело не столько властно-управленческих структур и далекого от науки бизнеса, на что многие из нас еще надеются, сколько гражданского общества, т. е. нас с вами и наших добровольных союзников и объединений из родственных ментальных групп и слоев.

Социология возникла в условиях идеалов, норм и онтологических принципов естествознания XVII–XVIII столетий, когда доминирующую роль играли идеи механицизма, а гносеологический субъект познания элиминировался от физического субъекта. После этого наука долго и трудно преодолевала свой первородный позитивизм. Но уже к первой половине XIX в. естествознание стало превращаться в дисциплинарно организованную науку. Это означало, что на смену природной реальности как общего объекта познания, пришли дисциплинарные реальности: «физическая», «химическая», «астрономическая», «биологическая», что увеличило возможности взаимного обогащения за счет переноса знаний между ними и в итоге привело к созданию обобщенной научной «картины мира». В социологии «социологическая реальность» не утвердила свои позиции до сих пор. В Европе и США дисциплинарная социология сложилась относительно недавно, к 30-м гг. прошлого века. А в России социология как научная и учебная дисциплина официально появилась только в конце XX в. и только недавно несколько сровнялась с развитием мировой социологии. Отсюда и специфически сложная ситуация становления отечественной социологии как научной дисциплины и те противоречия, которые она отмечает, формулирует и пытается разрешить.

Но за это время произошла уже и третья по счету глобальная научная революция (с конца XIX до середины XX вв.), которая привела к появлению неклассического естествознания и, соответственно, к изменению типа научной рациональности.

В последней трети прошлого столетия мы стали свидетелями новых радикальных изменений в основаниях науки и в типе ее рациональности, называемой в литературе постнеклассической. Поэтому и в мировой, и в отечественной социологии назревает радикальный пересмотр форм научной деятельности: с описательно-объяснительных на проблемно ориентированные, с узко предметных на комплексные научно-исследовательские программы, с догоняющих практику теорий на опережающие ее идеи и технологические

Фундаментальные исследования в отечественной социологии тормозятся, таким образом, не только историческими или социокультурными причинами, но и непосредственно социально-политическими факторами. К ним нет интереса, прежде всего, у правящего политического класса. Поэтому приведение своей дисциплины в соответствие с современной наукой – дело не столько властно-управленческих структур и далекого от науки бизнеса, на что многие из нас еще надеются, сколько гражданского общества, т. е. нас с вами и наших добровольных союзников и объединений из родственных ментальных групп и слоев.

разработки. Самым, может быть, важным обстоятельством стало снятие неокантианского «вето» на отношения между науками о природе и науками «о духе». Сегодня признаются три вида равноправных объектов фундаментальной науки и, соответственно, три корпуса наук: о природе, об обществе и о человеке. Причем в постнеклассической науке все объекты считаются «человекообразными», т. е. развиваются на основе деятельностного отношения человека к миру. Это дало возможность в качестве основы современной научной «картины мира» принять единую концепцию универсального эволюционизма и разработать новые мировоззренческие ориентиры цивилизационного развития. Объективно, истинное объяснение и описание всех явлений природы, общества и человека предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений и норм исследований. При этом от науки требуется учет и проблем этического характера, определяющих границы возможного вмешательства в объект, что особенно важно для такого объекта, как общество и его подсистемы. Приращение знания при этом соотносится с общегуманистическими принципами и ценностями. Переосмысливается историческая изменчивость не только онтологических оснований, но и самих идеалов и норм познания. Соответственно, уточняется и обогащается содержание таких категорий, как «теория», «объект», «метод», «факт», «обоснование», «объяснение», «научная новизна» и «стратегия исследования», что задает социологии новые критерии научности.

В целом, по В. С. Степину, общая научная «картина мира» может быть рассмотрена как новая форма знания, которая регулирует постановку фундаментальных научных проблем и целенаправляет трансляцию представлений и принципов из одной науки в другую. Это глобальная научно-исследовательская программа, на основе которой формируются ее более конкретные, дисциплинарные исследовательские программы [14, с. 610], к числу которых не может не присоединиться и такая становящаяся дисциплина, как социология.

Науки о природе, обществе и человеке имеют и приграничные области, где и объект, и предмет, и методы носят комбинированный характер, что создает дополнительные теоретико-методологические трудности их самоидентификации, но не должно приводить к произвольной эклектике. Одно недавнее выделение культурологии и политологии

И в мировой, и в отечественной социологии назревает радикальный пересмотр форм научной деятельности: с описательно-объяснительных на проблемно ориентированные, с узко предметных на комплексные научно-исследовательские программы, с догоняющих практику теорий на опережающие ее идеи и технологические разработки.

в самостоятельные дисциплины дает повод поразмыслить над ростом дифференциации корпуса социальных дисциплин. Отдельные эпистемологические проблемы связаны и с формированием корпуса гуманитарной науки, решение которых значительно ускорило бы дисциплинирование и самой социологии. По крайней мере, сегодня некорректно говорить о социально-гуманитарном знании как о едином комплексе научного знания. Это разные типы знания и по объекту, и по методу получения.

Построения научной картины социальной реальности определяются тремя фундаментальными условиями: 1) любые представления об обществе должны строиться с учетом его исторического развития, ретроспективно и перспективно; 2) социальную жизнь следует рассматривать как целостное явление, как результат и условие осуществления многообразной человеческой деятельности; 3) во всех социальных процессах следует учитывать включенность в них человеческого сознания и используемого знания.

Преднаучный этап развития дисциплинарной социологии следует рассматривать как этап переноса естественнонаучных, социально-философских и вненаучных знаний на способы описания и объяснения социальных процессов, что проходило в форме конкурирующих исследовательских программ (Конт, Маркс, Спенсер, Дильтей, Дюркгейм, Зиммель, Вебер и др.), предлагавших различные дисциплинарные онтологии для переживающей становление социально-гуманитарной науки. Этот этап заканчивается разделением социальных и гуманитарных дисциплин, которые постепенно приобретают свои специфические основания и импульс собственного развития. Отечественная социология сегодня одновременно решает проблемы внутрисциплинарной интеграции, междисциплинарного сотрудничества и укрепления своего положения в системе: «власть – общество – наука». Основная стратегия ее развития – разработка новых технологий социальных действий на основе интегральных теоретико-методологических средств, опережающих практику трансформирующегося общества. Произвольное приписывание умозрительным схемам и теориям парадигмального статуса – пережиток уходящей эпохи.

Отсутствие разграничения между социальным и социологическим знанием, социальными и социологическими теориями изживается путем принятия кумулятивной стратегии проведения исследований, в которой предусматри-

Построения научной картины социальной реальности определяются тремя фундаментальными условиями: 1) любые представления об обществе должны строиться с учетом его исторического развития, ретроспективно и перспективно; 2) социальную жизнь следует рассматривать как целостное явление, как результат и условие осуществления многообразной человеческой деятельности; 3) во всех социальных процессах следует учитывать включенность в них человеческого сознания и используемого знания.

вается в обязательном порядке анализ предшествующего знания, способа его получения и обоснование приращения знаний в предметном поле определенной социологической теории. Дальнейшее дисциплинарное развитие отечественной социологии приведет к выделению «социологической реальности» в процессе российской трансформации в качестве признанного научного объекта исследовательских программ и комплексных дисциплинарных исследований.

Одной из продуктивных стратегий отечественной социологии может стать деятельностно-активистский подход, уже получивший фундаментальное теоретико-методологическое обоснование в работах А. Турена, М. Арчер, Дж. Александера, Э. Гидденса, П. Штомпки, П. Бурдьё и ряда российских социологов. Нам уже приходилось писать о результатах «мысленного эксперимента» В. А. Ядова, в рамках которого был проведен анализ пригодности существующих в мировой социологии теорий для адекватного описания и прогноза трансформаций российского общества. Он сразу отмел феноменологический подход исследования повседневности и социоантропологический как не рассматривающие общество на социетальном уровне. Оставил для анализа марксистский и конструктивистский подходы, теорию модернизации (в варианте девелопментаризма), глобалистские, неоинституциональные и деятельностно-активистские теории. Проверка их на применимость к российским реалиям показала, что наибольшее значение могут иметь неоинституциональные теории, поскольку признают зависимость будущего России от процесса институционализации действующих в обществе культурно-политических сил (Т. И. Заславская), и деятельностно-активистский подход, поскольку он позволяет определить происходящие в нашей стране изменения в мировой сетке координат: 1) глобально-локальных, 2) традиционно-инновационных. И в том, и в другом случае определяющую роль играет способ формирования субъектности общества и механизмов укрепления позиций доминирующих субъектов, их социокультурный состав и мобилизационные возможности.

Последовавшие за этой публикацией события в нашей стране показали, что для объявления политики новой модернизации правящему классу пришлось-таки решиться на изменения в политической элите, что корреспондируется с деятельностно-активистским подходом, по которому у «не-

Отечественная социология сегодня одновременно решает проблемы внутридисциплинарной интеграции, междисциплинарного сотрудничества и укрепления своего положения в системе: «власть – общество – наука». Основная стратегия ее развития – разработка новых технологий социальных действий на основе интегральных теоретико-методологических средств, опережающих практику трансформирующегося общества. Произвольное приписывание умозрительным схемам и теориям парадигмального статуса – пережиток уходящей эпохи.

Дальнейшее дисциплинарное развитие отечественной социологии приведет к выделению «социологической реальности» в процессе российской трансформации в качестве признанного научного объекта исследовательских программ и комплексных дисциплинарных исследований.

расторопного» субъекта будущее случается неожиданно, а у «активного» и мобилизованного будущее выбирается из альтернативных вариантов и «конструируется».

Деятельностно-активистский подход, на наш взгляд, обладает тем достоинством, что он потенциально способен синтезировать конструктивистскую, номиналистскую и реалистскую методологические стратегии в социологии и поддается дальнейшему усовершенствованию.

Так, (первое) в нем требует доработки базисный социально-философский тезис: общество представляет собой не естественно-исторический, а социально-исторический процесс. Из этого тезиса ушло онтологически существенное представление об обществе как о природном явлении, за которым стоит мощный фактор исходных неравенств по полу, возрасту, этническому и другим признакам, воспроизводящим архаические и традиционные формы общественной жизни. Разделение естественного и искусственного в общественной жизни, отмеченное во многих теориях экзегетического и эвристического типов как проблема, продолжает играть существенную роль и в формировании сознания и поведения субъектов практики, но оно не находит в социологии адекватной интерпретации. Действия примордиальных сил по-прежнему представляются многим как второстепенные.

Второе связано с самой практикой. В деятельностно-активистском подходе недооценивается, например, открытие стратегий практики, сделанное в работах П. Бурдьё.

Как пишет Н. А. Шматко, редактор и автор послесловия к переводу основополагающего труда П. Бурдьё «Практический смысл», получившего известность как «манифест теории практики»: «Если и возможно сравнение П. Бурдьё с К. Марксом, то оно должно относиться скорее к масштабу воздействия на современную им науку» [21, с. 561]. Здесь же приводятся слова Р. Коркуфа (Corcuff): «Будущее социологии, несомненно, пост-бурдьёвское, точно также, как оно было до Бурдьё пост-марксистским. Начиная с этого момента, следует считать вклад Бурдьё, наряду с Марксом, опорной точкой развития социальных наук, позволяющей им осваивать новые области». При такой аттестации можно было бы и Бурдьё отнести к первопроходцам-открывателям континентов социальной реальности. Однако именно социологическая разработка им категории «практика» делает Бурдьё родоначальником нового этапа ее теоретизации.

Одной из продуктивных стратегий отечественной социологии может стать деятельностно-активистский подход... Этот подход, на наш взгляд, обладает тем достоинством, что он потенциально способен синтезировать конструктивистскую, номиналистскую и реалистскую методологические стратегии в социологии и поддается дальнейшему усовершенствованию.

Обычно, характеризуя научное творчество этого автора, делают акцент на новом подходе и категориальном аппарате исследования. И то, и другое у Бурдьё есть, но, говоря о его вкладе в теоретическую социологию, можно использовать слово «открытие». Оно относится к «социологической реальности». Бурдьё удалось преодолеть традиционные для периода становления социологической науки препятствия – оппозиции реализма и номинализма, субъективизма и объективизма, – введя «практику» не как социальное, а как социологическое понятие. В отличие от понятия «социальное действие», используемого в духе объективизма в структурфункциональном анализе и в системном подходе, а также в духе субъективизма в феноменологии и в этнометодологии, которое препарировалось в этих парадигмах в уже снятом, застывшем, засушенном схемами виде, Бурдьё показал, что живую практику можно удержать и исследовать в научной системе координат. Это похоже на обнаружение в физике различных ориентаций диполей под воздействием магнитного поля или на введение понятия кванта в теоретическую механику. «Монополисты дискурса о социальном мире, – как пишет сам Бурдьё, – мыслят по-разному, всякий раз приписывают практике ориентации, которые вытекают из надуманных ими концептуальных схем. Экономисты, например, то признают у хозяйствующих агентов способность к рациональной оценке объективных шансов, то отдают приоритет саморегулирующимся механизмам рынка. Но этого мало. Главное, что теоретическое видение практики выдается за ее подлинное проявление, что ведет к «разрушению практики», подчиняет ее вневременному времени науки... Короче говоря, практика всецело имманентна длительности, а потому идет рука об руку со временем, ...потому что в самой ее стратегии заложено обыгрывание времени и особого темпа» [21, с. 158]. Эта «теоретическая ошибка», как говорит Бурдьё, есть фундаментальное несоответствие логики практики и логики существующей социологической науки. Чтобы описать практику теоретически, Бурдьё разрабатывает аппарат, состоящий из уже известных по публикациям дефиниций («диспозиции», «габитусы», «экономический, социальный и символический капиталы», «акторы», «поля», «социальные пространства» и др.); но, применяемые по отдельности, они не дают представления об эвристической ценности предложенной им «практической теории практики» для перехода социологии из состояния

преднауки в состояние науки. Для практики социологических исследований это означает, что в проблемное поле социологии включается не просто «актор», а актер с имманентно присущим вектором поведения. Можно привести немало примеров, когда социологи, политологи, экономисты приписывают разработанные ими стратегии субъектам действия, но подлинно социологическое видение объекта исследования состоит в том, что онтологически не бывает практики без стратегии, что любая практика одновременно нагружена и «сущим», и «должным». В этой связи требуется новое осмысление и оснований используемых в социологии методологических стратегий.

И это не единственные предложения относительно усовершенствования деятельностно-активистского подхода. Требуется и состыковка понятийного аппарата его родоначальников со стратегией эмпирического социологического исследования, наиболее полно, на наш взгляд, разработанной последовательным сторонником этого подхода В. А. Ядовым. Также потребуются соответствующие методологические преобразования.

Как следует из методологии науки, вслед за принятием современной «картины мира», в период научных революций пересматриваются философские основания науки, идеалы и нормы исследования, стратегии и базовые парадигмы. Всю эту работу предстоит проделать и современной социологии, чтобы она завершила переход из состояния преднауки в состояние дисциплинарной науки об обществе. Ориентация отечественной социологии на критерии постнеклассической науки, разработанные наиболее продвинутой по сравнению с Западом отечественной философией и методологией науки, дают ей исторический шанс занять подобающее место в мире и в российском обществе. Нам необходимо преодолеть чрезмерную фрагментацию социологического знания, сделать ряд шагов для приобретения социологией дисциплинарного статуса и выйти на проблемно-ориентированный тип фундаментальных исследований. Общий метапроект, о котором говорилось нами в предыдущей статье [3], может стать интегрирующим фактором для теоретической социологии и способом координации эмпирического уровня исследований. Построение в России «хорошего» общества как цель его движения в будущее, может стать той аксиологической и социотехнологической инновацией, которая опережает существующую практику

Построение в России «хорошего» общества как цель его движения в будущее, может стать той аксиологической и социотехнологической инновацией, которая опережает существующую практику и в то же время не является надуманным и недостижимым идеалом. Такого сигнала от социологии ждет и формирующееся у нас гражданское общество.

и в то же время не является надуманным и недостижимым идеалом. Такого сигнала от социологии ждет и формирующееся у нас гражданское общество.

Библиографический список:

1. Тихонов А. В. Эпистемологический статус социологического знания и некоторые проблемы внутри научной рефлексии в отечественной социологии // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 6. М.: Института социологии РАН, 2007.
2. Тихонов А. В. Посткризисный синдром отечественной социологии и проблема новой повестки дня // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 7. М.: Института социологии РАН, 2008.
3. Тихонов А. В. Российское общество как новая социальная реальность и метапроект отечественной социологии // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 8. М.: Института социологии РАН, 2009.
4. Кирдина С. Г. Современные социологические теории: актуальное противостояние // Вехи российской социологии (1950-2000 гг.) Отв. ред. Ж. Т. Тощенко, Н. В. Романовский. М.: Алетейя, 2010.
5. Ракитов А. И. Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991.
6. Ионин А. Г. Социология в обществе знаний от эпохи модерна к информационному обществу. М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2007.
7. Пригожин А. И. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М.: «Дело» АНХ, 2010.
8. Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований. Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: Канон`1`» РООИ «Реабилитация», 2010.
9. Полякова М. Л. Общество и его основные сферы // Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник. Под ред. чл.-корр. РАН Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 226.
10. Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире. М.: Логос, 2010.
11. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. М.: Интерсоцис, 2006.
12. Turner, B. Introduction // Blackwell companion to Social theory. Oxford: Blackwell, 1996, pp. 1–16.
13. Dogan, M. The new social sciences: Cracks in the discipline: nary walls // International Social Science Journal. 1997. Vol. 153, pp. 429–443.
14. Степин В. С. Теоретическое знание. Историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

15. Штомпка П. Теоретическая социология и социологическое воображение // Социологический журнал. М.: Логос, 2001. № 1.
16. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005. С. 101 и др.
17. Тощенко Ж. Т. Социологическое знание: структура и уровни // Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник. Под ред. чл.-корр.РАН Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 37.
18. International handbook of Sociology. London, 2000.
19. Яницкий О. Н. Изменяющийся мир России: ресурсы, сети, места // Мир России. Т. XIX. 2010. № 3.
20. Системный анализ и аналитические исследования. Руководство для профессиональных аналитиков / А. И. Ракитов и др. М.: РФФИ, 2009.
21. Бурдые П. Практический смысл / Редакция и послесловие Н. А. Шматко. М.: Алетейя, 2001.

Социология: проблемы развития

Хромающая эконосоциология

Яницкий Олег Николаевич —
доктор философских наук,
зав. сектором социально-экологических
исследований Института социологии РАН

e-mail: yanitsky@isras.ru

Хромающая эколосоциология

Аннотация

В статье рассматриваются причины отставания российской социологии от общей тенденции экологизации мирового социологического знания, с акцентом на проблемах междисциплинарного взаимодействия, создания публичной площадки для общественного диалога, способов продвижения социально-экологических знаний в практику. Статья заканчивается перечнем неотложных мер в данной области социологического знания.

Abstract

The article analyzes causes of why the Russian sociology trails behind the world trend to foster ecological knowledge. The author believes that the Russian sociology fails to create public space for a dialogue over environmental issues and ways to promote socio-ecological knowledge to the domain of policy formation. The article calls for urgent steps to amend for the aforementioned deficiencies.

Ключевые слова: экологизация, междисциплинарное взаимодействие, модернизация, социология, Россия

Keywords: ecologization, interdisciplinary thinking, modernization, sociology, Russia

Почему мы отстаем?

На Форуме Международной социологической ассоциации в Барселоне (2008) дискуссия по социально-экологическим проблемам в Исследовательском комитете «Среда и общество» была одной из самых длинных – 26 заседаний! То же самое произошло и на Всемирном социологическом конгрессе, который вообще получил название «антикарбонного», о чем я подробно писал в своей статье, посвященной итогам состоявшегося в июле 17-го конгресса Международной социологической ассоциации (Гетеборг Швеция, 2010) (См. статью Яницкого «К итогам 17-го международного социологического конгресса» в данном выпуске журнала).

Экосоциологи объединяются и в Европе, и по всему миру. В ООН работает специальная комиссия по проблемам изменения климата и его социально-экономических последствий. Глобальная экономика, включая российскую, становится экологозависимой. В Министерстве природных ресурсов формируется новый общественный совет по экологии, а по всей стране таких советов десятки, если не сотни. Интернет полон сообщений о протестных акциях в защиту природы по всей стране. Премьер-министр В. В. Путин счел необходимым личным примером привлечь внимание к проблеме сохранения российской природы. Но вот в очередной раз весьма уважаемое общероссийское собрание социологов – Сорокинские чтения, причем на этот раз ориентированное на регионы, – исключило социально-экологическую проблематику из списка секционных заседаний. В ведущем – Международном независимом эколого-политологическом университете (МНЭПУ) нет специальности «социальная экология». Нет ее и в реестре ведущих социологических институтов. Почему?

Прежде всего, по институциональным, проще говоря, бюрократическим основаниям: нет такой специальности в реестре Высшей аттестационной комиссии, значит, нет студентов и аспирантов, нет стабильных курсов – бывают только спецкурсы, нет в программах крупных российских социологических съездов и конференций сессий или секций по экосоциологии (исключение – Российское общество социологов) и т. д. Проблема есть и становится все острее, а ее дисциплинарной и институциональной организации нет! Поэтому ее и нет в перечне специальностей, по которым можно получить грант, выехать на конференцию за границу, предоставить работу на государственную или иную премию. Всякий раз экосоциальную проблематику надо прятать в карман какой-то другой дисциплины.

Актуальность темы сегодня

Почему именно сейчас социально-экологическая проблематика столь актуальна? Принцип «сначала экономика – потом экология» исчерпал себя. Экономика все более становится экологозависимой. Далее, не только экономические отношения, но и гуманитарные связи с нашим крупнейшим партнером – Объединенной Европой – зависят от уровня принятия и действительной реализации международных экологических стандартов, которые становятся

год от года все более высокими. Время – критический фактор. Экологизация производства и культуры страны – дело длительное, дорогостоящее, и чем больше оно будет откладываться, тем дороже обойдется обществу. Для экологизации нужны кадры и институции. Наконец, политическая реальность такова, что власть сегодня доверяет гораздо более ученым-естественникам, чем гуманитариям.

О междисциплинарности и институционализации

Взглянем на Запад. Там в течение 1980-х гг. сложились environmental sociology, environmental politics, environmental history, environmental education и т. д. как самостоятельные отрасли знания со своими институтами, научными обществами, лабораториями, учебными курсами и, подчеркну, междисциплинарными «мостами». То есть была выстроена научно-организационная вертикаль и горизонталь: от министерств и ведомств до сети неправительственных организаций и волонтеров.

У нас же такой вертикали нет, а горизонталь слаба и вынуждена бороться за право на существование. То, что было создано усилиями русских и советских ученых, – научные общества и советы – в 1990-х гг. или резко сократили свою активность, или сошли практически на нет. Остро нужны соответствующие концепции, или, как их именуют социологи, «теории среднего уровня», с тем, чтобы можно было перейти к «полю», экспериментальной проверке «больших теорий» и экологических парадигм. Корни этого отставания – не только бюрократизм или консерватизм научного мышления. Они – в культуре. Ученые-естественники с недоверием относятся к социологам, а те не умеют интерпретировать их данные. Сейчас, когда в государстве и обществе идет новая волна стандартизации (сертификации, спецификации), пересматривается перечень ВАКовских специальностей, очень важно, чтобы ученые страны вовремя отстаивали принцип междисциплинарности на самом высоком уровне. Это именно тот случай, когда этот методологический принцип должен быть легитимирован общественно-политически.

Что конкретно имеется в виду? В собственно научных исследованиях – проблемно-ориентированный подход. Цель – налаживание их взаимопонимания и практического взаимодействия. То есть перевод выводов одной науки на язык других. В идеале – общий язык; неважно, как он будет

Экологизация производства и культуры страны – дело длительное, дорогостоящее, и чем больше оно будет откладываться, тем дороже обойдется обществу.

Ученые-естественники с недоверием относятся к социологам, а те не умеют интерпретировать их данные. Сейчас, когда в государстве и обществе идет новая волна стандартизации (сертификации, спецификации), пересматривается перечень ВАКовских специальностей, очень важно, чтобы ученые страны вовремя отстаивали принцип междисциплинарности на самом высоком уровне. Это именно тот случай, когда этот методологический принцип должен быть легитимирован общественно-политически.

называться: экологическим или системным; важно, чтобы участники некоторого проекта понимали существенные взаимозависимости биосферных, экономических, геополитических, культурных и других процессов. Гуманитарии и естественники разгородились достаточно – пора объединяться, для чего необходим соответствующий институциональный формат. Междисциплинарные долгосрочные проекты должны стать приоритетными. Методология и технология исследования должны работать на конечный результат, а не на удобство отчетности.

О фундаментальных проблемах эконосоциологии

Какой принцип экосистемности мы закладываем в наши прогнозы и практическую политику? Сегодня в условиях глобальной конкуренции за ресурсы – речь идет фактически о новом переделе жизненного пространства и природных ресурсов планеты [1, 2]. Или мировое сообщество выбирает мирную модель сосуществования, основанную на согласии и взаимопомощи, и тогда потребность в природных ресурсах для поддержания национальной безопасности снижается в разы, или мир сползает к модели «господство – подчинение», и тогда он неизбежно втягивается в бесконечные ресурсные войны, холодные и горячие. Так или иначе, о принципах глобальной социально-экологической организации ученым и политикам думать надо сейчас. По моему мнению, необходимо широкое общественное движение за «экосистемный мир»; и оно уже формируется; к сожалению, без участия социологов. Для тех, кто работает над этим вопросом, очевидно, что за первой моделью стоит принцип самосохранения, модель общества разумных потребностей, за второй – навязываемая нам Западом модель потребительского общества. Причем, как показали ипотечный и другие кризисы в США, лечить болезнь неограниченного потребительства можно только за счет благополучия других стран и народов.

Весь мир вокруг нас изменился. В 1990-м г. среднеазиатские республики были национальными окраинами, а в течение последних 15 лет одни из них стали процветающими независимыми государствами, другие – источниками нестабильности, третьи – генераторами рисков (наркотрафик, торговля людьми, контрабанда, нелегалы и т. п.). Если в середине 1990-х гг. геополитики говорили о «дуге нестабильности» вдоль южных границ РФ, то се-

годня после событий на Украине и Кавказе, в государствах Прибалтики, в условиях нарастающей борьбы за ресурсы шельфов Ледовитого океана речь идет уже о «кольце нестабильности». Причем, если мы пытаемся скрепить страну и привязать к нам соседние государства посредством «геополитики труб», то тем самым мы открываем пути для их проникновения внутрь страны, и чем дальше, тем глубже. Да, экономический обмен, товарооборот – важные инструменты сохранения мира, но о сохранении своей национальной идентичности (культурной аутентичности) тоже не стоит забывать. Причем, собственные границы экосистемы «Россия» должны играть роль зон взаимообогащающего межкультурного обмена, но пока что они в значительной части – просто «открытые ворота». Политики наращивают гигантские узлы многофункциональной активности, но общество знаний требует иной – сетевой и мелкодисперсной структуры его организации.

О модернизации и ее экологическом измерении

Модернизация – многослойный процесс, протекающий в разных средах. Сказанное выше выводит нас на совершенно новую теоретическую задачу: системной экологической модернизации. Социологическая мысль объединенной Европы уже давно напряженно работает над этим [см., например: 3]. У нас пока такая задача даже четко не сформулирована.

В практическом плане это задача оптимального сочетания модернизации множества экосистем: экономических, социальных, культурных. Она осложняется тем, что каждая из них содержит, условно говоря, твердую, жидкую и газообразную субстанции. Компьютеры легко закупить, программное обеспечение и пользователей уже просто купить нельзя – их нужно создавать, обучать кадры и т. д. Наконец, «газообразное», т. е. виртуальное, пространство строится по своим законам. А если учесть, что все это, с одной стороны, зависит от «пространства труб» и других энергетических сетей, а с другой – от наличия человеческих ресурсов определенной культуры и профессионального качества, то названная задача оптимизации еще усложняется.

Названные выше процессы развиваются в трех пространствах: биосферном, социотехническом и виртуальном. Типологически, основой первого является территориально

Собственные границы экосистемы «Россия» должны играть роль зон взаимообогащающего межкультурного обмена, но пока что они в значительной части – просто «открытые ворота».

закрепленный «ландшафт», обладающий некоторой совокупностью ресурсов и встроенный в биосферу Земли. Этот ландшафт имеет определенную конфигурацию, размеры и несущую способность или предел интенсивного использования, превышение которых превращает его из источника благ в источник рисков. «Ландшафт», особенно на местном уровне, требует бассейновой организации социально-экономических процессов. В течение веков такими главными ресурсами «ландшафта» были плодородная земля, леса и водные артерии. Сегодня таким ресурсом все более становятся водные ресурсы и полезные ископаемые.

Типологически основой второго, социотехнического, пространства являются человеческие поселения, которые практически не имеют ни территориальных ограничений, ни пределов интенсивности их использования. Примером первого является строительство на польдерных землях в Голландии и Японии, а второго – Гонконг. Это – социально-экономически и технологически эффективный ландшафт, вмещающий столько финансовых, людских и иных ресурсов, сколько требуется для производства и транспортировки ресурса данного «места». Этот ландшафт практически независим от локальных условий, поскольку снабжается ресурсами извне и способен поставлять продукцию далеко за пределами данного локуса. Для модернизации российских регионов этот техногенный ландшафт абсолютно необходим, но создает риски для культуры и способов хозяйствования местных человеческих сообществ и поддерживающих их экосистем.

Третьим пространством является всемирная паутина информации и производства знаний как ресурса будущего. Она практически делокализована, хотя имеет пространственно фиксированные «точки опоры». Это – ведущая в мире «отрасль» производства, детерминирующая развитие двух предыдущих. Она также структурирована, имеет свои узлы и сети, свою плотность жизни, но в отличие от первых двух она фиксирована территориально лишь в нескольких точках, причем эти точки легко «отрываются» от земной привязки. Назовем его сетевым или виртуальным поточным пространством.

Необходимо сконцентрировать наши научные и общественные силы, чтобы сделать предстоящую модернизацию более экологически ориентированной. В 1990-е гг. Россия резко «открылась» всему миру, и мы потеряли гигантские природные, социальные и культурные ресурсы и ценности,

уровень внутренней организации общества резко упал. Без восстановления внутренней экосистемности, без восстановления «мембранного» типа баланса страны с окружающим миром (пропускать внутрь социального организма только то, что укрепляет его устойчивость и эффективность) мы не сможем перейти к построению «общества знаний».

В нашем обществе сейчас переизбыток информации, созданный, прежде всего, интернетом и СМИ, а знаний и ресурсов, необходимых для сбережения природы на новом этапе модернизации, не хватает. Российские научные школы, семинары, незримые коллективы – эти ключевые ядра экосистемной организации общества знаний – стареют и исчезают на глазах. Раз уж речь зашла о терминологии, скажу еще об одном привычном для слуха термине – «устойчивом развитии». Во-первых, развитие всего живого, как показал еще К. Бэр, сопряжено именно с его неустойчивостью, т. е. способностью изменяться, эволюционировать. Во-вторых, развитие не бывает линейным – оно всегда сопровождается кризисами и бифуркациями. Так что не стоит политический лозунг превращать в основополагающий научный принцип и цель развития общества.

О понятиях «центр» и «периферия»

В обществе знаний эти слова теряют прежний смысл. Преобразование СССР в Россию уже превратило значительную часть так называемой глубинки во фронт [4]. Это эмпирический факт. Не только малые коренные народы Сибири, Севера и Дальнего Востока, но и все национальные меньшинства, независимо от их компактного или дисперсного проживания, тоже больше не хотят быть «периферией». Появились новые системообразующие силы – корпорации, некоммерческие организации, малый бизнес. Но главное в том, что виртуальная экосистема в принципе экстерриториальна! Но это лишь одна сторона медали.

Если большие города окончательно высосут из малых городов и поселков, из особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и других «периферийных» ячеек молодежь, то страна просто резко сменит тип своей экосоциальной организации. Тогда на смену отношения «человек – Земля», где человек – это прикрепленный к земле земледелец, хранитель природы, т. е. хозяин, придет отношение «кочевник – ресурс», т. е. наемный работник, добывающий вахтовым способом конкретный природный ресурс и ни-

как не связанный с природой и культурой данного места. К тому же потеряем значительную часть своего культурного и биологического разнообразия. Вот тут устойчивость страны резко пошатнется. Удержание территории и сохранение местных человеческих сообществ, наращивание их интеллектуального капитала и сохранение локальных экосистем (биоценозов) – вещи взаимосвязанные.

Это нас выводит на совершенно новую теоретическую задачу – системной экологической модернизации, то есть всего вместе – производства и его инфраструктуры, управления, человеческого сознания и поведения. Весь научный и политический мир напряженно работает над этим. У нас пока такая задача даже четко не сформулирована.

Продвижение социально-экологического знания в практику

В российскую практику оно продвинуто пока недостаточно, хотя определенные успехи есть, например, в методах добровольной сертификации, в создании кодекса новых строительных норм и правил. Однако, начиная с 2000-х гг. были ликвидированы Государственный комитет по экологии и Государственная лесная служба, надзорные функции которых были переданы Министерству природных ресурсов; отменена обязательная государственная экологическая экспертиза; новый пакет законов, в частности новые Градостроительный, Лесной и Водный кодексы, обеспечивают теперь преимущественное право пользования этими ресурсами государственным и частным собственникам; на общественных слушаниях на местах право голоса местной общественности ограничено процедурно и фактически. Но даже это урезанное природоохранное законодательство систематически нарушается индивидуальными и корпоративными собственниками. Поскольку контроль над прессой и телевидением усилен, локальные и национальные дебаты переместились в интернет.

Бизнес и власть озабочены созданием своих, корпоративных, сообществ, бизнес скупает лучшие (с точки зрения поддержания природного равновесия и удовлетворения потребностей населения в рекреации) территории, не гнушаясь и особо охраняемыми природными территориями. Политически ангажированная наука им в этом помогает. А академическая наука должна заботиться, прежде всего, об общем благе: человечество и биосфера неразделимы.

Если большие города окончательно высосут из малых городов и поселков, из особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и других «периферийных» ячеек молодежь, то страна просто резко сменит тип своей эко-социальной организации. Тогда на смену отношения «человек – Земля», где человек – это прикрепленный к земле земледелец, хранитель природы, т. е. хозяин, придет отношение «кочевник – ресурс», т. е. наемный работник, добывающий вахтовым способом конкретный природный ресурс и никак не связанный с природой и культурой данного места.

Еще раз подчеркну: в обществе знаний вертикаль власти без сети местных – профессиональных и иных – сообществ не работает.

Что касается продвижения на Запад, то коллеги-социологи не упустят случая поехать за границу на конференцию или симпозиум, но заниматься систематическим продвижением успехов российской науки на Запад не торопятся. Что, к великому сожалению, видно по нашим публикациям: 99% из них публикуется здесь, на русском языке. А почему, собственно говоря? Разве продвижение российского социологического знания на Запад и Восток не есть часть задачи консолидации Русского мира? Чем сейчас озабочены и власть, и общественность?

О публичности социально-экологического знания

Прежде, чем научное знание превращать в публичное, популяризировать его, надо критически осмыслить, где и как это знание производится. Мы продолжаем придерживаться старой просвещенческой парадигмы: профессионалы несут «свет знаний» простому народу. Во-первых, экологическое видение миропорядка необходимо не только ему, но всем – власти, бизнесу, военным, священнослужителям. Но прежде всего – молодежи. Благодаря интернету она сегодня лучше знает весь мир, но не Россию. Это – культурная катастрофа. Здесь я явлюсь приверженцем краеведения, пропаганды местной (региональной) истории и культуры. Никто о крайней нужде в этом знании и чувстве «места» не сказал лучше, чем А. И. Солженицын.

Но не менее важно, что у людей, живущих на огромных просторах нашей страны с ее гигантскими природно-климатическими различиями и культурным разнообразием, есть собственная точка зрения. В выработке таких экологических приоритетов «снизу» участвуют не только многовековая традиция, но и школы, и университеты. Именно профессура и преподаватели «идут в народ». Так что нам необходимы не только «просвещение», но, прежде всего, общественный диалог и гражданское участие в сохранении природы, чем, несмотря ни на какие препятствия, вот уже более ста лет занималась и занимается русская интеллигенция.

Сумма неотложных мер

1) Инвентаризация социально-экологических исследований. Следует подвести итог проделанному (особенно в регионах России), выявить критические точки отставания в собственно научной, образовательной и пропагандистской сферах по сравнению с мировым уровнем.

2) Преодоление комплекса «столичности» науки. Реальный сдвиг в развитии данной дисциплины возможен только при равноправном, партнерском диалоге всех социальных сил, заинтересованных в экологизации страны. Термин «провинция» должен быть исключен из социально-политического дискурса.

3) Комплексное междисциплинарное и межсекторальное изучение среднесрочных (до 2012 г.) и долгосрочных перспектив (на 50 лет) экомодернизации в трех пространствах – природном, техногенном и виртуальном – в их связи с глобальными геополитическими трендами.

4) Разработка соответствующего правового и управленческого инструментария для практической реализации результатов обозначенных выше исследований в условиях перехода к информационному обществу.

5) Продвижение результатов социально-экологических исследований российских ученых на Запад и Восток, прежде всего в англоязычную научную литературу и интернет-издания. Изыскание финансовых и интеллектуальных ресурсов для пропаганды этих знаний за рубежом.

6) Коррекция системы образования: введение социальной экологии в перечень основных научных дисциплин (список ВАКа), разработка модельных курсов для региональных кустовых университетов, поддержка всех видов общественных образовательных инициатив на местах.

7) Проведение серии научных семинаров по теме, создание постоянной публичной площадки для дискуссии по обозначенным выше вопросам (форума в интернете);

8) Создание при Президиуме РАН координационного совета по развитию социально-экологических исследований в стране.

Благодаря интернету молодежь сегодня лучше знает весь мир, но не Россию. Это – культурная катастрофа.

Нам необходимы не только «просвещение», но, прежде всего, общественный диалог и гражданское участие в сохранении природы, чем, несмотря ни на какие препятствия, вот уже более ста лет занимается и занимается русская интеллигенция.

Библиографический список

1. Яницкий О. Н. Экологическое мышление эпохи «великого передела». М.: РОССПЭН, 2008.
2. Яницкий О. Н. Из выступления на Пленуме Общественной палаты РФ 24 мая 2008 г.
3. Mol, A.P.J.; Sonnenfeld, D. Ecological Modernization Around the World: An Introduction // Ecological Modernization Around the World: Perspectives and Critical Debates. A. Mol and D. Sonnenfeld, eds. London: Frank Cass., 2000.
4. Глазычев В. Л. Глубинная Россия: 2000–2002. М.: Новое Издательство, 2003.

Образование в России

Факторы, противодействующие модернизации российского профессионального образования

Шереги Франц Эдмундович —
кандидат философских наук,
директор Центра социального
прогнозирования

e-mail: f-sheregi@inbox.ru

Факторы, противодействующие модернизации российского профессионального образования

Аннотация

Автор исследует перспективы модернизации системы профессионального образования в контексте модернизации социальной структуры российского общества и экономики как потребителя «конечной продукции» системы профессионального образования.

Abstract

The article explores prospects for modernization of the vocational education. The issue is taken up against the backdrop of modernization of social structure and Russian economy which is regarded as the «end user» of the vocational training «product».

Ключевые слова: профессиональное образование, модернизация образования, социальная структура, функции образования

Keywords: vocational training, modernization of education, social structure and functions of education

Как отметил президент России Д. А. Медведев в своем вступительном слове на собрании Президентского совета в начале сентября 2010 г., контуры развития системы профессионального образования были намечены практически 10 лет назад в концепции модернизации образования. В рамках национального проекта «Образование» также были созданы условия для повышения качества работы учреждений профессионально-технического образования. Были приняты специальные законы, которые заложили основу модернизации профессионально-технического образования (об автономных учреждениях, о едином государственном экзамене, о переходе на двухуровневую модель высшего образования, о создании на базе вузов инновационных предприятий).

Тем не менее, актуальность модернизации системы профессионального образования не стала менее значимой; результаты, как финансовые, так и концептуальные усилия не привели к желаемым результатам. В чем причина слабой эффективности государственных усилий прошедшего десятилетия? Лежит ли она в области субъективных или объективных факторов? В большинстве публикаций, посвященных образовательной политике, система профессионального образования рассматривается как интеллектуально самодостаточный социальный институт, и посему проблема заключается лишь в том, чтобы, образно говоря, больше готовить космических пилотов для «Шатлов», да вот денег государство дает мало.

Это идеология. Научный подход к анализу социальной функции профессионального образования требует выделения его онтогенетической составляющей как органической части социального института.

Любой онтогенетический (внутренний) источник развития есть противоречие между двумя органическими составляющими социального института. Эти составляющие для образования – интегрирующая и дифференцирующая функции. *Интегрирующая функция* образования реализуется в процессе приобщения молодого поколения к культурным ценностям, нравственным идеалам, принципам мировоззрения, тем самым, формируя социальную общность.

Дифференцирующая функция образования реализуется в потенциальном «рассредоточении» молодого поколения по пирамидальным ячейкам социально-профессиональной структуры, тем самым внося в социальную общность противоречия, выраженные в различии экономических интересов элементов (групп) социальной структуры. Через эту свою функцию образование, преимущественно на стадии профессионального самоопределения молодежи, реализует начальную стадию пирамидального замещения поколений в иерархии общественного разделения труда.

Проистекает это из того, что жизненная траектория личности есть постоянное стремление к статусности, иными словами, стремление занять в социальной структуре общества, или в экономических терминах – в общественном разделение труда, тот статус, который обеспечивает наиболее благоприятную позицию в распределении общественных благ. Этим объясняется потенциальное стремление основной массы молодежи посредством профессионального

Интегрирующая функция образования реализуется в процессе приобщения молодого поколения к культурным ценностям, нравственным идеалам, принципам мировоззрения, тем самым, формируя социальную общность.

Дифференцирующая функция реализуется в потенциальном «рассредоточении» молодого поколения по пирамидальным ячейкам социально-профессиональной структуры.

образования в будущем занять место в верхних стратах «социальной пирамиды». Однако в последующем, независимо от природных способностей, молодежь распределяется в ячейках той социальной структуры, которая сформирована объективно существующим уровнем общественного разделения труда. Последний же зависит от уровня технического и технологического развития экономики. Это замкнутый круг, вырваться из которого не всегда удастся эволюционным путем.

В процессе воспроизводства социальной структуры общества взаимодействуют две большие группы: та часть нового поколения, которая включена в процесс профессиональной подготовки, т. е., как правило, проходит обучение в учреждениях профессионального образования (для Российской Федерации сегодня это 10,9 млн человек [1, с. 218]), и та часть экономически активного населения, которая занята в производственной и непроизводственной сферах – 73,8 млн человек [1, с. 31].

Именно эти две группы, первая из которых призвана заместить вторую, перманентно находятся в состоянии противоречия, а порой и конфликта (пример – массовые студенческие волнения в Европе в 1968 г., в период интенсивного технологического перевооружения экономики). Учитывая, что общая численность выпускников российских профессиональных образовательных учреждений в 2008 г. составляла в среднем 2,7 млн человек, + 0,1 млн человек выпускников 9-х и 11-х классов, не продолживших обучение в профессиональных образовательных учреждениях, в сумме – 2,8 млн человек, легко посчитать, что для полного цикла ротации занятого населения России в настоящее время требуется в среднем 25 лет. Естественно, это очень сжатый период, по истечении которого ныне в трудовом отношении активное население объективно не может в полном составе уйти на пенсию, и поэтому некоторого давления со стороны молодого поколения на эту часть населения не избежать.

Давление частично снимается за счет «задержки» молодежи в системе образования, например, путем введения 12-летнего обучения в средней школе, удержания в вузах на один год примерно 15–20% студентов за счет учреждения магистратуры, увеличения приема в аспирантуру, увеличения призыва в армию. Подобную функцию, не вытекающую из сути образовательного процесса, система образования выполняла и прежде. Примером может служить

Для полного цикла ротации занятого населения России в настоящее время требуется в среднем 25 лет. Это очень сжатый период, по истечении которого ныне в трудовом отношении активное население объективно не может в полном составе уйти на пенсию, и поэтому некоторого давления со стороны молодого поколения на эту часть населения не избежать.

как становление общего образования от 1-2-х годовичных церковно-приходских, 2-4-х годовичных начальных школ, семилеток послевоенного периода, до 10-11-леток с конца 1950-х гг. и далее, так и профессионального образования: ускоренные курсы красной профессуры в 1930-е гг., 3-х годовичные учительские институты в послевоенные годы, резкое расширение «абстрактных» инженерных факультетов в вузах в конце 1960-х гг., в условиях значительного роста численности молодежи. Все эти увеличения сроков обучения имели к запросам профессиональной подготовки мало отношения. Прежде всего, решались экономические задачи – снизить сформировавшееся по причине послевоенного демографического всплеска потенциальное давление на экономику со стороны трудоизбыточной части населения, в первую очередь – молодежи. Это не специфика России, такие процессы происходили во всех экономически развитых странах мира.

Между какими двумя частями общества имеет место перманентное противоречие, у истоков которого профессиональное образование выполняет инструментальную роль?

При поиске ответа на сформулированный вопрос следует иметь в виду, что молодежь до начала профессиональной ориентации, а старшее поколение после выхода на пенсию индифферентны в отношении к социальной структуре: первые еще не определились в направлении своего «давления» на социальную структуру (профессиональное самоопределение), будучи аморфной массой, называемой «детьми и подростками», а вторые, лишившись ролевой функции в общественном разделении труда, образуют аморфную массу «геронтов». Только стадия подготовки молодежи в системе профессионального образования к ролевой функции в общественном разделении труда является отчасти инструментом снижения остроты социальных противоречий в сфере трудовых отношений, и преимущественно – потенциальным генератором противоречия между поколениями, возникающего как результат усилий молодого поколения путем воспроизводства социальной структуры «вытеснить» экономически активное население из господствующих распределительных отношений.

Таким образом, воспроизводство социальной структуры общества и, тем самым, существующих социально-классовых и социально-профессиональных противоречий есть прямая функция профессионального образования. Проблема заключается не в том, что эти противоречия

воспроизводятся – это объективный процесс, а в том, чтобы они не нарушали общественный баланс (компромисс), воспринимаемый массовым сознанием как социальная справедливость.

Для России сегодня это актуально потому, что профессиональное становление нынешней российской молодежи проходит в обществе с относительно устойчивой, но отнюдь не прогрессивной социальной структурой, с критическим восприятием обществом своего прошлого и не вполне осознанной моделью будущего, что само по себе является предпосылкой для дисфункциональности профессионального образования, т. е. воспроизводства им не прогрессивной, а консервативной социальной структуры.

Вначале обратимся к анализу социальной структуры населения Российской Федерации, которую призвана воспроизвести, по возможности – обновить, нынешняя российская молодежь.

Наиболее общая социальная структура, определяемая по критерию источника дохода, дает представление о первичном социальном противоречии в распределительных отношениях. Эта структура следующая. Экономически активное население Российской Федерации составляют: работники сельского, лесного хозяйства и рыболовства – 10,0%; добычи, обработки, производства энергии, строительства – 28,6%; розничной и оптовой торговли, финансов, общественного питания и гостиниц, транспорта, операций с недвижимостью, коммунальных услуг – 40,5%; государственного управления и обеспечения военной безопасности – 5,4%; образования и здравоохранения – 15,5% [1, с. 136]. Эту структуру целесообразно упростить до двух составных частей: те, кто производит прибавочный продукт – 38,6%; и те, кто потребляет прибавочный продукт – 61,4%. Диспропорция явно «паразитическая». Однако есть одно «виртуальное» оправдание: потребляющие прибавочный продукт «не едят чужого», ибо, исходя из низкой рентабельности сельского хозяйства и большей части промышленного производства, занятая здесь треть активного в трудовом отношении населения не в состоянии произвести столько прибавочного продукта, чтобы прокормить остальные две трети занятых в непроизводящих сферах, да еще и две группы иждивенцев (детей и учащихся, пенсионеров). Большей частью они «едят» нефть, газ и сырьевые ресурсы, а все это «ничье», государственное. О доминирующей роли государства в распределительных

Только стадия подготовки молодежи в системе профессионального образования к ролевой функции в общественном разделении труда является отчасти инструментом снижения остроты социальных противоречий в сфере трудовых отношений.

отношениях свидетельствует и тот факт, что из 142 млн населения Российской Федерации экономически активные составляют 52%, а занятые в производящем секторе – всего 18,5%. Проще говоря, прямым или косвенным источником потребления не менее чем для 80% населения РФ является госбюджет. По сути, это бытовавшая в СССР разновидность государственного натурального распределения, только сейчас она заменена денежным эквивалентом, создающим видимость равноценного товарно-денежного обмена.

Подготовка молодежи в системе профессионального образования к воспроизводству такой первичной социальной структуры равноценна формированию у нее иждивенческой психологии, неверия в свои силы и возможности, неумения выживать в условиях трудовой конкуренции и поэтому склонности к использованию коррупционных методов выживания. Это свидетельствует также о наличии серьезных затруднений в профессиональной ориентации молодежи.

Неслучайно профессия госслужащего по критерию «прибыльная» в глазах молодых россиян приобрела сегодня такую же значимость, как уже многие годы лидирующие по этому критерию специальности экономиста и юриста.

Изменить данную ситуацию в направлении формирования у молодежи экономического сознания, признающего приоритет не иждивенчества, а равноправной трудовой конкуренции, возможно лишь на основе доминирования прогрессивной производящей составляющей экономики.

Далее рассмотрим квалификационную структуру занятого населения, которую молодежь призвана воспроизвести после окончания учреждений профессионального образования. Доля специалистов высокой квалификации (руководители, ученые, врачи и др.) составляет 26,6%, средней квалификации (технические специалисты, вспомогательные специалисты интеллектуального труда, рабочие высокой квалификации) – 29%, рабочие и обслуживающий персонал низкой квалификации – 44,4% [рассчитано по: 2]. В целом работники средней и низкой квалификации составляют 73,4%, что явно не свидетельствует о прогрессивной квалификационной структуре населения (за средне- и низкоквалифицированный труд много не платят), которая сегодня вряд ли привлекательна для молодежи.

Прямым или косвенным источником потребления не менее чем для 80% населения РФ является госбюджет. По сути, это бытовавшая в СССР разновидность государственного натурального распределения, только сейчас она заменена денежным эквивалентом, создающим видимость равноценного товарно-денежного обмена.

Еще одна социальная структура формируется по признаку классовому. Учитывая характер имеющихся статистических сведений, ее можно представить только в опоре на данные о квалификационном составе занятого населения.

В предположении, что остальная часть населения – члены их семей или лица, в прошлом составлявшие такую же структуру (пенсионеры), эту классовую модель правомерно экстраполировать на все население Российской Федерации: государственные и промышленные руководители (высший состав бюрократии и крупная буржуазия) – 7,4%, техническая и гуманитарная интеллигенция – 19,1%, квалифицированные рабочие – 30,3%, неквалифицированные рабочие – 16,7%, рабочие сельского хозяйства – 4,4%, служащие средней квалификации – 13,4%, работники сферы бытовых услуг – 8,7%. Учитывая общность материальных интересов, предопределенную схожестью величины дохода, приведенные показатели можно свести к следующей социально-классовой структуре олигархического государства: высшая бюрократия и буржуазия – 7,4%, интеллигенция – 19,1%, рабочие промышленного и аграрного труда – 51,4%, работники сферы бытовых услуг и служащие средней квалификации – 22,1%. Иными словами, нынешнему молодому поколению предстоит восполнить социально-классовую структуру российского общества на 73,5% в качестве промышленных, аграрных рабочих и работников сферы бытовых услуг, большей частью средней и низкой квалификации. И это притом, что среди всех выпускников учреждений профессионального образования доля выпускников вузов, например, в 2008 г. составила 48,4%, т. е. доля «экономического балласта» среди выпускников, обладающих дипломами о высшем образовании, – не менее 40%. Это девальвация дипломов высшего образования, вынужденная смена профессии или люмпенизация выпускников, готовившихся стать специалистами высокой квалификации. Неслучайно в течение первых 5 лет работы меняют свою квалификацию или профессию в среднем 60% молодых специалистов, окончивших вузы. Есть надежда, что эту ситуацию несколько «приземлит» всеобщее введение двухуровневого образования в вузах (бакалавриат и магистратура). Кстати, такая же холостая подготовка специалистов характерна для аспирантуры: 50% аспирантов составляют специализирующи-

еся в области гуманитарно-социальных наук, в то время как доля исследователей, специализирующихся в области гуманитарно-социальных наук, – всего 5%.

По общепринятым критериям благосостояния и образа жизни приведенную социальную структуру следует интерпретировать как классовую в следующем раскладе: высший класс – 7%, средний класс – 20%, рабочий класс (т. е. пролетарии физического и интеллектуального труда, включая люмпен-пролетариат, – примерно 8%) – 73%. Учет такой структуры важен потому, что именно она формирует массовое сознание и мировоззрение личности, предопределяя качество социальных институтов.

Масштабы страны и небольшое число крупных городов (2 мегаполиса и 9 городов-«миллионников») предопределяют тот факт, что представители высшего и среднего классов воспринимаются населением как «абстракция» или персонифицированные субъекты, уместающиеся на одной странице журнала «Форбс». Однако это не мешает тому, чтобы сегодня одним из основных противоречий 70% россиян считали противоречие между богатыми и бедными¹.

Воспроизводя подобную социально-классовую структуру российского общества, система профессионального образования способствует формированию однородности массового сознания молодого поколения, однако в экономическом аспекте – «люмпенизированной» однородности, а отнюдь не «умиротворенного» массового сознания среднего класса, в качестве которого пока выступает в основном интеллигенция, и то – по образу жизни, но не по материальным возможностям. Порожденные этой социальной структурой распределительные отношения, естественно, сформируют у большей части молодежи иждивенческую психологию, ориентированную на попечительскую роль государства, как это было в советский период.

Есть еще одна социальная структура, которую по классическим канонам следовало бы рассматривать также как классовую, однако характер имеющейся статистики не позволяет этого сделать, поэтому рассмотрим ее как урбанистическую [рассчитано по: 3].

¹ Данные исследования, проведенного в мае 2009 г. Центром социального прогнозирования и маркетинга по репрезентативной для Российской Федерации пропорциональной квотной выборке. Опрошено 2200 человек в 23-х субъектах РФ.

В общем составе населения Российской Федерации доля жителей сел – 27% (при оптимуме для прогрессивной социальной структуры России – 12%), поселков городского типа – 5,8%, малых городов с населением до 50 тыс. человек – 11,7%.

Итого население с провинциальным образом жизни и преимущественно психологией провинциала составляет 44,5%. Население мегаполисов (со столичным образом жизни и столичной психологией) – 10,6%; небольших городов с населением от 50 до 250 тыс. жителей – 17,7%, больших городов с населением от 250 тыс. до 1 млн жителей – 19,8%, крупных городов с населением более 1 млн жителей – 7,4%.

Урбанистическую структуру населения с позиции потенциала образа и стиля жизни уместно составить из 4-х элементов: жители аграрно-провинциальных поселений – 44,5%, жители провинциальных городов – 17,7%, жители крупных административно-промышленных городов – 27,2%, жители столичных городов – 10,6%. Тем самым доминирование аграрно-провинциального массового сознания характерно для 62,2%, промышленно-урбанистического – для 27,2%, индустриально-столичного – для 10,6%. Воспроизводство такой (феодалной) урбанистической структуры – а молодежи предстоит работать в этих поселениях – породит у нее тягу к административно-централизованному государству с попечительскими функциями. Следовательно, такая урбанистическая структура не является прогрессивной с позиции современного индустриального общества, предполагающего доминирование не теологического, а рационального массового сознания. Отчасти такая архаичная структура сегодня разрушается централизованно, путем «выкачивания» молодежи из сел и малых городов в опоре на единый госэкзамен (ЕГЭ), который дает им облегченный доступ для поступления в вузы и последующее трудоустройство в городах. Именно эта главная экономическая функция ЕГЭ сводит на нет все усилия ратующих за сохранение качества подготовки специалистов в вузах путем возрождения экзаменационной аттестации абитуриентов.

Модернизации социальной структуры российского общества, по крайней мере, в аспекте численного увеличения среднего класса, призвано содействовать развитие малого предпринимательства. Принято считать, что участие масс

Существующая в современной России архаичная урбанистическая структура, не являющаяся прогрессивной, сегодня отчасти разрушается централизованно, путем «выкачивания» молодежи из сел и малых городов в опоре на единый госэкзамен (ЕГЭ), который дает им облегченный доступ для поступления в вузы и последующее трудоустройство в городах. Именно эта главная экономическая функция ЕГЭ сводит на нет все усилия ратующих за сохранение качества подготовки специалистов в вузах путем возрождения экзаменационной аттестации абитуриентов.

в малом бизнесе будет способствовать развитию рыночных отношений и экономического сознания населения в целом, и молодежи в частности.

Приходится констатировать, что малый бизнес в России не только развивается крайне медленно, он к тому же архаичен по своей структуре. Так, с началом законодательно разрешенной индивидуальной трудовой деятельности в 1988 г. в нее включились 9% экономически активного населения СССР [4]. В настоящее время в Российской Федерации в малом бизнесе работают 12,3% экономически активного населения – это рост за 20 лет. Профессиональный состав малого бизнеса следующий: занимаются «посредничеством» (торговля розничная и оптовая, перевозка и извоз, операции с недвижимостью, ремонт) – 67,4%, фермерством – 2,8%, производством (обработкой, добычей) – 12,1%, строительством – 11,5%, интеллектуальными услугами (образованием, здравоохранением) – 1,2% [5].

Если ставить целью ориентацию профессионально формирующейся молодежи на воспроизводство нынешней профильной структуры малого бизнеса, то большинству получать профессиональное образование нет надобности, для занятия «посредничеством» (а это большая часть малого бизнеса) оно не требуется.

Доля производителей в малом бизнесе невелика и не станет больше до тех пор, пока не заработает прогрессивная промышленность, вокруг которой сгруппируется индивидуальный, семейный, кооперативный подряд производителей, как это характерно для Японии, Южной Кореи, Китая и других стран с высокой долей промышленного производства.

Сужение источника национального продукта до торговли энергетическими и сырьевыми ресурсами влечет следующие последствия: резко сужает арену и спектр меновых отношений, почти до двух субъектов – государство и население; тормозит развитие социальной структуры, обедняя многообразие ее элементов в качественном отношении и заменяя ее аморфной псевдорыночной общностью; обедняет отношения между составляющими элементами (социальными группами), содержательно редуцируя до примитивного массовое сознание как отражение отношений элементов упрощенной социальной структуры; многие социальные группы теряют свою индивидуальность, не имея ясного ориентира в виде овеянных групповых

Если ставить целью ориентацию профессионально формирующейся молодежи на воспроизводство нынешней профильной структуры малого бизнеса, то большинству получать профессиональное образование нет надобности, для занятия «посредничеством» (а это большая часть малого бизнеса) оно не требуется.

интересов, ища их воплощение в персонифицированном лидере – политическом, этническом, теологическом, псевдомиссионерском и т. д. Мировоззрение значительной части населения становится теологическим, догматичным и насыщенным суевериями, в идеологическом проявлении – шовинистическим, находящим свою идентичность только во внутреннем или внешнем враге. В противостоянии мнимому врагу население замыкается в себе, довольствуясь статусом обывателя, его политическая и экономическая активность заметно падает в связи с ориентацией на патронажную роль государства (сильной власти). Обывательский образ жизни формирует в массах эгоистическое потребительство, распределительные отношения обретают облик «наивной хитрецы» (кидальчества), а в русле финансовых, особенно госбюджетных потоков – коррупции. В результате постепенно во взаимоотношениях государства и населения наступает «патовая» ситуация, распространяющаяся и на экономическую жизнь, известная в истории страны как «застой» – экономический, интеллектуальный, идеологический, этический, общегосударственный.

Если, содействуя российской молодежи в выборе жизненных ориентиров, система профессионального образования способствует воспроизводству именно такой социальной структуры, то для государства это означает регресс, а для системы профессионального образования – дисфункцию.

Если молодежь не захочет воспроизводить подобную консервативную социальную структуру, то неизбежно обострение противоречия между поколениями, вплоть до конфликтов. Разрешение этого противоречия имеет две формы.

Пассивную – эмиграцию наиболее активной и талантливой молодежи в государства, где социальная структура более прогрессивная и их интеллектуальный и энергетический потенциал, вероятно, будет востребован. Активную, нежелательную форму разрешения межпоколенческого конфликта – широкое распространение асоциального поведения (молодежный наркотизм, алкоголизм, преступность), социального неповиновения, фобий и агрессивных движений вплоть до терроризма.

Сказанное подтверждает, что критерием эффективности реализации своих естественных функций не может быть сама система профессионального образования, и даже выпускаемый ею продукт – специалисты или квалифицированные рабочие. Она должна не «собой любоваться»,

а «смотреться в иное, экономическое зеркало». Только экономика есть тот потребитель «конечной продукции» системы профессионального образования, который либо признает ее функциональность, с пользой для себя трудоустраивая выпускников, либо констатирует дисфункциональность профессионального образования, не проявляя потребности в выпускниках.

Библиографический список

1. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2009.
2. Экономическая активность населения России. М. Росстат, 2009. С. 75–76.
3. Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2009 года. М.: Росстат, 2009. С. 19, 60, 61, 69.
4. Шереги Ф. Э. Социология предпринимательства: прикладные исследования. М.: ЦСП, 2002. С. 44.
5. Малое предпринимательство в России. Статистический сборник. М.: Росстат, 2008. С. 15.

Образование в России

Проблемы управления локальным образовательным пространством в контексте политики модернизации

Елисеева Анна Михайловна —
кандидат социологических наук,
младший научный сотрудник
Института социологии РАН

e-mail: am.eliseeva@gmail.com

Проблемы управления локальным образовательным пространством в контексте политики модернизации

Аннотация

Автор раскрывает методологию оценки социально-коммуникативного ресурса управления. Этот ресурс свидетельствует о способности и готовности системы управления на уровне вуза или целого региона решать проблемы, возникающие в связи с модернизацией системы образования. Выдвигаемые положения подкреплены результатами эмпирических исследований.

Abstract

The author unfolds the methodology of evaluating the social and communication resource of management. This resource testifies to the ability of the university of region management to solve problems connected to the modernization of the educational system. The author's arguments are based on the results of empirical research.

Ключевые слова: система образования, высшая школа, модернизация, управление, коммуникация, социально-коммуникативный ресурс

Keywords: education system, higher schools, modernization, management, communication, social and communication resource

Модернизация отечественной высшей школы является одним из основных направлений политики модернизации всего российского общества. Основополагающие предпосылки ее проведения обоснованы такими стратегическими задачами государства, как преодоление социально-экономического кризиса, закрепление международных позиций страны, повышение качества жизни населения. Решение этих задач руководство государства связывает, прежде всего, с переходом к высокотехнологичной экономике (в противовес сырьевой), что требует развития человеческих ресурсов.

Удовлетворять кадровые потребности должны российские вузы, но существующие проблемы высшей школы препятствуют эффективному выполнению этой функции. Среди них: несоответствие качеств выпускаемых специалистов требованиям инновационного этапа развития страны; слабый учет в системе образования проблемных ситуаций, складывающихся на региональных рынках труда; трудности в отборе абитуриентов, наглядно проявившиеся в связи с экспериментом ЕГЭ; инерционность в преобразовании традиционных образовательных технологий в учебном процессе. Все они, так или иначе, отражаются на трансформации системы управления высшим образованием, начиная с государственного и регионального уровней, заканчивая организацией учебного процесса и трудоустройством выпускников отдельных вузов.

Уже в начале 2000-х гг. были приняты базовые документы, определяющие приоритеты и основные задачи государственной политики в образовательной сфере (Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 г., Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г., Федеральная целевая программа развития образования на 2006-2010 гг., Приоритетный национальный проект «Образование»). В указанных документах определены основные направления реформирования российской системы высшего образования, нацеленные на решение перечисленных выше проблем. Запланированные органами государственной власти преобразования, относящиеся к социетальному и институциональному уровням регуляции социальных процессов, реализуются на региональном и вузовском уровнях, которые обладают собственной спецификой.

В контексте масштабной государственной реформы можно говорить о коренных преобразованиях принципов деятельности вузов и требований к конечному результату – уровню подготовки специалистов. Если традиционный тип функционирования вузов был связан с воспроизводством заданного числа специалистов определенного профиля, то инновационный, соответствующий переменам, ориентирован на подготовку конкурентоспособных выпускников, востребованных на рынке труда, а сами требования этого рынка должны учитываться в учебных планах подготовки специалистов. Однако на данный момент далеко не все вузы успешно осуществили переход на новый тип функционирования, в связи с чем особенно актуальными

Удовлетворять кадровые потребности должны российские вузы, но существующие проблемы высшей школы препятствуют эффективному выполнению этой функции. Среди них: несоответствие качеств выпускаемых специалистов требованиям инновационного этапа развития страны; слабый учет в системе образования проблемных ситуаций, складывающихся на региональных рынках труда; трудности в отборе абитуриентов, наглядно проявившиеся в связи с экспериментом ЕГЭ; инерционность в преобразовании традиционных образовательных технологий в учебном процессе.

являются исследования проблемных ситуаций, сложившихся в конкретных учебных заведениях, а затем и в локальных образовательных системах российских регионов в контексте модернизации. Основная роль в этом процессе принадлежит, с нашей точки зрения, изучению способности системы управления принимать решения по поводу нововведений и нейтрализовать возникающие проблемы с максимальным учетом интересов всех значимых групп внутренней и внешней среды.

В этой связи возникает вопрос об эффективности существующей системы управления и о способности самого управления быть эффективным в конкретном высшем учебном заведении или на уровне региональной системы образования в новых условиях [1, с. 95].

Сейчас, несмотря на пристальное внимание отечественных ученых к актуальным проблемам университетского управления, эти два аспекта исследуются обособленно. В итоге само состояние и потенциал существующих систем управления вузами на региональном и организационном уровнях оказываются слабо изученными. Помимо этого, большинство исследований направлены исключительно на проектирование процесса управления при отсутствии доказательных материалов исследований уже существующей системы, ее описания и объяснения. Рассматривая управление как «способ рационального установления причинно-следственных связей в системах социального действия, направленных на решение проблем» [1, с. 321], мы приходим к выводу, что исследования, имея прикладной характер, не учитывают многообразие взаимоотношений между участниками управленческого взаимодействия по поводу решения проблем, а также особенности стадии развития, на которой находится конкретное звено системы образования.

Мы считаем, что реальное, а не формальное осуществление запланированных преобразований возможно лишь в том случае, если система управления сознательно использует имеющиеся у нее ресурсы. Немаловажное значение, наряду с материальными и административными ресурсами, имеет и *социально-коммуникативный ресурс*, связанный с готовностью представителей системы управления и значимых субъектов внутренней и внешней среды отдельного вуза или региональной системы образования согласованно действовать в направлении решения возникающих проблем его реформирования.

Социально-коммуникативный подход, в основе которого лежат положения структурно-функционального, деятельностно-активистского подходов и концепции персонифицированной социокультурной модели управления А. В. Тихонова, позволяет на основе формирования гибкой методологии исследования изучить систему управления в контексте определенной проблемной ситуации, связанной с институциональными изменениями, по поводу которой должны приниматься управленческие решения. Возможным становится одновременное изучение двух аспектов: социального пространства управления, формируемого формальной и неформальной статусно-ролевой структурой (определяющейся социальным капиталом), и коммуникативного пространства взаимодействия представителей системы управления и значимых агентов по поводу управленческих проблем.

Этот подход позволяет оценить способность системы управления и среды организации к определенным социальным действиям и, одновременно с этим, изучить готовность выделенных (персонифицированных) субъектов к коммуникативным действиям, формирующим, соответственно, коммуникативное пространство управления.

Для решения поставленных проблем автором был проведен ряд эмпирических исследований, результаты которых, в обобщенном виде будут представлены в данной статье. Первый блок исследований был посвящен диагностированию проблем управления конкретным региональным вузом, связанных с модернизацией высшей школы и переходом на инновационный тип функционирования, и, в конечном счете, оценке готовности системы управления решать эти проблемы путем исследования социально-коммуникативных отношений, возникающих в системе управления по поводу этих проблем.

Дальнейшее развитие исследования связано с постепенным переходом на более высокие уровни образовательной системы, следующим среди которых является уровень отдельного региона. На данный момент завершено диагностическое исследование проблем региональной системы образования. Оно позволяет изучить процесс профессиональной подготовки молодых людей в динамике. В качестве его начала рассматривается выбор школьниками трудового пути, по которому они пойдут после получения аттестата. Затем процесс профориентации и профессионализации разворачивается на отдельных уровнях системы

Реальное, а не формальное осуществление запланированных преобразований возможно лишь в том случае, если система управления сознательно использует имеющиеся у нее ресурсы. Немаловажное значение, наряду с материальными и административными ресурсами, имеет и социально-коммуникативный ресурс, связанный с готовностью представителей системы управления и значимых субъектов внутренней и внешней среды отдельного вуза или региональной системы образования согласованно действовать в направлении решения возникающих проблем его реформирования.

профессионального образования (вузы, средние и начальные специальные учебные заведения). Изучение этих стадий в совокупности позволяет выявить проблемы, появляющиеся в системе профориентации и профессиональной подготовки молодых людей на каждом из этапов в контексте модернизации отечественной системы образования.

Рассмотрим последовательно результаты исследований.

На первой стадии, посвященной изучению проблем конкретного университета в связи с его переходом с традиционного на инновационный тип функционирования, реализованной в 2008-2009 гг. в Вологодской области, на основе анализа статистической информации были выбраны пять вузов разных типов (по признакам: профиль, отраслевая принадлежность, подчинение), работающих на территории области достаточно продолжительное время. На базе этих вузов было проведено эмпирическое исследование (всего были опрошены 600 первокурсников и 600 старшекурсников)¹. В ходе исследования рассмотрены основные аспекты образовательного процесса, связанные с оценками студентов их специальности и вуза, ориентацией на определенную карьерную стратегию и ролью вуза в ее реализации.

На этой основе было выбрано учебное заведение, с одной стороны, типичное, с другой – продемонстрировавшее высокий уровень проблемности по группе показателей: сравнительно низкий уровень востребованности по ряду специальностей, недостаток знаний для профессиональной практики выпускников, отсутствие у значительного числа старшекурсников четких планов дальнейшего трудоустройства. Этот вуз стал объектом следующих этапов эмпирического исследования, основными среди которых стали: анализ внутренней документации и материалов сайта университета; диагностическое исследование проблем управления; тестирование значимых участников принятия управленческих решений²; тестирование VIP-руководства вуза (ректората); исследование коммуникативных отношений в управлении.

¹ Опрос проводился в рамках исследования ГУП «Центр социально-экономических исследований».

² К числу значимых участников относятся представители внутренней и внешней среды вуза, вовлеченные в проблемы управления и способные влиять на их решение. К представителям внутренней среды относятся выпускники, преподаватели и сотрудники, администрация вуза. Внешняя среда включает работодателей, руководство и сотрудников вузов-конкурентов, специалистов государственной службы занятости населения и кадровых агентств.

В первую очередь, были изучены планы работы Ученого совета регионального вуза за несколько лет, а также содержательный материал сайта университета. Было установлено, что вуз позиционирует как одну из значимых перспектив своей работы переход к новым стандартам деятельности, в том числе, повышение качества подготовки выпускников и учет экспектаций внешней среды (рынка труда).

Диагностическое исследование позволило установить основные проблемы вуза, связанные с подготовкой молодых специалистов. Они отражены в семи проблемных ситуациях.

1) По результатам исследования был сделан вывод о, в целом, негативной оценке новой системы (бакалавриат и магистратура). Значительное число респондентов (от 60% до 70% по разным группам опрошенных) высказались за сохранение прежней системы подготовки (см. рис. 1).

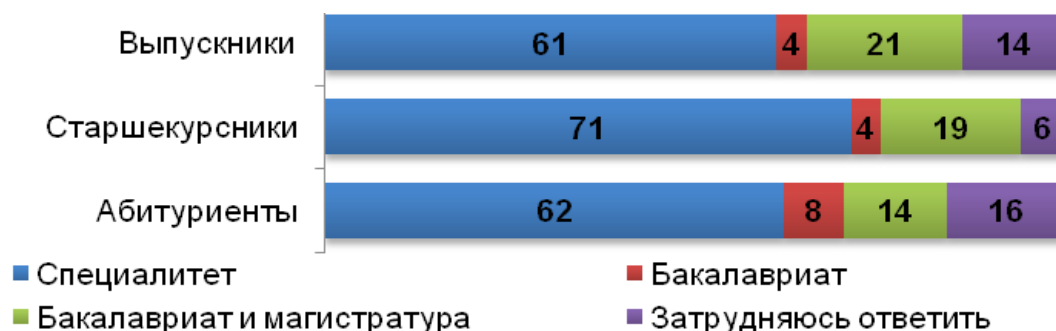
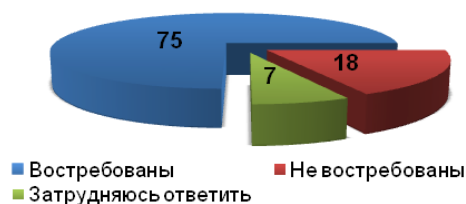

Рис. 1. Наш вуз начал переход к двухуровневой системе образования. Какую форму обучения Вы бы выбрали? (%)

2) Опрос показал, что если абитуриенты настроены оптимистично по поводу востребованности своей будущей специальности (75% оценивают ее как востребованную), то старшекурсники предвидят серьезные трудности с трудоустройством по специальности (44% считают, что специальность востребована, 41% – не востребована). Особенно эта проблема, по мнению респондентов, актуальна для некоторых специальностей: их считают невостребованными до 75% выпускников (см. рис. 2).

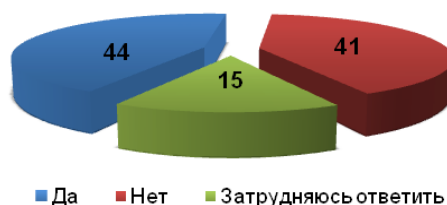
Абитуриенты: Востребованы ли выпускники факультета нашего вуза, куда Вы собираетесь поступать?

Абитуриенты: Является ли диплом нашего вуза конкурентоспособным среди других вузов города?

Старшекурсники: Востребована ли Ваша специальность на региональном рынке труда?

Выпускники: Насколько отдельные направления подготовки в вузе востребованы на рынке труда?

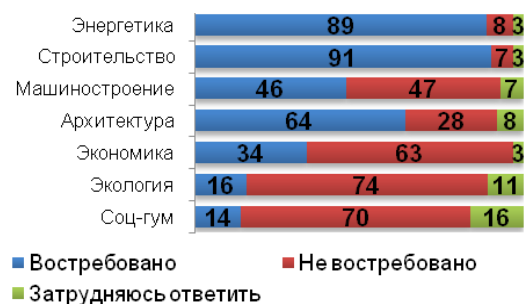
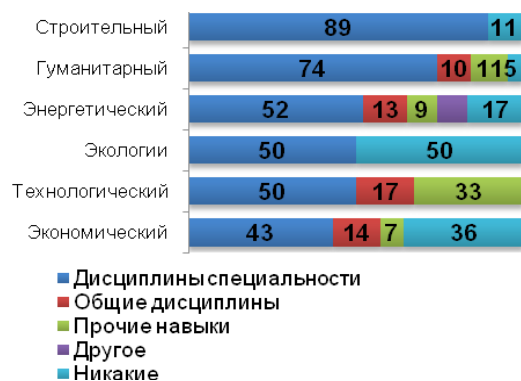

Рис. 2. Востребованность будущей специальности, по оценкам абитуриентов и старшекурсников, %

3) Многие выпускники отмечают отрицательные стороны вузовской подготовки, не соответствующие требованиям рабочих мест. От 10% до 50% выпускников по тем или иным специальностям отметили недостаток теоретических знаний и от 15% до 50% – прикладных (см. рис. 3).

Выпускники: Какие знания и навыки пригодились на практике?

Факультеты

Выпускники: Каких знаний и навыков недостаточно для работы?

Факультеты

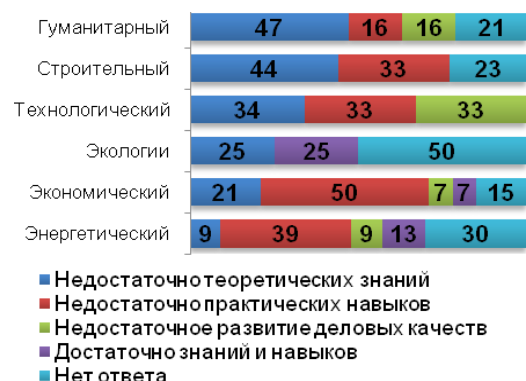

Рис. 3. Оценка соответствия вузовской подготовки требованиям рабочих мест, %

4) Только 6% старшекурсников отметили, что они ищут работу с помощью своего вуза, и 11% выпускников – нашли работу при его участии. В остальных случаях содействие вуза не прослеживалось (см. рис. 4).

Старшекурсники: Как Вы ищете работу, где будете трудиться после выпуска? (%)

Выпускники: Как Вы нашли первую работу после окончания университета? (%)

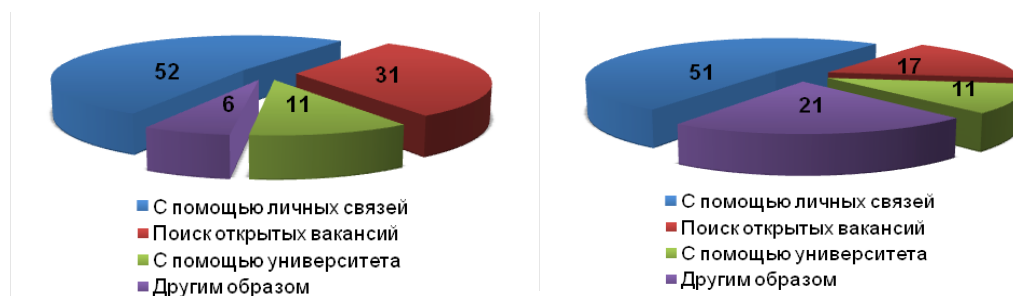

Рис. 4. Участие вуза в поиске работы выпускникам, по оценкам старшекурсников и выпускников, %

5) Менее половины абитуриентов (45%) имеют представление о том, где и кем они будут работать после окончания вуза. 57% старшекурсников не имеют определенных планов трудоустройства (см. рис. 5).

Абитуриенты: Вы относитесь к абитуриентам, которые знают, где будут работать после окончания вуза? (%)

Старшекурсники: У Вас уже есть надежные варианты трудоустройства или намеки, предположения? (%)

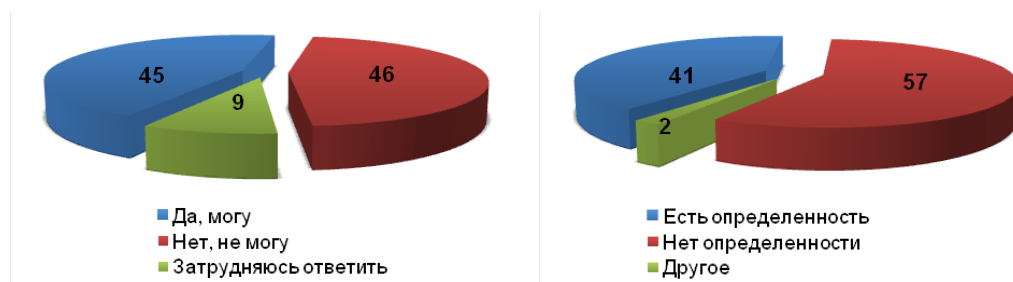

Рис. 5. Определенность планов трудоустройства по окончании вуза, %

6) Наши данные говорят о том, что только около 25% выпускников поддерживают отношения с подразделениями вуза и отдельными преподавателями. Зато столько же ратуют за установление постоянного взаимодействия с университетом в таких формах, как: повышение квалификации, консультационные услуги и обсуждение деловых предложений. Но в целом по всем факультетам довольно значительная часть выпускников (более 70%) не участвует в таких формах отношений (см. рис. 6).

Выпускники: На отношениях с кем строится Ваше взаимодействие с университетом? (%)

Выпускники: Какая форма взаимодействия с университетом была бы для Вас интересна? (%)

Рис. 6. Взаимодействие выпускников с вузом, %

7) Согласно нашим данным, этот вуз ориентируется, преимущественно, на рынок труда Вологды и Вологодской области. Примерно 90% респондентов-выпускников оценивают диплом регионального вуза как конкурентоспособный на территории Вологодской области. При этом конкурентоспособным за пределами области диплом вуза считают только около 20% опрошенных выпускников.

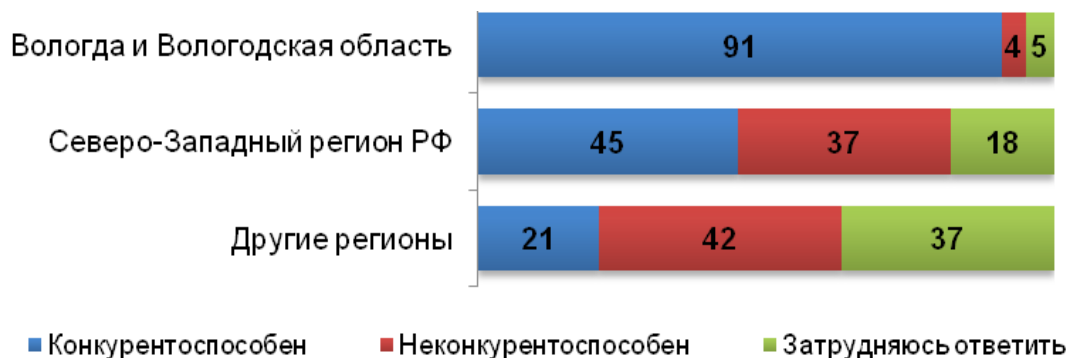

Рис. 7. Выпускники: Конкурентоспособен ли диплом нашего вуза? (%)

В сравнении со структурой проблем реформирования высшей школы, содержащихся в Федеральной целевой программе развития образования, структура этих проблем на уровне организации учебного процесса в одном из типичных вузов оказалась сдвинутой в сторону получения знания, адекватного ожиданиям реальных рабочих мест.

Описание проблемных ситуаций послужило эмпирическим основанием для методологической организации дальнейших этапов исследования системы управления вузом. На их базе были разработаны тесты для выяснения социальных позиций и коммуникативных отношений значимых субъектов принятия решений внешней и внутренней среды вуза.

Основная часть эмпирического исследования включала в себя два этапа. На первом из них эксперты – значимые участники принятия управленческих решений (всего 55 персонаний) были протестированы путем оценки проблемных ситуаций и определения возможных путей их решения, а также оптимизировали список значимых агентов, которые в идеале должны принимать участие в обсуждении и решении проблем управления. Затем состав персонифицированного VIP-субъекта управления вузом (8 персонаний) был подвергнут тестированию на основе обобщенных данных первого теста.

Методика восхождения при сборе данных от проблемных ситуаций, полученных на диагностическом этапе процедуры, к тестированию субъектов принятия решений, вплоть до персонифицированного субъекта управления, позволила получить голографический эффект исследования самой системы управления как проблемы.

Как показали результаты тестирования значимых участников принятия решений и представителей персонифицированного субъекта управления, респонденты признали актуальность всех выявленных ситуаций. Впрочем, распределение ответов было неодинаково. Так, например, наиболее острой и требующей активных действий была признана проблема слабой ориентации студентов на конкретные рабочие места, а наименее значимой – ситуация, связанная с особенностями положения вуза на региональном и внешнем рынках труда. Большая часть представителей руководства вуза, интерпретировавших позднее ответы экспертов, присоединялась к преобладающему мнению. Помимо этого, представители системы управления ранжировали выявленные проблемные ситуации по уровню их значимости. Составленный на этой основе «рейтинг» ситуаций свидетельствует о склонности вуза к адаптивной стратегии развития, поскольку наиболее значимыми признавались ситуации, относящиеся к инструментальному уровню, напротив, проблемы социетально-институционального уровня признавались менее значимыми.

Выбор значимыми участниками субъектов взаимодействия по поводу решения основных проблемных ситуаций позволил сформировать «поле» основных взаимодействующих субъектов. Представители VIP-руководства вуза, ознакомившись с перечнем субъектов по каждой проблемной ситуации, ранжировали их по уровню значимости, а также описали собственную систему взаимодействий по каждой

из проблемных ситуаций. Полученные данные показали, что не только в социальной позиции значимых субъектов, но и в коммуникативном пространстве управления вузом существуют заметные различия.

Это означает, что совокупность лиц, участвующих в принятии решений, в принципе готова к переходу на инновационный тип функционирования вуза, но сам этот переход проблематичен из-за того, что потенциальные и реальные субъекты, вовлеченные в его осуществление через наше исследование, не располагают соответствующей площадкой для конструктивного коммуникативного взаимодействия [2]. То есть необходимо создание определенных условий для того, чтобы существующий социально-коммуникативный ресурс управления был оптимизирован и реализован.

На основе полученных данных можно говорить о специфике проблемной ситуации в управлении вузом при его переходе на новый тип функционирования. А именно: по сравнению с приоритетными направлениями ФЦПРО, относящимися к институциональному уровню принятия решений, при переходе на уровень региона и, особенно, отдельного вуза, происходят изменения в понимании стоящих перед системой высшего образования проблем и, соответственно, в способах их реализации. Если возвращаться к исходным предпосылкам социокультурной модели управления, то логично утверждать, что руководство реального вуза склоняется к инновационному направлению действий, но существующая система субъект-субъектных взаимоотношений во внешней и внутренней среде «тянет» его к традиционной – адаптивной тактике поведения. Так что если считать ситуацию в выбранном нами региональном вузе типичной, то можно сделать вывод относительно механизма «замедления» широко объявленной политики реформ высшей школы.

Вернемся к рассмотрению системы уровней социокультурной регуляции. Следующим, после вузовского, уровнем более высокого порядка будет региональная образовательная система. Она обладает более сложной структурой, нежели вуз, включая в себя учебные заведения разного уровня и типов, начиная со школ и заканчивая вузами. На уровне региона существует собственная система управления образованием. В ней также можно выделить VIP-руководство, обладающее формальной властью для принятия решений, а также определенной системой взаимодействий. В эту

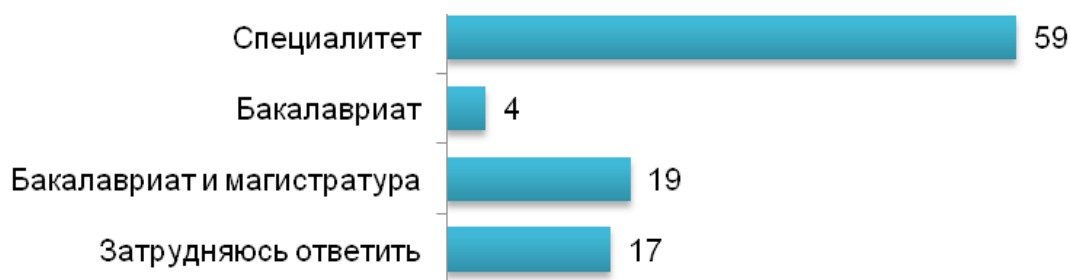
Совокупность лиц, участвующих в принятии решений, в принципе готова к переходу на инновационный тип функционирования вуза, но сам этот переход проблематичен из-за того, что потенциальные и реальные субъекты, вовлеченные в его осуществление, не располагают соответствующей площадкой для конструктивного коммуникативного взаимодействия.

систему субъект-субъектных отношений, возникающих в связи с решением проблем управления, входят и значимые другие. В случае региональной образовательной системы к ним будет относиться более широкий, нежели в ситуации вузов, круг субъектов, начиная с федеральных органов власти и заканчивая представителями отдельных учебных заведений региона и местного рынка труда. Круг субъектов, включенных во взаимодействие, будет зависеть от сущности управленческих проблем, возникающих в связи с выполнением системой образования ее основных функций – воспроизводство кадров, обеспечение экономики региона необходимыми специалистами – и трансформацией их содержания в контексте модернизации.

Для выявления этих значимых проблем в мае–июне 2010 г. нами было проведено диагностическое исследование проблемного поля региональной системы образования (на примере Вологодской области). В опросе приняли участие школьники девярых – одиннадцатых классов, студенты начальных, средних и высших профессиональных учебных заведений области¹. Представители данных групп рассматривались как носители проблемных ситуаций, связанных с эффективностью системы образования и управления ею. Среди основных проблем, выявленных в ходе исследования, назовем следующие.

1) Школьники настороженно относятся к двухуровневой системе образования, активно внедряемой в России. Большинство из них (59%) по-прежнему предпочитают традиционный специалитет. Учиться на разных ступенях новой системы планирует не более четверти будущих студентов вузов (см. рис. 8).

¹ Опрос проводился в рамках исследования ГУП «Центр социально-экономических исследований». Опрос учеников 9–11 классов был проведен в семи районных центрах Вологодской области. Общая выборка составила 409 респондентов. Опрос студентов начальных и средних специальных учебных заведений проводился в семи районных центрах Вологодской области. Всего опрошено 483 респондента. Опрос студентов вузов проводился в Вологде и Череповце, где сосредоточены высшие учебные заведения Вологодской области. Всего опрошено 415 студентов третьего–пятого курсов.

Выборка: 278 респондентов – учеников, планирующих поступать в вуз после окончания школы.

Рис. 8. Двухуровневая система и специалитет: какой вариант подготовки Вам ближе? (%)

2) Учащиеся предвидят проблемы с востребованностью собственной специальности на рынке труда. Школьники настроены более оптимистично: очень востребованными и востребованными в настоящее время будущие специальности считают 59% молодых людей, планирующих поступать в вузы, и столько же будущих студентов средних специальных и начальных специальных учебных заведений. Ученики надеются, что к моменту окончания ими профессиональных учебных заведений специальности останутся востребованными рынком труда (55% и 58%, соответственно, среди будущих учеников вузов и средних специальных учебных заведений) (см. рис. 9).

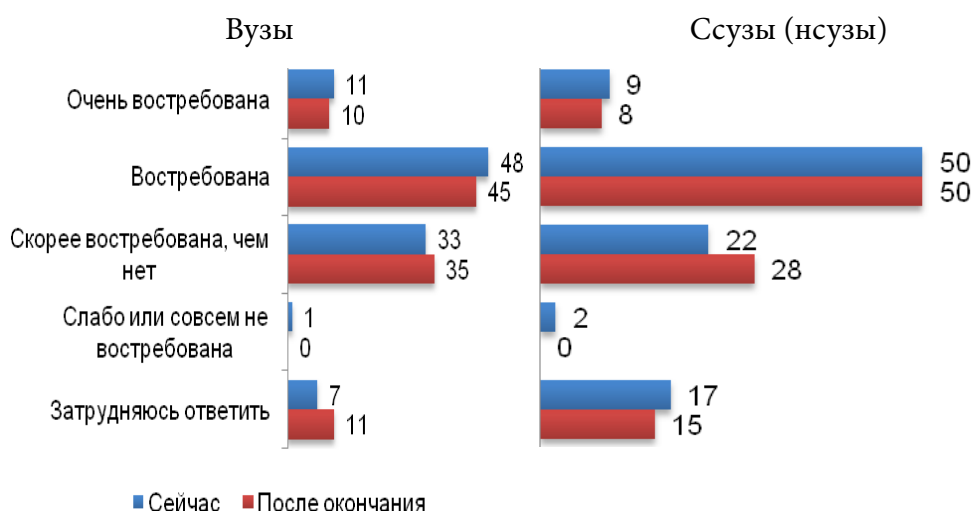

Рис. 9. Школьники. Как Вы считаете является ли выбранная Вами специальность востребованной на рынке труда сейчас (будет ли таковой к моменту окончания Вами учебного заведения)? (%)

По мере получения профессионального образования уровень оптимизма снижается. Не более 50% студентов начальных и средних специальных учебных заведений оценивают свои специальности как востребованные. Исключение составляют технические специальности, для которых этот показатель достигает 65% (см. рис. 10).

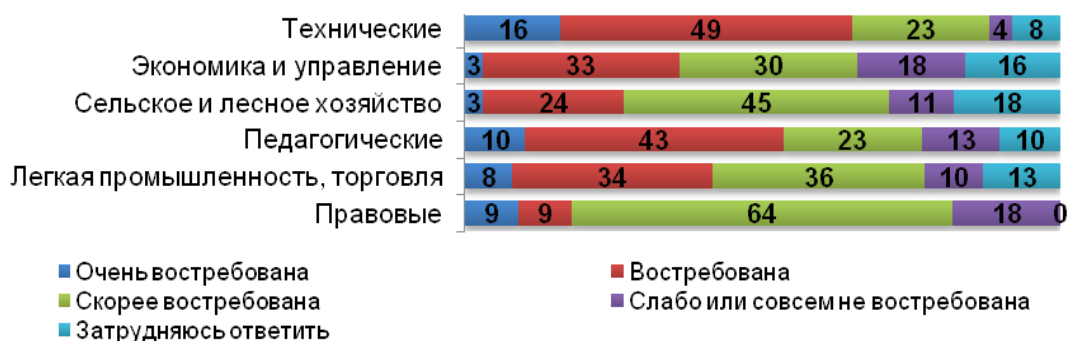

Рис. 10. Студенты ссузов и нсузов. Является ли Ваша специальность востребованной на региональном рынке труда? (%)

Среди студентов вузов востребованной на рынке труда свою специальность считает также не более половины (см. рис. 11). Наиболее высок этот показатель для инженерно-технических специальностей (49%). Ниже всего – для социально-гуманитарных (14%); 43% студентов, обучающихся по этому профилю, думают, что их специальность слабо или совсем не востребована.

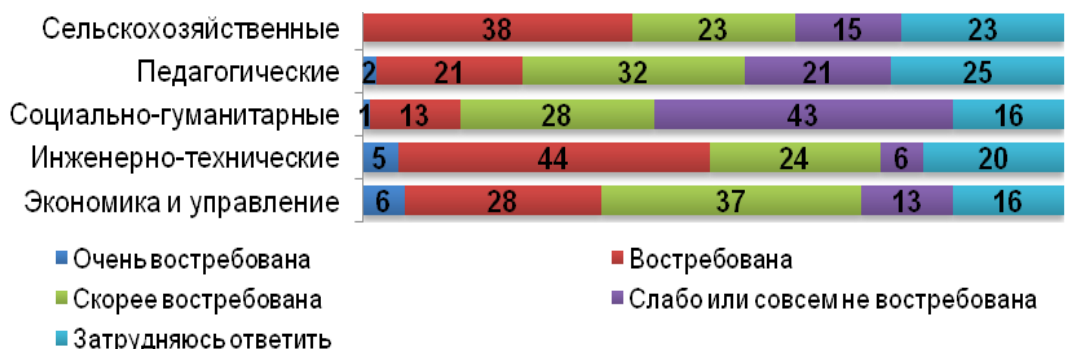

Рис. 11. Является ли Ваша специальность востребованной на региональном рынке труда? (%)

3) Значительная часть студентов, как в ссузах, так и в вузах, отмечают проблемы в своей профессиональной подготовке, ее несоответствие требованиям рынка труда. Недостаток знаний и навыков ощущают от 20% до 30% будущих выпускников средних специальных и начальных специальных учебных заведений (см. рис. 12).

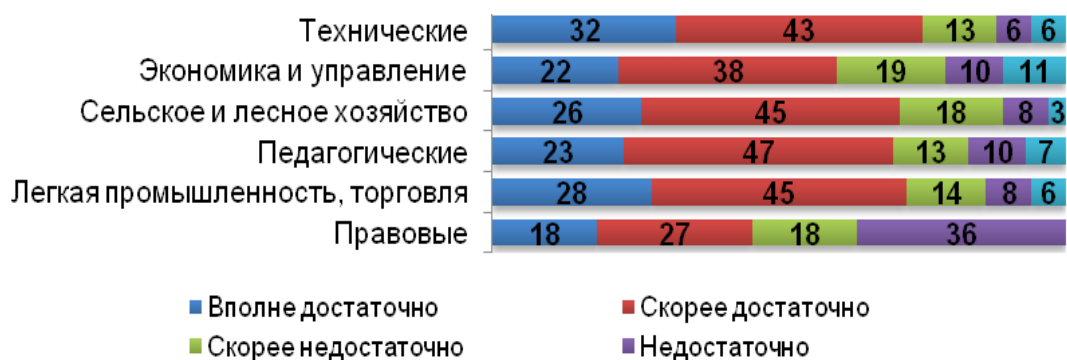

Рис. 12. Как Вы считаете, достаточно ли будет полученных Вами знаний и навыков по окончании ссуза (нсуза) для начала работы? (%)

Оценивая уровень профессиональной подготовки, полученной в вузе, студенты, обучающиеся по трем из четырех специальностей (кроме педагогических), отмечают, при значительном объеме теории, недостаток практических навыков (см. рис. 13).

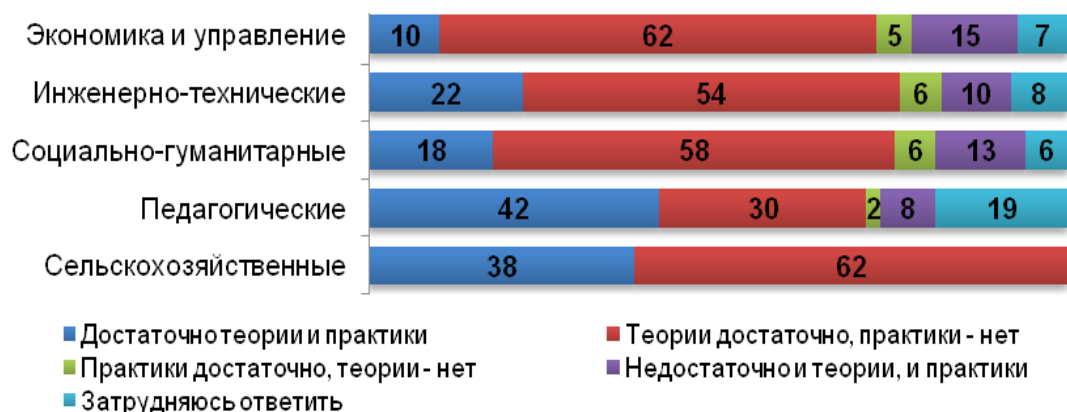

Рис. 13. Как Вы считаете, достаточно ли будет полученных Вами знаний и навыков по окончании вуза для начала работы? (%)

4) Роль государственной службы занятости и самих профессиональных учебных заведений низка, как в профориентационной работе, так и в содействии трудоустройству. Для школьников основным источником информации при выборе профессиональной стратегии являются члены семьи и взрослые знакомые (72%). Государственная служба занятости населения оказывает содействие в процессе профориентации только 2% школьников (см. рис. 14).

Выборка: 400 респондентов. Распределение в % от числа всех респондентов, за исключением затруднившихся ответить на вопрос о том, чем будут заниматься после окончания школы.

Рис. 14. Откуда, в первую очередь, Вы получаете информацию и советы, на которые опираетесь, делая выбор? (%)

Студенты начальных специальных и средних специальных учебных заведений, чаще всего, ищут работу с помощью родственников и знакомых (60%). Содействием своего учебного заведения пользуется около четверти респондентов (см. рис. 15).

Рис. 15. Студенты ссузов и нсузов. Каналы поиска работы, (%)

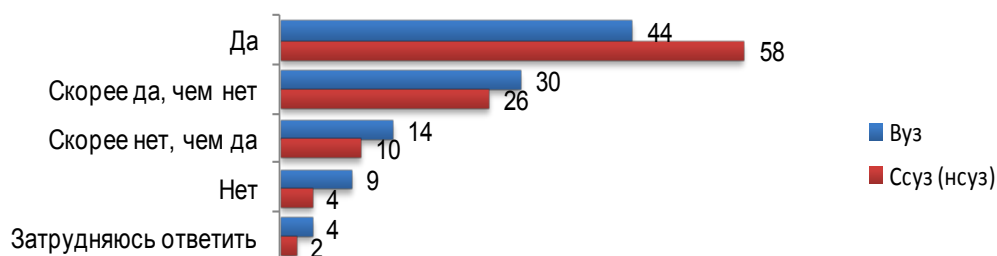
Студенты вузов получают помощь от альма-матер еще реже — в 15% случаев. Услугами государственной службы занятости пользуются только 20% респондентов (см. рис. 16).

Рис. 16. Каналы поиска работы, (%)

5) Выбор учащимися профессии и будущего места работы происходит достаточно поздно (см. рис. 17). Школьники «созревают» для выбора вуза только к окончанию учебного заведения. В девятых и десятых классах

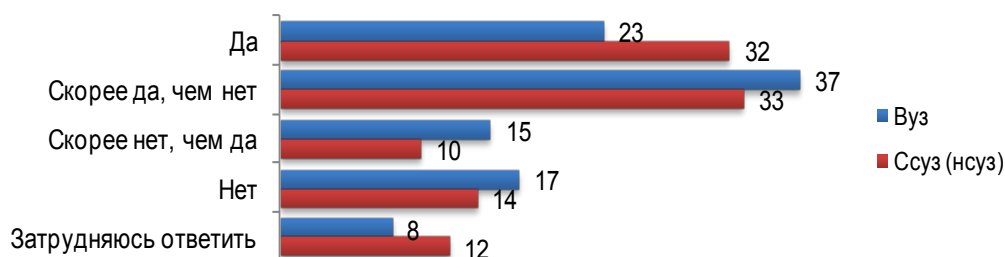
не более четверти учеников точно знают, в каком вузе хотят учиться. В одиннадцатом классе этот показатель составляет 60%.

Выборка (вуз): 278 респондентов, планирующих поступать в вуз после окончания школы.
 Выборка (ссуз, нсуз): 103 респондента, планирующих поступать в ссуз или нсуз после окончания школы.

Рис. 17. Вы уже выбрали учебное заведение, в которое планируете поступать после окончания школы? (%)

40% учеников, собирающихся в вузы, и 36% – планирующих учиться в средних специальных и начальных специальных учебных заведениях, плохо представляют, где они смогут работать после получения диплома (см. рис. 18). Эти цифры свидетельствуют о разрыве между выбором школьниками специальности и дальнейшим планированием собственной профессиональной жизни.

Выборка (вуз): 278 респондентов, планирующих поступать в вуз после окончания школы.
 Выборка: 103 респондента, планирующих поступать в ссуз или нсуз после окончания школы.

Рис. 18. Есть ли у Вас предположения, где Вы будете работать после окончания учебного заведения? (%)

Около трети студентов средних специальных учебных заведений, получающих диплом в этом году, еще не занимались трудоустройством. На более младших курсах этот показатель еще выше – он достигает 50% (см рис. 19).

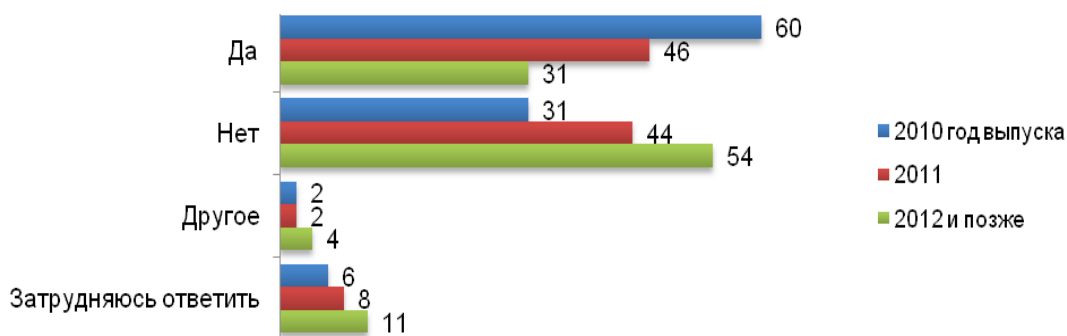

Рис. 19. Вы уже начали заниматься вопросом своего послевузовского трудоустройства? (%)

Среди студентов вузов не более 10% беспокоились о том, где будут работать, еще до поступления в вуз. На третьем курсе только четверть студентов начала задумываться над этим вопросом. Почти треть пятикурсников, которые скоро получают диплом, еще не начали поиск работы (см. рис. 20).

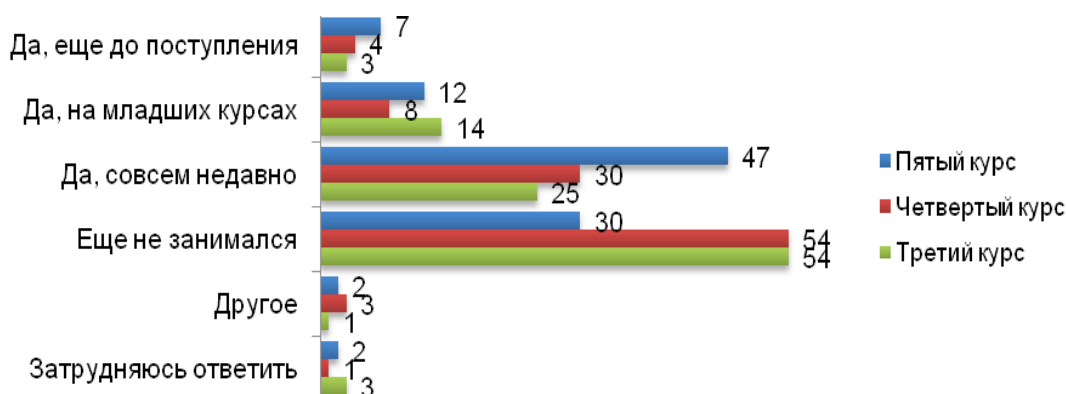

Рис. 20. Вы уже начали заниматься вопросом своего послевузовского трудоустройства? (%)

Выявленные проблемы образовательного пространства Вологодской области, связанные с подготовкой квалифицированных кадров, актуальные в контексте модернизации экономики страны в целом и отечественной системы образования, в частности, в значительной степени повторяют круг проблем, установленных для конкретного вуза. В связи с этим можно утверждать, что помимо представителей системы управления, совокупность групп значимых других, вовлеченных в решение этих проблем, также будет аналогична вузовскому уровню.

При этом при переходе от одного уровня образовательной системы к другому, представители персонифицированных субъектов управления и значимые другие могут меняться местами. Так, например, представители руководства системой образования региона для вуза будут выступать значимыми участниками внешней среды, уча-

ствие которых необходимо для решения проблем перехода на инновационный тип развития. Об этом свидетельствуют и результаты тестирования VIP-руководства вуза: эксперты отметили необходимость участия как региональных, так и федеральных органов власти в решении управленческих проблем. На уровне субъекта РФ региональные органы власти будут сами выступать в качестве субъекта управления, а вузы рассматриваться как значимые другие.

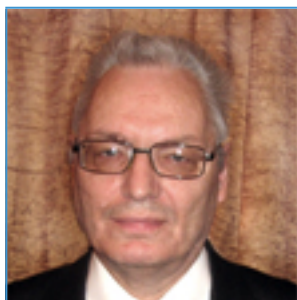
Решение проблем модернизации профессионального образования требует взаимодействия представителей разных уровней управления в рамках единого социально-коммуникативного пространства. А эффективная трансформация российской системы образования невозможна без исследования проблем управления ею.

Библиографический список

1. Тихонов А. В. Социология управления. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2007.
2. Елисеева А. М. Социально-коммуникативный ресурс управления вузом в условиях реформирования высшей школы: автореф. дисс. канд. соц. наук // Официальный сайт ИС РАН, 2009. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1524>

Образование в России

Студенты в системе социальной безопасности

Куконков Павел Иванович —
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
Поволжского филиала
Института социологии РАН

e-mail: kukonkov07@rambler.ru

Студенты в системе социальной безопасности

Аннотация

Одной из угроз социальной безопасности в России являются социальные конфликты в молодёжной среде, внутри которой усиливается процесс формирования проблемной идентичности. В статье на основе анализа динамики позиций и оценок нижегородских студентов, рассматриваются угрозы социальной безопасности, формирующиеся в студенческой среде.

Abstract

The article claims that social conflicts in the youth milieu contribute to the formation of the “problematic identity”. The latter comes out as one of the major dangers to social stability in Russian society. The article is based on interviews with students in Nizhni Novgorod. They proceed to describe possible dangers to social security emanating from the student collective behavior.

Ключевые слова: социальная безопасность, социальный конфликт, проблемная идентичность

Keywords: social security, social conflict, problem identity

Социальная безопасность как состояние стабильной защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в современных условиях является важнейшей составной частью общенациональной безопасности страны.

В процессе социологического анализа системы обеспечения социальной безопасности, предполагающего выявление и описание закономерностей воспроизводства отношений личности и социальных общностей к вопросам безопасности, необходимо учитывать, что эта система не только взаимодействует со всеми элементами жизнедеятельности общества, но и участвует в процессе обеспечения его устойчивого функционирования. Потребность общества,

общностей и отдельных личностей в безопасности обеспечивается в процессе институционализации ценностей, социальных ролей, норм, санкций, составляющих культуру общества.

В социологии в последнее время уделяется заметное внимание исследованию процессов сохранения и укрепления общественного согласия [1, 2, 3, 4, 5], системы мер по предупреждению и отражению вызовов и угроз, способных деформировать, разрушить культуру, дестабилизировать социальную сферу, подорвать главную движущую силу общества – человеческий потенциал. Представляется, что отсутствие в современной России стабильной социальной защищенности жизненно важных интересов значительной части общества обусловлено не только многофакторным и комплексным характером возникающих вызовов и угроз, но и природой самих субъектов социальной безопасности, особенностями восприятия ими этих угроз в различных сферах жизнедеятельности.

Мы солидарны с точкой зрения, что одной из главных угроз социальной безопасности на сегодняшний день остаются социальные конфликты [6, с. 35], выступающие формой проявления напряжений в системе межсубъектных отношений. «Объяснить конфликт – значит объяснить эту систему» [7, с. 26]. Объяснение конфликтов и анализ угроз социальной безопасности возможны, на наш взгляд, в рамках субъектно-деятельностного подхода, включающего кроме деятельности, как функционального стержня социума, социальные способности, потребности, отношения и институты, в целом образующие сферу общественной жизни как систему [8, с. 7].

В российском обществе переходного типа с весьма неясными перспективами представляется крайне важной связь «социальной безопасности» как социологической категории с процессом изменения ценностных ориентаций и моральных установок, приобретающих особое значение в молодежной среде, поскольку изменение объективных условий жизнедеятельности ведет к существенному усложнению процессов социального самоопределения, формированию проблемной идентичности различных молодежных групп. Эти процессы особенно остро протекают в студенческой среде, поскольку активное взаимодействие разных культур в стенах вуза затрудняет процесс идентификации молодежи не только с общностями «здесь» и «сейчас», но также «там» – в прошлом или в обозримом будущем.

Потребность общества, общностей и отдельных личностей в безопасности обеспечивается в процессе институционализации ценностей, социальных ролей, норм, санкций, составляющих культуру общества.

Высшая школа как социальный институт с определенным запозданием идет в русле процессов, характерных для общества в целом. Общественная необходимость в придании конфликтам приемлемых форм трансформируется в определенные структуры и отношения. Вместе с тем, эти структуры и отношения на определенных этапах развития общества теряют свою эффективность, вследствие отставания от динамики общества в целом. Одним из типичных в этом отношении социальных институтов является высшая школа, призванная обогатить будущего специалиста, управленца, педагога опытом участия в продуктивных конфликтах, способствующих разрешению возникающих перед ним проблем. Однако, такой результат возможен только тогда, когда структура отношений внутри вуза, сохраняя преемственность, «успевает» за изменениями структуры отношений в обществе.

Конфликт в вузе, – прежде всего, конфликт образовательных потребностей личности и образовательных возможностей общества, протекающий в условиях конкретного образовательного учреждения. И ни одна из сторон этого взаимодействия-противостояния принципиально не может рассматриваться в качестве ведомого или ведущего, тем более, в качестве «мальчика для битья», поскольку выступает в качестве объективно необходимой стороны, полноправного участника образовательного процесса, без которого этот процесс в целом теряет смысл.

В условиях существенных социальных изменений, наблюдаемых в России в последние два десятилетия, актуализируется проблема влияния трансформационных процессов на структуру и формирование идентичности различных групп молодежи, на выбор ценностно-нормативных образцов и моделей поведения при взаимодействии молодого человека с той или иной группой. Особенно актуальна эта проблема для учащейся молодежи. Позиции и оценки студентов, выявленные в ходе нашего исследования, дают возможность оценить не только потенциал напряжений, аккумулированный в нижегородских вузах, но и характер угроз социальной безопасности, формирующихся в студенческой среде.

Анализ динамики лидирующих в сознании студентов жизненных ценностей на протяжении последних десяти лет свидетельствует об определенной стабильности их структуры: в 2009 г., как и десятью годами раньше, значительное большинство студентов считают важным или

Активное взаимодействие разных культур в стенах вуза затрудняет процесс идентификации молодежи не только с общностями «здесь» и «сейчас», но также «там» – в прошлом или в обозримом будущем.

Конфликт в вузе, – прежде всего, конфликт образовательных потребностей личности и образовательных возможностей общества, протекающий в условиях конкретного образовательного учреждения.

очень важным здоровье (70%), материальное благополучие (67%), возможность интересно проводить свободное время (55%). В их сознании важное место занимают и такие ценности, как образование (66%), профессионализм (66%) и интересная работа (69%)¹.

Динамика неудовлетворенности студентов указанными выше важными для них сторонами жизни представлена в таблице 1. Анализ данных таблицы позволяет сделать вывод о том, что за прошедшие десять лет не произошло существенных изменений уровня неудовлетворенности нижегородских студентов основными сторонами жизни.

Таблица 1

Динамика показателей социального недовольства студенческой молодежи Нижнего Новгорода, %

Доля неудовлетворенных:	1999 г.	2009 г.
материальным положением	45	37
способом проведения свободного времени	9	11
состоянием здоровья	4	3
учебой	7	13

Обращает на себя внимание то, что несколько уменьшилась доля студентов, неудовлетворенных материальным положением. Вместе с тем, увеличилась доля студентов, заявивших о неудовлетворенности учебой — главным делом студента. Представляется, что причины этого явления следует искать, прежде всего, в вузе.

Полученные данные свидетельствуют о том, что значительная часть студентов (более 60%) не уверены в том, что вуз для них свой, родной, т. е., в той или иной мере, воспринимают его как чужую, некомфортную среду. Отношение студентов к своему вузу не может определяться какой-либо одной или даже несколькими причинами. Скорее всего, характер этих оценок связан с комплексом причин, с общей оценкой ситуации в вузе, с оценкой этой ситуации с точки зрения ее направленности на интересы студентов. Именно эта оценка, во многом определяющая уровень удовлетворенности студентов своей учебой, предполагает пристальное внимание к основным составляющим этого процесса (см. таблицу 2). Данные свидетельствуют о том, что за 10 лет несколько уменьшилась доля студентов, которые однозначно заявляют о неудовлетворенности методами обучения и организацией учебного процесса.

¹ Исследование нижегородского студенчества по единой методике проводилось Нижегородским отделом ИС РАН в 1999 и 2009 гг. при участии автора. Выборка репрезентативная.

Обращает на себя внимание то, что несколько уменьшилась доля студентов, неудовлетворенных материальным положением. Вместе с тем, увеличилась доля студентов, заявивших о неудовлетворенности учебой — главным делом студента.

Таблица 2

Динамика удовлетворенности студентов основными характеристиками процесса обучения, %

Удовлетворены ли Вы тем	Да		Частично		Нет	
	1999	2009	1999	2009	1999	2009
чему учат	55	55	32	32	6	6
как учат	40	49	49	41	8	5
как организован учебный процесс	30	40	52	42	18	13

Наблюдается заметная положительная динамика оценок организации учебного процесса. Вместе с тем, несмотря на положительную динамику, в 2009 г., как и десять лет назад, больше половины студентов (55%) заявили о том, что не вполне удовлетворены тем, как организован учебный процесс в вузе; практически каждый второй (46%) не вполне удовлетворен тем, как учат; более трети опрошенных (38%) не вполне удовлетворены содержанием учебного процесса. Обращает на себя внимание то, что за истекшие 10 лет уровень удовлетворенности содержанием обучения не изменился.

Недовольство студентов не сфокусировано на какой-либо одной из сторон учебного процесса. Оно обращено, по существу, ко всем его организаторам – преподавателям, работникам деканатов, кафедр, структурам, ответственным за формирование учебных программ и учебных планов. Следует отметить, что это недовольство распределяется по-разному. В частности, как и в 1999 г., несколько более выражено проявляется недовольство студентов методами обучения и организацией учебного процесса. Т. е. студенты более «пристрастны» к людям, которые по долгу службы чаще вступают в контакт с ними – преподавателям, работникам деканатов, кафедр.

Поскольку главным делом студента является учеба, для него весьма важна оценка результатов учебного труда. Учитывая то, что мнение студента о характере и адекватности оценки его труда достаточно субъективно, мы попросили студентов высказать свое мнение об адекватности оценки знаний студентов группы, в которой они учатся. На наш взгляд, такой прием позволяет снизить уровень эмоциональной «нагруженности» подобной оценки. Полученные данные свидетельствуют о том, что более трети студентов (38%) не уверены в адекватности оценки знаний студентов их группы со стороны преподавателей или, напротив,

уверены в ее неадекватности. Представляется, что такая позиция является не только одним из важных факторов существующих напряжений между студентом и преподавателем, но и неизбежно сказывается на ситуации в вузе в целом.

Установки и потребности личности, определяя в конкретной ситуации жизнеощущение человека, проявляются в форме определенного настроения. Преобладающие настроения, отражающие состояние духовной атмосферы в обществе, обнаруживаются в форме социальной активности или пассивности, социального оптимизма или пессимизма. Очевидно, что старшие поколения используют имеющиеся возможности для того, чтобы «прикрыть» студенческую молодежь от суровой действительности. Хорошо ли это? Однозначно ответить на этот вопрос вряд ли возможно. Одним из очевидных негативных последствий такой опеки выступает несколько «облегченный» подход студенчества к решению важных общественных проблем. Некоторые исследователи отмечают снижение уровня тревожности и рост показателей социального оптимизма российского населения, начиная с 2000 г. [9]. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что подобные тенденции характерны и для студенческой молодежи (см. таблицу 3). Доля оптимистов среди нижегородских студентов за последние 10 лет заметно увеличилась (с 40% до 58%). Вторая по численности группа опрошенных (32%) смотрит в будущее без особых надежд и иллюзий, достаточно трезво оценивая ближайшую перспективу. За 10 лет эта группа существенно сократилась (в 1999 г. она составляла 45%), сократилась и доля тех, кто смотрит в ближайшее будущее с тревогой, страхом и неуверенностью (с 15% до 10%).

Таблица 3

**Уровень «социального оптимизма»
нижегородских студентов, %**

С каким чувством Вы смотрите в ближайшее будущее?	1999	2009
Спокойно, но без особых надежд и иллюзий	45	32
С надеждой и оптимизмом	40	58
С тревогой и неуверенностью в завтрашнем дне	13	8
Со страхом и отчаянием	2	2

Можно предположить, что обусловленное глобальным кризисом усиление процессов абсолютной и относительной депривации массовидных групп населения повлечет за

Доля оптимистов среди нижегородских студентов за последние 10 лет заметно увеличилась (с 40% до 58%).

собой не только снижение показателей социального оптимизма, но и закономерное усиление протестных настроений в обществе. Невозможно утверждать, что подобные настроения будут аккумулироваться внутри самых обездоленных социальных групп. В связи с этим, обращает на себя внимание вполне сформировавшаяся в студенческой среде позиция, которая сводится к стремлению любыми путями отстоять свой интерес, свое мнение. Этот факт представляется новым и симптоматичным, в определенной мере репрезентирующим социальные процессы, протекающие в России в последние годы. Полученные результаты свидетельствуют о том, что эти процессы оставили заметный след в сознании подрастающего поколения. В этом факте легко усматривается потенциальный источник будущих напряжений и конфликтов.

За десять лет существенно изменилась структура восприятия нижегородскими студентами общественных проблем. В настоящее время наиболее острыми для них являются социальные проблемы: моральная деградация общества, включающая проблемы пьянства и рост наркомании, а также проблема безработицы, усугубляемая инфляцией и ростом цен. Одновременно отошли на задний план проблемы, доминировавшие в их сознании раньше: политическая нестабильность, преступность, загрязнение окружающей среды, угроза войны. Как и десять лет назад, на периферии сознания студентов оказываются такие проблемы, как несправедливость простого человека, задержки зарплат, пенсий, пособий, что объясняется, на наш взгляд, не столько дистанцированностью студенчества от обыденных проблем, сколько существенной зависимостью их сознания от электронных СМИ, в которых социальные проблемы освещаются крайне скупой, однобокой или просто «растворяются» в массе другой информации.

В личном плане нижегородских студентов особенно тревожит материальная зависимость от родителей (54%) и устройство личной жизни (38%). Причем, доля студентов, испытывающих тревогу по поводу этих проблем, за последние 10 лет увеличилась. Традиционный для студентов недостаток денег несколько утратил свою остроту: доля студентов, отмечающих это обстоятельство, снизилась с 44% до 37%.

Обращает на себя внимание вполне сформировавшаяся в студенческой среде позиция, которая сводится к стремлению любыми путями отстоять свой интерес, свое мнение.

Значительные различия в оценках ситуации и своей ближайшей перспективы не могут не сказываться на отношениях, которые складываются в студенческой среде, на степени конфликтности этих отношений.

Оценка уровня конфликтности ситуации в высшей школе, оказывающей определенное воздействие на основные параметры социальной безопасности в городе, регионе, стране, предполагает выявление и анализ типичных причин конфликтов, учет конфликтности всей совокупности отношений, сложившихся у студентов с другими участниками учебного процесса, распространенности среди них различных способов поведения в конфликте.

В целом, уровень конфликтности взаимоотношений студентов с другими участниками учебного процесса (работниками деканата и преподавателями) за прошедшие десять лет практически не изменился. Большинство студентов оценивают отношения с ними как хорошие и удовлетворительные. Не зафиксировано заметного усиления напряжений между студентами и представителями администрации вузов.

Заметная доля опрошенных (14–16%) отметила, что находится в напряженных, конфликтных отношениях или, напротив, не имеет никаких отношений со студентами, которые могут позволить себе больше, чем они. Этот факт свидетельствует о сохранении заметных барьеров между студентами, имеющими разные возможности. Нельзя исключить, что в перспективе этот факт может стать основанием аккумуляции напряжений не только в студенческой среде, но и в тех сферах общества, в которых они окажутся после окончания высшего учебного заведения.

Неудовлетворенность студентов «своим положением» в вузе, отсутствие или ограниченность возможностей влияния на процессы, непосредственно затрагивающие их интересы, неизбежно ведут к напряжениям и конфликтам. Современные студенты несколько более оптимистично оценивают возможность студенческих организаций влиять на администрацию вуза – больше половины из них (55%) убеждены в том, что могут влиять на администрацию (в 1999 г. – 42%). Причем, заметно уменьшилась доля студентов, испытывавших затруднения при ответе на этот вопрос (с 35% до 24%).

Оптимизм, связанный с возможностями влияния студентов на администрацию, заметно уменьшается по мере приобретения студенческого опыта. В связи с переходом

Заметная доля опрошенных (14–16%) отметила, что находится в напряженных, конфликтных отношениях или, напротив, не имеет никаких отношений со студентами, которые могут позволить себе больше, чем они. Этот факт свидетельствует о сохранении заметных барьеров между студентами, имеющими разные возможности. Нельзя исключить, что в перспективе этот факт может стать основанием аккумуляции напряжений не только в студенческой среде, но и в тех сферах общества, в которых они окажутся после окончания высшего учебного заведения.

с курса на курс, оценка влиятельности студенческих организаций заметно снижается. Видимо, исчезают иллюзии, характерные, прежде всего, для первокурсников. Обращает на себя внимание то, что доля опрошенных, затруднившихся при ответе на этот вопрос, практически не зависит от студенческого опыта и остается почти неизменной до последнего курса (см. таблицу 4). Скорее всего, речь идет о студентах, которые безразлично относятся к вопросам студенческого самоуправления.

Таблица 4

Связь опыта студенческой жизни и оценки влиятельности студенческих организаций на ситуацию в вузе, %

Курс	Могут ли студенты (студенческие организации) влиять на администрацию вуза с целью улучшения учебного процесса, учета своих интересов, защиты своих прав?		
	Могут	Не могут	Не знаю
1 курс	66	10	24
2 курс	56	17	27
3 курс	50	26	24
4 курс	49	29	22
5, 6 курс	46	32	22

Среди причин конфликтов в студенческой среде, по мнению самих студентов, преобладают завышенная самооценка, желание выделиться, оскорбления, грубость, хамство, низкая культура поведения, неумение вести себя в напряженной ситуации. Динамика причин конфликтов между студентами представлена в таблице 5.

Таблица 5

Иерархия причин конфликтов между студентами, % (можно было отметить несколько вариантов)

Назовите причины наиболее запомнившегося Вам конфликта со студентом (студентами) из Вашей группы	1999	2009
Завышенная самооценка, желание выделиться	33	44
Оскорбление, грубость, хамство	26	33
Низкая культура поведения, неумение вести себя в напряженной ситуации	24	33
Ложь, обман, несправедливость	16	26
Из-за денег, долга, вымогательства	3	4
Из-за политических разногласий	3	2
На религиозной почве	1	2

Обращает на себя внимание то, что иерархия причин конфликтов между студентами за десять лет не изменилась. Вместе с тем, значения большинства показателей стали заметно более выраженными, акцентированными. Очевидно, студенческая молодежь стала более остро воспринимать ложь, обман, несправедливость.

Иерархия причин конфликтов между студентами и преподавателями вуза за десять лет также не изменилась (см. таблицу 6). По-прежнему лидирующие позиции занимают несправедливая оценка учебного труда, завышенные требования, неуважение, невнимание со стороны преподавателя. Вместе с тем, если в 1999 г. сравнительно небольшая часть студентов (до 18%) признавала свою вину в конфликтах с преподавателями и представителями администрации вуза (нарушение дисциплины, нежелание добросовестно учиться, недостатки воспитания и т. п.), то в настоящее время об этом заявляет, по меньшей мере, каждый четвертый из них (26%). Этот факт свидетельствует, на наш взгляд, о том, что студенты более объективно, самокритично стали относиться к оценке причин конфликтов.

Таблица 6

Иерархия причин конфликтов между студентами и преподавателями вуза, %

Причины конфликтов	1999	2009
Несправедливая оценка учебного труда	29	28
Неуважение, невнимание со стороны преподавателя	15	16
Нарушение дисциплины со стороны студента	12	16
Грубость преподавателя	9	16
Из-за принципиальных разногласий (политика, религия...)	7	9
Нежелание студента добросовестно учиться	4	6
Вымогательство преподавателем подарков, денег	3	3
Недостатки Вашего воспитания, невыдержанность	2	4

За десять лет увеличилась доля студентов, которые видят причину конфликтов с преподавателями в грубости с их стороны (с 9% до 16%); не изменилась доля указавших такую причину конфликтов с преподавателями, как вымогательство последними подарков, денег (3%). И хотя доля таких студентов сравнительно невелика, настораживает то, что это явление сохраняет свои позиции в жизни вуза.

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что современной российской высшей школе не удалось избавиться от ряда конфликтогенных традиций, она страдает от явного недостатка конфликтологической культуры. Об этом, в частности, свидетельствует динамика распространенности различных конфликтных практик (см. таблицу 7).

Осталась практически неизменной самая значительная по объему доля опрошенных (46–47%), которые ориентированы на сотрудничество, компромисс, стремятся понять интересы других участников конфликта, найти взаимоприемлемое решение. Также не изменилась доля опрошенных, которые в конфликтной ситуации вообще ничего не предпринимают, рассчитывая на то, что «все устроится само по себе» (4%). Вместе с тем, за десять лет существенно увеличилась доля студентов, ориентированных на конфронтацию, на отстаивание своих интересов любыми способами (с 14% до 23%), и несколько уменьшилась доля опрошенных, ориентированных на приспособление, уступки (с 23% до 19%), и уклонение от конфликта (с 10% до 8%).

Таблица 7

Динамика распространенности различных конфликтных практик в студенческой среде, %

Стиль конфликтного поведения	Характер конфликтных практик	1999	2009
Конфронтация	Стараются отстаивать свои интересы любыми способами	14	23
Сотрудничество	Стремятся понять интересы других участников конфликта и найти взаимоприемлемое решение	46	47
Приспособление	Стараются сгладить острые углы, если надо, могут уступить	23	19
Уклонение	Используют любую возможность для того, чтобы уклониться от конфликта	10	8
Избегание	Ничего не предпринимают, «все устраивается само по себе»	4	4

В целом, поведение студентов в конфликтных ситуациях стало более жестким, конфронтационным, они стали меньше ориентироваться на интересы других людей, стали менее разборчивы в выборе средств защиты своих интересов.

Поведенческие практики в напряженных ситуациях в определенной мере связаны с поло-возрастными признаками опрошенных. Студенты менее разборчивы в выборе

Осталась практически неизменной самая значительная по объему доля опрошенных (46–47%), которые ориентированы на сотрудничество, компромисс, стремятся понять интересы других участников конфликта, найти взаимоприемлемое решение.

В целом, поведение студентов в конфликтных ситуациях стало более жестким, конфронтационным, они стали меньше ориентироваться на интересы других людей, стали менее разборчивы в выборе средств защиты своих интересов.

средств защиты своих интересов; чаще, чем студентки, ориентированы на конфронтацию, отстаивание своих интересов любыми способами. Стыль поведения в конфликтной ситуации связан с возрастом опрошенных, наличием опыта студенческой жизни (см. таблицу 8). В ходе исследования выяснилось, что первокурсники чаще ориентированы на конфронтацию, стараются отстаивать свои интересы любыми способами (27%) и меньше других склонны приспособляться, идти на уступки (15%).

Таблица 8

Стыль поведения в конфликтной ситуации студентов, обучающихся на разных курсах, %

На каком курсе Вы учитесь?	Стыли поведения в конфликтной ситуации				
	Конфронтация	Сотрудничество	Приспособление	Уклонение	Избегание
1 курс	27	46	15	9	4
2 курс	23	45	21	7	4
3 курс	23	48	20	6	2
4 курс	19	48	19	11	3
5 курс	22	46	22	7	3
6 курс	16	51	24	4	6

По мере перехода с курса на курс эти характеристики смягчаются: студенты явно приспособляются к ситуации в вузе, становятся более выраженными такие черты, как уступчивость, стремление сгладить острые углы.

Поведение студентов в напряженной ситуации оказалось связано и с тем, на каком месте они обучаются – бюджетном или на платном.

Таблица 9

Стыль поведения в конфликтной ситуации студентов из семей разного материального положения, %

Если за Вас платят родители, то является ли плата за Ваше обучение тяжелым бременем для семейного бюджета?	Стыли поведения в конфликтной ситуации				
	Конфронтация	Сотрудничество	Приспособление	Уклонение	Избегание
Не обременительно	36	34	19	8	3
Ощущается на семейном бюджете	25	46	17	10	3
Расходы на образование весьма обременительны для семейного бюджета	22	49	19	7	4

Выяснилось, что для «платников» несколько более характерны конфронтационные настроения, стремление отстаивать свои интересы любыми способами; для бюджетников более характерны стремление к компромиссу, стремление понять интересы других участников конфликта, приспособление, уступчивость. Группа студентов-«платников» в этом отношении весьма неоднородна. Конфронтационность более характерна для студентов, семьи которых не испытывают проблем с оплатой его обучения (см. таблицу 9).

Обращает на себя внимание выраженность анализируемых характеристик среди студентов, принадлежащих к различным социальным слоям (см. таблицу 10).

Таблица 10

Стиль поведения в конфликтной ситуации студентов, семьи которых принадлежат к разным социальным слоям, %

Принадлежность к социальному слою родительской семьи студента	Стили поведения в конфликтной ситуации				
	Конфронтация	Сотрудничество	Приспособление	Уклонение	Избегание
Высший	37	42	14	5	3
Слой между средним и высшим	30	47	17	3	3
Средний слой	20	48	20	9	3
Слой между средним и низким, низший	15	46	25	9	5

По мере повышения социального статуса семьи студента усиливается его ориентация на конфронтационный стиль поведения и, напротив, ослабевает стремление понять интересы других участников конфликта, уступить, уклониться от конфликта. Можно предположить, что один из источников агрессии, неразборчивости в средствах при отстаивании своих интересов находится в семье. Вызывает тревогу то обстоятельство, что к «конфликтогенным» семьям чаще можно отнести так называемые «элитные», при описании которых приходится использовать такие характеристики, как неуступчивость, отсутствие толерантности, стремления понять интересы других.

Таким образом, можно сделать вывод, что рост социального статуса, материальной состоятельности семьи студента ведет, в той или иной мере, к росту его конфликтности. Однако было бы упрощением ограничиться констатацией только этого факта. Связь конфликтности студента и социального статуса, а также материальной обеспечен-

Выяснилось, что для «платников» несколько более характерны конфронтационные настроения, стремление отстаивать свои интересы любыми способами; для бюджетников более характерны стремление к компромиссу, стремление понять интересы других участников конфликта, приспособление, уступчивость.

ности его семьи опосредована рядом других обстоятельств. В частности, мы установили, что наряду с материальной обеспеченностью семьи на уровень конфликтности студента влияет и число детей в семье. Студенты из семей с двумя детьми и более, для которых расходы семейного бюджета на образование весьма обременительны, гораздо реже ориентированы на конфронтацию, противоборство и чаще склонны к сотрудничеству, компромиссу.

В последние годы среди студентов все чаще наблюдаются межэтнические конфликты. Достаточно вспомнить Москву, Воронеж, Ставрополь. К сожалению, такие факты имели место и в Нижнем Новгороде (НГМИ). Следует подчеркнуть, что межэтнические конфликты не возникают неожиданно, а вызревают в течение длительного времени. Причины, ведущие к ним многообразны, их сочетание в каждом конкретном случае особое.

Поскольку значительное большинство опрошенных нами (96%) относят себя к русским и определяют свою конфессиональную принадлежность как православные (94%), нам представилась возможность измерения социальной установки данной социальной группы относительно других этнических групп¹. Результаты измерения представлены в таблице 11. Анализ полученных данных позволяет выделить этнические группы, отношение к которым можно обозначить как полярное. С одной стороны, белорусы, желательная социальная дистанция по отношению к типичным членам данной группы сравнительно более близка для русских студентов. С другой стороны, грузины, азербайджанцы, чеченцы, таджики – по отношению к типичным членам данных групп желательная социальная дистанция сравнительно более велика.

¹ Желательная для данной группы социальная дистанция относительно других этнических групп измерялась нами на основании модифицированной шкалы Богардуса путем исчисления индекса контрастности следующих полярных признаков: «Для меня приемлемо вступление в брак с ними» и «Их не должно быть в моей стране». Исчисление индекса осуществлялось по

формуле: $I_k = \frac{a - b}{100}$, где I_k — индекс контрастности, a и b веса полярных ответов в процентах, 100 — постоянная величина, применяемая для удобства расчета.

Таблица 11

**Иерархия различных этнических групп
по основанию желательной социальной дистанции
(индекс контрастности – I_k)**

Этнические группы	I_k
Русские	0,829
Белорусы	0,167
Немцы	0,092
Татары	0,065
Американцы	0,013
Евреи	-0,043
Китайцы	-0,130
Грузины	-0,148
Цыгане	-0,160
Азербайджанцы	-0,187
Чеченцы	-0,227
Таджики	-0,246

Все названные этнические группы сравнительно недавно проживали в едином государстве, а некоторые из них принадлежат к одной конфессии (русские и грузины). Поскольку именно студенты в ходе своей будущей профессиональной деятельности способны внести значительный вклад в процесс оптимизации межэтнических напряжений, решение указанной задачи в вузе предполагает особое внимание к процессу формирования социальной идентичности студентов, интегрирующей понятия социальной нормы, ценностных представлений и моделей поведения в межэтнической сфере. Степенью интеграции норм и ценностных представлений определяется, прежде всего, продуктивность возникающих конфликтов, которая выяснялась нами в ходе анализа оценок студентами подлинности интересов, отстаиваемых в ходе конфликтов (см. таблицу 12).

Если в 1999 г. треть опрошенных (33%) не смогла уверенно утверждать, что в конфликтах они отстаивали свои подлинные интересы, то в 2009 г. доля таких студентов заметно сократилась (до 21%). Это свидетельствует о том, что, хотя значительная часть студентов по-прежнему не реализует в конфликте собственные интересы и не достигает своих целей, их число за прошедшие 10 лет заметно сократилось.

Таблица 12

**Оценка нижегородскими студентами подлинности
интересов,
отстаиваемых в ходе конфликтов, %**

Сейчас, когда указанные Вами конфликты уже позади, можете ли Вы с уверенностью сказать, что в них Вы отстаивали свои подлинные интересы?	1999 г.	2009 г.
Да	18	23
В основном, да	49	46
Да, но в незначительной степени	9	11
Нет, это была моя ошибка	2	2
Затрудняюсь ответить	22	8

Большинство конфликтов, в которых участвуют студенты, по-прежнему не могут быть квалифицированы как продуктивные конфликты, которые полностью или частично устраняют противоречие, лежащее в основе конфликта, высвечивают узкие места, нерешенные вопросы в студенческой жизни, способствуют формированию активной жизненной позиции студента во взаимодействии с окружающими.

Непродуктивность конфликтов неизбежно сказывается на характере отношений в сфере высшего образования и ведет, во-первых, к «замораживанию» процесса разрешения назревших проблем; во-вторых, к образованию пассивного слоя в студенческой среде, нередко блокирующего возможности студенчества как стороны конфликтных отношений; в-третьих, к избранию частью студентов стратегий, ориентированных на уход от конфликта. Можно уверенно предположить, что подобные стратегии будут воспроизводиться ими и в поствузовской жизни, создавая серьезные угрозы социальной безопасности.

Для того чтобы высшая школа могла продуктивно использовать конфликтный потенциал, накопленный в среде студенческой молодежи, необходимо выявить, описать, структурировать его реальные конфликтологические проблемы. В связи с этим следует отметить неумение и нежелание значительной части студентов находить оптимальный выход из конфликтной ситуации. Они чаще ориентированы на причинение вреда другой стороне конфликта, отмщение, возмездие и, в конце концов, победу в конфликте, не принимают во внимание интересы другой стороны, изначально идентифицируют ее в качестве врага, что продуцирует рост негативных ожиданий, ведет к межгрупповому делению на «Мы» и «Они».

Другой важной конфликтологической проблемой нижегородского студенчества является неумение объективно оценить сложившуюся ситуацию: адекватно воспринять позицию другого, оценить реальное соотношение сил конфликтующих сторон, наличие или отсутствие у них общих интересов, точек соприкосновения, здраво оценить потери, которые могут быть понесены как в случае продолжения конфликта, так и в случае его прекращения. Студенты часто выбирают такие формы поведения внутри конфликта, которые ориентированы на его эскалацию, уменьшение возможностей его локализации и оптимизации.

Значительная часть студентов оказывается в пространстве конфликта случайно, не видит в нем большого смысла и своего реального интереса. По существу, в этом случае речь идет о «наведенном» конфликте, о вовлечении в конфликт, о манипулировании другими людьми с целью достижения непонятных, чуждых для них целей. Особое значение для протекания конфликта имеет первая реакция на действие или бездействие, расцениваемое как открытый вызов, содержащий в той или иной мере элемент будущего конфликта. Оптимальная первая реакция гасит большинство «наведенных» конфликтов, не имеющих под собой объективной конфликтной основы.

Зафиксированная в ходе исследования ситуация, для которой характерно преобладание в вузе требований, адресованных исключительно другой стороне конфликта, низкая самокритичность студентов, не позволяет сегодня оптимистично оценивать потенциал сотрудничества, имеющийся в студенческой среде.

Таким образом, тенденции, наблюдаемые в студенческой среде, без принятия соответствующих мер способны в ближайшей и отдаленной перспективе оказать дестабилизирующее воздействие на состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. Необходимой мерой является совершенствование системы воспитания в высших учебных заведениях, важным элементом которой должна стать конфликтологическая подготовка выпускников.

Система конфликтологического воспитания в высших учебных заведениях крайне важна с точки зрения мультипликативного эффекта, поскольку способна оказывать влияние на формирование конфликтологической культуры не только студентов, но и тех людей, с которыми они в перспективе будут работать как специалисты, организа-

Таким образом, тенденции, наблюдаемые в студенческой среде, без принятия соответствующих мер способны в ближайшей и отдаленной перспективе оказать дестабилизирующее воздействие на состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. Необходимой мерой является совершенствование системы воспитания в высших учебных заведениях, важным элементом которой должна стать конфликтологическая подготовка выпускников.

торы производства и руководители трудового коллектива. Конечный результат этой деятельности представляется принципиально значимым – формирование активной жизненной позиции студентов на базе конфликтологической культуры.

Если учесть, что рост протестных настроений во время кризиса возможен именно в тех социальных группах, в которых пропасть между их ожиданиями и реальными возможностями окажется наиболее «зияющей», представляется вполне вероятным, что одной из таких групп окажется молодежь и, прежде всего, студенчество, которое уже сегодня нередко рассматривается в качестве одного из потенциальных участников протестных акций.

Процесс формирования конфликтологической культуры подрастающего поколения подвержен влиянию многочисленных и зачастую разнонаправленных факторов. Вместе с тем, представляется бесспорным то, что вуз должен играть направляющую и координирующую роль в «оснащении» студентов умениями и навыками адекватного поведения в условиях конфликтной ситуации, что практически невозможно без наличия таких умений и навыков у преподавателя. Во всяком случае, наличие подобных навыков у преподавателя выступает в качестве необходимой основы, без которой эта цель в принципе недостижима.

Преподаватель, выступающий нередко и в роли вузовского «конфликтолога», и как одна из сторон конфликтов внутри вуза, может и должен стать ключевой фигурой, способной не только передать входящим во взрослую жизнь поколениям мировой опыт поведения внутри конфликта, но и сформировать у них соответствующую «культуру конфликта». Преподаватель, как специалист, работающий со студенческой молодежью, имеющий высокий уровень образования, является наиболее приемлемой и сравнительно более подготовленной в конфликтологическом отношении фигурой.

Вузы, охватывая значительную часть молодежи, используя и наращивая свой конфликтологический потенциал, способны в течение нескольких поколений существенно повысить конфликтологическую культуру россиян, качественно изменить социально-психологическую ситуацию, существенно укрепить социальную безопасность в городе, регионе, стране. В кризисном обществе параллельно, одновременно с оптимизацией социально-экономических отношений должен протекать процесс оптимизации соци-

ально-психологических отношений, неотъемлемой частью которого и выступает наращивание его конфликтологического потенциала.

Результаты, полученные в ходе исследования, позволяют сделать вывод о том, что минимальный социальный опыт, которым располагает студенческая молодежь, изменения, происходящие в вузе, обществе в целом не позволяют прогнозировать то, что новые поколения, выходящие из стен учебного заведения, будут способствовать снижению напряженности в обществе. Скорее наоборот, есть основания полагать, что в молодежной среде присутствует определенный потенциал напряженности, способный проявляться в форме слабо мотивированных конфликтов, поведения, в той или иной мере окрашенного радикальными, экстремистскими настроениями.

Зафиксированный в ходе нашего исследования рост оптимистических настроений и, одновременно, заметное сокращение доли «реалистов» и «пессимистов» среди нижегородского студенчества позволяет предположить, что в условиях кризиса для значительной части студентов-оптимистов их позиция вряд ли оправдана. Скорее всего, многих из них ждут серьезные разочарования, поскольку они плохо представляют последствия глобального кризиса для рынка труда и для России в целом. Ситуация осложняется тем, что оптимистические настроения студентов тесно связаны с ростом потребительских ожиданий и фокусируются вокруг материальных, «чувственных» (по П. Сорокину) ценностей, «отливаясь» в их сознании, прежде всего, как возможность потреблять. Обостряющееся противоречие между растущими ожиданиями студентов и очевидным сжатием спектра их реальных возможностей чревато ростом недовольства и протестных настроений, которые способны легко трансформироваться в неадекватные, непредсказуемые поведенческие реакции.

Мультируемые в СМИ идеи, связанные с тем, чтобы на время кризиса «придержать» студентов в вузах, превратив вуз по существу в организационно-охранительную структуру, блокирующую «выход» студентов на улицу, могут привести к обратному эффекту – вузовская среда может превратиться в котел, в котором «сварится суп», несъедобный не только для существующей власти, но и для общества в целом. В связи с этим, нельзя исключить не-

гативные последствия и для самих учебных учреждений, которые в принципе не готовы к исполнению «охранительных» функций, и для социальной безопасности в целом.

Библиографический список

1. Алиев М. Г. Социализация согласия. М.: Институт философии РАН, 1998.
2. Социальное согласие в современном мире. М.: Центр общечеловеч. ценностей, 2000. Вып.1.
3. Серебрянников В. В. Гражданский мир и согласие в России // Социально-политический журнал. 1997. № 1.
4. Охотникова М. М. Социология согласия. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2000.
5. Эфиров С. А. Социальное согласие: утопия или шанс? М.: Изд-во Института социологии РАН, 2002.
6. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога: 2-е изд. СПб.: Питер, 2006.
7. Кулапин А. П. Социально-конфликтогенное пространство региона. Казань: Изд-во КГФЭИ, 2005.
8. Зеленов Л. А. Социология города. Учебное пособие для студентов вузов. М.: Владос, 2000.
9. Чего опасаются россияне? ИНАБ. М.: ИС РАН, 2008. Вып. № 6.

Образование в России

Ценности и нормы социологической профессии на сайтах факультетов и кафедр

Окольская Лидия Александровна —
кандидат социологических наук, старший научный
сотрудник Сектора исследований личности
Института социологии РАН

e-mail: okoli@yandex.ru

Ценности и нормы социологической профессии на сайтах факультетов и кафедр

Аннотация

В статье проводится анализ обращений к абитуриентам и студентам социологической специальности на сайтах 111 российских вузов. Эти обращения рассматриваются как репрезентативный фрагмент профессионального дискурса вузовской социологии. В текстах проанализированы представления преподавателей о миссии социологии как науки и профессии, о профессиональных ценностях и нормах, а также о сферах приложения социологического образования. Выделены массовые и немассовые ценностные установки, характерные для профессионального сообщества социологов.

Abstract

This paper focuses on the problem of professional ethic agenda of sociological higher education in Russia. The article is based on the discourse analysis of sociological departments' webpages (111 universities websites in total). It appears that the pages send numerous socialization messages addressed to university entrants enlightening them on sociological profession and its esprit de corps. The article also analyzes teachers' assessments related to graduates' future employment. The entire mass of data reveals specific and common values characteristic for the professional discourse of Russian sociologists.

Ключевые слова: социология образования, профессиональное образование, социологическая специальность, ценности, этика, социализация, молодежь, дискурс-анализ

Keywords: higher education, sociological education, professional values, professional ethics, professional community, socialization, youth, discourse-analysis, hidden curriculum

Экстенсивное распространение социологической специальности в российском высшем образовании на рубеже XX–XXI вв. можно сравнить с распространением грамотности в первые годы советской власти. Социологические кафедры, как и пункты ликбеза, возникли во множестве и начали приобщать людей к новому способу мышления¹. В обоих случаях образовательные показатели взлетели вверх. Однако отсюда не следует, что обученные читать по складам и выводить слова в прописи автоматически стали интеллектуалами и обрели профессию.

В отличие от школ грамоты, снабженных мощным административным механизмом набора учеников, социологические факультеты и кафедры в 1990-е и 2000-е гг. должны были сами популяризовать специальность, неизвестную толком ни абитуриентам, ни их родителям. Школьный курс обществознания занимает второстепенное место в учебной программе и не дает представления о профессии социолога. Поэтому абитуриенты действительно нуждаются в информации о ней. Подростки могут сделать выбор и «втемную», но тогда он, скорее всего, будет продиктован не содержательными, а инструментальными мотивами². В интересах преподавателей – совершить первый шаг к профессиональной социализации студентов уже на этапе их конкурсного отбора, ведь работа с заинтересованной в предмете аудиторией гораздо эффективнее.

Развитие социологического образования в России совпало с распространением интернета, подарившего вузам богатый ресурс для самопрезентации и общения с контингентом. Сегодня практически все вузы имеют собственные веб-сайты. В данной работе мы намерены установить, как ценности и нормы профессионального сообщества социологов отображаются в этом информационном поле.

Эмпирической базой нашего исследования стали веб-сайты российских вузов, перечисленные в открытом каталоге федерального портала «Российское образование» (www.edu.ru). Из этого каталога легко узнать, в каких вузах можно получить высшее образование по социологической (и любой другой) специальности³. Опираясь на данные портала,

1 К 1931 г. в СССР работало 2807 школ для взрослых. По данным официальной статистики, в 1922–1931 гг. обучение в школах грамоты прошли 38 млн человек [1].

2 Л. Д. Гудков и др. показывают, что в целом внутренние и внешние мотивы выбора вуза молодежью соотносятся как 1:1 [2].

3 Редактор раздела «Абитуриент» в интернет-портале «Российское образование», В. В. Старов сообщил, что представленный каталог является наиболее полным из публикуемых в интернете.

можно сделать количественные оценки приема студентов на обучение социологическим специальностям¹ в 2009 г., а также собрать информацию о вузах и социологических подразделениях. Определим сначала масштаб высшего социологического образования в России.

Распространенность социологического образования в России

Информационная база портала «Российское образование» содержит данные о 113 государственных вузах России, имеющих аккредитацию на подготовку социологов. В сравнении с 6 вузами в 1989 г. это впечатляющая численность. Генеральная совокупность вузов, по-видимому, еще больше – в частности, за счет негосударственных вузов. К 2008 г. численность выпускающих кафедр и факультетов социологии оценивалась, по одним данным, в 150 единиц [3], по другим – в 137 [4]; правда, источники и методики расчетов не приводятся. За неимением других данных при расчете численности студентов будем пользоваться вышеприведенными оценками, а также усредненными показателями, вычисленными на основе нашей выборки.

Как и следовало ожидать, предложение социологического образования сосредоточено в Центральном федеральном округе России. Здесь оно на порядок разнообразнее, чем где бы то ни было в стране. Судя по нашей выборке, в Москве социологических факультетов и кафедр в два с лишним раза больше, чем в развитых в социологическом отношении округах – Приволжском, Сибирском и Северо-Западном. Тем не менее, высшее образование по этой специальности сегодня можно получить практически во всех уголках России. По сути, выпуск социологов до сих пор не налажен лишь в некоторых кавказских и поволжских республиках, а также в отдаленных северных и северо-восточных округах.

Социология поселилась в классических университетах, но также и в педагогических, технических и даже в сугубо отраслевых вузах. Так, в нашу выборку попали рыбохозяйственный институт, университет железнодорожного транспорта и т. д. Как правило, в структуре специальностей образовательного учреждения социологии отводится скромное место: самостоятельные, крупные социологиче-

1 Имеются в виду две специальности: 1) «Социология», код ОКСО 040200, квалификация – бакалавр социологии, магистр социологии; 2) «Социология», код 040201, квалификация – социолог, преподаватель социологии.

ские факультеты работают лишь в немногих вузах. Само слово «социология» содержится в названиях менее трети выпускающих факультетов, причем в большинстве случаев оно соседствует с названием еще какой-нибудь социальной науки. Как правило, обучение локализовано в малых подразделениях – на кафедрах. Они входят в состав самых разных факультетов – гуманитарных, исторических, юридических, философских. Встречаются и экзотические варианты: в одном вузе выпускающую социологическую кафедру приютил факультет химии и проблем устойчивого развития, в другом – факультет естественнонаучной и гуманитарной подготовки. Имена многих кафедр тоже включают названия нескольких наук: культурологии, политологии, психологии, социальной антропологии, а также областей прикладного знания (например, социальной работы, PR). Тенденция к созданию многоголовых гибридов позволяет предположить, что администрация вузов готова пробовать новые направления в зависимости от спроса на них (и закрывать, если мода проходит). Однако эта черта выдает отсутствие сложившихся научных школ по социальным наукам в вузах.

В 2009/10 учебном году на первый курс бакалавриата и специалитета по социологии (всех форм обучения) в среднем зачислялись 43 человека¹. Если допустить, что число выпускающих вузов может достигать до 137–150 единиц, то количество социологов-первокурсников в 2009 г. варьирует от 6000 до 6500 человек (при 137 и 150 выпускающих вузах соответственно). Из них половина поступила на платное обучение. Учитывая, что в современных вузах низок уровень отчисления за неуспеваемость, около 90% первокурсников суждено «дожить» до вручения диплома². Можно предположить, что в последнее время рынок труда каждый год пополняют 5500–6000 человек с высшим социологическим образованием.

Что касается общей численности студентов-социологов, то в 2009 г. в вузе учились в среднем 180 человек³. Совокупная численность студентов-социологов в России находится в диапазоне от 24 600 до 27 000 человек (при 137 и 150 выпускающих вузах соответственно). Примерно 40% студентов всех курсов оплачивают свое обучение,

1 При стат. ошибке среднего не более 3.

2 Например, если грубо сопоставить общую численность принятых в вузы студентов в 2002 г. с численностью специалистов, выпущенных через 5 лет, в 2007 г., получится, что вуз смог закончить 90% студентов [5].

3 Стат. ошибка среднего не более 15.

и это указывает если не на интерес к специальности, то на желание получить диплом социолога. Однако профессиональными социологами готовы стать лишь 4–5% молодых специалистов [6; 7, с. 100]. Рассмотрим, в каких условиях формируется их профессиональная идентичность и какую программу социализации могут предложить им вузы.

Анализ обращений к абитуриентам на сайтах вузов

Приведенные выше названия социологических кафедр и их специфическое размещение в структуре вуза уже сами по себе дают эскиз социологического образования в России. Анализ текстов, в которых педагогические коллективы рассказывают о специальности, прорисовывает детали этой картины.

Одна из главных задач высшего образования – воспроизводство профессионального сообщества социологов. Этот процесс подразумевает не только усвоение специализированного знания и языка, но и интернализацию профессиональных ценностей и норм, уважение к авторитетам и ориентацию на определенные референтные группы [8]. Понятно, что тексты на сайтах кафедр сами по себе не в состоянии решить задачу профессиональной социализации. Они могут лишь знакомить абитуриентов и студентов с профессией социолога на низовом уровне. Однако по их содержанию можно судить о «программе социализации», которая реализуется на факультете. При изучении сайтов нас интересовало, что преподаватели могут рассказать о социологической профессии, а именно:

- что изучает социология, для чего она нужна, какие ценности поддерживает?
- каковы характеристики профессионального социолога, где работают социологи, какие нормы регулируют их профессиональную деятельность?

Поскольку наше исследование носило разведывательный характер, формализованный контент-анализ мы не проводили, ограничившись отбором релевантных текстов и внимательным их прочтением. Мы обращали внимание на повторяющиеся высказывания, группировали их по смыслу и затем анализировали получившиеся смысловые группы [9] – узловые точки образовательного дискурса.

Из 113 вузов, которые вошли в нашу выборку, 111 имели доступные для чтения веб-сайты. Во внутренней структуре сайтов обнаружилось несколько мест размещения релевантной информации. Во-первых, это специальный раздел для абитуриентов, где часто публикуются списки специальностей с аннотациями. Во-вторых, страница социологического факультета или кафедры тоже могла быть источником данных по нашей теме. Обращения к абитуриентам были главным объектом поиска, но помимо них мы изучали и общую информацию о факультете или кафедре, о судьбе их выпускников. Изложим результаты анализа всех этих текстов.

Стили самопрезентации и обращений к абитуриентам

Во всем множестве презентаций социологических кафедр можно условно выделить три стиля. Самый распространенный из них походит на *парадный портрет*. Этот стиль характеризуется непрозрачным для аутсайдеров научно-бюрократическим языком, близким к языку права. Он активно использует профессиональную терминологию и ссылки на нормативные акты. Бюрократический стиль предполагает подробное перечисление достижений сотрудников факультета или кафедры: названия опубликованных работ, исследований, диссертаций, выигранных грантов. Фотографии студентов на таких сайтах публикуются редко. Отчеты о достижениях предназначены скорее для коллег по цеху и ревизоров, нежели для абитуриентов и родителей. Эти стилевые черты выполняют функцию рогаток, закрывая тот мир, в который абитуриент только готовится войти. Ключевая информация, которую он может почерпнуть на сайте, касается экзаменов, то есть правил входа в профессиональное сообщество, но не пребывания в нем.

Другой, менее распространенный стиль напоминает *рекламный плакат*. В нем используются идиомы и художественные образы российской рекламы: лаконичные фразы, восклицательные лозунги, профессионально выполненные фотографии. Социологические коллективы (или, скорее, вузы), избравшие данный стиль, чаще предъявляют абитуриентам их сверстников в качестве ролевых моделей. Они уделяют много внимания студенческой жизни и праздникам, используют легкий, доступный для школьников и родителей язык. Этот открытый стиль указывает на

клиентелистский подход к обучению. Образование представлено в нем как потребляемая услуга. Рекламный стиль больше характерен для молодых кафедр и вузов; вероятно, им часто пользуются негосударственные вузы, не попавшие в нашу выборку. В обращениях данного стиля барьеры входа в профессиональное сообщество преуменьшаются.

Третий вариант сочетает элементы первых двух стилей: довольно строгий, он использует профессиональную и бюрократическую терминологию в умеренных дозах, детально описывает образовательный процесс на социологическом отделении или факультете. По стилю и содержанию тексты данного типа адресуются молодежи, а не руководителям системы образования или заказчикам исследований. Данный тип уделяет значительное внимание профессиональной этике. Это стиль «общего дела», сотрудничества, приглашающий абитуриента войти в социологическое сообщество на определенных условиях и приоткрывающий перед ним кулису профессионального мира.

Основной предмет нашего интереса – рассуждения о поле трудовой деятельности социолога и ценностях профессии – встречается в текстах всех трех стилей, хотя, пожалуй, бюрократическому стилю они свойственны в меньшей степени. При этом развернутые (хотя бы на полстраницы) сообщения, за которыми угадывается стремление объяснить абитуриенту суть специальности и вызвать к ней интерес, опубликовала примерно половина вузов нашей выборки. Остальные лишь кратко коснулись данной темы: например, сообщили, что социологи обычно работают там-то и там-то. 15% кафедр вообще не сообщают молодежи каких-либо сведений о профессии.

С одной стороны, «скудость», закрытость некоторых педагогических коллективов можно интерпретировать как преднамеренный отказ от обсуждения профессиональных ценностей с неспециалистами. Это согласуется с утверждением У. Дж. Гуда, что профессиональные сообщества предпочитают «не выносить сор из избы», не афишировать корпоративные интересы и ценности [10]. С другой стороны, можно предположить, что преподаватели социологии затрудняются ответить на вопросы юношества потому, что не знают ответа или не могут его сформулировать. В этом случае «молчание» кафедр можно понимать как дисфункцию социологического сообщества.

В данной работе мы не занимаемся оценкой конкретных педагогических коллективов, а рассматриваем их во всей совокупности – как выборку анонимных «респондентов», которые все вместе и составляют профессиональное сообщество с его особым ценностным «духом».

Массовые установки по отношению к специальности и профессии социолога

Межпрофессиональный универсализм (тезис о широте). Представления педагогических коллективов о социологической специальности можно условно разделить на массовые и редкие смысловые группы. Они представляют кардинально разные установки по отношению к специальности; за ними стоят разные ценности. Логика дальнейших рассуждений состоит в противопоставлении этих двух групп и их сопоставлении с выделенными выше стилями.

Наиболее типичный, часто встречающийся элемент дискурса – тезис о широте социологического образования, о его универсальном характере. Этот тезис встречается в основном в обращениях, выполненных в рекламном и бюрократическом стилях. В текстах говорится, что учебная программа по социологии включает курсы по всем социальным наукам, благодаря чему выпускники смогут работать в самых разных сферах – в маркетинге, управлении персоналом, связях с общественностью, практической психологии и т. д. Преподаватели утверждают, что социологи могут легко переквалифицироваться в «соседние» специальности, так как обладают базовыми знаниями по ним. Таким образом, палитра предъявляемых студентам-социологам жизненных – или, по Р. Мертону, – культурных целей оказывается очень богатой [11]. Вот как принято писать об этом:

«Социолог обладает уникальным синтезом знаний, позволяющим найти себе применение почти в любой сфере, будь то политика, экономика, информатика, маркетинг, журналистика, PR, реклама, культура, туристический бизнес» (Пермский край).

«В рамках специализации «Экономическая социология» изучаются <дисциплины>, которые позволяют социологу занимать рабочее место не только социолога, но и маркетолога» (Свердловская область).

«Актуальность подготовки определяется высокой потребностью в данных профессионалах в социологических, кадровых, социальных и маркетинговых службах, а также возможностью быстрой переквалификации в смежные специальности: журналистика, маркетинг, логистика» (Самарская обл.).

«...Ведь выборы – это в значительной мере социология» (Приморский край).

Обращаясь к абитуриентам на сайтах, преподаватели дают понять, что сумма знаний и умений, полученных на социологическом факультете, – достаточное средство для достижения разных профессиональных и карьерных целей, для устройства взрослой жизни в целом. Это, несомненно, притягивает подростков, которые еще не решили, какой работе хотят себя посвятить. В этом случае обучение на социологическом отделении вуза становится «заготовкой» ресурсов для достижения пока еще не определенных целей. Это удобный вариант психосоциального моратория¹, позволяющего молодежи примериться к работам разного рода, прежде чем остановиться на одной из них. Преподаватели заверяют молодых людей, что гибкий подход не нанесет вреда их будущему (хотя, судя по текстам, осознают, что такая гибкость несколько противоречит формальной задаче факультета – воспроизводству профессионального сообщества):

«Абсолютное большинство выпускников, формально работающих не по специальности, не рассматривают сложившуюся ситуацию как проблемную и отмечают адекватность и пригодность знаний, полученных во время обучения по специальности, в своей профессиональной деятельности» (Ростовская область).

«Интересно, что за 13 лет существования факультета ни один студент не изъявил желаний перевестись на другой факультет, сменить специальность» (Удмуртская республика).

С позиции межпрофессионального универсализма, социологическое образование является ресурсом для достижения разнообразных целей на рынке труда, и, получив диплом социолога, человек может двигаться, куда угодно в зависимости от своих интересов. С одной стороны, эта стратегия кажется предусмотрительной, поскольку по-

¹ Термин, введенный Э. Эриксоном и обозначающий институционально закрепленный интервал между подростковостью и взрослостью, позволяющий молодежи отложить выбор профессии и других ролей [12].

зволяет адаптироваться к изменчивой ситуации на рынке труда. Кроме того, предложение социологических вакансий явно недостаточно для трудоустройства всех выпускников. Транслируя универсалистскую установку, преподаватели, на первый взгляд, готовят студентов к реальной жизни, что позволит им избежать разочарований после выпуска из вуза. С другой стороны, следует понимать, что универсалистская установка на «образование без профессии» еще на этапе вступительного отбора находит отклик среди абитуриентов, у которых инструментальная мотивация преобладает над содержательной, а профессиональные притязания невысоки. Поступив, эти молодые люди, скорее всего, будут слабо интересоваться специальностью и в дальнейшем оставят ее. Л. Д. Гудков и его коллеги утверждают, что внешняя мотивация в выборе вуза и специальности характерна для молодежи из семей с небольшим объемом культурного капитала [2, с. 50–52]. Таким образом, межпрофессиональный универсализм способствует негативному отбору контингента на социологических факультетах.

Мы считаем, что межпрофессиональный универсализм также девальвирует ценность социологической специальности и затрудняет постановку профессиональных и карьерных целей у студентов. Он обесценивает и промежуточную цель – учебу, которая в глазах молодежи теряет статус средства достижения успеха в профессии. С одной стороны, социологическое образование – это средство для достижения, заготовленное впрок, но с другой, – оно может не подойти для тех целей, которые начинают привлекать студентов в ходе обучения в вузе. Молодые люди словно возвращаются в школьные времена, когда они точно знали, что большая часть учебной программы им не пригодится. Ощущение дежавю может переключить студентов на знакомую им роль школьника средних классов – более детскую, менее ответственную. Это, несомненно, сказывается на качестве образовательного процесса и квалификации выпускников. Я. И. Кузьминов утверждает, что около трети всех студентов российских вузов учатся лишь формально, социализируясь, но не получая профессиональных компетенций [13]. Мы видим, что в случае с социологией эта социализация носит довольно специфический характер.

Межпрофессиональный универсализм способствует негативному отбору контингента на социологических факультетах, девальвирует ценность социологической специальности и затрудняет постановку профессиональных

Межпрофессиональный универсализм способствует негативному отбору контингента на социологических факультетах, девальвирует ценность социологической специальности и затрудняет постановку профессиональных и карьерных целей у студентов, обесценивает и промежуточную цель – учебу, которая в глазах молодежи теряет статус средства достижения успеха в профессии.

и карьерных целей у студентов, обесценивает и промежуточную цель – учебу, которая в глазах молодежи теряет статус средства достижения успеха в профессии.

Таким образом, принимая позицию межпрофессионального универсализма, преподаватели не только не способствуют воспроизводству социологического «цеха», но действуют в обратном направлении, снабжая молодыми кадрами другие сектора российской экономики.

Прагматизм. С вопросом о практической применимости социологического знания приходилось сталкиваться еще Макс Веберу сто лет назад [14]. Общество продолжает задавать социологам этот вопрос и сегодня. Для большинства современных россиян чрезвычайно актуальны вопросы достижения богатства, власти и личного успеха [15], и образование рассматривается ими как средство получения высокооплачиваемой работы [16, с. 192]. Поэтому, выбирая специальность при поступлении в вуз, абитуриенты и их родители в первую очередь оценивают ее экономическую привлекательность. Как мы показали выше, вузы удовлетворяют этот запрос, демонстрируя абитуриентам доступные профессиональные и карьерные цели. В большинстве изученных нами текстов обсуждение профессиональной идентичности социолога сводится к вопросу его востребованности на рынке труда. Наряду с универсалистской установкой прагматизм является одной из узловых точек массового образовательного дискурса.

Сегодня социологическим кафедрам значительно легче отвечать на прагматичные вопросы абитуриентов и их родителей, чем, например, двадцать лет назад. В 1989 г. в России работало всего 6 социологических факультетов и отделений, и социологи были «штучными», редкими и в глазах широкой публики «странными» специалистами. Массовизация специальности была встречена людьми недоуменно: социологию постоянно путали с социальной работой, статистикой, философией и даже сексологией [17]. Кроме того, социология несла на себе стигму схоластичности, которая, вероятно, передалась ей от близкой соседки – философии, и усилилась от массового перехода теоретиков марксизма-ленинизма в социологию во время реформ. Эта стигма травмировала профессиональную идентичность социологов. Долгое время вопрос о применении социологического знания был болезненным как для пре-

В большинстве изученных нами текстов обсуждение профессиональной идентичности социолога сводится к вопросу его востребованности на рынке труда.

подавателей, так и для студентов. В текстах обращений на сайтах обнаруживаются защитные реакции профессионального сообщества, стремление избавиться от стигмы.

Долгое время социология несла на себе стигму схоластичности, которая, вероятно, передалась ей от близкой соседки – философии, и усилилась от массового перехода теоретиков марксизма-ленинизма в социологию во время реформ. Эта стигма травмировала профессиональную идентичность социологов. Долгое время вопрос о применении социологического знания был болезненным как для преподавателей, так и для студентов. В текстах обращений на сайтах обнаруживаются защитные реакции профессионального сообщества, стремление избавиться от стигмы.

Основной способ защиты от нападений прагматиков – это акцент на прикладном характере учебной программы по социологии. Крылатая фраза декана одного из столичных социологических факультетов: «Мы готовим не ученых, которые будут сидеть в кабинетах и рассуждать о превратностях бытия», – тиражируется на сайтах региональных вузов. Эти слова выражают желание отмежеваться от стиля социологических доктрин – близкого к метафизике дискурса, о котором Г. С. Батыгин писал, что он сосредоточен на «последних истинах бытия», абстрактных мыслительных построениях и пророчествах [18]. В описании специальности принадлежность к иному стилю подчеркивается при помощи таких эпитетов, как «реальный», «конкретный», «практический», «актуальный». Прагматический подход к образованию выдают и следующие высказывания:

«Вам дадут базовое академическое образование и одновременно – ремесло, то есть навыки практического исследователя» (Томская область).

«В тематике выпускных квалификационных работ учтены реальные потребности государственных организаций и промышленных предприятий г. Курска и области» (Курская область).

«Студенты должны освоить и осуществить все операции конкретного эмпирического социологического исследования, на базе участия в реальном, практическом социологическом исследовании» (Нижегородская область).

Спустя некоторое время после начала массового выпуска дипломированных социологов в обществе накопилось знание об их типичных трудовых траекториях. Тогда преподаватели получили на руки еще один козырь, которым можно отбивать выпады прагматиков. Сегодня на витри-

Долгое время социология несла на себе стигму схоластичности, которая, вероятно, передалась ей от близкой соседки – философии, и усилилась от массового перехода теоретиков марксизма-ленинизма в социологию во время реформ. Эта стигма травмировала профессиональную идентичность социологов. Долгое время вопрос о применении социологического знания был болезненным как для преподавателей, так и для студентов. В текстах обращений на сайтах обнаруживаются защитные реакции профессионального сообщества, стремление избавиться от стигмы.

нах социологических факультетов выставляются судьбы благополучных выпускников в качестве ролевых моделей (и жизненных целей). На видном месте обычно красуются имена самых успешных людей – ставших директорами каких-нибудь совсем не исследовательских компаний. Для молодежи это несомненный вызов – высокая планка притязаний, до которой престижно дотянуться, даже жертвуя специальностью. Следовательно, преподаватели тоже оценивают вертикальную мобильность в общей системе стратификации выше достижений внутри профессионального сообщества. Однако примеры выдающегося успеха, демонстрируемые на сайтах, единичны; в основном выпускники занимают более скромные должности руководителей отделов и рядовых специалистов в области маркетинга, рекламы, управления персоналом и т. д. Некоторые преподают в вузах, другие работают в муниципалитетах, еще не совершив значительного карьерного роста. Социологическая специальность встраивается в общую для российского образования тенденцию, подмеченную Л. Д. Гудковым и его коллегами: она рассматривается как гарантия пусть не очень высокого, но стабильно оплачиваемого социального статуса [2]. Вот типичные варианты приложения социологического образования:

«Профессиональная карьера наших выпускников складывается достаточно успешно. Среди выпускников специальности «Социология» многие работают в сферах образования, политики, маркетинга, рекламы, PR в различных коммерческих компаниях и государственных учреждениях г. Новокузнецка и других городов» (Кемеровская область).

«Выпускники отделения успешно работают: в системе образования; в научно-исследовательских учреждениях; в бизнес-структурах (консультанты); в представительных органах государственной власти; в административных структурах и правоохранительных органах» (Магаданская область).

«Уважаемые абитуриенты, если Вы хотите: ...без проблем выстраивать деловые и коммерческие контакты в сфере бизнеса, ... у Вас есть уникальная возможность пройти обучение на кафедре социологии» (Москва).

Из приведенных цитат видно, что в общественном мнении и в образовательном дискурсе сделана нормативная маркировка некоторых видов трудовой деятельности как «достойных» точек приложения социологического образования¹.

Надо заметить, что на сайтах вузов рассказывается не только о занятости выпускников «в коммерческих структурах», но и о молодых ученых и преподавателях. Публикуются названия исследовательских проектов и научных работ сотрудников факультета или кафедры, в том числе аспирантов и молодых кандидатов наук. Эти фигуры должны служить ролевыми моделями для тех студентов, которые действительно собираются заниматься социологией после окончания вуза. Ссылки на интеллектуальные результаты устанавливают планку достижений, к каким, по идее, должна стремиться молодежь.

Тем не менее, утилитаризм пронизывает и этот фрагмент дискурса. Из названий многих публикаций и особенно исследований видно, что это коммерческие проекты, мотивированные скорее спросом со стороны заказчика, чем научным интересом. «Социологическим» может называться даже исследование рынка мебели (хотя это скорее исключение, чем правило). Некоторые кафедры рекламируют себя в качестве субподрядчиков на рынке аналитических услуг, причем в единичных случаях эта их роль изображена на сайте более выпукло, чем образовательная. Упоминание грантов, которые удалось выиграть сотрудникам кафедры, подсказывает читателям, что деятельность профессиональных социологов тоже конвертируется в денежные знаки, как и любая другая работа.

В целом, обращения к абитуриентам подтверждают, что доходы у социологов не хуже, чем у других людей, то есть достигают среднего регионального уровня. Интересно,

¹ Существуют представления и о неудачных вариантах трудоустройства, но о них не принято писать на сайтах вузов. Мы встречали такие «анти-модели» на социологических интернет-форумах, где студенты и выпускники соцфаков обсуждали сферы применения социологического образования. Например, работа менеджера по продажам, администратора в детском клубе оценивалась как неудачный вариант трудоустройства. К работе интервьюера молодые специалисты относятся негативно, но допускают такую занятость в качестве временной практики для овладения профессией.

что преподаватели иногда приукрашивают экономические возможности выпускников-социологов, оценивая специальность как одну из самых популярных и высокодоходных:

«Данная специальность является одной из наиболее востребованных и высокооплачиваемых» (Москва).

«Получив социологическое образование, Вы обретете прекрасный шанс устроить свою профессиональную жизнь. Социологи входят в пятерку наиболее востребованных специалистов на рынке труда, как в зарубежных, так и в ведущих российских компаниях» (Москва).

«Подавляющее большинство выпускников работают по специальности, а их заработная плата в течение 1-го года по завершении обучения составляет 20–50 тыс. рублей» (Москва).

Таким образом, несмотря на то, что выпускники в основном занимают скромные или средние позиции в организациях и учреждениях, социологическая специальность иногда изображается на сайтах чуть ли не синекурой. Здесь кроется интересный нормативный нюанс. Приподнимая доходы выпускников-социологов в глазах абитуриентов, педагогические коллективы следуют нормам, предписывающим человеку иметь высокий уровень запросов. В исследовании жизненных притязаний старшеклассников В. С. Магун и М. В. Энговатов зафиксировали, что такие нормы сформировались в России еще в 1990-е гг. [19]. По-видимому, для успешной демонстрации специальности кафедрам необходимо задать не только нижнюю (реалистичную), но и верхнюю («звездную») планку достижений; в противном случае специальность будет восприниматься как удел неудачников. Поэтому преподаватели считают нужным хотя бы намекнуть на возможность красивой жизни после выпуска из вуза.

Принцип удовольствия. Мы установили, что интернет-страницы социологических кафедр выполняют функцию витрин, на которых выставлен широкий ассортимент профессиональных и карьерных целей. По наблюдению Ю. А. Левады, культуре свойственно скрывать за «витриной» свою «фабрику», не обсуждая, какой ценой достаются привлекательные цели, чем нужно пожертвовать, чтобы достичь успеха [20, с. 12]. В нашем случае роль «фабрики» играют описания учебных курсов и требований к ним. Иногда они бывают довольно подробными. Однако в боль-

шинстве случаев кафедры ограничиваются лишь перечнем дисциплин, который сам по себе не проясняет объем усилий, необходимых для превращения в квалифицированного социолога. Таким образом, «фабрика» социологических карьер преимущественно остается в тени. Ее маскировка особенно характерна для обращений в рекламном стиле, следующих принципу удовольствия¹. Они в основном подчеркивают радость от процесса обучения на факультете и общения с однокурсниками. В этих случаях поговорка о горьком корне учения уступает место своему антониму в буквальном смысле слова. На сайте одной социологической кафедры мы нашли описание ежегодного праздника-ритуала, где студенты-социологи сообща съедают красивый торт в форме книги. Сладкий символ учебы является одним из атрибутов массового образования.

Сами студенты предлагают еще одну любопытную метафору образовательного процесса – компьютерную игру. На странице факультета социологии и социальной работы одного из региональных вузов мы обнаружили любительский видеоролик, в котором показано продвижение студента-персонажа по уровням игры, символизирующей учебу в вузе. Выполняя незатейливые комичные трюки, молодой человек движется к финальной цели – получению диплома. Его успехи и неудачи маркируются звуковыми сигналами, типичными для компьютерной игры. Чтение учебников, «корпение» над задачами и вообще какие-либо интеллектуальные усилия, даже символические, в этом процессе не показаны. Например, во время семинара студент спит на парте и атакуется рассерженным преподавателем, но это не снижает его шансов на победу. К поражению в игре может привести лишь нарушение формального вузовского распорядка – столкновение с деканом в коридоре во время занятий. Впрочем, игру всегда можно начать заново. Юноша успешно справляется с большинством задач, и в заключительном кадре декан пожимает ему руку со словами: «Ну, <имярек>, несмотря ни на что, вы все-таки заслужили диплом».

Данный эпизод свидетельствует, что студенческий опыт по взаимодействию с системой образования обобщен в виде правил и передается младшему поколению. Главное правило гласит: взрослые заинтересованы в том, чтобы пропустить молодежь через всю систему высшего образо-

1 По З. Фрейду, ориентация, при которой требуется немедленное удовлетворение всех желаний и потребностей, невзирая на требования или ограничения действительности [12].

вания, и потому склонны предоставлять ей «скидки» при аттестации. Зная это, молодежь ожидает от преподавателей снисходительного отношения. Д. Л. Константиновский, А. А. Овсянников и Н. Е. Покровский обращают внимание на эти студенческие ожидания в статье о тенденциях развития социологического образования [7]. Исследователи считают, что студенчеству свойственно стремление к «красивой жизни» и отстраненность от политических и социальных проблем. Заметим, что такая установка характерна для дискурса глянцевого журналов, к которому студенты, несомненно, приобщены. Согласно нашим исследованиям, данный анклав коллективного знания предъясняет читателям тезис, что ценность любого человека рано или поздно становится очевидной обществу и вознаграждается им, особенно если человек предпринимает хоть что-нибудь для раскрытия своих талантов [21]. Заимствуя нормы рекламного языка и «глянцевого» дискурса, высшее образование укрепляет в студентах такое представление о жизни.

Инженеризм. По мнению У. Дж. Гуда, каждая профессия должна управлять особым типом общественных отношений – болезнью или смертью, свободой или собственностью, проблемой зла и войной, строительством и производством [10]. Общество должно понимать, чем занимается группа профессионалов; лишь тогда эта группа может рассчитывать на привилегии и вознаграждения. В России общественное мнение о том, каким сегментом управляет социология, находится еще в стадии формирования. Оно успело выработать некоторые стереотипы – например, что социолог – это «человек с анкетой». Понимание россиянами того, что делает этот человек и зачем это нужно, определяет статус социологии как науки и профессии.

На основе накопленного за последние десятилетия опыта социологические кафедры формулируют ответ, вполне понятный широкой публике: социология нужна, чтобы управлять обществом в целом и отдельными его группами. Этот ответ претендует на высокую общественную и государственную значимость социологии. Чаще всего он встречается на сайтах с бюрократическим языком. В обращениях к молодежи говорится, что социологи предотвращают принятие неоправданных решений, повышают уровень эффективности менеджмента и конкурентоспособности предприятия или даже страны. Социологическое сопровождение управления предъясняется как инновация:

В России общественное мнение о том, каким сегментом управляет социология, находится еще в стадии формирования. Оно успело выработать некоторые стереотипы – например, что социолог – это «человек с анкетой».

«Обучение по специальности «Социология» определяется растущей потребностью общества в квалифицированном управлении сложными социальными процессами, структурами и системами» (Пермский край).

«В условиях демократии и рынка выработка успешных управленческих решений не возможна без достоверной информации о характере социальных действий людей и формирующих их факторах» (Орловская область).

Данная смысловая группа конструирует собственно профессиональную идентичность социолога в массовом дискурсе (в отличие от идентичности «специалистов широкого профиля»). Она состоит из нескольких элементов. Прежде всего, для конструирования идентичности используется метафора **инженера**, имеющая глубокие исторические корни. Г. С. Батыгин и И. Ф. Девятко в статье «Социология и власть» указывают, что в 1920-е гг. советская социология развивалась благодаря идеалам технической рациональности, широко распространенным в кругах приближенной к власти интеллигенции [22]. Эти идеалы продолжают воспроизводиться, и не случайно ими оперирует именно бюрократический стиль самопрезентации, в наибольшей степени сохраняющий преемственность с советской социальной мыслью. Согласно этим идеалам, социолог выступает в роли инженера, способного отладить человеческий коллектив наподобие часового механизма. В описаниях навыков, которые должен приобрести молодой специалист, часто встречается понятие «моделирования социальных процессов» (иногда – математическое моделирование, прогнозирование и даже программирование). Какой именно продукт работы студента-социолога под этим подразумевается, не совсем ясно. Тем не менее, данный термин указывает на существование нормы технико-рационального склада мышления у профессионального социолога. «Моделирование» служит реквизитом роли социального инженера, наподобие циркуля и линейки. Способность социолога к какому-либо моделированию является средством для участия в разработке социальной политики – желанной цели для данного сегмента массового дискурса.

Инженерная установка содержит еще одну презумпцию – занятость на крупном промышленном предприятии. Наличие социологической службы в административном аппарате какой-либо организации оценивается как элемент прогрессивного и новаторского мышления, а ее отсутствие – как отсталость и залог неуспеха.

«Многие организации и коммерческие структуры начинают осознавать необходимость социальных исследований для успешной деятельности и выживания в условиях конкуренции, а также для более эффективного управления» (Удмуртская республика).

«Практически каждая организация, фирма, завод повысит уровень результативности своей работы, если будет иметь социологическую службу, аналитический отдел или социолога, включенного в другие службы» (Курская область).

«Те организации и страны, которые принимают важные решения наобум без соответствующего изучения, автоматически пополняют число аутсайдеров» (Новосибирская область).

Таким образом, из представления о социологии как о науке для управления следует вхождение социологов во властные структуры – в качестве помощников или консультантов. На сайтах факультетов и кафедр говорится об участии социологов в разработке социальной политики, причем с использованием инженерного подхода. Подчеркивается, что такой помощник очень полезен для менеджмента:

«Уже сегодня становится все более и более понятным, что ни одна властная структура не может качественно исполнять управленческие функции без опоры на социологические службы, конечно, при условии, что сама работа последних построена на научной основе» (Свердловская область).

«Растет потребность общества в специалистах в области социальной политики, как социологах – исследователях, так и социологах – социальных технологах (социальная сфера – объект социальной политики)» (Самарская область).

«Социологическое образование связано с овладением практическими навыками социальной инженерии» (Волгоградская область).

Рассказывая абитуриентам о трудоустройстве выпускников, администрация кафедр практически всегда упоминает органы муниципальной и региональной власти, иногда подчеркивая, что социологи занимают в них руководящие позиции. Некоторые кафедры специально сообщают, что их работа направлена на производство кадров для молодежной политики региона, что студенты-социологи проходят практику в администрации территориального подразделения. Из обращений к абитуриентам видно, что между

социологическими кафедрами вузов и органами местной власти налажены солидарные отношения и сотрудничество. Таким образом, трудоустройство в государственные структуры является одной из целей, выставленных на «витринах» соцфаков, и эта цель должна вполне удовлетворять прагматичные запросы студентов. Установка на межпрофессиональный универсализм тоже соответствует роли помощника-консультанта, которому могут поручать не только исследования, но и другие задачи. Однако, если прагматизм и универсализм, как мы установили выше, сами по себе не работают на воспроизводство профессионального сообщества социологов, то инженеризм, несомненно, выполняет эту функцию. Допустимо предположить, что те немногие молодые специалисты, которые социализировались в массовом дискурсе и решили работать социологами после окончания вуза, являются носителями именно инженерно-управленческой профессиональной идентичности и разделяют связанные с ней ценности.

Альтернативные установки по отношению к специальности и профессии социолога

Внутрипрофессиональный универсализм. В общем хоре социологических кафедр, который мы анализировали в предыдущем разделе, различимы и другие голоса, в которые, на наш взгляд, важно вслушаться. Они в значительно большей степени ориентированы на профессиональную социализацию молодежи и на то, чтобы выпустить именно социологов, а не кого-то еще. Мы выделили несколько узловых точек альтернативного дискурса, вокруг которых группируется небольшое число кафедр – как столичных, так и региональных. Одна из этих точек – интерпретация структуры учебной программы по специальности.

Распространенное представление о социологическом образовании выражается мнением, что это универсальный набор знаний, владелец которых становится специалистом «широкого профиля» и может гибко подстраиваться под требования рынка труда. Однако у «тезиса о широте» существует и другая трактовка. Она иначе объясняет включение в учебную программу по социологической специальности ряда смежных дисциплин. Согласно немассовой трактовке, социологическое познание опирается на достижения других наук о человеке и невозможно без базовой компетентности в этих науках. Квалифицированные социоло-

Трудоустройство в государственные структуры является одной из целей, выставленных на «витринах» соцфаков, и эта цель должна вполне удовлетворять прагматичные запросы студентов.

логи должны располагать значительной суммой знаний из истории, экономики, психологии и других областей. Выпускники соцфаков должны быть математически грамотны, уметь работать со статистическими пакетами для обработки данных и обладать рядом социальных компетенций. Социологическое образование представляет собой синтез гуманитарного знания и методов точных наук; профессиональным идеалом является человек, освоивший оба этих направления – но не для легкого перехода в другую сферу, а для квалифицированного решения своих, социологических задач. Этот идеал внутрипрофессионального универсализма вполне ясно формулируется на страницах вузовских сайтов:

«Для научного изучения общества необходимо уникальное сочетание гуманитарных и математических знаний» (Москва).

«Студентам-социологам стараются дать разносторонние знания о жизни общества. Студенты знакомятся с разными научными школами, осваивают методы подготовки и проведения соцпросов, анализа полученной информации, учатся работать с базами данных, электронными таблицами, статистическими пакетами» (Ульяновская область).

«Мы увидим, что его (социолога – прим. Л. О.) работа весьма разнообразна и требует очень разных навыков. Что прежде всего отличает социолога от всех остальных – это определенный стиль мышления» (Санкт-Петербург; скопировано в Липецкой области, Приморском крае).

Внутрипрофессиональный универсализм, несомненно, работает на воспроизводство сообщества социологов. Такой подход предлагает студентам цель: стать квалифицированными социологами, и разворачивает ее на конкретные задачи: изучить социальную теорию, освоить основы статистики, и т. д. Его презумпция – студенты смогут найти работу по специальности, и эта работа многого от них потребует. Принципиальное отличие данного подхода от принципа «широкого профиля» – в нормативизме. Если межпрофессиональная установка предлагает студентам неопределенные цели (жизненное благополучие как таковое), то внутрипрофессиональная установка ставит конкретную цель и, как будет показано далее, дисциплинирует в соответствии с этой целью. Сладкий образ учебы здесь был бы неуместен.

Социологическое образование представляет собой синтез гуманитарного знания и методов точных наук; профессиональным идеалом является человек, освоивший оба этих направления – но не для легкого перехода в другую сферу, а для квалифицированного решения своих, социологических задач.

Рефлексивная и терапевтическая установки. Массовый дискурс объясняет, что социология нужна для эффективного управления обществом и используется, прежде всего, государственными институтами. Немассовый дискурс также не обходит стороной тему управления, однако представляет ее иначе. Преподавательское меньшинство полагает, что социология есть социальная рефлексия, которая распространяется на широкие слои общества, а не только на управленцев, и исподволь изменяет поведение людей. Эта точка зрения близка к мнению Макса Вебера о том, что социальная наука главным образом содействует людям в обретении ясности, выявляет связь между мировоззрением и практическими установками людей, а также их следствиями [14]. На сайтах говорится, что социологическое знание позволяет увязать между собой частные элементы социальной жизни, – что не всегда можно сделать на основе одного лишь здравого смысла. Социология диагностирует состояние общества и предугадывает дальнейшие направления его развития. Таким образом, преподавательское меньшинство считает, что главный мотив деятельности социолога – принесение пользы обществу, самоотдача ради общественного блага. В современной России этот «рыцарский» мотив довольно редок [15]. Как мы видим, даже в специализированном сообществе его поддерживает меньшинство членов. Преподаватели формулируют эту позицию следующим образом:

«По мере того, как наше общество взрослеет и все больше задумывается о самом себе, профессия социолога становится все более востребованной» (Санкт-Петербург; скопировано в Липецкой области и Приморском крае).

«На плечах социолога лежит непростая, но чрезвычайно важная задача – быть зеркалом общества, уметь предсказать реакцию на действия политических, экономических деятелей, привлекать внимание людей к общим проблемам, апеллируя неопровержимыми данными, полученными опытным путем» (Москва).

«Работу социолога можно образно сравнить с составлением puzzle, когда, собрав воедино тысячу разрозненных кусочков, мы выявляем целостное видение того, что было разрозненно» (Новосибирская область).

Сравнение социологии с *зеркалом* заставляет вспомнить фламандского фольклорного героя Уленшпигеля [23, с. 47–48]. Установив свое «социальное зеркало» на ярмарке, он предлагал прохожим распознать их социальный тип

и дать ему аллегорическое толкование – обычно в сопровождении безжалостной критики в адрес как типа, так и его конкретного носителя. В отличие от Уленшпигеля, социологи не относятся к своему предмету столь жестоко. Педагогические коллективы, имеющие альтернативный взгляд на профессию, считают, что социологические открытия могут быть катализатором модернизации, обратить внимание общества на важные проблемы с тем, чтобы люди сами выработали пути их решения. Г. С. Батыгин замечает, что такая позиция типична для дискурса социальных обследований. Анализируя данный стиль, он не упоминает метафору зеркала, но приводит сходный вариант: понимание роли социолога как высококомпетентного репортера, который вызывает общественный резонанс своими открытиями [18]. Вот пример такой точки зрения в обращениях к абитуриентам:

«Переход к демографическому развитию невозможен без обретения россиянами новой психологии, связанной с само- и взаимопомощью. Необходимы живые, творческие поиски самими людьми новых “моделей своей жизни”» (Самарская область).

На сайтах кафедр изредка встречается и другая метафора – роль социального врача, которая подразумевает терпимость и сочувствие по отношению к «пациенту», но при этом – переход от диагностики к терапии. Один из вариантов обнаруженной в текстах реформистской идентичности принадлежит студенту, которого еще нельзя считать профессиональным социологом. Тем не менее, решение кафедры опубликовать его попытку профессиональной самоидентификации свидетельствует о желании транслировать студентам сходный взгляд на специальность. Приведем данное высказывание целиком:

«Все-таки, кто ты, социолог? Это вопрос к себе. Каждый из нас и строитель, и художник, кто-то нас называет хирургом. Но когда социолог задумывается о том, кто же он, в голову приходит, как бы это пафосно и даже странно не звучало, фраза из “Мастера и Маргариты”: “Для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый... срок”. Вот социолог и помогает составить этот план как можно точнее и реалистичнее, чтобы Вам было завтра где жить, как жить, а главное – быть!» (Алтайский край).

Если массовая установка транслирует в основном технико-рациональный взгляд на общество, то меньшинство, отнюдь не отказываясь от рациональности, придерживается скорее романтической позиции. Для него общество остается своего рода волшебным, бесконечно сложным и увлекательным предметом. Социология, которая все-таки позволяет приподнять скрывающий его подлинное устройство занавес, приобретает статус особого, более высокого знания. Она утверждает свое превосходство по отношению к другим наукам о человеке:

«Изучая процессы в обществе, социолог свяжет в своем анализе экономику и культуру, политику и искусство, право и бизнес. Ни экономист, ни юрист, ни психолог не раскроют тайн социального взаимодействия. Это может сделать только социолог!» (Астраханская область).

«Методы и инструментарий <социологии> берут на вооружение другие науки об обществе: экономика, право. Среди них социология начинает играть примерно ту же роль, которую выполняет математика в естественных науках» (Новосибирская область).

«Несколько лет назад “Нью-Йорк таймс” написала в передовице, что на смену экономике, которая была царицей общественных наук в прошлом веке, в XXI веке приходит социология» (Москва).

«Социология... нередко указывает другим наукам на границы их возможностей, призывая их вернуться к реальности и умерить свои неоправданные амбиции» (Санкт-Петербург).

За данными установками стоит не утилитарный интерес к профессии, но содержательная мотивация: увлеченность предметом, гордость своим особым знанием и даже ощущение элитарности. В основном они высказываются в стиле делового сотрудничества, но также встречаются и в рекламном стиле, что не вполне укладывается в нашу классификацию – ведь рекламный стиль в основном воспроизводит ценности массового дискурса. Это можно объяснить стремлением кафедр, разделяющих рекламный стиль, облечь в красивую упаковку не только студенческую жизнь (что, как подчеркивалось выше, достигается за счет рассказов о факультетских праздниках и т. д.), но и учебную программу.

Как бы там ни было, данная позиция подразумевает значительно более высокие требования к содержанию труда, не сводящиеся к тому, чтобы устроиться на работу

«около специальности» и получать небольшой гарантированный доход. Заинтересованное отношение к работе, высокие интеллектуальные притязания характерны для студентов, происходящих из семей с высоким культурным капиталом [2, с. 50–52]. Кафедры, которые уделяют внимание профессиональной социализации, по всей видимости, ориентируются на таких студентов, которые имеют больше шансов остаться в профессиональном цехе после выпуска из вуза. В данном случае оправдывается предположение Т. Веблена о том, что образование в области гуманитарных наук предпочитают высокоресурсные слои общества [24]. Такая победоносная идентичность социологов может возникать либо на почве идеализма, либо от ощущения роста общественного внимания к социологической науке.

Корпоративный нормативизм. Выше мы уже упоминали, что массовый образовательный дискурс – в том сегменте, который мы изучаем – практически не предъявляет студентам нормативных ограничений. Немассовый дискурс, напротив, уделяет внимание нормативной регуляции профессиональной деятельности. На сайтах некоторых факультетов и кафедр можно найти нормы, касающиеся профессионального и даже гражданского поведения социолога. Если массовый дискурс практически ни в чем не стесняет молодого специалиста, то немассовый стремится нагрузить его обязательствами. Обращения к абитуриентам, в которых содержатся профессиональные нормы, чаще всего написаны в соратническом (а не бюрократическом или рекламном) стиле.

Согласно немассовой установке, важнейшей профессиональной нормой для социолога является *честность*. Роль субподрядчика и исполнителя, которую обычно приходится играть социологу, нередко вступает в конфликт с этой нормой, и исследователю приходится выбирать между желанием угодить заказчику и стремлением дать адекватную оценку изучаемому явлению. Социолог должен сохранять независимость суждений, беспристрастность и *непредвзятость* даже в ситуации финансовой и корпоративной зависимости, и уметь отстаивать свое мнение публично. Эти нормы утверждаются в «Кодексе социолога», разработанном в одном из академических институтов в 1991 г. и найденном нами на сайте социологической кафедры в Тюменской области. Сходные нормы постулируются и в «Клятве социолога», вывешенной на сайте одного из столичных социологических факультетов:

Образование в области гуманитарных наук предпочитают высокоресурсные слои общества.

На сайтах некоторых факультетов и кафедр можно найти нормы, касающиеся профессионального и даже гражданского поведения социолога.

«Что бы при исследовании – а также в жизни – я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской, я буду отстаивать свои взгляды, идеи и концепции, невзирая на конъюнктуру и авторитеты, вступать в спор с общепринятыми взглядами на то или иное явление общественной жизни, с авторитетами в науке» (Москва).

В «Клятве социолога» говорится о том, что социолог должен стремиться установить истину и отвечать за достоверность полученного результата. Профессиональной обязанностью считается изучение общественно значимых проблем даже при отсутствии коммерческого заказа на такие исследования. Социолог должен быть готов к тому, что общество, увидев свое нелицеприятное отражение, будет пенять именно зеркалу, а не самому себе. Для этого ему требуется быть *смелым и целеустремленным*:

«...Но есть еще третий вид исследований – академические; у которых нет сиюминутного заказчика. Например, непредвзятое исследование мафии не решатся вам оплатить ни бизнес-структуры, ни государственные органы, ни тем более сама мафия. Им всем есть чего бояться: могут вскрыться и детали преступлений, и связь бизнесменов с мафиози, и неэффективность работы госструктур. Но общественности знать о таких вещах полезно. ... Такая работа требует от социолога определенного гражданского мужества» (Санкт-Петербург).

«Не менее важно для современных массовых обществ наличие развитого критического мышления, способного разоблачать опасные социальные мифы и затруднять манипулирование массовым сознанием. <Социолог> предлагает ...способы борьбы со злоупотреблениями властью – политической, экономической, информационной и др.» (Санкт-Петербург).

В обращениях к абитуриентам встречается норма критицизма. Она предписывает социологам сохранять статус независимых экспертов. Согласно типологии Г. С. Батыгина, часть этих норм относится к дискурсу социальных исследований (гражданский активизм, мужество), часть – к дискурсу социологических исследований (стремление к достоверности, непредвзятость, бескорыстие). Так или иначе, эти нормы являются признаком действующего профессионального сообщества и условием его воспроизводства. Цитирование региональными социологами норм и этических кодексов, разработанных коллегами, указывает на то, что

Цитирование региональными социологами норм и этических кодексов, разработанных коллегами, указывает на то, что преподаватели чувствуют потребность в профессиональной социализации студентов и ищут культурные эталоны, которые можно было бы им предъявить.

преподаватели чувствуют потребность в профессиональной социализации студентов и ищут культурные эталоны, которые можно было бы им предъявить.

Помимо «высоких» ценностей и норм, характеризующих общественную позицию социолога, в обращениях к абитуриентам встречаются, так сказать, «малые» нормы, регулирующие повседневную деятельность специалиста. Они не затрагивают отношений с властью и не рассматривают социологию в глобальном контексте, а скорее предписывают, как исследователь должен взаимодействовать с респондентами и заказчиками, а также акцентируют моральные качества, отличающие хорошего социолога – инициативу, терпение, ответственность. «Малые» нормы встречаются в основном на сайтах региональных вузов:

«Инициатива – это качество, которое ценится среди социологов» (Омская область).

«<Социолог> должен буквально излучать обаяние, отличаться коммуникабельностью, иметь аналитический склад ума, а главное – проявлять сочувствие к проблемам людей, уметь слушать и понимать их» (Новосибирская область).

«В профессии социолога очень важны усидчивость и терпение, но не менее важно уметь анализировать и брать на себя ответственность за принятые решения» (Ростовская область).

Получается, что альтернативный дискурс четко обрисовывает моральный портрет социолога, регламентирует его поведение в разных секторах профессиональной деятельности. При этом вознаграждения, которые описаны в текстах, в основном носят моральный, а не материальный характер: интересное содержание труда, высокая общественная значимость работы, принесение пользы обществу. По-видимому, альтернативному дискурсу присуща вера в справедливый мир – феномен, описанный американским психологом М. Лернером [25], – и это позволяет им рассчитывать на устройство своей материальной жизни, несмотря на то, что их помыслы и усилия не направлены напрямую на решение этой задачи. Социологи, разделяющие эту позицию, верят, что общество отблагодарит их за самоотдачу.

Заключение

Обращения к абитуриентам на сайтах социологических факультетов и кафедр позволяют составить представление о ценностной атмосфере в вузовской социологии как крупном сегменте профессионального сообщества. Из обращений вычитываются типы установок по отношению к социологической специальности, профессиональные ценности и нормы. Большинство педагогических коллективов знакомит абитуриентов с основами профессиональной идентичности; 15% не работают в этом жанре – возможно, испытывая дефицит профессиональной культуры.

По своему языковому и художественному стилю презентации подразделяются на бюрократические, рекламные и соратнические. По содержанию и частоте встречаемости – на массовые и относительно редкие. И те, и другие встречаются как у коллективов с именем, так и у малоизвестных кафедр.

С точки зрения массового образовательного дискурса, предназначение социологии заключается в содействии институтам, реализующим управление обществом. Сформировалось устойчивое мнение, что серьезные решения нужно принимать после проведения социологических исследований; подразумевается, что социология может быть источником технологий для реализации той или иной политики. Социолог уподобляется инженеру или технологу, а общество или отдельные его группы сравниваются с механизмом, который нужно настроить на определенный режим. В обращениях к абитуриентам подчеркиваются тесные связи социологического сообщества и власти, а также возможность трудоустройства социологов в органы управления.

Среди массовых установок наиболее типичной является межпрофессиональный универсализм – отношение к высшему социологическому образованию как к набору разносторонних знаний, позволяющих человеку легко переходить в смежные области и адаптироваться к запросам рынка труда. Универсалистская установка поддерживает психосоциальный мораторий на взросление, позволяя молодежи отложить выбор трудового поприща. В дискурсе уже накоплено знание о типичных трудовых траекториях выпускников, и их переход в некоторые сферы деятельности (маркетинг, управление персоналом) рассматривается как нормальное явление, не противоречащее содержанию

С точки зрения массового образовательного дискурса, предназначение социологии заключается в содействии институтам, реализующим управление обществом.

Среди массовых установок наиболее типичной является межпрофессиональный универсализм – отношение к высшему социологическому образованию как к набору разносторонних знаний, позволяющих человеку легко переходить в смежные области и адаптироваться к запросам рынка труда.

образования. Данная установка заранее готовит студентов к тому, что они не будут работать по специальности и, таким образом, не способствует воспроизводству профессионального сообщества. С ней связано прагматичное отношение к образованию как к способу извлечения пользы для себя – в частности, гарантированного дохода в будущем. Преподаватели поддерживают инструментальную мотивацию в студентах и акцентируют прикладной характер образования, которое дает факультет или кафедра.

Массовый образовательный дискурс предлагает абитуриентам и студентам набор карьерных целей, подразумевающих уход из специальности. Однако усилия и жертвы, необходимые для достижения этих целей, практически не обсуждаются. Напротив, учебный процесс представляется как удовольствие, как приятное времяпрепровождение в компании веселых сверстников. Подразумевается, что образовательным требованиям смогут удовлетворить все студенты, а если они будут немного не дотягивать до установленной планки, преподаватели могут ее понизить.

Особенность массового дискурса состоит еще и в том, что он не предъявляет абитуриентам нормы, регулирующие профессиональную деятельность. Он не накладывает обязательств по отношению к обществу, не запрещает использовать те или иные средства для достижения профессиональных целей.

Альтернативные, относительно редкие установки в социологическом образовании демонстрируют во многом противоположное отношение к специальности. Универсальный характер учебной программы по социологии трактуется как набор разносторонних требований, которым должен удовлетворять квалифицированный социолог. Данный подход ориентирует студентов на то, чтобы стать профессиональными социологами, и ставит перед ними множество промежуточных задач на пути к этой цели. Он в значительно меньшей степени акцентирует ценность прагматизма, а фокусируется на ценностях самоотдачи, принесения пользы обществу и бескорыстия. Для немассового дискурса социолог – это общественное зеркало или врач, исцеляющий болезни общества. В отличие от инженерного подхода, предполагающего внешнее вмешательство в социальные процессы, презумпция немассового подхода состоит в том, что рефлексия, вызванная социологическим знанием, способна изменить общество изнутри.

Особенность массового дискурса состоит еще и в том, что он не предъявляет абитуриентам нормы, регулирующие профессиональную деятельность. Он не накладывает обязательств по отношению к обществу, не запрещает использовать те или иные средства для достижения профессиональных целей.

Альтернативные, относительно редкие установки в социологическом образовании ориентируют студентов на то, чтобы стать профессиональными социологами, и ставят перед ними множество промежуточных задач на пути к этой цели. Они в значительно меньшей степени акцентируют ценность прагматизма, а фокусируются на ценностях самоотдачи, принесения пользы обществу и бескорыстия. Для немассового дискурса социолог – это общественное зеркало или врач, исцеляющий болезни общества.

Немассовый дискурс формулирует ряд ценностей и нормативных ограничений, в нескольких случаях – в виде целого свода правил, которыми должен руководствоваться социолог в профессиональной деятельности. Среди этих ценностей – ответственность, стремление к поиску истины и к получению достоверных результатов исследований, честность, беспристрастность и непредвзятость. Предъявляются конфликтные модели поведения, связанные с открытой критикой и проявлениями гражданского мужества. Немассовому дискурсу свойственно ощущение высокой общественной значимости социологической профессии и гордость по отношению к ней. Он, несомненно, более эффективен для профессиональной социализации студентов и способствует принятию идентичности социолога.

Библиографический список

1. Костюхина М. С. Учебники для взрослых: мир в картинках // Учебный текст в советской школе. Сб. ст. / Сост. С. Г. Леонтьева, К. А. Маслинский. СПб.; М.: Институт логики, когнитологии и развития личности, 2008. С. 180–215.
2. Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Леонова А. С. Образование в России: привлекательность, доступность, функции // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 1 (69). С. 35–55.
3. Осадчая Г. И. Заметки о социологическом образовании в России: рефлексия новых требований общества // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 102.
4. Буланова М. Б. Социологическое образование в России (1960-е гг. – настоящее время) // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 14–24.
5. Образование в России – 2008. Статистический бюллетень. М.: МГУПИ, 2009.
6. Родовая травма российской социологии. Интервью с Воронковым В. М. / Интервью провела Демина Н. В. // Полит.ру. 08.05.2007 [online]. Дата обращения: 27.09.2010. URL: <http://www.polit.ru/science/2007/05/08/voronkov.html>.
7. Константиновский Д. Л., Овсянников А. А., Покровский Н. Е. Тенденции развития социологии и социологического образования в России // Мир России. 2005. № 1. С. 89–119.
8. Greenwood, E. Attributes of a profession // Social Work. 1957. Vol. 2, pp. 45–55.
9. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / Сост., науч. ред., текст. комм. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2005.
10. Goode, W. J. Community within a community: the professions // American Sociological Review. 1957. Vol. XXII, pp. 194–200.

11. Merton, R. K. Social structure and anomie // *American Sociological Review*. 1938. Vol. 3, No. 5, pp. 672–682.
12. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение / Пер. С. Меленевской и Д. Викторовой. СПб.: Питер Пресс, 1997.
13. Кузьминов Я. И. Капитализация личности. Состояние и перспективы российских университетов // *Пермский экономический форум*. 2010. URL: <http://www.hse.ru/video/23462222.html>. Дата обращения: 24.10.2010.
14. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
15. Магун В. С. Руднев М. Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // *Вестник общественного мнения*. 2008. № 1 (93). С. 33–58.
16. Петренко Е. С., Галицкая Е. Г., Шмерлина И. А. Ценность высшего образования. Мнения представителей семей, в которых есть дети, о важности высшего образования. Опрос фонда «Общественное мнение» // *Вопросы образования*. 2010. № 2. С. 187–237.
17. Паутова Л. А. Профессия в вопросах и ответах: Социология // Портал «Экономика. Социология. Менеджмент». 2010. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/33309477.html>. Дата обращения: 13.10.2010.
18. Батыгин Г. С. Три типа социологического дискурса: исторический очерк // *Журнал исследований социальной политики*. 2003. Т. 1. № 2. С. 245–263.
19. Магун В. С., Энговатов М. В. Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи (1985-2005 годы) // *Отечественные записки*. 2006. № 3. С. 76–96.
20. Левада Ю. А. «Человек ограниченный»: уровни и рамки притязаний // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2000. № 4.
21. Окольская Л. А., Комогорцева М. В. Жизненные проекты и правила для девушек в российских глянцевах журналах // *Социологический журнал*. 2010. № 2. С. 68–91.
22. Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Социология и власть: эпизоды советской истории // *Тоталитаризм и посттоталитаризм (Статьи и подготовительные материалы)*. Кн.2. М.: ИС РАН, 1994. С. 174–201.
23. Костер Ш. де. Легенда об Уленшпигеле. М.: Правда, 1983.
24. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. Гл. XIV.
25. Lerner, M. J. The belief in a just world a fundamental delusion. N.Y.: Plenum Press, 1980.

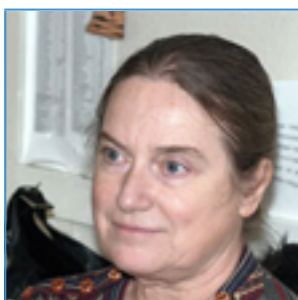
Социология труда

Инновативное поведение на работе – опыт построения социологического индекса

Климова Светлана Гавриловна —
кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник
Института социологии РАН

e-mail: sgklimova@mail.ru

Галицкая Елена Геннадьевна —
доцент ГУ-ВШЭ, зав. отделом обработки
и анализа данных ФОМ

e-mail: galicelena@yandex.ru

e-mail: sgklimova@mail.ru

Галицкий Ефим Борисович —
доцент ГУ-ВШЭ, зав. лабораторией
анализа данных ФОМ

e-mail: egalit@yandex.ru

Инновативное поведение на работе – опыт построения социологического индекса¹

Аннотация

В статье описывается опыт использования процедур структурно-логической типизации для построения «индекса инновативности» – установок работников на освоение инноваций и реального инновативного поведения на работе.

Abstract

The article explores the procedural aspect of constructing structural and logical typologies with the aim of creating the “innovation index” – workers’ attitudes guiding innovation and innovation –related behavior at workplace.

Ключевые слова: факторный анализ, кластерный анализ, регрессионный анализ, индексы, инновативное поведение, работники

Keywords: factor analysis, cluster analysis, regression analysis, indices, innovation behavior, workers

Постановка проблемы

Сравнение сложных объектов (различных аспектов жизнедеятельности общностей) – основная задача социологии. Но крайне мало прямых показателей, которые можно использовать в качестве индикаторов состояния общества. Однако даже эти прямые индикаторы, как правило, используются в контекстном анализе с учетом большого количества других переменных. Групповые процессы в контактных общностях (коллективах), такие, например, как процессы интеграции и конфликта, состоят из множества поступков большого количества людей. Из-за многообразия индикаторов, необходимых для описания всего множества

¹ Основные положения статьи были изложены на симпозиуме «Пути России. Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии» 29–30 января 2010 г.

поступков, невозможно сделать выводы о характере и векторе таких процессов. Тем более невозможно сравнивать общности (коллективы) на основе сопоставления значительного числа индикаторов.

Именно в связи с этим расширяется практика применения индексов в социологии. Они служат для анализа состояния в определенной области человеческой жизнедеятельности и используются для сравнения общностей и анализа динамики развития общностей в изучаемой области также, как например, используются индексы бирж в экономике или показатели тестов при описании определенных сторон личности.

Процедуры построения индексов и их функции в социологии подробно описаны в работах Ю. Н. Толстовой [1, с. 290–319; 2, с. 54–65]. Она пишет, в частности, что для того, чтобы социологический индекс был корректен, нужно, прежде чем его строить, ответить на следующие вопросы:

- существует ли одномерная латентная переменная, которую мы намереваемся измерить;
- те ли наблюдаемые переменные мы выбрали;
- какова форма связи наблюдаемых переменных с латентной;
- каков тип шкалы, отвечающей построенному индексу? [2, с. 57].

Наш опыт построения социологических индексов показывает, что поиском ответов на эти вопросы предварительная работа по построению индексов не исчерпывается. Процедуру расчета индекса следует выбирать, осознавая следующее.

- Не все наблюдаемые переменные имеют одинаковый «вес» в интегральной латентной. А это значит, что должна быть предусмотрена процедура взвешивания наблюдаемых переменных. Например, мы не можем заранее знать, насколько более (или менее) важным в индексе солидарности сообщества будет признак общности интересов по сравнению с признаком общей идентичности.
- Крайне редко мы имеем дело с исследовательскими ситуациями, когда можно уверенно утверждать, что наблюдаемые переменные не меняются во времени

и исчерпывающим образом описывают латентную. А это значит, что процедура должна быть открыта для корректировки. Так, в индексе удовлетворенности условиями труда мы не можем предусмотреть характеристик оборудования, которое еще не появилось.

- Социологические индексы, в отличие от биржевых, основываются на авторских моделях реальности, которые могут не совпадать с моделями реальности читателя, поэтому на предварительном этапе важно уделять большое внимание проблеме обоснования выбора наблюдаемых переменных. Ясно, например, что экономические модели миграции могут не учитывать переменных, описывающих образ жизни, и потому не сработать в ситуациях, когда люди предпочитают быть бедными, но сохранять привычный образ жизни.
- Социологические индексы гораздо менее прозрачны, чем, скажем, биржевые, – тенденции, отражаемые социологическими индексами, медленно накапливаются во времени и могут проявляться «внезапными» всплесками активности, когда возникает ощущение, что в процесс вмешалась случайная переменная, а потому предсказать течение социального процесса не представляется возможным. Однако случайность результата какого-то процесса во многих случаях может объясняться лишь отсутствием внимания аналитиков к какой-то наблюдаемой переменной, важность которой становится очевидной лишь после того, как скрытые процессы становятся явными. Так, например, произошло с анализом процессов «молодежных революций» в странах Западной Европы в конце 60-х гг. Тогда не сработали экономические модели, описывающие механизмы протестной активности, и лишь после событий стало очевидным, что следовало включать в анализ гораздо более широкий набор наблюдаемых переменных, например, такие как конкуренция на рынке труда или идентичность.

Для того чтобы сконструировать эмпирические индикаторы, характеризующие инновативное трудовое поведение, был проведен анализ данных серии качественных

исследований Фонда «Общественное мнение»¹. Целью анализа этих данных было выявить и систематизировать те концепты, которые люди используют, описывая свое трудовое поведение, когда перед ними стоит задача «идти в ногу со временем» в своей карьере.

Источниками послужили несколько серий интервью с одними и теми же информантами из числа работающих, которые успешно реализовывали свои карьерные стратегии в работе на государственной службе, на частных предприятиях и в собственном бизнесе. Всего информантов было шесть человек.

На втором этапе мы стремились превратить эти концепты в предельно короткие высказывания, которые описывали бы трудовое поведение так, чтобы в этих высказываниях в ходе массового опроса большинство работающего населения России смогло бы, если не узнать в них свое поведение, то хотя бы понять адекватность этих высказываний тем реальным практикам, с которыми сталкиваются другие люди.

В биографических рассказах мы выявили упоминания некоторых практик, особенностей поведения, которые можно попытаться использовать как исходный материал для построения индикаторов инновативного трудового поведения:

- восприятие труда как одной из главных жизненных ценностей;
- деятельное отношение ко всему новому, предполагающее готовность к освоению новых знаний, инструментов, технологий, практик;
- социальная компетентность, включающая навыки взаимодействия с людьми и институтами;
- конкурентность в сочетании с ценностью долговременных личностных связей;
- уверенность в себе и внутренний контроль;
- активный поиск пространства для самореализации.

Перечисленные признаки стали ориентирами для построения системы переменных, призванной выявить и описать тип современных работников в российском обществе.

¹ Исследование было проведено на базе данных, полученных в результате реализации Фондом «Общественное мнение» в 2009 г. проекта «Инновационный слой “Люди-XXI”: структура и потенциал социального развития».

Построение типологии трудового поведения

В ходе массового опроса россиянам был задан вопрос: «Посмотрите, пожалуйста, на карточку и скажите, что из перечисленного Вам доводилось делать за последние год-два? (Карточка, любое число ответов.)»¹. В карточке были перечислены практики, которые упоминались в интервью и дневниках информантов, о которых шла речь выше, и те, которые, как мы предполагали, могли бы характеризовать антиподов современных работников. Например, предполагалось, что все практики, ориентированные на повышение капитализации коллег и организации в целом, не будут входить (или будут входить в слабой степени) в инновативный комплекс. В результате выяснилось, что обыкновение помогать новым сотрудникам упоминается работающими россиянами наиболее часто. А это значит, что норма, одобряющая помощь сотрудникам, сохраняется (см. таблицу 1).

Таблица 1

Трудовые практики работающих россиян, % от числа занятых

Варианты ответов	Все работающие N=1004
Помогать в работе новым сотрудникам, коллегам	39
Работать сверхурочно, в выходные дни	31
Выполнять нужную для организации работу без вознаграждения	29
Проводить досуг с товарищами по работе	28
Подрабатывать, иметь дополнительный заработок	19
Получать дополнительное образование, повышать квалификацию	17
Искать нужную информацию с помощью интернета	17
Приобретать книги, газеты, журналы по профессии, специальности	13
Осваивать новую профессию, специальность	12
Добиваться повышения зарплаты для себя	11
Вносить рацпредложения, быть инициатором нововведений у себя на работе	10
Участвовать в отраслевых, профессиональных конференциях, выставках	7

¹ Общероссийский репрезентативный опрос населения, проведенный Фондом «Общественное мнение» 4–5 сентября 2009 г. по многоступенчатой стратифицированной территориальной случайной выборке в 100 населенных пунктах РФ; 2000 респондентов. Ошибка выборки – 3,3%.

Продолжение таблицы 1

Варианты ответов	Все работающие N=1004
Добиваться повышения зарплаты для товарищей по работе	7
Работать в профсоюзе	3
Посещать курсы иностранных языков	1
Приобретать акции своего предприятия	0
Другое	0
Все перечисленное	0
Ничего из перечисленного	18
Затрудняюсь ответить	3

Для того чтобы выяснить, кем и какие утверждения из списка чаще всего выбираются вместе, образуя тем самым синдромы практик трудового поведения, мы использовали комплекс процедур многомерного анализа данных, названный нами методом структурно-логической типологизации. Этот метод состоит в последовательном применении трех процедур, реализованных в программном пакете SPSS. Для анализа были отобраны первые 13 практик из таблицы 1¹. Поскольку исходные данные представляют собой набор бинарных признаков (утверждение выбрано – «1», не выбрано – «0»), мы смогли использовать методы факторного и кластерного анализа. На первом этапе применялся факторный анализ. Эта процедура позволяет извлечь наиболее важную информацию о связях между признаками (в данном случае – между высказываниями, характеризующими трудовое поведение респондента) и построить относительно небольшое число факторов – количественных индикаторов трудового поведения. В результате факторного анализа методом главных компонент было выявлено четыре фактора, в совокупности объяснивших 52% дисперсии (первый фактор – 25,5%; второй фактор – 10,5%; третий – 8,5%; четвертый – 7,5%). Признаки по факторам распределились следующим образом (см. таблицу 2).

1 Количество респондентов, выбравших определенную практику, не должно быть меньше 60 человек.

Таблица 2

Факторы трудовых практик работников

	Компонент			
	1	2	3	4
Участвовать в отраслевых, профессиональных конференциях, выставках	0,72			
Искать нужную информацию с помощью интернета	0,68			
Получать дополнительное образование, повышать квалификацию	0,63			
Приобретать книги, газеты, журналы по профессии, специальности	0,57			
Вносить рацпредложения, быть инициатором нововведений у себя на работе	0,54			
Осваивать новую профессию, специальность	0,35			
Помогать в работе новым сотрудникам, коллегам		0,68		
Проводить досуг с товарищами по работе		0,67		
Выполнять нужную для организации работу без вознаграждения		0,60		
Добиваться повышения зарплаты для себя			0,80	
Добиваться повышения зарплаты для товарищей по работе			0,79	
Подрабатывать, иметь дополнительный заработок				0,85
Работать сверхурочно, в выходные дни				0,56

В первом факторе сконцентрировались все практики, характеризующие инновативное поведение. Второй фактор сформировал «синдром коллективизма», собрав признаки, характеризующие солидарные практики в отношениях с коллегами и организацией. Отметим, что этот синдром существует отдельно от инновативных практик, что является первым подтверждением нашей гипотезы о том, что современный работник ориентирован на индивидуалистические ценности в трудовой карьере. Третий фактор выявил синдромы ориентаций на повышение цены своего труда. Отметим примечательное обстоятельство: в этом факторе есть только практики, означающие запрос к работодателю на более высокую оценку уже выполняемого труда, без его обновления, интенсификации, роста трудового вклада. Практики, ориентированные на увеличение количества труда, сконцентрировались в последнем, четвертом факторе.

Таким образом, факторный анализ дал нам возможность выявить латентные структуры (синдромы) трудового поведения; показал присутствие в синдромах внутренне однородных стратегий.

Однако мы не знаем, какие группы работников являются носителями того или иного поведенческого синдрома. Для того чтобы ответить на этот вопрос, на втором этапе применялся кластерный анализ, позволяющий отыскивать кластеры – однородные группы (сгущения) в пространстве исходных бинарных признаков. Отыскивались сочетания ответов (выборов и не выборов из перечня практик), которые наиболее характерны для составляющих кластер респондентов.

Кластерный анализ проводился нами в две стадии: сначала выполнялась иерархическая кластеризация (методом Варда, минимизирующим внутрикластерную дисперсию). Результатом первой стадии кластеризации стало разбиение множества респондентов на оптимальное число кластеров, которое выбиралось по правилу «каменистой осыпи»: при сокращении числа кластеров скачкообразно ухудшалось качество разбиения (прирост суммарной внутрикластерной дисперсии разбиения начинал лавинообразно увеличиваться). В нашем случае получилось 10 кластеров (см. рис. 1).

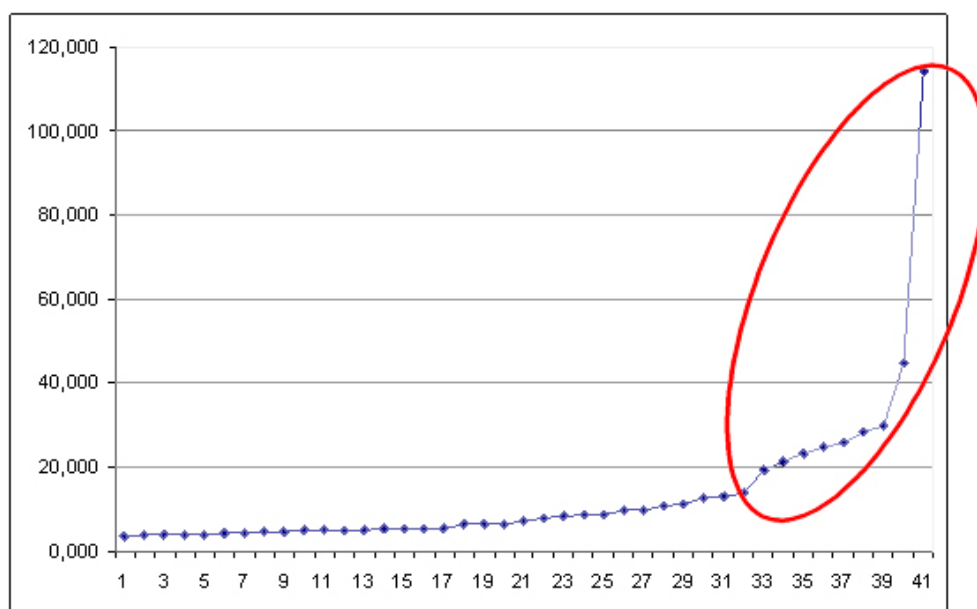

Рис. 1. Выбор числа кластеров трудового поведения. Суммарная дисперсия при разбиении на 10 кластеров

На второй стадии кластерного анализа полученное разбиение задавалось в качестве начальных условий для кластеризации методом *K-Means*. Этот метод использует

более «тонкий» критерий кластеризации и ориентирован на получение такого разбиения респондентов на кластеры, при котором расстояния от точек до центров «своих» кластеров были бы маленькими, а расстояния между центрами кластеров – большими. Критерий оптимальности представляет собой статистику Фишера: отношение межкластерной дисперсии к внутрикластерной. Недостатком этого метода является зависимость от начальных условий, но, начиная свою работу с достаточно осмысленного разбиения, полученного с помощью иерархической кластеризации, метод *K-Means* позволяет это разбиение улучшить с точки зрения интерпретируемости результата.

Результирующее разбиение имеет следующий вид (см. таблицу 3). Подчеркнутым курсивом выделены значения, существенно отклоняющиеся от средних в меньшую сторону, жирным шрифтом – в большую.

Таблица 3

Типы трудовых практик работающих россиян при разбиении на 10 кластеров, %

Кластеры	Признаки										
	Все	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>Доли групп</i>	100	5	7	8	27	7	10	10	10	8	10
Помогать в работе новым сотрудникам, коллегам	39	2	79	96	0	<u>12</u>	80	<u>20</u>	38	100	38
Выполнять нужную для организации работу без вознаграждения	29	<u>7</u>	29	80	0	<u>9</u>	86	<u>20</u>	100	0	0
Посещать курсы иностранных языков	1	0	6	6	0	0	1	0	0	0	1
Приобретать книги, газеты, журналы по профессии, специальности	13	4	59	49	3	10	9	<u>7</u>	10	<u>7</u>	3
Подрабатывать, иметь дополнительный заработок	19	2	21	46	0	100	57	0	0	0	17
Вносить предложения, быть инициатором нововведений у себя на работе	10	0	10	75	3	3	8	<u>5</u>	4	7	4

Продолжение таблицы 3

Признаки	Кластеры										
	Все	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>Доли групп</i>	100	5	7	8	27	7	10	10	10	8	10
Получать дополнительное образование, повышать квалификацию	17	20	63	71	<u>8</u>	<u>10</u>	<u>11</u>	<u>6</u>	<u>7</u>	<u>7</u>	3
Искать нужную информацию с помощью интернета	17	17	66	84	3	<u>6</u>	<u>11</u>	16	<u>6</u>	<u>7</u>	2
Работать сверхурочно, в выходные дни	31	<u>13</u>	<u>24</u>	90	0	<u>18</u>	90	100	0	0	<u>25</u>
Участвовать в отраслевых, профессиональных конференциях, выставках	7	7	12	43	2	1	5	3	1	4	2
Добиваться повышения зарплаты для себя	11	46	4	44	0	3	18	13	8	6	3
Добиваться повышения зарплаты для товарищей по работе	7	20	4	39	1	3	8	3	3	6	2
Приобретать акции своего предприятия	0	0	1	3	0	0	0	0	0	1	0
Работать в профсоюзе	3	2	7	14	2	1	5	3	0	0	3
Осваивать новую профессию, специальность	12	70	12	44	0	9	11	8	5	12	8
Проводить досуг с товарищами по работе	28	4	88	66	0	0	43	0	25	0	100
Другое	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Всё перечисленное	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Ничего из перечисленного	18	0	0	0	69	0	0	0	0	0	0
Затрудняюсь ответить	3	0	0	0	10	0	0	0	0	0	0

Построенные кластеры позволяют выявлять доминирующие характеристики, проводить детальный анализ, выявлять нюансы различий, но делают общую картину перегруженной деталями, и потому затрудняют восприятие основных характеристик носителей тех или иных синдромов. Поэтому было решено объединить некоторые класте-

ры и перейти, таким образом, к анализу типов трудового поведения. При этом, как и ожидалось, дисперсия внутри типов увеличилась, характеристики групп респондентов, составляющих построенные типы, лишились некоторых деталей, но общая картина сходства и различия между группами респондентов стала более выразительной. В результате объединения получилось пять типов, названных по словам, заметно чаще, чем в среднем, встречающимся в ответах представителей каждого типа.

В таблице 4 жирным шрифтом выделены данные, значимо отклоняющиеся от средних в большую сторону; курсивом с подчеркиванием – в меньшую.

Таблица 4

Встречаемость признаков трудовых стратегий, %

Признаки	Все работ-ники	Трудовые стратегии				
		Иннова-тивная страте-гия	Страте-гия по-выше-ния за-работка	Страте-гия увели-чения ко-личества труда	Страте-гия корпоративной солидар-ности	Страте-гия внепро-извод-ственной активнос-ти
<i>Доли групп</i>	<i>100</i>	<i>15</i>	<i>5</i>	<i>26</i>	<i>18</i>	<i>10</i>
Помогать в рабо-те новым сотруд-никам, коллегам	39	88	2	40	66	38
Работать сверх-урочно, в выход-ные дни	31	59	<u>13</u>	75	0	<u>25</u>
Выполнять нуж-ную для органи-зации работу без вознаграждения	29	56	<u>7</u>	41	55	0
Проводить досуг с товарищами по работе	28	76	4	<u>16</u>	<u>14</u>	100
Подрабатывать, иметь дополни-тельный зарабо-ток	19	34	2	47	0	17
Получать до-полнительное образование, повышать квали-фикацию	17	67	20	<u>9</u>	<u>7</u>	3

Продолжение таблицы 4

Признаки	Все работ-ники	Трудовые стратегии				
		Иннова-тивная страте-гия	Страте-гия по-выше-ния за-работка	Страте-гия увели-чения ко-личества труда	Страте-гия корпоративной солидар-ности	Страте-гия внепро-извод-ственной активнос-ти
<i>Доли групп</i>	<i>100</i>	<i>15</i>	<i>5</i>	<i>26</i>	<i>18</i>	<i>10</i>
Искать нужную информацию с помощью ин-тернета	17	76	17	<u>12</u>	<u>7</u>	2
Приобретать книги, газеты, журналы по про-фессии, специ-альности	13	54	4	9	9	3
Осваивать новую профессию, спе-циальность	12	29	70	10	8	8
Добиваться по-вышения зарпла-ты для себя	11	26	46	12	7	3
Вносить рац-предложения, быть инициа-тором нововве-дений у себя на работе	10	45	0	6	6	4
Участвовать в отраслевых, профессиональ-ных конферен-циях, выставках	7	29	7	3	2	2
Добиваться по-вышения зарпла-ты для товари-щей по работе	7	23	20	5	4	2
Участвовать в деятельности профсоюза	3	11	2	3	0	3
Посещать курсы иностранных языков	1	6	0	0	0	1
Приобретать акции своего предприятия	0	2	0	0	1	0

Сопоставление выделенных типов с результатами факторного анализа показало, что выявленные синдромы могут непротиворечиво распределиться в пространстве факторов (см. таблицу 5). При этом каждый синдром соотносится с определенным типом. В первом типе – «Инновативная стратегия» – проявился синдром, описываемый первым фактором. Во втором типе – «Стратегия повышения заработка» – синдром, характеризующийся третьим фактором. Стратегия увеличения количества труда характеризуется синдромом, составившим четвертый фактор. Коллективистский синдром (второй фактор) проявился у представителей двух кластеров: производственной и внепроизводственной активности. Первый мы назвали «Стратегией корпоративной солидарности». Сопоставление данных факторного и кластерного анализа показывает, что предлагаемая процедура кластерного анализа может считаться достаточно устойчивой и внутренне валидной.

Таблица 5

Сопоставление результатов факторного анализа с выделенными типами

Факторные синдромы \ Типы	Инновативная стратегия	Стратегия повышения заработка	Стратегия увеличения количества труда	Стратегия корпоративной солидарности	Стратегия внепроизводственной активности
Инновативный синдром	*				
Коллективистский синдром				*	*
Синдром повышения цены труда		*			
Синдром увеличения количества труда			*		

Построение «индекса инновативности»

Итак, факторный анализ позволил обнаружить практики, которые встречаются одновременно и отличаются от других синдромов поведения в труде. В частности, в первый фактор попали шесть практик, которые мы назвали инновативными:

1) Приобретать книги, газеты, журналы по профессии, специальности.

2) Вносить рацпредложения, быть инициатором нововведений у себя на работе.

3) Получать дополнительное образование, повышать квалификацию.

4) Искать нужную информацию с помощью интернета.

5) Участвовать в отраслевых, профессиональных конференциях, выставках.

6) Осваивать новую профессию, специальность.

Кластерный анализ показал, что есть значимые группы людей, которые являются носителями выделенных синдромов. Но каждая из этих групп (кластеров) имеет одновременно и характеристики, свойственные представителям других кластеров. А это значит, что группы можно сравнивать по какому-то критерию. В данном случае нас интересует, в какой мере представителям выделенных кластеров свойственна такая интегральная характеристика как инновативность. Мы могли бы поставить перед собой другую задачу, скажем, выявить, в какой мере представители выделенных кластеров являются носителями таких, например, характеристик, как корпоративная солидарность или установки на интенсификацию труда. Во всех случаях логика работы осталась бы той же самой.

Факторный анализ показал, что практики, характеризующие инновативное поведение, имеют разные факторные нагрузки. Так, некоторые встречаются друг с другом чаще, некоторые – реже. Поэтому на втором этапе с помощью регрессионного анализа был рассчитан вклад каждого признака (практики) в общий «индекс инновативности». (Так, как, например, считался бы вклад каждой характеристики дома – размера, качества, времени постройки и пр. – в его стоимость.)

Этот расчет был сделан следующим образом.

Снова был выполнен факторный анализ, но уже только на пяти признаках¹, вошедших в первый (инновативный) фактор. В результате был выделен один новый фактор, образованный инновативными практиками. Факторные нагрузки исходных признаков приведены в таблице 6.

¹ Признак «осваивать новую профессию, специальность» нами не рассматривался из-за того, что его корреляция с первым фактором намного меньше, чем у остальных признаков инновативной группы.

Таблица 6

Факторные нагрузки исходных признаков инновативности

Обозначения признаков	Признаки	Фактор 1
p8	Искать нужную информацию с помощью интернета	0,74
p10	Участвовать в отраслевых, профессиональных конференциях, выставках	0,68
p6	Вносить рацпредложения, быть инициатором нововведений у себя на работе	0,66
p7	Получать дополнительное образование, повышать квалификацию	0,65
p4	Приобретать книги, газеты, журналы по профессии, специальности	0,61

Далее вклад каждого признака (практики) в общий «индекс инновативности» рассчитывался с помощью построения регрессионной зависимости нового фактора от образующих его признаков. Мы получили следующее выражение для искомого индекса:

$$\text{Ind}_{\text{nov}} = 26 \cdot p_{10} + 21 \cdot p_6 + 19 \cdot p_8 + 17 \cdot p_4 + 17 \cdot p_7. \quad (1)$$

Благодаря нормировке коэффициентов регрессии (их сумма равна 100), индекс, в принципе, может принимать значения от 0 до 100 баллов.

С целью валидации построенного индекса, выборка работающих респондентов случайным образом была разбита на две практически равные части: первую образовали 507, а вторую – 497 респондентов. В каждой подвыборке независимо мы повторили процедуру построения индекса инновативности и получили следующие выражения для его расчета:

$$\text{Ind}_{\text{повподвыборка 1}} = 29 \cdot p_{10} + 21 \cdot p_6 + 19 \cdot p_8 + 15 \cdot p_4 + 16 \cdot p_7; \quad (2)$$

$$\text{Ind}_{\text{повподвыборка 2}} = 24 \cdot p_{10} + 21 \cdot p_6 + 19 \cdot p_8 + 19 \cdot p_4 + 17 \cdot p_7. \quad (3)$$

Теперь вновь обратимся к выборке всех работающих респондентов и рассчитаем значения индекса инновативности по формулам (1), (2) и (3). Еще раз обратим внимание, что формулы получены на трех разных совокупностях респондентов. Анализ коэффициентов корреляции между индексами, рассчитанными по трем формулам, позволяет сделать вывод об устойчивости значений индекса инновативности, построенного нами на всех работающих респондентах (см. таблицу 7).

Таблица 7

Коэффициенты корреляции между тремя индексами инновативности

	Индекс инновативности (все работающие)	Индекс инновативности (1-я подвыборка)	Индекс инновативности (2-я подвыборка)
Индекс инновативности (все работающие)	1,000	0,999	0,999
Индекс инновативности (1-я подвыборка)	0,999	1,000	0,997
Индекс инновативности (2-я подвыборка)	0,999	0,997	1,000

Далее рассчитывались средние значения индекса инновативности по каждой типологической группе (см. таблицу 8).

Таблица 8

Значения индекса инновативности для типологических групп работников, баллы

	Все работники	Трудовые стратегии				
		Инновативная стратегия	Стратегия повышения заработка	Стратегия увеличения количества труда	Стратегия корпоративной солидарности	Стратегия внепроизводственной активности
Доли групп	100	15	5	26	18	10
Минимальное	0	17	0	0	0	0
Максимальное	100	100	62	83	47	43
Среднее	12	52	9	7	6	3

Поскольку респонденты могли выбрать любое число ответов на исходный вопрос о практиках трудового поведения, в первой типологической группе значение индекса колеблется от 17 до 100 (для тех, кто выбрал все признаки инновативности) и в среднем составляет 52 балла. Наименьшее среднее значение индекса инновативности наблюдается у работников, реализующих стратегию внепроизводственной активности (3).

Второй показатель – типы новаторов. Этот показатель строится путем шкалирования индекса инновативности. Респонденты, для которых значение индекса оказалось равным нулю (не выбран ни один из признаков инноватив-

ности), объединяются в группу «не новаторов». Остальные респонденты (с ненулевыми значениями индекса) распределяются по группам: «слабые», «средние» и «сильные» новаторы. Границы, разделяющие типы новаторов, расставляются так, чтобы распределение ненулевых значений индекса отдаленно напоминало форму кривой плотности нормального распределения (см. рис. 2). Таким образом, в группу «слабые» новаторы попали респонденты, для которых индекс инновативности имеет значения меньше 30 баллов; в группу «средние» новаторы – от 30 до 55 баллов; для «сильных» новаторов индекс меняется в диапазоне от 56 до 100 баллов (см. рис. 3).

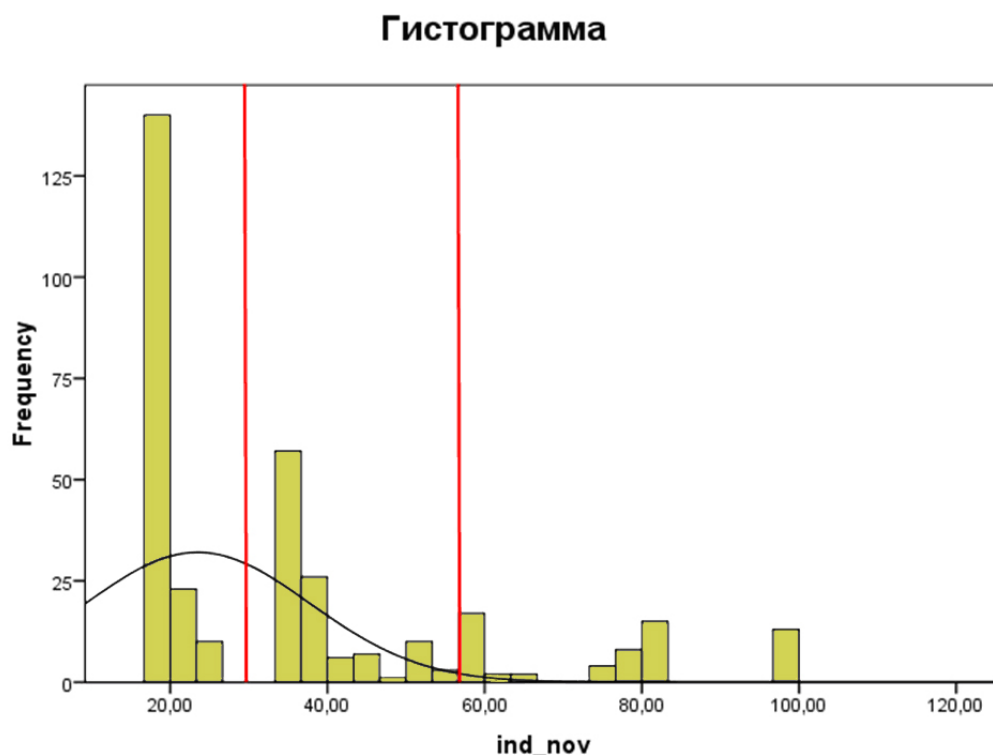

Рис. 2. Расстановка границ при шкалировании индекса инновативности

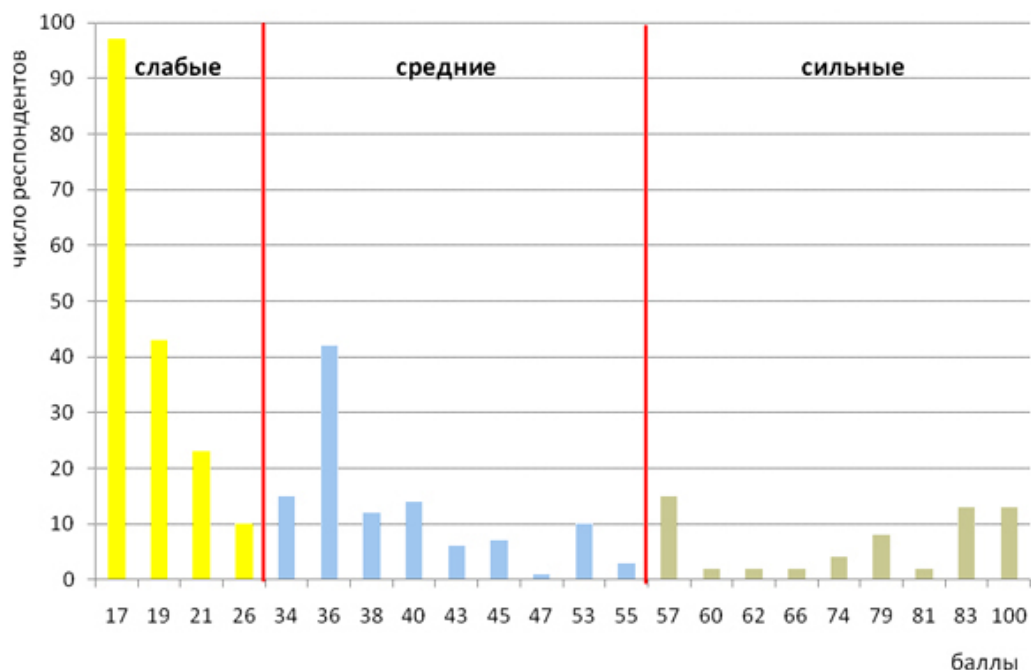

Рис. 3. Изменение индекса инновативности по типам новаторов

В каждой типологической группе были рассчитаны доли «сильных», «средних» и «слабых» новаторов (см. таблицу 9).

Таблица 9

Типы новаторов по группам работников, %

Типы новаторов	Все работники	Трудовые стратегии				
		Инновативная стратегия	Стратегия повышения заработка	Стратегия увеличения количества труда	Стратегия корпоративной солидарности	Стратегия внепроизводственной активности
Не новаторы	66	0	70	69	75	87
Слабые	17	13	15	25	20	<u>12</u>
Средние	11	48	13	<u>6</u>	5	1
Сильные	6	39	2	1	0	0

Мы видим, что в первой группе («Инновативная стратегия») «не новаторы» отсутствуют, «сильных» новаторов больше трети, «средних» – чуть меньше половины, и тех, и других вместе – 87%, а «слабых» – 13%. Группа работников, реализующих стратегию внепроизводственной активности, выглядит как антипод «новаторам». Эта группа на 87% состоит из тех, кого по заданному критерию нельзя отнести к новаторам. Чуть больше, чем на одну десятую,

эта группа состоит из «слабых» новаторов. Лишь 1% тех, кого можно отнести к «средним» новаторам, а «сильных» нет совсем.

Для того чтобы понять, в какой мере и по каким признакам полученный индекс способен различать выделенные группы работников, мы сравнили социально-демографические и некоторые поведенческие характеристики выделенных типологических групп. Ниже мы описываем полученные типы.

Характеристики типологических групп

Первый тип трудового поведения – инновативная стратегия (среднее значение индекса инновативности – 52 балла). Работники, реализующие инновативную стратегию в труде, ведут себя активнее среднего российского работника по различным признакам. Однако если сравнивать этот тип поведения со вторым, обнаружится, что «инноваторы» реже тех, кто ориентирован на повышение заработка, склонны менять свою профессию, переквалифицироваться. Готовность добиваться повышения зарплаты для товарищей по работе практически на том же уровне, что и у представителей второго типа. «Инноваторы» реже представителей третьего типа («увеличение количества труда») готовы подрабатывать, иметь дополнительный заработок; работать сверхурочно и добиваться повышения оплаты для себя. Реже представителей пятого типа («внепроизводственная активность») они готовы проводить досуг с товарищами по работе. Таким образом, «инноваторы» – это работники, ориентированные на интенсивное освоение инноваций в своей профессии. Но собственная профессия является ценностью для них: они не готовы осваивать новую специальность под влиянием конъюнктуры. Ориентации на товарищей по работе у них есть, но сдержанные. Главное все-таки – самореализация. Они не готовы просить прибавки к зарплате, потому что уверены, что их труд будет востребован в другом месте. Как показывает распределение ответов на вопрос *«Какой работник, по Вашему мнению, имеет больше шансов получить работу, которая его устраивает: тот, кто меняет место работы, или тот, кто работает долго на одном месте?»*, «инноваторы» чаще других полагают, что смена места работы – шанс на успех. Относительно низкая, по сравнению с другими группами, значимость заработка сочетается у «инноваторов» с безусловной ценностью воз-

Первый тип трудового поведения – инновативная стратегия – работники, реализующие инновативную стратегию в труде, ведут себя активнее среднего российского работника по различным признакам.

возможности гибко распоряжаться своим рабочим временем. Работать по свободному графику хотели бы 52% в этой группе, а в среднем – 42%.

Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, какие настроения, переживания, эмоции чаще вызывает у Вас Ваша работа в последнее время – положительные или отрицательные?» показывает, что у инноваторов работа связана с положительными эмоциями заметно чаще, чем в среднем (63%, в среднем – 55%).

Работники, ориентированные на инновативную стратегию в труде, это чаще: женщины (55%, в среднем – 47%); молодые люди (в возрасте 18–30 лет – 39%, в среднем – 30%); имеющие высшее образование (54%, в среднем – 25%); имеющие доход выше среднего (38%, в среднем – 25%); живущие в столице (15%, в среднем – 8%) и городах-миллионниках (20%, в среднем – 12%); работающие в непромышленном секторе (69%, в среднем – 60%).

Второй тип трудового поведения – стратегия повышения заработка (среднее значение индекса инновативности – 9 баллов). Представители этой группы чаще других демонстрируют готовность добиваться повышения зарплаты для себя (46%, в среднем – 11%) и для товарищей по работе (20%, в среднем – 7%); переквалифицироваться, менять профессию, специальность (70%, в среднем – 12%). Настроение на работе у них несколько выше средних значений (59%, в среднем – 55%).

Склонность к мобильности у них чуть выше уровня средних значений: полагают, что успеха на работе добьется, скорее, тот, кто долго работает на одном месте, в этой группе 65% (в среднем – 62%). Распоряжаться своим рабочим временем они не готовы несколько чаще, чем в среднем: предпочитают иметь фиксированный рабочий день 54%, в среднем – 50%.

Работники, ориентированные на стратегию повышения заработка, это чаще: мужчины (59%, в среднем – 53%); молодые (в возрасте 18–30 лет) люди (41%, в среднем – 30%); имеющие среднее общее образование (35%, в среднем – 29%); имеющие доход выше среднего (33%, в среднем – 25%); живущие в средних и малых (от 50 тыс. до 250 тыс. жителей) городах (28%, в среднем – 19%); работающие в непромышленном секторе (72%, в среднем – 60%).

Второй тип трудового поведения – стратегия повышения заработка: представители этой группы чаще других демонстрируют готовность добиваться повышения зарплаты для себя и для товарищей по работе; переквалифицироваться, менять профессию, специальность; настроение на работе у них несколько выше средних значений.

Третий тип трудового поведения – стратегия увеличения количества труда. Здесь доминируют следующие практики: подрабатывать, иметь дополнительный заработок (47%, в среднем – 19%) и работать сверхурочно, в выходные дни.

Третий тип трудового поведения – стратегия увеличения количества труда (среднее значение индекса инновативности – 7 баллов). Здесь доминируют следующие практики: подрабатывать, иметь дополнительный заработок (47%, в среднем – 19%) и работать сверхурочно, в выходные дни (75%, в среднем – 31%).

Склонность к мобильности у них на уровне средних значений: полагают, что успеха на работе добьется, скорее, тот, кто долго работает на одном месте, в этой группе 63% (в среднем – 62%). Половина из них предпочитают иметь фиксированный рабочий день (51%, в среднем – 50%). Столько же, сколько в среднем, здесь тех, кто предпочел бы работать по свободному графику (42%). Настроение на работе у них заметно хуже, чем в среднем (47%, в среднем – 55%). Это, пожалуй, самое заметное, что отличает «вкальывающих» от других типов работников.

Во всех других отношениях это – средний российский рабочий: здесь такое же, как и в среднем, соотношение мужчин и женщин; работников разных возрастных групп и групп по образованию. Доходы у них тоже на уровне средних. Незаметно здесь отличие от средних и в плане распределения по типам населенных пунктов, где живут «вкальывающие», а также по их распределению между производственным и непроизводственным сектором.

Четвертый тип трудового поведения – стратегия корпоративной солидарности (среднее значение индекса новаторства – 6 баллов). Данный тип трудового поведения выделен по доминирующим выборам следующих практик: помогать в работе новым сотрудникам, коллегам (66%, в среднем – 39%); выполнять нужную для организации работу без вознаграждения (55%, в среднем – 29%).

Представители этой группы чаще других не склонны менять место работы: полагают, что успеха на работе добьется, скорее, тот, кто долго работает на одном месте, в этой группе 67% (в среднем – 62%). В установках на гибкость рабочего времени «солидаристы» не отличаются от среднего российского рабочего. Предпочитают иметь фиксированный рабочий день 51% из них (в среднем – 50%). А тех, кто предпочел бы работать по свободному графику здесь меньше, чем в среднем (39%, в среднем – 42%). Настроение на работе у них заметно лучше, чем в среднем (61%, в среднем – 55%).

Четвертый тип трудового поведения – стратегия корпоративной солидарности. Данный тип трудового поведения выделен по доминирующим выборам следующих практик: помогать в работе новым сотрудникам, коллегам (66%, в среднем – 39%); выполнять нужную для организации работу без вознаграждения (55%, в среднем – 29%).

Пятый тип трудового поведения – стратегия внепроизводственной активности – выделен по доминирующему выбору только одной практики: проводить досуг с товарищами по работе.

Работники, ориентированные на корпоративную солидарность, по всем основным социально-демографическим характеристикам (так же, как и представители третьего типа) мало отличаются от среднего российского рабочего. Можно сказать, что установка на корпоративную солидарность как типобразующий признак – их главное отличие. Здесь такое же, как и в среднем, соотношение работников разных возрастных групп и групп по образованию. Не имеет особенностей и распределение по типам населенных пунктов, где живут «солидаристы».

Но некоторые отличия все-таки есть. Здесь несколько больше, чем в среднем, мужчин (57%, в среднем – 53%). Доходы в этой группе несколько ниже, чем у россиян в целом. Имеют доходы выше среднего и высокие 27% «солидаристов» против 29% в целом.

Здесь несколько больше работников производственного сектора.

Пятый тип трудового поведения – стратегия внепроизводственной активности (среднее значение индекса инновативности – 3 балла). Данный тип трудового поведения выделен по доминирующему выбору только одной практики: проводить досуг с товарищами по работе (100%, в среднем – 28%).

Настроение на работе у них несколько выше средних значений (60%, в среднем – 55%). Склонность к мобильности у них чуть выше уровня средних значений: полагают, что успеха на работе добьется, скорее, тот, кто долго работает на одном месте, в этой группе 64% (в среднем – 62%). Они несколько чаще, чем в среднем, предпочитают иметь фиксированный рабочий день (56%, в среднем – 50%).

Работники, ориентированные на досуговые практики, – это чаще мужчины (57%, в среднем – 53%). По возрасту значимых отклонений от средних нет, но их образование заметно ниже, чем в среднем: тех, кто имеет высшее образование здесь 12%, в среднем – 25%; среднее общее – 36%, в среднем – 29%; среднее специальное – 50%, в среднем – 42%.

Любые коллективистские практики (как производственной, так и внепроизводственной активности) противоречат инновативному поведению.

Поиск способов увеличения цены своего труда чаще ведет к инновативному поведению, чем установка на увеличение количества труда.

Выводы

Описанные характеристики представителей разных типов трудового поведения не противоречат показателю, выраженному в построенном нами индексе инновативности. Любопытными, на наш взгляд, здесь оказываются два обстоятельства.

Во-первых, тот факт, что любые коллективистские практики (как производственной, так и внепроизводственной активности) противоречат инновативному поведению. Четвертая и пятая типологические группы имеют самые низкие значения индекса инновативности. Это не значит, что «инноваторы» – по природе индивидуалисты. Это значит, что существующие институциональные условия препятствуют коллективному инновативному творчеству. Об этой проблеме специалисты уже начинают говорить как о серьезном препятствии для инновативного развития общества в целом.

Во-вторых, стратегия повышения заработка имеет несколько более высокое среднее значение индекса инновативности, чем стратегия увеличения количества труда, наиболее распространенная среди российских работников. А это значит, что поиск способов увеличения цены своего труда чаще ведет к инновативному поведению, чем установка на увеличение количества труда.

Также, как и для типологических групп, среднее значение индекса инновативности можно рассчитать и для социально-демографических групп. Это позволит оценить потенциал инновативности, например, девушек по сравнению с юношами; жителей столиц по сравнению с жителями других типов населенных пунктов, и т. д.

Библиографический список

1. Толстова Ю. Н. Анализ социологических данных. М.: Научный мир, 2000.
2. Толстова Ю. Н. Одномерное шкалирование: тестовая традиция в социологии // Социология: 4М. 1997. № 8. С. 54–65.

Э к о с о ц и о л о г и я

Устойчивое развитие российского Севера: пределы экологической модернизации

Аксёнова Ольга Владимировна —
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник Сектора изучения
социокультурного развития регионов России
Института социологии РАН

e-mail: illaio@yandex.ru

Устойчивое развитие российского Севера: пределы экологической модернизации

Аннотация

В статье рассматриваются возможности сосуществования традиционного природопользования и бизнеса, а также устойчивого развития российского Севера. Показано, что современная индустриальная цивилизация рядом с собой не позволяет существовать альтернативным явлениям, она либо разрушает, либо поглощает их.

Abstract

The possibilities of the coexistence of the traditional economy and business, and also the possibilities of the sustainable development of Russian North are analyzed. The research shows that the modern industrial civilization destroys or absorbs any alternative routes of development.

Ключевые слова: экосистема, традиционное природопользование, рыночное природопользование, экологическая модернизация, экологизация экономики, экологические неправительственные организации

Keywords: eco-system, traditional economy, market economy, ecological modernization, ecologization of economy, environmental non-governmental organizations

Пространства российского Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также шельф северных морей в последние десятилетия стали территорией конкурирующих между собой видов природопользования – традиционного и рыночного (а точнее – капиталистического). Данные виды природопользования альтернативны друг другу вне зависимости от размеров действующего на российском Севере капитала, так как обладают принципиально разными механизмами экономического воспроизводства. Традиционное использование возобновляемых ресурсов сообществами коренных малочисленных народов Севера полностью зависит от сохранности природных экосистем, поэтому оно по опре-

делению консервативно. Даже существенные изменения в орудиях труда (например, замена лука огнестрельным оружием у охотников) не приводят к потере сберегающего характера традиционного природопользования, которое допускает только неистощительные технологии, построено на сознательном ограничении потребления и не предполагает какой-либо прибыли.

Рыночное природопользование ориентировано на рост доходов и рост потребления, а потому неизбежно сопровождается вовлечением новых ресурсов в производственный процесс, вне зависимости от того экстенсивным или интенсивным является их освоение. Однако процессы экологической модернизации, начавшиеся в западных странах в конце 80-х гг. прошлого столетия, по мнению многих исследователей-инвайронменталистов, свидетельствовали о фундаментальных изменениях капиталистического производства, а именно об экологизации экономики, то есть о получении прибыли (самовозрастании капитала) за счет сохранения окружающей среды и природных ресурсов [1]. Кроме того, в последние годы в западных странах были институционализированы существенные ограничения деятельности ресурсодобывающих корпораций. Последние обязаны также согласовывать свои действия с проживающими на территориях разрабатываемых месторождений аборигенными сообществами.

В этой связи становится актуальным вопрос о возможности взаимодействия или, по крайней мере, сосуществования традиционного природопользования и бизнеса, а также о возможности устойчивого развития российского Севера в целом.

Экологическая модернизация и устойчивое развитие: сущность и видимость

Анализ экологической модернизации и устойчивого развития на Западе и в России, показал, что экополитическая стратегия крупного капитала направлена практически исключительно на охрану непосредственной среды обитания индустриальных зон. Сохранение природных экосистем не входит в число ее приоритетов. Данная позиция не зависит от институциональной системы, в рамках которой капитал вынужден действовать. Более того, пример российской экологической политики наглядно показывает, что именно крупные компании настаивают на создании разных норм

Традиционное использование возобновляемых ресурсов сообществами коренных малочисленных народов Севера полностью зависит от сохранности природных экосистем, поэтому оно по определению консервативно.

Рыночное природопользование ориентировано на рост доходов и рост потребления, а потому неизбежно сопровождается вовлечением новых ресурсов в производственный процесс, вне зависимости от того экстенсивным или интенсивным является их освоение.

Экологизация экономики – получение прибыли за счет сохранения окружающей среды и природных ресурсов.

и правил для управления экологическим риском в урбанизированной европейской России и за Уралом [2]. Такой подход, с нашей точки зрения, обусловлен сущностью самого явления экономизации экологии в частности и процесса экологической модернизации в целом, а не особенностями российского бизнеса.

Экологический менеджмент действительно наиболее эффективен в тех случаях, когда он совпадает с экономическим управлением и позволяет компании улучшить качество продукта, выйти на новый рынок, сократить издержки за счет модернизации производства, победить конкурентов и пр. Интересами бизнеса обусловлены только те его экологические приоритеты, которые полностью совпадают с приоритетами экономическими. Однако процесс экономизации экологии очень жестко ограничен уровнем спроса на экологически чистую продукцию.

Отметим, что проэкологическая ориентация потребителей возникла не сама по себе, а была результатом действий экологического движения на Западе в 60–80-е гг. и в России в 80–90-е. В конце 80-х гг. социологи зафиксировали сдвиг в системе ценностей западного общества, который был интерпретирован ими как переход к новой экологической парадигме жизнедеятельности общества и постепенный отказ от ценностей доминирующей антропоцентрической парадигмы [3]. Однако ценностная трансформация не завершилась, но сформировался новый потребитель, желающий жить в комфортной, экологически чистой и безопасной среде. Для превращения части экологических ограничений в стимулы промышленного производства вполне достаточно одного лишь изменения характера потребления. Институционализация этих изменений привела к включению экологических параметров в стандарты качества продукции (включая качество автомобильного топлива) и стала причиной оптимистических оценок развития индустриального общества. Так, в нашем примере, появление группы потребителей с относительно высокими доходами, которые приобретают качественный бензин, привело к некоторому снижению загрязнения городской среды, и очевидно, что рост благосостояния одновременно повлечет за собой рост экологического качества жизни в мегаполисе.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что данный механизм экономизации экологии работает в основном для среды непосредственного обитания человека и меня-

Интересами бизнеса обусловлены только те его экологические приоритеты, которые полностью совпадают с приоритетами экономическими. Однако процесс экономизации экологии очень жестко ограничен уровнем спроса на экологически чистую продукцию.

ет лишь ее отдельные параметры. Группы потребителей, достаточно большие, чтобы серьезным образом повлиять на рынок, возникают в связи с необходимостью обустройства собственной жизни (потребностью в чистом воздухе, чистой воде, чистых продуктах питания и т. п.). Однако далеко не все элементы загрязнения среды связаны с товарооборотом или со снижением издержек, их устранение не может быть решено путем «экономизации экологии». В таких случаях, процесс минимизации экологического риска регулируется иначе.

Крупный бизнес в городской среде является частью сложнейшей индустриальной системы, на него оказывают давление экологические неправительственные организации (далее экоНПО), местные жители и власти, он встроен в сеть взаимосвязанных коммуникаций, процессов, обеспечивающих жизнеобеспечение города. Это многократно повышает производимый им риск и, одновременно, превращает предприятие в жестко контролируемый функциональный элемент системы городского управления, в том числе экологического. Конфликт между экономическими интересами и требованиями безопасности может быть решен в пользу последних. Кроме того, авария в городских системах, может привести к остановке производства и экономическим потерям для компании. Государство в условиях урбанизированной среды играет роль главного менеджера, который использует методы прямого, директивного управления и методы экономического стимулирования внедрения саморегулируемых управленческих систем на предприятиях. Саморегулирование в данном случае не более чем способ повышения эффективности управления в условиях сложной системы разнообразных взаимодействий, то есть результат воздействия внешних для экономического субъекта факторов. Системы экологического менеджмента представляют собой один из вариантов саморегулирования, который эффективно работает именно на урбанизированных территориях. В удаленных районах системы экологического менеджмента (EMS) могут превратиться в очередную форму демонстрационной активности компаний [2].

Процесс экономизации экологии в сфере охраны дикой природы имеет более жесткие ограничения. Количество акторов, заинтересованных в сохранении достаточно удаленных от них экосистем дикой природы, незначительно, еще меньше число потребителей, предъявляющих спрос на природные ресурсы, полученные без нарушения экологиче-

Ценностная трансформация (отказ от ценностей доминирующей антропоцентрической парадигмы) постиндустриального общества не завершилась, но сформировался новый потребитель, желающий жить в комфортной, экологически чистой и безопасной среде.

ского баланса (например, на вырубленный по определенной технологии лес). В 1990-е гг. возникли так называемые зеленые альянсы: между лесодобывающими компаниями и международными эконоНПО, такими как «Гринпис» и Фонд дикой природы, заключается договор о вырубке сертифицированного леса. Сертификат в данном случае является подтверждением того, что лес добыт «устойчивым» способом, то есть без серьезных нарушений местной экосистемы. Продажа такого леса в Великобритании и Нидерландах достигает 3% от общего объема продаж [4]. Исследователи подчеркивают, что альянсы позволяют соединить два важнейших ресурса – капитал компаний и доверие населения к НПО. Однако очень скоро выявились ограничения экономической эффективности зеленых альянсов: «Большинство потребителей не знакомы с сертифицированной древесиной; ее поставки остаются ограниченными; цена на такую древесину в целом вдвое выше, чем на не сертифицированный лес; рынок, быстро достигнув уровня 3%, остается стабильным в течение нескольких лет, наконец сертифицированная древесина так и не стала главным бизнесом лесодобывающих компаний. Таким образом, развитие устойчивой лесодобычи достигло мертвой точки, а экологическое саморегулирование – предел своего развития. Разумеется, бизнес и НПО могут продолжать пропаганду сертифицированного леса, проводить рекламные акции, осуществлять политику скидок, улучшать распространения продукта и т. д. В результате продажа сертифицированной древесины достигнет, например, 10%, но для перспектив устойчивого развития это слишком низкий процент» [4]. Добыча нефти и газа в наименьшей степени может регулироваться «зеленым» потреблением, поскольку это энергетический ресурс, обеспечивающий, в том числе, комфорт жизни на урбанизированных территориях. Единственный актер, для которого сохранность дикой природы является одновременно экономическим условием существования, – это коренные малочисленные народы Севера.

Таким образом, экомодернизационные преобразования и попытки осуществления устойчивого развития добывающих корпораций в экосистемах дикой природы не затрагивают сущностных, фундаментальных свойств воспроизводства капитала. Экологизация современной рыночной экономики не меняет ее внутренней логики. Происходит лишь определенная экологизация урбанизиро-

ванной среды и незначительное ограничение потребления ряда природных ресурсов за счет возникновения достаточно узкого сегмента «зеленого» рынка.

Взаимодействие промышленных компаний, государственных структур и аборигенных сообществ в России

В российских регионах (в 29 субъектах) живет 45 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее КМНС). Их численность, по данным последней переписи населения, составляет 212 209 человек (всего 2% населения территорий, на которых они проживают). Семь регионов проживания коренных малочисленных народов Севера активно вовлечены в освоение нефтегазовых ресурсов: это Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий, Таймырский, Эвенкийский автономные округа, Сахалинская и Томская области.

Развитие недропользования в регионах традиционного природопользования затрагивает интересы следующих акторов:

- самих коренных малочисленных народов Севера, представленных их хозяйственными организациями – общинами, национальными предприятиями, кооперативами, родовыми хозяйствами, крестьянско-фермерскими хозяйствами, а также общественными организациями (федеральными, региональными и местными Ассоциациями коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока – далее АКМНС);
- российских (частных и государственных) и иностранных сырьевых компаний;
- государственных структур на всех уровнях законодательной и исполнительной власти.

Большинство коренных сообществ живет за чертой бедности. Наблюдается значительная экономическая асимметрия развития традиционного хозяйства по сравнению с другими секторами экономики, приводящая к социальной поляризации, возникновению ряда экономических и социальных проблем – в первую очередь, безработицы, практически полного отсутствия средств к существованию у местного населения, браконьерству, высокой смертности и пр. Около половины трудоспособного населения из чис-

ла коренных народов не имеет постоянного места работы. Денежные доходы КМНС в 2–3 раза ниже среднероссийского показателя и на 25–30% меньше, чем в среднем по регионам их проживания [5].

Российские северные регионы весьма неоднородны по степени и остроте конфликтов между бизнесом, государством и коренными народами и формам их разрешения. Наблюдается существенный разрыв в развитии традиционного хозяйства в разных регионах: Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО характеризуются высокой степенью сохранности и развития традиционного хозяйства; Ненецкий и Таймырский автономные округа – средней; Сахалинская и Томская области – низкой.

Эта экономическая и социальная асимметрия во многом обусловлена деятельностью минерально-сырьевого блока экономики и его основного сектора – нефтегазового. По доле добытой нефти среди нефтегазовых регионов, являющихся местами проживания КМНС, лидирующее место занимают Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий автономные округа и Сахалинская область. По доле добытого газа среди нефтегазовых регионов лидирует Ямало-Ненецкий автономный округ.

В России отечественные и западные промышленные компании обычно пытаются начать разработку какого-либо ресурса, не считаясь с интересами и правами местных жителей. Их действия, как правило, поддерживаются региональной и районной властью, для которой освоение месторождений или законная рубка леса означают существенное пополнение бюджета. Российские аборигенные сообщества и представляющие их интересы неправительственные организации накопили значительный опыт протестной деятельности в ее самых разных формах: от прямых выступлений, пикетов, блокирования дорог и пр. до обращений в суд, мобилизации глобальных неправительственных организаций, представляющих интересы коренных народов, и т. д. Результатом этой активности стало заключение соглашений с добывающими корпорациями, а также институционализация взаимодействий коренного населения с компаниями и с властью.

Так, в ЯНАО и ХМАО достаточно активны процессы регионального законоотворчества в части взаимоотношений недропользователей и коренных малочисленных народов. Это не означает, что в данных в регионах все гладко и может служить образцом для подражания, но, по крайней мере,

В России отечественные и западные промышленные компании обычно пытаются начать разработку какого-либо ресурса, не считаясь с интересами и правами местных жителей. Их действия, как правило, поддерживаются региональной и районной властью, для которой освоение месторождений или законная рубка леса означают существенное пополнение бюджета. Российские аборигенные сообщества и представляющие их интересы неправительственные организации накопили значительный опыт протестной деятельности в ее самых разных формах: от прямых выступлений, пикетов, блокирования дорог и пр. до обращений в суд, мобилизации глобальных неправительственных организаций, представляющих интересы коренных народов, и т. д. Результатом этой активности стало заключение соглашений с добывающими корпорациями, а также институционализация взаимодействий коренного населения с компаниями и с властью.

основные социальные и экономические проблемы коренного населения там решаются более успешно, чем в других регионах. Состояние традиционного хозяйства является одним из факторов демографического роста местных сообществ, что ярко продемонстрировали данные последней переписи (в частности, по ненцам), степень сохранности оленеводства в ЯМАО достаточно высока, высоки и демографические показатели.

После прямых протестов жителей Сахалина удалось заключить соглашение с компаний «Сахалин Энерджи» и региональной администрацией об участии компании в развитии местных сообществ, был разработан «План содействия коренным малочисленным народам севера Сахалинской области». Подобные соглашения, ориентированные не на компенсационные выплаты, но на участие компаний в разработке и осуществлении социально-экономической стратегии развития КМНС, были заключены во многих регионах.

Тем не менее, острые противоречия между нефтегазовым сектором и коренными народами сохраняются. Институционализация взаимоотношений между тремя основными акторами (местными сообществами, компаниями и властью) в последние годы сменяется их деинституционализацией. На федеральном уровне принимаются решения, лишаящие аборигенов преимущественного права на пользование землями предков, квот на рыбу и т. п. Стремление отодвинуть коренные сообщества от процесса принятия решений, освободить земли, под которыми залегают полезные ископаемые, сохраняется и усиливается. Достаточно ярко оно выражено в интервью с представителями нефтяных компаний, действующих на территориях исконного проживания селькупов в Томской области: «Конфликтов с коренными нет и быть не может. Кто их видел, коренных? В городе никто. Спроси у молодого, кто такой селькуп, и он не скажет. В тайге мы с ними тоже не пересекаемся». Респондент из другой компании на вопрос о согласовании интересов с местными сообществами ответил следующим образом: «Ведем добычу в Каргасокском и Парабельском районах. Никакой местной политики у нас нет, никто нам ничего не предлагал, мы ни с кем не пересекаемся. Офис компании у нас в Томске, а вахтовики работают в делянках. Все земли там государственные,

Институционализация взаимоотношений между тремя основными акторами (местными сообществами, компаниями и властью) в последние годы сменяется их деинституционализацией.

родовых угодий нет. Экологических претензий к нам тоже нет. Про согласование интересов ничего не могу сказать, поскольку опыта у компании нет».

Все вышеперечисленное вписывается в традиционную схему конфликта интересов; попытка могущественных корпораций избавиться различными способами от местных сообществ, как от препятствия на пути реализации их экономических интересов, легко объяснима и неоднократно объяснена. Сложнее интерпретировать процесс так называемого конструктивного взаимодействия с компаниями и успехи в отстаивании прав местного населения в России и на Западе (в Канаде, Дании, Норвегии). Именно успешное согласование интересов должно быть признаком устойчивого развития сообществ, устойчивого функционирования крупного бизнеса и сохранности экосистем дикой природы.

АКМНС своей целью провозглашает сохранение традиционного хозяйства и традиционной культуры. Однако анализ программ развития аборигенных сообществ на Западе и в России показывает, что все они так или иначе сфокусированы на формировании и поддержке развития бизнеса в традиционных отраслях хозяйства, что фактически означает замену традиционного природопользования его противоположностью, то есть природопользованием рыночным, причем в его капиталистической версии.

Иные формы товарообмена для аборигенных племен вполне традиционны. Торговля, веками существовавшая на перекрестках сухопутных и речных путей, не меняла сути традиционного природопользования, но обеспечивала местные сообщества необходимыми для их жизнедеятельности товарами. В этой связи попытки российского государства ограничить квоты на рыбную ловлю и охоту нормами личного потребления фактически не оставляют местным жителям шанса на выживание, так как их хозяйственная деятельность не включала в себя подобных ограничений.

Предпринимательство коренного населения в сфере использования возобновляемых ресурсов, скорее всего, не столь опасно для дикой природы, как добыча полезных ископаемых, тем не менее, оно неизбежно выйдет за рамки традиционных ограничений. В противном случае этот бизнес будет неконкурентоспособен.

Выживание сообществ осуществляется также путем их превращения в своего рода туристическую резервацию, переориентации традиционных промыслов на производство сувениров, а также непосредственное вовлечение местных

жителей в нефтяное и газовое производство или в бизнес, не имеющий отношения к традиционному хозяйству (например, игорный бизнес в резервациях США и Канады).

Таким образом, интеграция традиционных сообществ в современную цивилизацию осуществляется посредством замены традиционных экономических механизмов рыночными, при этом создается иллюзия их сохранения.

Вместо заключения

Экополитическая стратегия крупного капитала направлена практически исключительно на охрану непосредственной среды обитания индустриальных зон. Сохранение природных экосистем не входит в число ее приоритетов. Данная позиция не зависит от институциональной системы, в рамках которой капитал вынужден действовать, и обусловлена сущностью самого явления экономизации экологии в частности, и процесса экологической модернизации в целом, а не особенностями российского бизнеса.

Экологическая модернизация, с нашей точки зрения, представляет собой процесс формирования сложной системы жизнеобеспечения, включающей в себя в том числе, элементы природных экосистем (зеленые зоны городов, биологические способы снижения загрязнений и пр.). Существование и функционирование такой системы практически полностью обеспечивается деятельностью человека. Она вряд ли может быть безопасной и устойчивой, несмотря на встраивание в нее механизмов минимизации экологического риска, поскольку возрастание сложности само по себе приводит к непрогнозируемому и неконтролируемому его росту. Устойчивость индустриальной цивилизации может быть обеспечена только ее балансом с сохранившимися экосистемами дикой природы, охрана которых не обеспечивается действующими тенденциями экополитического развития.

Про-экологическая переориентация потребления (формирование своего рода эко-консюмеризма) имеет достаточно жесткие ограничения, к тому же она может разве что слегка смягчить последствия разрушительного воздействия индустриальных компаний на экосистемы дикой природы. Устойчивое развитие современной цивилизации в значительной мере является видимостью, симулякр, камуфлирующим ее неизменную ориентацию на рост потребления и производства.

Интеграция традиционных сообществ в современную цивилизацию осуществляется посредством замены традиционных экономических механизмов рыночными, при этом создается иллюзия их сохранения.

Устойчивое развитие современной цивилизации в значительной мере является видимостью, симулякр, камуфлирующим ее неизменную ориентацию на рост потребления и производства.

Единственным видом природопользования, обеспечивающим сохранение природы, является традиционная хозяйственная деятельность сообществ коренных малочисленных народов. Только они практикуют реальное ограничение потребления, не имеющее ничего общего с экологизацией потребления современного общества. Для капитала традиционное природопользование не может быть чем-либо иным, нежели конкурирующим способом использования природных ресурсов. Действие рыночных механизмов в традиционной экономике лимитируются консервативностью средств производства и невозможностью интенсификации производственного процесса. Поэтому даже программы поддержки коренных сообществ направлены практически повсеместно на ограничение традиционного природопользования, его замену другими видами деятельности.

В результате, единственной возможностью не только выживания, но и дальнейшего развития аборигенного населения является фактический отказ от традиционного природопользования, переход к рыночным формам хозяйственной деятельности. Таким образом, современная индустриальная цивилизация не позволяет существовать рядом с собой своей альтернативе, она либо разрушает, либо поглощает ее.

Библиографический список

1. Mol, A. P. J. The Refinement of Production. Ecological modernization theory and the chemical industry. Utrecht:Van Arkel, 1995.
2. Институционализация экологической политики в России: социальные практики, стратегия государства, управленческие решения /Отв. ред. И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2006.
3. Catton, W. R.; Danlop R. E. Environmental sociology and new paradigms // The American Sociologist. 1978. № 13, pp. 41–49.
4. Arts, B. “Green alliances” of business and NGOs. New styles of self-regulation or “dead-end roads”? // Corporate Social Responsibility and Environmental Management. 2002. № 9, pp. 26–36.
5. Федеральная программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2011 года».

Э к о с о ц и о л о г и я

Модернизация и реабилитация после пожаров и наводнений

Яницкий Олег Николаевич —
доктор философских наук,
зав. сектором социально-экологических
исследований Института социологии РАН

e-mail: yanitsky@isras.ru

Модернизация и реабилитация после пожаров и наводнений¹

Аннотация

Статья посвящена анализу границ и форм модернизации в условиях после аномальной жары, засухи и наводнений. Ключевой вопрос: как совместить модернизацию с реабилитацией нарушенных или уничтоженных социобиотехносистем, включая отдельного человека и его микрокосм? Без системной модернизации невозможны не только технологические инновации и реабилитация экосистем и погорельцев, но и сохранение России как целого, как общества, объединённого общими ценностями.

Abstract

The article addresses the problem of modernization against the backdrop of climactic stress – anomalous heat, draught and floods. The key question posed by the author: how to modernize the country and at the same time rehabilitate the damaged or destroyed sociobiological technosystems, how to amend for damage inflicted on an individual and his or her microcosm? Systemic character of modernization is *conditio sine qua non* for technological innovation, rehabilitation of the eco-systems and assistance to fire victims. It is a prerequisite for the preservation of Russia as a united country and society based on common values.

Ключевые слова: модернизация, реабилитация, биосфера, социобиотехносистема, первичная экоструктура, пожар, кризис, утилитаризм

Keywords: modernization, rehabilitation, biosphere, sociobiotechnosystem, primary eco-structure, fires, crisis, utilitarianism

¹ Статья написана в рамках проекта «Природоохранные сети России: структура, функции, человеческий капитал», поддержанного РФФИ, грант № 09-06-00061а.

Основной тезис: реабилитация + модернизация

Под реабилитацией подразумевается комплексный процесс восстановления и/или воссоздания поврежденных и уничтоженных пожарами социобиотехносистем, включая отдельного человека и его микрокосм (в моей терминологии – первичной экоструктуры [1, с. 257–268]) до качественного уровня, близкого к предшествующему катастрофе. При таких масштабах катастрофы и приближении зимы модернизация в ходе реабилитационных работ возможна в очень узких рамках. Ведь будут строить дома и дороги, прокладывать коммуникации преимущественно не из новых энергосберегающих материалов (их массовое производство еще не существует), а из имеющихся в наличии. Будут наскоро расселять, чтобы отрапортовать, что люди не остались на улице. Тем более что в некоторых районах зима уже на носу. Но рамки и ресурсы модернизации сильно бы увеличились, если бы реабилитация была подкреплена планами социальных и политических перемен и, прежде всего, участием населения в этом восстановительном процессе. Где же, как не на своей, годами обжитой земле, местные жители могли бы проявить смекалку и использовать свой опыт жизни, оказать реальную помощь силам, брошенным на восстановление. Итак, нужна реабилитация с участием местного населения.

Кризис власти – институциональный кризис

«Страна оказалась не готовой ни к росту катастрофичности пожаров, неизбежному в условиях меняющегося климата, ни к увеличению частоты и продолжительности засушливых пожароопасных периодов. Более того, реформы лесного хозяйства последних лет привели к тому, что «неготовность» стала максимальной», – заявил Иван Блоков, директор по программам «Гринпис России».

В результате природные пожары приняли масштаб национального бедствия. Они ведут к гибели людей, разрушению населенных пунктов, к гигантским потерям лесных массивов и других природных территорий, формирующих приемлемую для жизни людей среду обитания. Особенно ощутимы эти потери для районов с высокой плотностью населения. К сожалению, официальные данные по масштабам природных пожаров занижены в 3–10 раз, а колоссальный ущерб, который наносится стихией природным territori-

ям и экономике страны, практически не учитывается [2]. Экоактивисты правы в оценке последствий, но главной причиной случившегося был кризис власти, последовательно разрушившей в течение десятилетия все институты охраны природы и тушения лесных пожаров. В результате государственные организации занимались не предупреждением пожаров, а их локализацией и тушением. Нынешний союз бизнеса и власти, и шире – либеральная политика власть предержащих – при всей их «вертикальности», оказались непригодными не только к воспроизводству лесного богатства нации, но к элементарной профилактике, то есть главному делу, на которое они поставлены. Это уже не либерализм, а крайний утилитаризм, потребительство-безответственности.

Всегда казалось, что местная администрация все же ближе к людям и потому более отзывчива, человечна. Но это жестокая ошибка. Пожары лета 2010-го проявили то, о чем писали уже многие: власть сверху донизу окончательно отделилась от населения, оуклилась. Источники свидетельствуют, что местная власть все чаще избирается не из местных, а из числа пришлых людей, представляющих интересы крупных компаний, для которых данный район (округ) – лишь территория для реализации своих бизнес-проектов далеко не местного значения. В результате в массе своей местная администрация не только не выполняла соответствующие законы, благодаря которым она лишь и существует, но проявила поразительное, даже по нынешним меркам, безразличие не только к здоровью и имуществу, но и к самой жизни людей.

Создается впечатление, что лесные пожары должны тушить лишь люди МЧС. Но, как оказывается, это – не их обязанность! С. Шойгу констатировал: «Мы не несем ответственности. Нас в Лесном кодексе вы не найдете нигде» [3]. А местная власть где была? Где пожарные машины, рукава, шанцевый инструмент, надзор за соблюдением правил пожарной безопасности? Где элементарные пожарные водоемы, бывшие раньше в любом селе? Куда делась эта локальная, но чрезвычайно важная инфраструктура? Вот вам и жестокий урок игнорирования необходимости поддержания стабильности экосистем (sustainability), о котором уже 20 лет твердят ученые! Власть игнорировала основное правило жизни: не только потреблять, но и поддерживать, охранять, воспроизводить не только себя, но и всю среду обитания!

Главной причиной природных пожаров, принявших масштаб национального бедствия, был кризис власти, последовательно разрушившей в течение десятилетия все институты охраны природы и тушения лесных пожаров.

Власть игнорировала основное правило жизни: не только потреблять, но и поддерживать, охранять, воспроизводить не только себя, но и всю среду обитания!

Две стороны устойчивости экосистем

Точнее, биосоциальных экосистем, потому что биологическое и социальное в современном мире неразделимы. Устойчивость биосферы сегодня становится проблемой номер один, достаточно посмотреть “EuroNews” или данные «Евробарометра». Об этом уже было написано (см. статью Яницкого в этом выпуске журнала): впервые за всю свою историю очередной конгресс Международной социологической ассоциации (июль 2010 г., Гетеборг, Швеция) фактически прошел под лозунгом сохранения этого равновесия. Мировая социология повернулась лицом к природе (некоторые даже назвали этот международный конгресс «антикарбонным», то есть поиском системы мер по снижению зависимости производства и общества от таких источников энергии, как нефть, газ и уголь). Но вторая сторона – это сохранение локальных экосистем и их устойчивости (строго говоря, они являются глокальными). Но есть их особый вид – эталонный, который общества охраняют уже более века. Это – особо охраняемые природные территории (ООПТ), которые сохранялись даже во времена тоталитаризма. «В этом году от огня пострадали многие особо охраняемые природные территории (ООПТ) и ценные ключевые орнитологические территории России (КОТР), – говорит Виктор Зубакин, президент Союза охраны птиц России. – По данным Министерства природных ресурсов России, пожары зарегистрированы в 60 федеральных заповедниках и национальных парках, число пострадавших региональных ООПТ еще предстоит выяснить.

Пожары в ООПТ – это гибель наиболее ценных реликтовых лесов, других эталонных экосистем, редких видов растений и животных, мест обитания зверей и птиц (которые очень трудно или невозможно восстановить – это генофонд самой природы – прим. автора). Главные причины – абсолютно недостаточное финансирование ООПТ, их необеспеченность штатным расписанием. Так, во многих заповедниках в центральной России на одного инспектора приходится 7 тыс. га и более угодий» [2, с. 2].

Сигнал нарушения главного равновесия?

При всей трагичности случившегося этим летом, представляется, что его наиболее серьезным следствием будет нарушение равновесия в биосфере, проявляющееся,

Пожары в особо охраняемых природных территориях – это гибель наиболее ценных реликтовых лесов, других эталонных экосистем, редких видов растений и животных, мест обитания зверей и птиц (которые очень трудно или невозможно восстановить – это генофонд самой природы – прим. автора).

в частности, в быстром чередовании «пиковых» состояний (холода, жары, наводнений, пожаров), что чревато далеко идущими и подчас смертельными рисками. Аномальная жара уже активизировала на Юге России смертельную нильскую лихорадку, распространяемую комарами. Локальный пожар на одной из московских свалок вызвал нашествие тараканов в соседних микрорайонах. В московских водоемах появились неведомые ранее медузы и т. д. Но есть сигналы и пострашнее. Так, вследствие длительной жары происходит обмеление открытых водоемов, куда сбрасываются радиоактивные отходы. Возникает опасность их выноса за пределы данной зоны [4, с. 1].

Но математики идут дальше, утверждая, что устойчивость биосферы относительна и является принципиально нелинейной. Это означает, что она подчинена режиму неустойчивости, который может приводить к хаосу (в данном случае хаос – математический термин) [5]. Образно говоря, «Взмах крыльев бабочки может привести к урагану в Нью-Йорке» [6, с. 17].

В связи с этим показательно, о какой безопасности заботятся местные чиновники. Повсеместно городские и местные власти рапортуют о готовности школ и других учебных заведений к 1-му сентября, прежде всего, числом охранников и охранных технологий. Да, это жаркое лето показало, что терроризм – это наша повседневность. Но кто посчитал понесенный урон и сделал прогноз относительно состояния физического и психического здоровья тех, кто сядет за парты после жаркого и удушливого лета? А ведь это пока все же локальные аномалии. А что будет, если грянет глобальная нестабильность?

Все ли надо реабилитировать?

Это больной вопрос. Еще до жары и засухи моногорода и нерентабельные предприятия власть пыталась спасти многомиллиардными вливаниями из бюджета. Но это не может продолжаться вечно. Модернизация, полагают бизнесмены, – это процесс «естественного отбора». Но как совместить этот отбор с реабилитацией погорельцев и других пострадавших, которые явно не конкуренты здоровым и сильным из непострадавших регионов? Перевести часть погорельцев в разряд лиц с ограниченными возможностями, то есть посадить их на мизерное вспомоществование от государства?

Раньше говорили: один переезд равен двум пожарам. А теперь как? Материальная помощь, оказанная погорельцам правительством, несомненно, имеет большое значение. Но у всех ли есть силы, особенно в преклонном возрасте начинать с нуля новую жизнь? И еще вопрос: какую именно жизнь? Если «модернизация не под силу», значит, снова – огород и куры? Но это – на следующий год. А как пережить зиму, весну и часть лета? Снова самообеспечение на грани выживания? Вряд ли много людей решится на что-то иное, совсем не похожее на прежнюю жизнь, потому что законы и власть остались прежние, бизнес и не думал становиться социально ориентированным и т. д. Значит, опять же, то, о чем свидетельствует эмпирическая социология: на первом месте – 41% опрошенных – оказалось именно то, на чем не перестают настаивать практически все независимые экспертные центры и европейские институты – «равенство всех перед законом, соблюдение гарантированных Конституцией прав человека»! [7]. Как обеспечить это равенство сильных и заведомо ослабленных, физически и морально?

Цена бюрократической глухоты

Как всегда, науку, тем более зарубежную, не слушали: партийно-бюрократическая жизнь текла своим чередом. Между тем, еще в 2007 г. в докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC) утверждалось, что Россию ждет скорое резкое увеличение числа аномальных засушливых периодов. Также было спрогнозировано, что из-за засухи наша страна столкнется с катастрофическими по своему масштабу лесными пожарами и будет регулярно терять значительную часть урожая зерновых культур. Причина – малопонятное для социологов явление: блокинг, выражающийся в формировании сразу двух статичных атмосферных гребней, остановивших продвижение струйных масс атмосферного воздуха, что и породило устойчивую аномальную погоду на значительной части России [8, с. 22]. В 2008 г. ученые из Института прикладной математики РАН сделали вывод, что «из-за износа техники, слабого финансирования пожарного надзора и проблем с ранним обнаружением очагов возгорания любой достаточно засушливый год может стать катастрофическим» [9, с. 11]. Первые крупные пожары «окольцевали»

московский регион: Удмуртия, Марий-Эл, Нижегородская и Рязанская области. В августе горело уже более 20 регионов страны – от Чукотки до Смоленска.

Еще в 1982 г., опираясь на вторичный анализ данных естественных наук и социально-градостроительных исследований того времени, доказано, что деградация жилого микрорайона или другого сложившегося биосоциального сообщества восстанавливается или реабилитируется много дольше, чем его разрушение, стоит очень дорого и весьма редко достигает прежней степени органичности, пригнанности его мельчайших «деталей» друг к другу [10]. Оказывается, что закон сукцессии применим не только к природным экосистемам.

Но продолжим тему науки. В России социологией утрачена роль связующего звена между естественными науками и простыми гражданами, а например, в США и Европе ученые-экологи (и не только они) устанавливают при помощи всемирной паутины прямую связь между наукой и рядовыми гражданами, вовлекая последних в серьезные научные исследования. Образуется сеть «ученый – человек улицы», необходимая для обеих сторон. Ученые без помощи тысяч добровольцев не могут обработать накопленного ими массива данных. А простые граждане, разбросанные по всему миру, включаются в научный поиск, решая тем самым две задачи: накопления своего интеллектуального и социального капитала и преодоления чувства отчужденности, заброшенности. Важно, что сеть, сформированная для решения одной задачи, затем может быть использована многократно для решения других.

Народное ополчение сегодня?

Сегодня, в конце 2000-х гг. всплыло слово, которое мы не слышали с 1941 г. (а молодые – вероятно только на уроках истории о войне 1812 г.) – «народное ополчение». Ополчение против пожара, но прежде всего в защиту самих себя, своих домов, хозяйств, детей и соседей. Это слово означало, что местная власть не позаботилась о них, более того – она мешала им защищать свои жилища и свое добро, так как земли по закону были закреплены за этой властью, которая была обязана за нею следить, но не следила; или были проданы, но не освоены; или же розданы арендаторам, которые так и остались анонимами, эдакими поручиками Кижее. Это означало также, что

Деградация жилого микрорайона или другого сложившегося биосоциального сообщества восстанавливается или реабилитируется много дольше, чем его разрушение, стоит очень дорого и весьма редко достигает прежней степени органичности, пригнанности его мельчайших «деталей» друг к другу.

люди вели себя по-свински по отношению к природе. Но, так или иначе, люди остались наедине с пожаром. Вот вам новая форма отчуждения, когда людей не только не допускают к принятию решений, но оставляют один на один со смертельной стихией огня. Это означает, что, как и было в случае с противостоянием в Химкинском лесу и массой других социально-экологических конфликтов по всей стране, власть своим бездействием и противодействием законным требованиям жителей перевела экологический протест в ранг политического!

Потери видимые и запрограммированные

По разным данным, у жителей Москвы, не выезжавших из города во время пожаров, жары и смога, наблюдаются общие (повышенная усталость и снижение работоспособности, «ватные ноги», снижение концентрации внимания, у некоторых появилась боязнь замкнутого пространства) и специфические (обострение хронических заболеваний, особенно сердечнососудистых и бронхо-легочных) отклонения от нормы. Как себя чувствуют люди, находившиеся непосредственно в зоне пожаров и пострадавшие от них, пока не знает никто. И опыт сокрытия информации об этом я наблюдал сам лично, когда находился на излечении в одной из московских клиник. Там было целое отделение для пострадавших от Чернобыля, их действительно лечили, но многих, по их собственному свидетельству, выписывали с диагнозом «обострение ОРЗ» или подобным, что потом и фиксировалось статистикой. А уж тем более не говорилось про их отдаленные последствия, особенно для беременных женщин, еще не родившихся детей, грудничков и детей самого разного возраста. Как известно, даже локальные ожоги (5–7% кожного покрова) требуют очень длительной терапии, но по ее окончании человек все равно не восстанавливается полностью. А вообще, это нынешнее тройное воздействие на человеческую психосоматику не изучал никто. Что известно, так это проникновение в Россию заболеваний (нильской лихорадки, например), ранее здесь не зарегистрированных.

Передельный социум как источник риска

Ведущие социологи мира (М. Арчер, У. Бек, А. Гидденс, М. Кастельс) сходятся на «неопределенности», непредсказуемости и некалькулируемости как на сущностных ка-

Люди остались наедине с пожаром. Вот вам новая форма отчуждения, когда людей не только не допускают к принятию решений, но оставляют один на один со смертельной стихией огня. Это означает, что, как и было в случае с противостоянием в Химкинском лесу и массой других социально-экологических конфликтов по всей стране, власть своим бездействием и противодействием законным требованиям жителей перевела экологический протест в ранг политического!

чествах нынешней глобальной социально-экономической системы. Историк акад. Ю. Пивоваров назвал русскую систему власти «передельной», то есть тоже изменявшейся случайно, по воле князя, монарха или императора. Но советская система, с ее презрением к любым последствиям модернизации для природы и подчинением организации социально-экономической системы цели минимизации последствий от ядерного удара гипотетического противника, сделала все жизненное пространство страны Советов тоже «передельным», спрятав в лесах, горах или вблизи городов, в том числе и Москвы и множества поселков по всей стране, свои военные арсеналы. Возникла чересполосица жизни и смерти, островков безопасности и зон потенциально смертельных рисков. Затем, леса и городские территории стали пространством, которое «можно просто продать» (Ю. Латынина), добавлю от себя – «без обременения», то есть без обязанности следить за жизнью этих территорий и элиминировать риски, там и сям скрытые.

Опасная «вилка»

Снижение уровня безопасности пострадавшего населения и уровня его чувствительности к опасности, к риску – это, думаю, одно из главных отдаленных последствий случившегося тройного удара. Индикатором ее может служить, так и нерешенная за полвека проблема комбината «Маяк» на Урале, где находится хранилище делящихся веществ (оружейного плутония?). А ведь леса Урала тоже горели, но о том, как защищали эту зону потенциального Чернобыля, неизвестно никому. Возможно, пожаров поблизости не было, но еще более вероятно, что к такому соседству уже привыкли. Отсюда можно сделать простой и страшный вывод: человеческая жизнь у нас стоит дешево. Возможно потому, что для ресурсо-ориентированной экономики население России в 140 млн избыточно, как бы это странно ни звучало. Возможно потому, что рядом и дальше (Средняя Азия, Китай, Вьетнам) есть армия еще более дешевой рабочей силы, готовая работать безо всякой защиты и социальных гарантий.

Россия: общество всеобщего или избирательного риска?

А могут ли все обеспеченные, легально или нет, в данном случае это не имеет значения, избежать последствий лета 2010 г. или ему подобного тройного удара? Это интересный вопрос. Если смогут убежать от этого и подобных ему рисков, тогда Россия, как минимум, превратится в колонию, управляемую русским и/или иностранным капиталом из-за рубежа. Колонию, населенную все более пришлым кочевым населением, носителем простого «подсобного» труда (М. Кастельс), в основном представленным армией гастарбайтеров. М. Делягин пишет: «Не надейтесь, что и мы убежим, нет, мы останемся!» [11, с. 8]. Но остаться, значит, жить и работать, растить детей, в отравленной в сотнях мест и на десятки лет вперед среде обитания? Для справки: так, по оценке Алексея Зименко, генерального директора Центра охраны дикой природы, за один теплый солнечный день гектар леса поглощает из воздуха 220–280 кг углекислого газа и выделяет 180–220 кг кислорода. Таким образом, реальный ущерб, нанесенный огнем природным территориям и экономике страны, многократно выше [2, с. 3].

У заданного выше вопроса есть другая сторона: если капитал, его российские носители и его сервис-класс «побегут» из России, то это будет главным сигналом для иностранных инвесторов, что она вся непригодна для жизни. Это также означает, что социальный потенциал оставшихся молодых русских резко снизится, потому что нельзя воспроизводить этот капитал в рискогенной и просто грязной среде, населенной гастарбайтерами. То есть опять же получается, что Россию будут рассматривать как «территорию» и делить и переделывать как «поле ресурсов» наши и заморские богачи. Но кем тогда будет руководить наше правящая элита? Кто будет ее электоратом?

Здесь мы возвращаемся к понятию и процессу социальной сукцессии, так как он непосредственно связан с возможностями модернизации России. Если Россия заселится культурой временщиков, гастарбайтеров, то на полномасштабную модернизацию страны рассчитывать не приходится. Напротив, открывается перспектива ее примитивной «отверточной» вестернизации или, наоборот,

Принципиальный вывод из критической ситуации лета 2010 г. заключается в том, что не социальные институты задавали обществу ритм его жизни и действий, а Биосфера своими скачками, колебаниями и другими аномалиями.

строительства этнократического исламского государства, что так или иначе будет означать утерю корней русской светской и религиозной культуры.

Выводы

Принципиальный вывод из критической ситуации лета 2010 г. заключается в том, что не социальные институты задавали обществу ритм его жизни и действий, а Биосфера своими скачками, колебаниями и другими аномалиями. Следовательно, помимо развития сетей предупреждения, оповещения и профилактики возникновения таких экстремальных ситуаций, о чем говорит власть, нужен пересмотр многих институциональных структур, в первую очередь лесного хозяйства, а также статуса особо охраняемых природных территорий. А это неизбежно потянет за собой другие политические и организационные перемены, в частности, сетевизацию системы охраны природы. Темп и ресурсы модернизации сильно бы увеличились, если бы реабилитация была подкреплена планами социальных и политических перемен и, прежде всего, участием населения в этом восстановительном процессе. Особо требуется реабилитация человеческого мышления и поведения, включающая промывку его мозгов от разрушительного влияния индивидуализма, потребительской идеологии и всеобщей безответственности, а также привитие населению элементарных навыков системного мышления.

Без системной модернизации невозможны не только технологические инновации и реабилитация экосистем и погорельцев, но и сохранение России как целого, как общества, объединенного общими ценностями. Модернизация, понимаемая как сугубо техническое перевооружение экономики и внедрение в нее инноваций, оказалась лишь на четвертом месте в перечне моделей модернизации, востребованных гражданами России (всего 24% от опрошенных!), говорится в том же исследовании, проведенном Институтом социологии РАН [7]. Значит, «островной» вариант модернизации хорош максимум как эксперимент, но не годится как стратегия.

Как это ни банально звучит, России нужна идеология модернизации, многократно обсужденная и проговоренная во всех слоях общества (что при хорошей организации не потребует большого времени, потому что уже есть исследования о понимании обществом модернизации [8]). И уже

Без системной модернизации невозможны не только технологические инновации и реабилитация экосистем и погорельцев, но и сохранение России как целого, как общества, объединенного общими ценностями.

России нужна идеология модернизации, многократно обсужденная и проговоренная во всех слоях общества.

потом – основанные на этой идеологии стратегия, проект и сценарий ее реализации. Нужна также соответствующая инфраструктура для их детализации, распространения, объяснения и адаптации к местам, как к сохранившимся, так и требующим реабилитации после пожаров и наводнений. Инфраструктура, подобная «инфраструктуре памяти», только повернутая в будущее. Инфраструктура, по своей мощи и повседневному воздействию на население не уступающая пропагандистской машине сталинских времен. Поскольку разнообразие ситуаций и мест в нашей стране огромно, эта инфраструктура реабилитации должна быть гибкой, *сетевой*, доходящей до каждого жителя.

И, наконец, последнее, но не по значению. В сложившихся критических условиях нужен жесткий порядок: «Важнейшим условием модернизации является четкая постановка целей, отказ от всякого рода демагогии; выработка средств достижения указанных задач; минимизация затрачиваемых на их достижение средств и усилий; и как продолжение – безусловное отторжение системой институтов и лиц, доказывающих свою некомпетентность или бесполезность. Порядок в условиях модернизации – это средство обеспечения ее эффективности. Все, что мешает четко формулировать цели и задачи, а затем и достигать их, должно отметаться» [12, с. 4].

Библиографический список

1. Яницкий О. Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика). Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002.
2. Пожары: первые итоги и прогнозы // Экология и права человека (ЕКО-НН) (электронный бюллетень Союза за химическую безопасность). № 3674. 26 августа 2010. С. 1–7. URL: <http://index.org.ru/eco/806.html>
3. Гликин М. Цитата недели // Ведомости. 2010. 24 августа. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/244187/citata_nedeli
4. Текущие ядерные события. Маяк // Экология и права человека (ЕКО-НН) (электронный бюллетень Союза за химическую безопасность). № 3676, 28 августа 2010. С. 1–6. URL: <http://index.org.ru/eco/806.html>
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Мысль, 1986.
6. Крылья бабочки. Редакционная статья // Эксперт. 2010. 16–22 августа. С. 17.

7. Готово ли российское общество к модернизации? Доклад, подготовленный совместно Институтом социологии РАН и германским фондом им. Фридриха Эберта. Репрезентативное всероссийское исследование. Март–апрель 2010 г. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_modernization.html
8. Виньков А., Имамутдинов И., Механик А., Оганесян Т. Фаза выгорания // Эксперт. № 32. 16–22 августа 2010. С. 19–25.
9. Железнова М., Максимов Н., Гридасов А. Пожароужасная ситуация // Русский Newsweek. 09–15 августа 2010. С. 10–13.
10. Yanitsky, O. 1982. Towards an Eco-City: Problems of Integrating Knowledge with Practice // International Social Science Journal. Vol. XXXIV. № 3, pp. 469–480.
11. Делягин М. Не мечтайте: мы не уедем! // Новая Газета. № 41. 19 апреля 2010. С. 8.
12. Иноземцев В. Призыв к порядку. О модернизации России и возможном экономическом прорыве // Российская Газета. № 4762. 1 октября 2008. URL: <http://www.rg.ru/2008/10/01/modernizatciya.html>

Н а у ч н ы е ф о р у м ы

XVII Всемирный
социологический конгресс

Всероссийская научная конференция
«Этнос, нация, общество:
русская реальность и перспективы»

III Конгресс социологов
тюркского мира
«Глобализация и тюркский мир»

К итогам Всероссийской научной
конференции в Махачкале

Научные форумы XVII Всемирный социологический конгресс

Гётеборг город весь серый, или Социологическая ИКЕА

Покровский Никита Евгеньевич —
доктор социологических наук, профессор, главный
научный сотрудник, президент Сообщества
профессиональных социологов, член Исполкома
Международной социологической ассоциации

e-mail: nikita@gol.ru

Гётеборг город весь серый, или Социологическая ИКЕА

Атмосфера конгресса в Гетеборге—это спокойствие, усредненность, удивительное отсутствие интеллектуальных взлетов и падений.

Гетеборг – город своеобразной цветовой гаммы. Даже в середине июля оттенки серого доминируют в колористической картине этого балтийского порта. Надо думать, туристические каталоги могут предложить вам в Гетеборге самые разнообразные развлечения и достопримечательности по усредненным международным стандартам. Но на поверку все это оказывается неким клоном чего-то инородного для Швеции, ибо во всем господствуют серая цветовая гамма, умеренность, неспешность, можно сказать, вялость. Кажется, шведам мало кто нужен в этом мире, включая и туристов. Вполне самодостаточное общество. Таким, по крайней мере, оно предстает по внешнему ходу.

В этом смысле лучшего места для проведения конгресса нельзя было и придумать. За пределами конгресс-холлов и аудиторий, в сущности, и делать было нечего, что в немалой степени жестоко разочаровало немалочисленных поклонников научного туризма, раз за разом использующих десять дней очередного конгресса для пополнения своих представлений о географии и истории заморских территорий.

Но можно и дальше продолжить эту мысль. Атмосфера конгресса в Гетеборге—это спокойствие, усредненность, удивительное отсутствие интеллектуальных взлетов и падений. Все по правилам, все по стандарту, все недорого и недешево, все предельно функционально¹. Короче, ИКЕА в чистом виде. О научных откровениях и говорить не приходится. Вроде бы на мировой слет социологов собрались почти все значимые фигуры, всем им было предоставлено слово, но они перераспределили свои силы явно не в пользу Гетеборга. В этой минусовой картине есть и свои заметные плюсы. Во-первых, отдельные яркие выступления во многом получились весьма яркими и запоминающимися на остальном неярком фоне. Во-вторых, отсутствие внутренней

¹ Даже традиционная сумка, входящая в оргпакет участника конгресса, на этот раз предстала в виде дешевой тряпично-матерчатой торбы неопределенной формы. Как никак на дворе экономический кризис. И, кроме того, во всем в Швеции господствует принцип «умеренности и осторожности».

и внешней драматургии позволило более детально присмотреться к лицу всей современной социологии. Интриги не было, зато получилась замечательная статика.

По поводу организации конгресса или о принципе “control through non-human technologies”

Казалось бы, это не главный вопрос: как конгресс организован. Но, тем не менее, с технической организации конгресс начинается задолго до своего фактического открытия, и от уровня организации зависит весьма многое. На этот раз (по сравнению с предыдущими конгрессами в Дурбане, Брисбейне, Монреале, Билифельде) машина электронной регистрации и обработки заявок и тезисов не давала заметных сбоев. Вроде бы все шло по накатанной. Правда, время от времени на Интернет-сайте конгресса воцарялась неразбериха в отношении того, где и как докладчики могли найти себя в программе конгресса. И потому в одних случаях докладчик (помимо своей воли) дублировался с одним и тем же докладом в разных секциях, а в других случаях начисто исчезал из программы конгресса, и ни одна сила не была в состоянии его туда вернуть. Прорить стену сопротивляющейся компьютерной технологии, впавшей в порочный круг негативного ответа, не представлялось возможным. В конце концов, компьютер не способен к сопереживанию.

Это лишний раз подтверждало неовеберианский принцип «макдональдизации», предложенный Джорджем Рицером, – *control through non-human technologies*. В самом деле, воцарившиеся повсеместно компьютерные технологии начинают постепенно забирать под свою власть все процессы, что лишний раз и продемонстрировал конгресс в Гетеборге уже на своей начальной стадии.

Но вот пример противоположного свойства.

Упомянутый выше Дж. Рицер, один из докладчиков на пленарном заседании, за два дня до своего выступления был вынужден выехать в Нью-Йорк по неотложным семейным делам. Дабы не ослабить композицию сессии, ее руководитель попытался организовать на пленарном заседании онлайн телемост с Рицером, находившимся уже по ту сторону океана, мол, в наши дни физическая точка нахождения человека не столь важна, важно его онлайн

Воцарившиеся повсеместно компьютерные технологии начинают постепенно забирать под свою власть все процессы, что лишний раз и продемонстрировал конгресс в Гетеборге уже на своей начальной стадии.

присутствие в киберпространстве в означенное «реальное» время. Все это так хорошо звучит в теории. На практике же администрация великолепно оснащенного гетеборгского конгресс-центра под разного рода благовидными предложениями отказала в этой, в общем-то элементарной по нынешним меркам, услуге. Но любопытно другое. Сама просьба оперативно использовать телемост вызывала святое недоумение на всех уровнях шведского национального оргкомитета и самой Международной социологической ассоциации (МСА). Об онлайн коммуникациях они что-то слышали, но где и когда, сказать трудно.

Этот частный пример иллюстрирует один весьма настораживающий факт. Современная социология, сделавшая еще со времен Маршалла Маклюэна столь много для опережающего воссоздания картины информационного и коммуникативного общества, в своей повсеместной инфокоммуникативной практике весьма архаична. И прогресса пока не предвидится. Уже после конгресса новый президент МСА Майкл Буравой в своем программном послании к Исполкому вроде бы принялся говорить о необходимости включения МСА в среду «медиа». Но выяснилось, что на поверку речь идет всего лишь о новом электронном журнале (компьютерном аналоге печатного органа) и Интернет-сайте University in Crisis. Признаемся, все это довольно древнее *déjàvu*.

Но от диагноза необходимо переходить и к лечению. В этом смысле МСА, дабы сохраниться на плаву в мировом информационно-коммуникационном пространстве (и вообще в пространстве), предстоит в ближайшее четырехлетие и с перспективой следующего конгресса в Йохохаме решительно перейти в современные форматы медиа – будь то онлайн сетевые образовательные сообщества, спутниковый ТВ-канал, вещающий на различные континенты, превращение всемирного конгресса в постоянно действующее и полностью онлайн мероприятие мирового масштаба и многое другое. По отдельным компонентам все это имеется, тестируется и даже работает в тех или иных университетах, но пребывает в свернутом виде. Кому, как не МСА, быть лидером в этом направлении. Тем более что инфокоммуникационная революция, разворачивающаяся на наших глазах, но, увы, без участия мирового социологического сообщества, не будет до бесконечности приглашать социологов стать членами информационного клуба. Неравен час двери и закроются.

Современная социология, сделавшая еще со времен Маршалла Маклюэна столь много для опережающего воссоздания картины информационного и коммуникативного общества, в своей повсеместной инфокоммуникативной практике весьма архаична.

Книжный рынок: конец с продолжением?

Помимо всего прочего каждый всемирный социологический конгресс – это и впечатляющий рынок социологической литературы. Все мировые издательства-мастодонты (*Sage, Blackwell, Oxford University Press*) и десятки более мелких университетских и частных издательств привозят и выставляют свою продукцию в специально отведенной зоне. Обычно выставки-продажи социологической литературы впечатляют посетителя сами по себе. Это толпы участников конгресса, жаждущих прикоснуться к новейшим издательским шедеврам, порой поучаствовать в презентации новых книг (с неизменным угощением по этому поводу), иногда получить бесплатный экземпляр книги или журнала (или проспект, на худой конец), обсудить свои возможные проекты с потенциальным издателем и заручиться его поддержкой в этом смысле.

Так было всегда прежде. Но в Гетеборге случилось все по-новому. Праздник социологической литературы фактически отсутствовал. Формально основные издательские группы открыли свои стенды. Но на них зияли пустотой целые полки – нечего было выставлять. Стендисты в основном прогуливались в каких-то иных местах, оставляя на прилавках горы бедно изданных листовок, заменивших буклеты. Да и числом своим приехавшие издательства настолько поределели, что это рождало немой вопрос: а что, собственно говоря, произошло?

Дружеские беседы с заинтересованными лицами и экспертами отчасти прояснили картину. Во-первых, продолжающийся экономический кризис нанес весьма ощутимый удар по научным издательствам. Их продукцию просто никто не покупает. А что не покупается, то и не продается (и не производится) – таков закон рынка и в этой академической сфере. Во-вторых, и, возможно, это главное, печатная продукция обвалью уступила свое место электронным носителям и онлайн депозитариям научных текстов. Все уважающие себя социологические журналы вложились в свои онлайн версии и там реализуют свои проекты. Журналы и книги в традиционном формате превращаются в артефакты, служащие украшению богатых библиотек и кабинетов профессоров (не всех, разумеется). Научная книга как источник массового социологического знания уходит в тираж, то есть самоуничтожается.

В Гетеборге праздник социологической литературы фактически отсутствовал. Формально основные издательские группы открыли свои стенды. Но на них зияли пустотой целые полки – нечего было выставлять.

Университетские библиотеки, традиционно бывшие главным потребителем издательской продукции, тоже подсократили свои аппетиты и ушли в виртуал. И если этот процесс еще не завершился в полной мере, то, судя по всему, финальные аккорды не за горами.

Стоит ли оплакивать социологическую книгу как традицию и жанр? Трудно сказать. А стоит ли оплакивать все остальное: живой драматический театр, фигуративную живопись, художественную литературу как таковую, наконец, хорошее доброе университетское образование? Все это звенья одной цепи, а именно радикального изменения культурного ландшафта нашей современности. Так стоит ли оплакивать ту самую современность, к которой принадлежим? Вопрос чисто философский и, во всяком случае, риторический.

Конгресс: ключевые понятия

Да, берусь утверждать, конгресс проходил в формате ИКЕА—скромно и со вкусом (шведским). И, тем не менее, как минимум два удара колокола-набата разрушили эту серую гамму и поставили на дыбы социологическое общество.

Первый — это *инвайронментальная тематика*, отношения общества и окружающей природной среды, социальная экология. Теперь это получило и свое опознавательное понятие—*climate change*. Нельзя сказать, что прежде эти темы не звучали в исследовательских комитетах МСА и на конгрессах. Но это звучание было приглушенным, а тема окружающей среды рассматривалась наряду со всеми другими. В Гетеборге она стала главной и определяющей. И, думается, отныне такой и останется. Не только конгресс открылся выступлением нобелевского лауреата из Тайваня, посвященным ближайшим и конечным угрозам человечеству со стороны внешней природной среды, но практически во всех значимых докладах, произнесенных на съезде, экологический кризис современного общества присутствовал в качестве само собой разумеющейся и осмысливаемой константы.

В связи с этим напрашиваются несколько выводов.

Судя по всему, в любом социальном анализе и моделировании чего-либо экологическая составляющая отныне сравнялась по своей значимости с такими составляющими, как экономика, политика и культура. Теперь мы имеем не

Стоит ли оплакивать социологическую книгу как традицию и жанр? Трудно сказать. А стоит ли оплакивать все остальное: живой драматический театр, фигуративную живопись, художественную литературу как таковую, наконец, хорошее доброе университетское образование? Все это звенья одной цепи, а именно радикального изменения культурного ландшафта нашей современности.

триумвират факторов, а взаимообусловленную комбинацию четырех. Можно сказать, конгресс в Гетеборге узаконил эту ситуацию и сделал ее абсолютно нормативной. Иное соображение в этой связи подсказывает, что социологическое образование должно (прямо-таки и именно должно!) реагировать на этот месседж мировой социологии.

Исходя из сказанного, я бы осмелился дать конгрессу в Гетеборге подзаголовок – Конгресс социального инвайронментализма.

Вторая тема или, если угодно, второе послание-набат конгресса касалось кризиса, охватившего современный мир. Здесь тоже обнаружили себя различного рода нюансы. Начнем с того, о каком кризисе шла речь. В основных пленарных докладах недвусмысленно прозвучала идея: современный кризис не есть кризис финансовый только лишь. Это кризис практически всех оснований западного, а потому и мирового сообщества. Маргарет Арчер, первая леди современной социологии, недвусмысленно указала на концепцию экономического человека. Именно он, наш родной и любимый экономический человек, столь хорошо знакомый на близком расстоянии, и есть источник этого кризиса, мол, оптимизация прибыли не выдерживает исторической миссии регулирования и балансировки сообществ в современных условиях. Конечно, мировая социология всегда была равнодушна к социал-демократической альтернативе, что тут говорить, но уж больно расширился и набрал в весе круг критиков современного капитализма – это бесспорно. Притом со стороны отнюдь не «леваков», а вполне умеренных социологов. В этом смысле упреки в адрес социологии в том, что слишком поздно она включилась в обсуждение кризиса, теряют свою основную убедительность. Коль скоро кризис не есть только лишь финансовый кризис, а сотрясение основ Запада, то социология медленно запрыгает, да быстро едет.

В этом алармистском ключе, так или иначе, звучали выступления почти всех грандов социологии, представленных на конгрессе. Манюэль Кастельс, достаточно спокойный и не вспыльчивый мыслитель, анонсируя свою новую, пока еще не опубликованную книгу «Сетевые войны» (“Net Wars”), нарисовал апокалипсическую картину распространения войны (а не просто «конфликта» или «столкновения-clash» как у С. Хантингтона) по всем сетям и на всех уровнях—от семьи до мега-держав и мировой системы в целом. Мол, «война» уже идет в сетях, она тихо

Два удара колокола-набата на конгрессе:

Первый – это инвайронментальная тематика, отношения общества и окружающей природной среды, социальная экология. В Гетеборге она стала главной и определяющей. И, думается, отныне такой и останется.

Второй – касался кризиса, охватившего современный мир. В основных пленарных докладах недвусмысленно прозвучала идея: современный кризис не есть кризис финансовый только лишь. Это кризис практически всех оснований западного, а потому и мирового сообщества.

входит в дома и семьи, проникает в бизнес, политику, СМИ, образование и т. д. Микроконфликты как ручейки вливаются в большие реки неуспокоенности, социального раздражения и кризиса ценностей. Иногда война как протуберанцем вспыхивает вооруженным конфликтом, но в основном все происходит внутри, под поверхностью. Когда выйдет в свет книга М. Кастельса, ее можно и нужно будет обсуждать. А пока лишь зафиксируем общее впечатление: было бы трудно ожидать более алармистское выступление от одного из наиболее уважаемых современных социологов. Глядя на М. Кастельса, спокойно выступающего с трибуны или улыбочиво позирующего фотографам в группе российских социологов в кулуарах конгресса, понимаешь, что мрачноватый алармизм социолога не есть проблема его личностного психологического состояния (что можно было бы принять во внимание в рамках анализа его субъективности), но, напротив, это взвешенная и продуманная макросоциологическая экспертиза теоретического уровня, и от этого становится еще более не по себе.

Джон Урри и другие

Джона Урри нет смысла представлять каким-то особым образом. Кто не знает его известнейших книг по туризму, мобильностям, социологии за пределами общества. Короче, один из столпов социального знания наших дней и, вероятно, разворачивающейся исторической перспективы.

Урри заявил свой доклад о так называемом «посткарибонном обществе». С ним в паре, но по самостоятельной теме выступал профессор В. И. Ильин из Санкт-Петербургского университета.

На этой сессии произошел редкостный аншлаг. Желающие выслушать докладчиков не только заполнили все свободные места, но и шпалерами лежали на полу, выстланном ковролином. Выглядел подобный энтузиазм весьма живописно и даже духоподъемно в икеевской Швеции. Но в преддверии начала сессии появились местные пожарные и так по-родному, по-русски заблокировали сессию, мол, вместимость аудитории превышена в два раза, «не положено!». Всеми правдами и неправдами с пожарными договорились, и заседание началось. И извечно, абсолютно невозмутимый Урри получил возможность сделать свое послание городу и миру. И, надо сказать, без всякой иронии доклад был обращен и городу, и миру. Так получилось.

Манюэль Кастельс, анонсируя свою пока еще не опубликованную книгу «Сетевые войны» (“Net Wars”), нарисовал апокалипсическую картину распространения войны на всех уровнях—от семьи до мега-держав и мировой системы в целом.

Под нейтральным и бесстрастным заглавием («Системы и их будущее») развернулся эпический рассказ о том, что будет с нашим миром в не столь отдаленном будущем. Коль скоро многочисленные и постоянно множащиеся интерфейсы порождают все новые и новые взаимодействия систем и подсистем, социальные системы переходят в непредсказуемый режим трансформаций. Двадцатый век был основан на нефти («углеродное общество») и металлических средствах передвижения («автомобиль»). Это обеспечивало, с одной стороны, физическую/географическую мобильность и создало условия для мобильности виртуальной – различных форм дистантных контактов и сетей общения. В наши дни все это расцвело гипермобильностью населения, включая мобильность в коммуникативных сетях. Но покинуть углеродную цивилизацию наши сообщества не смогут. И потому всем нам придется осознавать себя живущими в условиях сокращения основного ресурса — углеводородов. Альтернативные виды энергетики, по мысли Дж. Урри, не смогут стать полноценной заменой углеводородов. Таким образом, «будущее систем» видится английскому социологу весьма характерно: постепенно истощающийся основной ресурс, что приводит к примитивизации жизни. Не прекрасные города будущего, отделяющие себя от внешней среды климатронами, а бугенвилльские поселки, построенные из остатков древесины и картона, опоясывающие деградирующие мегаполисы.

Весьма интересным продолжением доклада Дж. Урри стало выступление В. И. Ильина, который анализировал повседневные практики бытового креатива в условиях кризиса (в том числе и ресурсного). И вновь был поднят вопрос о возрождении примитивных форм выживания и экономии. По мысли Ильина, это и домашнее шитье, и домашняя кулинария, и обработка приусадебных участков и пр. Все эти «мелочи жизни» предстали в виде достаточно монументальной реакции общества на нынешний и, главным образом, будущий кризис. Траектория будущего – это не только и не столько усложнение систем, сколько их примитивизация.

Стоит ли говорить, что оба доклада вызвали шквал вопросов и стали генератором спонтанной дискуссии прямо в зале заседаний.

Научные форумы XVII Всемирный социологический конгресс

Климатический или антикарбонный конгресс социологов

Яницкий Олег Николаевич —
доктор философских наук,
зав. сектором социально-экологических
исследований Института социологии РАН

e-mail: yanitsky@isras.ru

Климатический или антикарбонный конгресс социологов

Первое. Этот Конгресс вполне можно назвать климатическим или антикарбонным конгрессом социологов. Впервые его открывали и участвовали в ключевых пленарных заседаниях крупнейшие ученые-естествоиспытатели, которые объяснили собравшимся, что мир стоит на грани экологических мегарисков и катастроф, которые непредсказуемым образом могут изменить всю его институциональную и жизненную среду, если мы не поспешим изменить существующие институты и господствующие ценности сами.

Второе. Конгресс показал, что социологи начинают всерьез воспринимать принцип «устойчивого» сосуществования человечества и природы, хотя, несоциологи его сформулировали почти полвека назад. Я имею в виду серию докладов «Римскому клубу», международные программы типа «Человек и биосфера» и др.

Третье. Конкретно речь на Конгрессе шла о пределах. Каких? Пределах нового экспоненциального роста экономики после окончания кризиса; роста совокупной нагрузки потребления на среду, если Китай и Индия достигнут уровня благосостояния США; пределов роста народонаселения Земли и, следовательно, необходимости сокращения потребления энергии на душу населения. Но самый главный предел – это необходимость сокращения выбросов CO₂, основного агента изменения климата. Наш ведущий полярный исследователь и политик Артур Чилингаров уже серьезно обеспокоен судьбой Норильска и других российских городов, стоящих на вечной мерзлоте, которая начала подтаивать.

Четвертое. Методически поворот к устойчивому развитию означает междисциплинарность. А. Турэн, М. Арчер, М. Кастельс, П. Штомпка и другие ведущие социологи подчеркивали, что социология, чтобы сохранить свою идентичность и институциональную автономию, должна повернуться лицом к экономической науке и политике, в первую очередь – к геополитике. Как сказал Штомпка: «социологи, как и политики, должны принять междисциплинарный подход как норму». Отсюда, добавлю от себя,

социальная интерпретация знаний, продуцируемых другими гуманитарными, а также естественными науками, есть сегодня ключевая задача социологии.

Пятое. Теперь о других важных выводах. По мнению многих социологов и ученых-естественников, особенно из стран третьего мира, мир сегодня делится не на развитый и развивающийся, а на «переразвитый» и деградирующий, международная помощь которому неэффективна: она просто проедается и разворовывается. Общество потребления порождает замкнутый круг: оно требует все больше энергии, загрязнение среды растет, расходы на снижение выбросов CO₂ соответственно, все это увеличивает нагрузку на бюджет, государственные долги растут, финансовый пузырь снова надувается, что ведет к новому кризису.

Шестое. По мнению М. Арчер и других, современная социология приложила руку к созданию нынешнего экономического кризиса, так как: (1) пропагандировала индивидуализм как образец человеческой деятельности; (2) индивидуализм как политико-экономическая философия не способен противостоять неограниченной экспансии финансового рынка; (3) социологи не смогли концептуализировать реальную гражданскую экономику и здоровое гражданское общество; (4) политика западных государств была основана на индивидуалистической модели современного человека. Арчер назвала все это «молчанием социологии», что явно звучало как парафраз названия известного фильма «молчание ягнят». От себя замечу, что Арчер, как и Гидденс, Бек, Элброу и другие – постоянные авторы ежегодника «Глобальное гражданское общество».

Седьмое. Россия не интересна социологам западного мира. Мы для них и они сами достаточно хорошо изучили российскую ситуацию. Если к России и есть интерес, то только ресурсный и геополитический. Мы можем включиться в мировой социологический диалог только одним способом: участием в международных компаративных исследованиях. Их цель: понять место и роль России в процессах глобализации.

Новый президент ISA М. Буравой уже сделал вчера первую рассылку электронного Newsletter'a ISA, приглашая всех к участию в обсуждении двух проблем: глобализации и кризиса университетов. Это хороший шанс для нас высказаться по этим проблемам и, значит, быть услышанными. Ирония истории: 30 лет назад, когда мы были авторитарным государством, мы участвовали в крупных

компаративных исследованиях, например, по бюджетам времени. 25 лет назад я сам инициировал и организовал сравнительное исследование участия граждан в охране городской среды в 16-ти европейских странах! А сегодня, когда мы включены в процесс глобализации, мы в таких масштабных исследованиях не участвуем.

Чем ценны для нас компаративные исследования практически? (1) Они помогают понять, где на шкале глобализации мы находимся; (2) что у нас с остальным миром общее и что – различное; (3) что можно заимствовать, а что придется делать самим; (4) очень важный человеческий момент: в ходе таких исследований возникают контакты и доверие; (5) наконец, компаратив – это канал продвижения наших исследований в мировую социологическую копилку.

Восьмое. Теперь – о некоторых методологических основах изучения глобализации. Вот что утверждают А. Турэн и другие: (1) сегодня социальное поведение зиждется на не-социальных принципах и процессах; (2) метаболизм, то есть потоки и трансформация финансовых, людских и информационных процессов, – инструмент познания социальной динамики; (3) на место систем и действий приходят ситуации и связи; (4) кто сегодня является субъектом действия? Например, в социологическую теорию введено понятие не-институциональных акторов; (5) место общества теперь занято «публичным пространством», ключевую роль в котором играют медиа и виртуальные структуры.

Девятое. Какими могут быть эмпирические подходы к изучению глобализации? Один из них предлагает У. Бек. В своем выступлении он говорил об исследовательском компаративном проекте, основанном на идее «методологического космополитизма» для социологической интерпретации последствий изменений климата с двух взаимодополняющих позиций. Первая: в какой степени изменение климата будет фактором глобальной трансформации власти и неравенства, потенциально ведущих к конфликтам с применением насилия? И вторая: как сильно грядущие изменения климата будут способствовать созданию космополитических «риск-сообществ» или в моей терминологии, риск-солидарностей, пока что сильно разобщенных социально и отдаленных друг от друга географически?

Основной политический вопрос, полагает Бек, это – от кого придет поддержка проэкологическим изменениям, поддержка, которая во многих случаях вероятно подорвет

их собственные условия и стиль жизни, их привычные стандарты потребления и социальный статус? Или, иначе: каким образом космополитическая солидарность, идущая поперек любых границ, станет реальным сообществом, которое является необходимой предпосылкой для транснациональной политики сдерживания климатических изменений?

Ключевая гипотеза Бека звучит следующим образом: чем более мир будет объединен изменением климата, тем более он будет им разделен, разобщен. Бек, именуя это космополитической диалектикой климатических изменений, задается вопросом: как эти противоборствующие тенденции могут приспособиться друг к другу? То есть что ждет нас впереди: нарастающая череда конфликтов или все же кооперация усилий, то есть космополитическая солидарность?

Ответы на эти вопросы предполагают изменение исследовательской парадигмы: от все еще доминирующего сегодня «методологического национализма», основанного на принципе соответствия (и даже территориального совпадения – О. Яницкий) между нацией, территорией, обществом и культурой – к «методологическому космополитизму». Точнее, говорит Бек, мы живем не в век космополитизма (в его старом философском понимании – О. Яницкий), а в век космополитизации – «глобальный Другой» уже внутри нас. Мы нуждаемся в космополитической солидарности, говорит Бек. Сегодня мы живем в исторически переходный период «космополитизации». Отсюда, мы нуждаемся в разработке социологического взгляда и затем – проекта, на основе которого эта солидарность может быть создана. Практически ее несущей конструкцией могут стать несколько крупнейших мегаполисов мира, объединенные в сеть. Сети этих городов безграничны и всепроникающи.

Как климатические изменения инициируют новые формы власти, неравенства и новые сообщества – вот фокус эмпирического исследования, которое проводится Беком в четырех мегаполисах: Копенгагене, Сеуле, Осаке и Шанхае. Как мы, спрашивает он, сможем противостоять силе климатических изменений, мы, живущие в мире, который больше не имеет «наружной части», «выхода из него» и «Другого»? Отсюда еще одна историческая загадка для нас с вами: Генплан г. Москвы 1935 г. верстался на основе открытого обсуждения общественностью и международного конкурса урбанистов, хотя наше общество было

тогда тоталитарным и отделено от остального мира железным занавесом. А сегодня Москва – интегральная часть системы крупнейших городов мира, а ее новый Генплан сверстан по лекалам XIX в.

Наконец, подчеркивает Бек, космополитизация рискогенна, и мы, социологи, должны понять, каковы глобальные риски переходного периода к нему. Познание глобальных рисков – средство предвидения и предупреждения глобальной катастрофы. Частью этого исследования должно быть изучение (глобального) неравенства, равно как и (экологической) справедливости.

Научные форумы XVII Всемирный социологический конгресс

Российское участие в конгрессе

Мансуров Валерий Андреевич —
доктор философских наук,
профессор, зам. директора по международным
связям Института социологии РАН

e-mail: mansurov@isras.ru

Российское участие в конгрессе

Очередной XVII всемирный социологический конгресс прошел 11–18 июля 2010 года в Гетеборге. Его научная программа была очень обширной и разнообразной. В работе XVII конгресса международной социологической ассоциации (МСА) в Швеции в 2010 году приняло участие 5007 ученых из 120 стран. Наиболее многочисленными были делегации из США (514), ФРГ (424), Франции (424), Великобритании (399), Швеции (343), Испании (203), Японии (205) и др. В работе Конгресса МСА в Гетеборге приняли также участие более 100 (119) ученых из России и около 50 из стран СНГ. В программе Конгресса отражена работа секционных заседаний 55 Исследовательских Комитетов (ИК), национальных, региональных и тематических ассоциаций, рабочих групп и ad hoc сессий.

Соответственно предметному указателю тезисов, наибольшее число докладов XVII конгресса МСА в Швеции в 2010 было посвящено актуальным вопросам образования, науки, культуры, здравоохранения современного общества, проблемам стабильного развития, соотношению общемировых, региональных и национальных социологических традиций. В центре внимания многих докладов - проблемы трудовой миграции и интеграции мигрантов, а также проблемы соответствия программ обучения современных школ и вузов потребностям рынка труда. Актуальны проблемы экологических и техногенных катастроф, а также проблема снижения социальной напряженности.

Доклады и сообщения российских социологов были включены в программы более 40 заседаний исследовательских комитетов, 2-х специальных сессий, 4-х рабочих групп, 2-х полупленарных сессий и трех тематических сессий. Наиболее популярными среди российских социологов оказались сессии исследовательских комитетов 4 – социология образования (11 докладов), 23 – социология науки и техники (12 докладов), 25 – язык и общество (11 докладов), 52 – социология профессий и профессиональных групп (11 докладов). В этих исследовательских комитетах представители России вновь избраны в состав правлений. На конгрессе прошло заседание нового объединения социологических национальных ассоциаций стран БРИК, на

Научные форумы.
XVII Всемирный социологический конгресс.

котором выступили с докладами президенты социологических обществ этих стран и прошла оживленная дискуссия о новых возможностях сотрудничества социологов. Хочу отметить активность в дискуссии российских социологов (И. Елисейевой, С. Кирдиной, Е. Даниловой, Н. Ашеуловой, Д. Константиновского). Традиционно в составе российской делегации большинство составляли москвичи (69 человек), Санкт-Петербург направил 16 своих представителей, далее Саратов-6, Новосибирск-5, Екатеринбург и Ростов на/Дону по 3 социолога и по одному представителю Краснодар, Пермь, Нижний Новгород, Казань, Чеченская Республика Томск. Самая многочисленная группа участников конгресса была из Института социологии РАН – 22 человека, затем следуют ГУ-ВШЭ – 13, РГГУ – 9, РГСУ-5, МГИМО и Институт психологии РАН по 3 человека, еще 8 организаций по одному представителю, и был один независимый консультант В. Рукавишников.

Научные форумы XVII Всемирный социологический конгресс

Профессиональная идеология альтруизма российских врачей

Мансуров Валерий Андреевич —
доктор философских наук,
профессор, зам. директора по международным
связям Института социологии РАН

e-mail: mansurov@isras.ru

Юрченко Олеся Викторовна —
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник Сектора социологии
профессий и профессиональных групп
Института социологии РАН

e-mail: olesya@mail.ru

Профессиональная идеология альтруизма российских врачей

Аннотация

Авторы исследуют различные подходы социологов к изучению профессионального альтруизма врачей; а также сравнивают, как профессионализм российских врачей оценивается самими врачами и населением страны.

Abstract

The authors explore different approaches to the sociological study of professional altruism of physicians, as well as compare, as the professionalism of Russian doctors assessed by the doctors and the country's population.

Ключевые слова: профессиональный альтруизм, врач, функционализм, неомарксизм, неовеберизм

Keywords: professional altruism, MD, functionalism, neo-Marxism, neoveberianstvo

Социологи рассматривают профессиональный альтруизм как социальное благо и как важную неотъемлемую характеристику профессий интеллектуального труда, в первую очередь – врачей, юристов и преподавателей. Альтруизм может быть не свойственен каждому отдельному профессионалу, но для профессиональной группы в целом является необходимым качеством. Деятельность социально значимых интеллектуальных профессий направлена на реализацию жизненно важных целей в сферах, связанных со здоровьем человека, его правами и образованием. Функционалисты полагали, что профессии интеллектуального труда являются стабильными, эффективными и аполитичными социальными институтами современного общества. В их глазах, врачебная профессия воплощала на практике наиболее значимые общественные этические

ценности. Критики функционалистского подхода подвергли сомнению идею альтруистического служения врачебной профессии обществу. Они обратили внимание на случаи коррупции отдельных представителей профессиональной группы врачей, на примеры несоответствия деятельности полученному сертификату и на профессиональные практики, направленные на извлечение выгоды. В наших исследованиях мы придерживаемся неовеберианской традиции, полагая, что, с одной стороны, профессионалы в своей деятельности стремятся к извлечению выгоды на рынке труда или улучшению статуса в рамках государственной системы. С другой стороны, важным для профессионалов является оказание услуг на должном профессиональном уровне.

Альтруизм профессионалов: теоретические подходы

Функционалисты полагали, что профессии интеллектуального труда являются стабильными, эффективными и аполитичными социальными институтами современного общества. Данное научное направление зародилось в работах основателя структурного функционализма Э. Дюркгейма. В его книге «О разделении общественного труда» (1893 г.) профессиональные группы были выделены в качестве важнейших социальных институтов, которые обеспечивают органическую солидарность в обществе, создают и поддерживают положительные социальные образцы поведения, а также выступают как посредники между отдельными индивидами и государством [1]. Именно разделение труда и профессии воссоздают моральное единство общества, в котором традиционные верования утратили былую силу и привлекательность. Подобное видение социальной роли профессиональных групп в обществе получило развитие в работах социологов-функционалистов в XX в. [2; 3; 4; 5].

В середине 1950-1960-х гг. функционалистский подход в западной социологии был настолько влиятельным, что сами понятия функционализма и социологии стали на время синонимичными [6, с. 17]. В рамках данного научного направления социально значимые профессиональные группы, – в первую очередь врачи, юристы и преподаватели, – рассматривались как особые элементы социальной системы, отличительной характеристикой которых являлся профессиональный альтруизм¹. Социологи

¹ Далее по тексту под социально значимыми или «истинными» профессиями мы понимаем именно эти профессиональные группы.

Социологи рассматривают профессиональный альтруизм как социальное благо и как важную неотъемлемую характеристику профессий интеллектуального труда, в первую очередь – врачей, юристов и преподавателей.

считали профессиональный альтруизм социальным благом и были убеждены, что профессионалы в своей работе неукоснительно соблюдают этические нормы. В случае медицинской профессии речь шла о следовании принципам клятвы Гиппократата. В дальнейшем социологи не отрицали значимости профессионального альтруизма, однако фокус исследований сместился в сторону изучения социальных стратегий, используемых профессионалами для достижения высоких социальных позиций в обществе [7, с. 6].

По мнению функционалистов, профессиональная компетентность должна была коррелировать с основными ценностями общества. Они полагали, что именно те виды занятий, которые имеют непосредственное отношение к формированию основных ценностей в обществе и их сохранению, могут быть отнесены к идеальному типу профессии [8]. Как утверждал Т. Парсонс, истинные «идеально типические» профессии должны обладать институциональными средствами, которые могут гарантировать, что профессиональная компетентность будет направлена на реализацию наиболее значимых целей общества [9, с. 545]. По его мнению, врачебная специальность является наглядным примером «истинной» профессии, так как решает важную социальную задачу сохранения здоровья населения. В то же время, Т. Парсонс полагал, что преподавание и научно-исследовательская работа в рамках таких интеллектуальных дисциплин, как гуманитарные, естественные и социальные науки, также могут считаться истинными профессиями. Большинство социологов считали истинными или «состоявшимися» профессиями, основанными на идее служения обществу, следующие: врачей (сохранение здоровья), священнослужителей (спасение души) и юристов (защита прав человека) [10].

Утверждалось, что истинные профессионалы в первую очередь ориентированы на то, чтобы служить интересам общества, в противоположность достижению своекорыстных целей. Все принимаемые ими повседневные профессиональные решения рассматривались как основанные на интересах клиента, в противоположность материальным интересам и потребностям самих профессионалов [11, с. 278]. В результате социологи-функционалисты объясняли привилегированное положение профессиональных групп врачей, юристов и преподавателей вузов как справедливое, исходя из различной функциональной значимости родов занятий в обществе. Как функционирующий организм,

общество должно каким-то образом распределять своих членов по различным социальным позициям и побуждать их выполнять обязанности, связанные с этими позициями. Оно должно, следовательно, гарантировать себе два разных уровня стимулирования: исподволь возбуждать у нужных индивидов желание занять определенное положение; и у уже занявших это положение – желание выполнять связанные с ним обязанности [12]. Некоторые социологи полагали, что альтруизм свойственен каждому члену социально значимых профессиональных групп¹ [8, а также 13].

Согласно функционалистам, представители истинных профессий рассматривают свою работу как призвание или миссию, при этом их отличает долговременное вовлечение в профессиональную деятельность. Они не стремятся поменять выбранную профессию и утверждают, что опять бы выбрали тот же путь в жизни, если бы вновь оказались в ситуации профессионального выбора. Истинных профессионалов отличает длительный период социализации, тщательно разработанные формальный (письменный) и неформальный этические кодексы. Степень разработанности этических норм и правил часто рассматривалась в качестве одной из основных характеристик, которая позволяла понять, можно ли профессиональную группу отнести к истинной или социальной значимой профессии [14, с. 74]. Утверждалось, что представители истинных профессий работают, руководствуясь «высшими ценностями альтруизма, [социального] процветания, или морального, духовного или эстетического призвания, а не ради будничной прибыли» [15, с. 35].

В 1970-е гг. меняется общественный и научный климат. Все чаще под сомнение ставится сама идея профессионального альтруизма элитных профессий [16]. Примеры коррупции профессионалов, несоответствия профессиональной деятельности полученному сертификату все чаще становятся предметом внимания со стороны широкой общественности. В свою очередь, происходит смещение акцента с функционалистской на конфликтологическую модель объяснения социальной реальности, и на авансцену социологии выходят неовеберианцы и неомарксисты [15, с. 24]. Социологи-функционалисты начинают рассматриваться как «жертвы обмана», которые приняли идеологию

¹ Позднее Дж. Ритцер справедливо писал о том, что функционалисты часто смешивали исследования профессиональных групп как корпоративных акторов с исследованиями профессионалов как индивидуальных работников [13].

профессиональных групп за «чистую монету», не проверяя, насколько провозглашенные идеалы альтруизма и бескорыстного служения соответствуют действительности [17]. Социологи задались вопросами о том, почему элитным «истинным» профессиям удалось достичь своего нынешнего высокого социального положения в западном обществе; может ли альтруизм являться неотъемлемой и неизменной характеристикой профессиональной группы.

Возникает понимание того, что функционалисты часто ставили знак равенства между «описательными» (descriptive) и «нормативными» определениями профессиональных групп [18]. К описательным можно отнести определения, в которых выделялся набор характеристик, необходимых для того, чтобы профессию можно было назвать «истинной» или «состоявшейся». К нормативным определениям можно отнести те, в которых указываются идеалы, к которым должны стремиться члены профессиональных групп. На практике часто оставалось неясным, какое определение – описательное или нормативное – предлагалось социологами. Как пишет Гроссман: «Когда говорится о том, что профессионалы обязуются заботиться о благополучии клиентов и соблюдать их интересы, речь идет о том, что такое положение дел существует в реальности, или о том, что профессионалам следует стремиться к тому, чтобы выполнить данное обязательство?» [18, с. 2].

К середине 1970-х гг. появились две новые модели «идеального типа» профессии: неовеберианская модель «профессии как монополии» и неомарксистская модель, основанная на «производственных отношениях». Несмотря на все существующие разногласия, представители этих теоретических направлений сосредоточились на анализе властных полномочий профессионалов. В результате им удалось уйти от статичного функционалистского взгляда на профессию как на аполитичную и гомогенную группу экспертов. Неомарксисты стремились развенчать представление о том, что альтруизм является неотъемлемой характеристикой профессионалов. Утверждалось, что все заявления о бескорыстном служении обществу являются не более чем маской, за которой скрываются своекорыстные интересы профессионалов. Как утверждает М. Сакс, работы авторов данного направления чаще всего сводились к тому, чтобы продемонстрировать, что профессионалы в западных капиталистических странах находятся на стороне класса угнетателей и действуют в их интересах [19; 20].

Неовеберианцы рассматривают социально значимые профессиональные группы как институционализированную форму монополии на рынке труда и/или как группы, обладающие особыми властными ресурсами. В результате особых исторических и социально-политических условий некоторым профессиональным группам удалось занять монополистическую позицию на рынке услуг здравоохранения, юриспруденции, образования и науки. Неовеберианский анализ выдвигает на первый план задачу описания мобильности профессиональных групп в терминах концепции социального закрытия, введенной в научный оборот М. Вебером [21]. Данное понятие описывает процесс, при помощи которого социальные группы действуют в собственных интересах, обеспечивая относительно небольшой группе избранных широкие возможности на рынке труда. Профессиональные группы рассматриваются как солидарные группы интересов, действующие с целью расширить собственные возможности пользоваться культурными и социальными привилегиями. В соответствии с подходом М. Вебера, в основе самого определения «профессии» лежит понимание профессиональных групп как статусных, то есть в качестве коллективов, которые имеют схожий стиль жизни, язык и культуру, а также руководствуются едиными для всей группы нравственно-этическими принципами [22, с. 658].

Под профессионализацией социально значимых профессий неовеберианцы понимают развертывание своего рода механизма, который позволил представителям этих профессий в значительной мере отгородиться от влияния развивающегося национального государства, организованного капитала и менеджериального контроля. Так, М. Ларсон, одна из первых и наиболее известных исследователей этого направления, утверждает: «Профессионализация является попыткой перевести редкие ресурсы профессиональных групп одного порядка – специализированное знание и умения – в ресурсы другого порядка – социально-экономического вознаграждения. Сохранение редких ресурсов предполагает стремление к монополии: монополии экспертного знания на рынке труда и монополии статуса в системе стратификации» [23, с. 66]. Подобное теоретическое видение социально значимых профессий как статусных групп привело к новой трактовке термина «профессиональный альтруизм». Альтруизм стал восприниматься как составная

часть идеологии профессиональных групп, как необходимая характеристика для формирования благоприятного публичного образа профессии [24].

Критики функционалистского подхода акцентировали внимание на том, что социально значимые профессиональные группы обладают высоким статусом, доходом и широким набором властных полномочий, тогда как идеализация их работы является для них дополнительным социальным вознаграждением [25]. Сами профессионалы обращаются к идее «профессионального альтруизма» и «альтруистического служения обществу» для того, чтобы обосновать соответствующую их высокой социальной миссии «статусную заработную плату». Возникновение профессиональной идеологии альтруизма в Англии XIX в. красноречиво описано в работе Д. Думана: «Центральными для этого процесса стали создание и распространение уникальной идеологии, которая основывалась на идее служения как на моральном императиве. Это позволило врачам, юристам, священнослужителям и другим членам постоянно возникающих профессиональных групп заручиться доверием в обществе, которое позволило обосновать запрос профессионалов на более высокий статус и особые привилегии, такие как автономия» [26, с. 38].

Э. Фрейдсон изучал потенциал различных профессиональных групп создать идеологию, которая гарантировала бы успех на рынке труда [25]. Он пришел к заключению, что идеология, в которой акцент делается на обладании особыми когнитивными и нормативными характеристиками, позволяет профессиональным группам не только занять высокую социальную позицию, но и определять социальную реальность в рамках их сферы деятельности. Профессионалы, опираясь на экспертные знания, претендуют на универсальную обоснованность собственных суждений, даже в тех сферах, которые выходят за рамки их непосредственной компетентности. Хотя основной задачей идеологии, по мнению Э. Фрейдсона, является социальное закрытие группы посредством создания барьеров на пути проникновения обывателей в сферу профессиональной компетентности. В результате, только сами профессионалы могут полноправно судить о качестве проделанной ими работы.

Определенная версия изложения событий, преподнесения фактов, вне зависимости от их истинности или ложности, является идеологизированной, если она позволяет

обладающей властью группе поддерживать и воспроизводить собственный властный ресурс [27, с. 82]. В случае профессиональной группы, идеология выстраивается на утверждении собственной компетентности (знаний и навыков) и респектабельности, которые подразумевают высокий уровень социально-экономических вознаграждений для поддержания соответствующего стиля жизни. Идеология имеет особое значение и для создания внутренней сплоченности, и для внешнего позиционирования группы, без которого невозможно доверие со стороны общества. Профессиональная идеология не только вдохновляет и обязывает к определенному типу поведения, но и оправдывает привилегии профессионалов ввиду их служения главным социальным целям.

Помимо традиционных профессий врачей, юристов и преподавателей, создать профессиональную идеологию стремятся и новые профессионализирующиеся группы для повышения коллективного статуса в системе разделения труда. Современная профессиональная идеология не только затрагивает вопрос альтруистического служения обществу, но и акцентирует проблему «внешних атрибутов респектабельности». Как справедливо утверждает К. Макдональд, идеологический характер носят те действия профессионалов, которые оказывают влияние на самооценку группы и на ее имидж в глазах ее клиентов и представителей других профессий [21, с. 189]. К внешним атрибутам респектабельности можно отнести: расположение офисов в центре города, статусное потребление вещей и дорогостоящей еды, награждение профессионалов различными знаками отличия. Р. Коллинз полагает, что профессиональная идеология, гарантирующая почетный статус, во многом основывается именно на внешних признаках респектабельности и «ритуалах», которые создают сами профессионалы [15, с. 37].

Однако профессионалы не могут быть успешными на рынке труда, преследуя только собственные интересы, направленные на получение рыночной монополии или улучшение собственного социально-экономического положения [21; 28]. Как справедливо утверждает К. Макдональд, мы не можем вернуться к функционалистскому взгляду на профессиональный альтруизм, как на зеркальное отражение реальности [21, с. 101]. В то же время, нельзя забывать о том, что представители социально значимых профессиональных групп оказывают услуги, которые имеют непосредственное отношение к жизни, здоровью, собственности

и другим важным аспектам жизни людей. Свой вклад в становление профессиональной идеологии могут вносить как своекорыстные, так и альтруистические мотивы.

Профессиональное поведение обладает двойственной природой, в нем, подобно мифическому Кентавру, можно обнаружить и человеческие и бесчеловечные проявления [20, с. 21]. Используемая аналогия предполагает, что баланс, который существует между позитивным и негативным набором черт социально-значимых профессиональных групп, пока мало исследован. В рамках работы сектора социологии профессий и профессиональных групп Института социологии РАН мы не ставили перед собой глобальной задачи оценить соотношение между своекорыстными и альтруистическими интересами врачей. В целом, мы придерживаемся сбалансированного взгляда на мотивы профессионалов, признавая двойственную природу профессиональной идеологии. С одной стороны, представители врачебного сообщества стремятся к созданию позитивного имиджа группы для улучшения собственного статуса в системе разделения труда. С другой стороны, многие врачи искренне стремятся к повышению качества оказываемых услуг и соблюдают профессиональный этический кодекс.

Профессиональная идеология альтруизма российских врачей

Исследования социальных установок российских врачей, проводимые нами на протяжении последних десяти лет, показали, что для многих из них важна профессиональная идеология, в которой акцент делается на альтруистическом служении обществу [29]. Интервью с экспертами, представителями врачебного сообщества, продемонстрировали, что, несмотря на сложные финансовые условия, большинство из них по-прежнему высоко оценивает профессионализм российских врачей. Эксперты утверждают, что в большой мере ориентированы на то, чтобы делать свое дело на хорошем уровне, а не на экономическую выгоду. При этом качество работы важнее для них, чем количественные показатели. Заявленная идеология альтруизма не может быть расценена как полноценное отражение реальности. Тем не менее, важно отметить, что российские врачи по-прежнему стремятся позиционировать себя как группу, которая ставит во главу угла идеологию служения обществу.

Как показывают интервью, многие врачи по-прежнему воспринимают свою профессию как призвание и дорожат ею, несмотря на недовольство существующим положением дел в отрасли [30; 31]. Они утверждают, что выбрали бы медицину вновь, если бы опять оказались в ситуации выбора жизненного пути. Данные количественного опроса «Российские врачи: социальные установки и стратегии для адаптации», проведенного нашим сектором в 2001 г., показывали, что даже в наиболее трудный период начала реформирования отрасли здравоохранения, около трети врачей были готовы посоветовать своим детям или близким родственникам выбрать профессию врача (больше в Москве, меньше – в российских регионах). Несмотря на то, что многие врачи были разочарованы положением дел в отрасли, они не разочаровались в своей профессии. В целом более 69% всех респондентов говорили о том, что они не разочарованы во врачебной профессии, несмотря на то, что 82% из них были недовольны своей заработной платой [30].

Многие врачи сегодня, как и десять лет назад, утверждают, что их мотивация в работе не зависит от дохода. Российские врачи хотят, чтобы их рассматривали как группу, которая сохранила профессиональные ценности. Подобно врачам в западном мире, российские врачи рассматривают «профессиональную экспертизу» и «профессиональный альтруизм» как важные элементы профессиональной жизни и культуры [7; 32]. Врачи напрямую не связывают уровень профессиональной экспертизы и качество оказываемой пациентам помощи с ухудшившимися условиями труда. В целом, они высоко оценивают качество клинической работы (7.2 балла по десятибалльной шкале) и отношение врачей к пациентам (7.8 баллов по той же шкале) в собственных медицинских учреждениях [30].

Если посмотреть на образ врача в глазах населения, то можно говорить о том, что вышеупомянутые высокие оценки уровня профессиональной экспертизы преувеличены. Ведь именно оценка работы профессионалов потребителями медицинских услуг является ключевой в решении о том, насколько профессиональная группа соответствует провозглашенному ее идеалу альтруистического служения. В 2006 г. практически половина всех россиян (45%) отметила, что современные российские врачи обладают низким уровнем квалификации и профессиональных знаний [33]. Еще выше была доля респондентов (56%), убежденных,

Важно отметить, что российские врачи по-прежнему стремятся позиционировать себя как группу, которая ставит во главу угла идеологию служения обществу.

что большинство российских врачей относятся к своим пациентам невнимательно и равнодушно. Только 34% респондентов были довольны уровнем профессиональной экспертизы врачей и 30% – отношением с их стороны.

Вероятно, российские врачи нереалистично оценивают уровень собственной профессиональной экспертизы, в связи с тем, что стремятся сохранить позитивный публичный образ профессии, несмотря на низкий социально-экономический статус и ограниченную профессиональную автономию. Врачи, как часть социального слоя интеллигенции, относятся к статусным группам, по М. Веберу, имеющим схожий стиль жизни, моральные ценности, общий язык и культуру. Эти общие черты подразумевают наличие внутренней солидарности и деятельности, предпринимаемой для защиты своих интересов и расширения социальных возможностей. Вопрос о степени профессионального альтруизма врачебного сообщества остается открытым, и во многом будет зависеть от дальнейшего реформирования отрасли здравоохранения.

Библиографический список

1. Durkheim, E. *The Division of Labor in Society*. New York: The Free Press, 1933.
2. Carr-Saunders, A. M.; Wilson, P. A. *The Professions*, London: Frank Cass, 1933.
3. Parsons, T. *The Social System*. New York: Free Press, 1951.
4. Ben-David, J. Scientific productivity and academic organization in nineteenth century medicine // *American Sociological Review*. 1960. № 25. P. 823–843.
5. Halmos, P. *The Personal Service Society*. New York: Schocken Books, 1970.
6. Wallace, R.A. and Wolf, A. *Contemporary Sociological Theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. 1995.
7. Cant, S. and Sharma, U. (eds) *Complementary and Alternative Medicine: Knowledge in Practice*. London: Free Association Books, 1996.
8. Barber, B. Some problems in the sociology of professions // *Daedalus*. 1963. № 92. P. 669–688.
9. Parsons, T. Profession // Shills, D. (ed.) *International Encyclopaedia of the Social Science*. Vol. 12, London: Macmillan and Free Press, 1968.
10. Dingwall, R., Lewis, P. (eds.) *The Sociology of the Professions: Lawyers, Doctors and Others*. London: Macmillan, 1983.

В 2006 г. практически половина всех россиян (45%) отметила, что современные российские врачи обладают низким уровнем квалификации и профессиональных знаний.

11. Goode, W. The theoretical limits of professionalization // Etzioni, A. (ed.) *The Semi-Professions and Their Organizations: Teachers, Nurses and Social Workers*. New York: Free Press, 1969.
12. Davis, K., Moore, W. Some principles of social stratification // *American Sociological Review*. 1945. № 10. P. 242–249.
13. Ritzer, G. Professionalism and the individual // Freidson, E. (ed.) *The Professions and Their Prospects*. Beverly Hills: Sage, 1973.
14. Hall, R. *Occupations and Their Social Structure*. New Jersey: Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, 1975.
15. Collins, R. Market closure and the conflict theory of the professions // Burrage, M. and Torstendahl, R. (eds.) *Professions in Theory and History: Rethinking the Study of the Professions*. London: Sage, 1990.
16. Saks, M. *Professions and the Public Interest: Professional Power, Altruism and Alternative Medicine*. London: Routledge, 1995.
17. Roth J. Professionalism: the sociologist's decoy // *Sociology of Work and Occupations*. 1974, № 1(1). P. 6–23.
18. Grossman, A. Is Professionalisation Always to be Desired? Paper for the Royal Society for the Encouragement of Arts, Manufacture and Commerce. 2004.
19. Saks, M. The wheel turns? Professionalisation and alternative medicine in Britain // *Journal of Interprofessional Care*. 1999. № 13 (2). P. 129–138.
20. Saks, M. Professions, markets and public responsibility // Dent, M., O'Neill, and Bagley, C. (eds) *Professions, New Public Management and the European Welfare State*, Stafford: Staffordshire University Press, 1999.
21. Macdonald, K. M. *The Sociology of the Professions*. London: Sage, 1995.
22. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. *Избранные произведения* / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
23. Larson 1977.
24. Porter, R. *Disease, Medicine and Society, 1550-1860*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
25. Freidson, E. *Professionalism Reborn: Theory, Prophecy and Policy*, Chicago: University of Chicago Press, 1994.
26. Duman, D. The creation and diffusion of a professional ideology in nineteenth century England // *American Sociological Review*. 1979. № 113. P. 38.
27. Burr, V. *An Introduction to Social Constructionism*. London and New York: Routledge, 1995.
28. Saks, M. *Orthodox and Alternative Medicine: Politics, Professionalization and Health Care*. London: Sage/Continuum, 2003.

29. Мансуров В., Юрченко О. Конструирование новых статусных позиций в процессе профессионализации // Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 139–156.
30. Yurchenko, O. A Sociological Analysis of Professionalisation of Orthodox and Alternative Medicine in Russia. Unpublished PhD thesis. University De Montfort, 2004.
31. Саркисян А., Злодеева Е. Всероссийское обсуждение. Реформа здравоохранения, предлагаемая правительством РФ и его экспертами: точка зрения врачебных коллективов учреждений здравоохранения РФ. 2005 // Сайт Российского медицинского общества URL: <http://www.rmass.ru/publ/info/VMO1>.
32. Abbott, A. The System of Professions: an Essay on the Division of Expert Labour. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
33. Профессия: врач // Фонд общественного мнения, 2006. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd062926>.

Научные форумы XVII Всемирный социологический конгресс

Образование – для кого и зачем?

Константиновский Давид Львович —
доктор социологических наук,
руководитель Центра социологии
образования, науки и культуры

e-mail: konstant@isras.ru

Образование – для кого и зачем?

Аннотация

В институте образования отображается дифференциация, существующая и усиливающаяся в нашем обществе: в соответствии со спросом населения одни вузы дают образование (а значит, в будущем, профессию, стабильный хороший статус, интересную работу и т. д.), другие – только дипломы (с ними всё же зарплата выше и безработица меньше, чем без них).

Abstract

The Institute of Education shows the differentiation, the existing and growing in our society: in accordance with public demand some universities provide education (and hence in the future, the profession, the stable status of good, interesting work, etc.), others - only degrees (with they still pay higher and unemployment lower than without them.)

Ключевые слова: образование, высшее образование, диплом, псевдообразование, вуз

Keywords: education, higher education, a diploma, a pseudo-education, university

Стремление получить диплом университета – наиболее общая характеристика устремлений российской молодежи. Причину этого объясняют данные статистики и обследований: только имеющие высшее образование получают в России более высокую заработную плату (см. рис. 1), и безработица у обладателей университетских дипломов – наименьшая (см. рис. 2) [1]. То есть просто люди ведут себя естественно: улавливают сигналы, которые идут к ним из внешнего мира, хотя и с шумами и искажениями, и поступают рационально.

Интернационализация образования, в особенности включение в европейское образовательное пространство, – одна из наиболее интенсивно обсуждаемых тем в российском образовательном и научном сообществе.

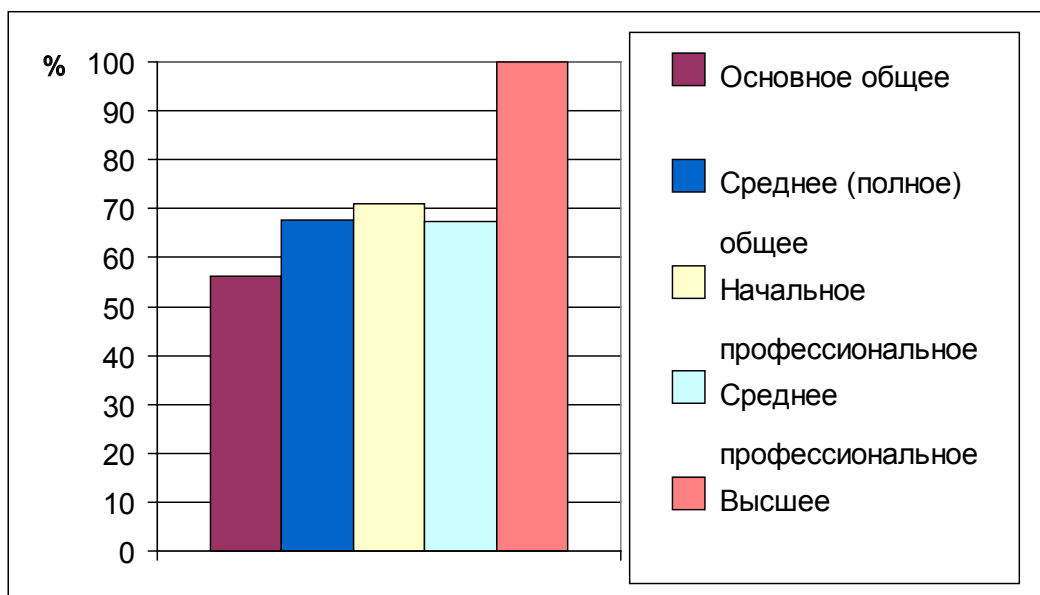

Рис. 1. Средняя заработная плата по уровням образования, %

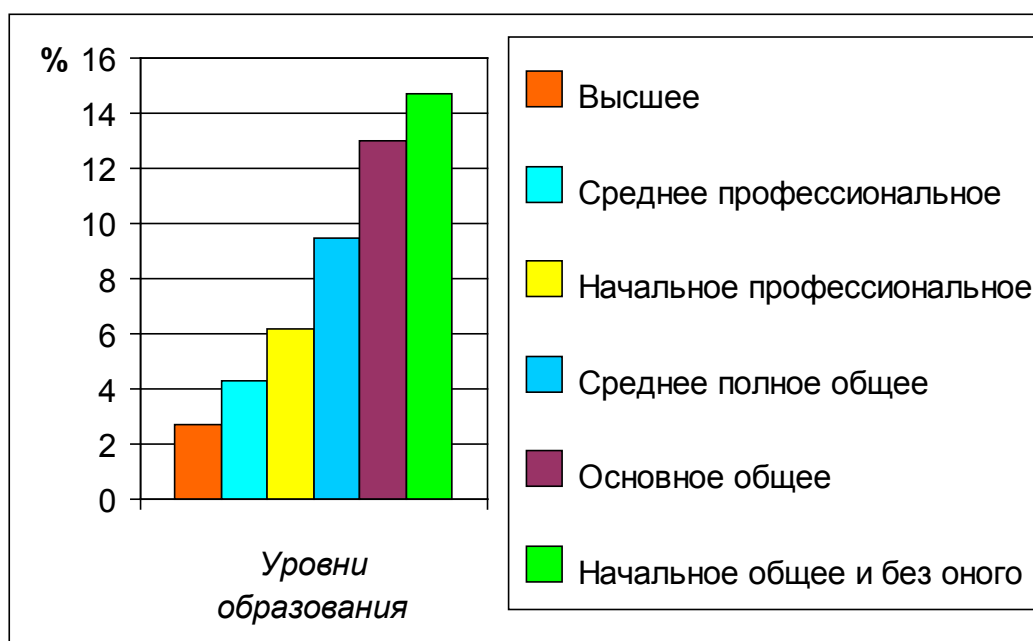

Рис. 2. Безработица, 2007, %

Спрос у населения на высшее образование порождает ответ системы образования: предложение со стороны вузов. Спрос дифференцирован. Одним нужно образование – то есть знания, профессия, которые позволяют получить работу, требующую высокой квалификации и дающую соответствующие блага. Другим нужен только диплом. Соответственно дифференцировано и предложение. Одни вузы дают образование, другие – дипломы.

Университеты, дающие хорошее образование, ориентированы на международное сотрудничество (включая Болонский процесс). Интернационализация образования,

в особенности включение в европейское образовательное пространство, – одна из наиболее интенсивно обсуждаемых тем в российском образовательном и научном сообществе. С одной стороны, работодатели (как основные заказчики университетов на рынке труда) подтверждают существенность интернационализации, они все чаще настаивают на том, что выпускники университетов должны иметь такие профессиональные качества, которые позволяли бы им работать в международной среде, участвовать в реализации международных проектов. Также мы видим, что международная деятельность университета реально влияет на регион, в котором он расположен: регион активнее интегрируется в международное сотрудничество; получает доступ к научным достижениям, новым материалам и передовым технологиям; приобретает возможности для межкультурной коммуникации.

Одновременно необходимы оценка как позитивных, так и негативных последствий интернационализации, учет национальных культурных традиций, сохранение достижений отечественной системы образования. Многие обеспокоены тем, что существующая модель образования будет разрушена, а новая не будет обладать ощутимыми преимуществами. Важным аргументом противников международной интеграции университетов являются опасения относительно оттока интеллектуальных кадров («утечки мозгов»); опасения не беспочвенные, хотя активная международная деятельность вуза – не единственная причина оттока кадров, есть и другие существенные причины.

Проведенные исследования показывают, какие линии поведения избирают российские университеты, каково отношение российских преподавателей и студентов к нововведениям, направленным на взаимодействие с зарубежными университетами.

Каковы стратегии продвижения российских университетов на международный рынок образования? Анализ позволяет свести эти стратегии к следующим разновидностям. Мобилизационную стратегию отличает задействование всех ресурсов университета для успешного продвижения на международный рынок образования. Ситуационная стратегия реализуется в зависимости от складывающейся ситуации; зачастую университет развивает отдельные направления деятельности, наиболее успешные или традиционные для него. Выжидательная стратегия – такая, при которой вуз не проявляет инициативу в международном

Одновременно необходимы оценка как позитивных, так и негативных последствий интернационализации, учет национальных культурных традиций, сохранение достижений отечественной системы образования.

сотрудничестве; причинами могут быть принципиальное неприятие такой деятельности, нехватка ресурсов, невозможность выпускников на рынке труда или неудачный опыт реализации совместных программ в прошлом.

Обследованные московские и региональные вузы, заинтересованные в сотрудничестве с зарубежными университетами, сталкиваются со следующими проблемами. Нередко они не имеют достаточного опыта в налаживании международного образовательного сотрудничества. Более того, обнаруживается слабая информированность о возможностях сотрудничества. Работодатели заинтересованы в интернационализации образования, но реальной поддержки с их стороны нет. У многих университетов не хватает финансовых, материальных ресурсов. Российские преподаватели и студенты недостаточно знают иностранные языки. Совместные образовательные программы оказываются слишком дорогими для многих российских студентов. Существенной проблемой является отношение преподавателей к интеграции, они настороженно воспринимают некоторые нововведения как угрозу их статусу.

Иные университеты дают, по существу, не качественное образование, а дипломы после нескольких лет пребывания в числе студентов. Однако многие выпускники школ и их родители заинтересованы в таком образовании, точнее – в получении таких дипломов. Почему? Дело в том, что работодатели зачастую ставят условие: работник должен иметь диплом о высшем образовании, даже если речь идет всего лишь о должности продавца в магазине готового платья или секретаря в офисе. Работодателю в таких случаях вовсе не нужна квалификация инженера или филолога. Но работодатель считает, что за годы пребывания в университете молодой человек прошел некоторую социализацию, надеется, что выпускник университета будет вежлив, управляем, быстрее освоит нужные навыки.

Такие университеты вовсе не являются маленькими и скромными. Зачастую они имеют большие прекрасные здания (и не одно), у них большой контингент студентов. Они располагают большими денежными средствами благодаря тому, что взимают плату за обучение, точнее – за пребывание в вузе. А затраты на учебный процесс у них невелики.

Когда идет речь о доступности высшего образования, нужно оговариваться, – какого: качественного, реального или псевдо-образования. Однако и настоящее образование,

и псевдо-образование становятся год от года более доступными для детей из успешных семей с более высоким доходом и менее доступными – для детей из семей с меньшим доходом. Это показывают результаты наших исследований. Чем выше доход семьи, тем успешнее карьера ребенка в сфере образования (см. рис. 3).

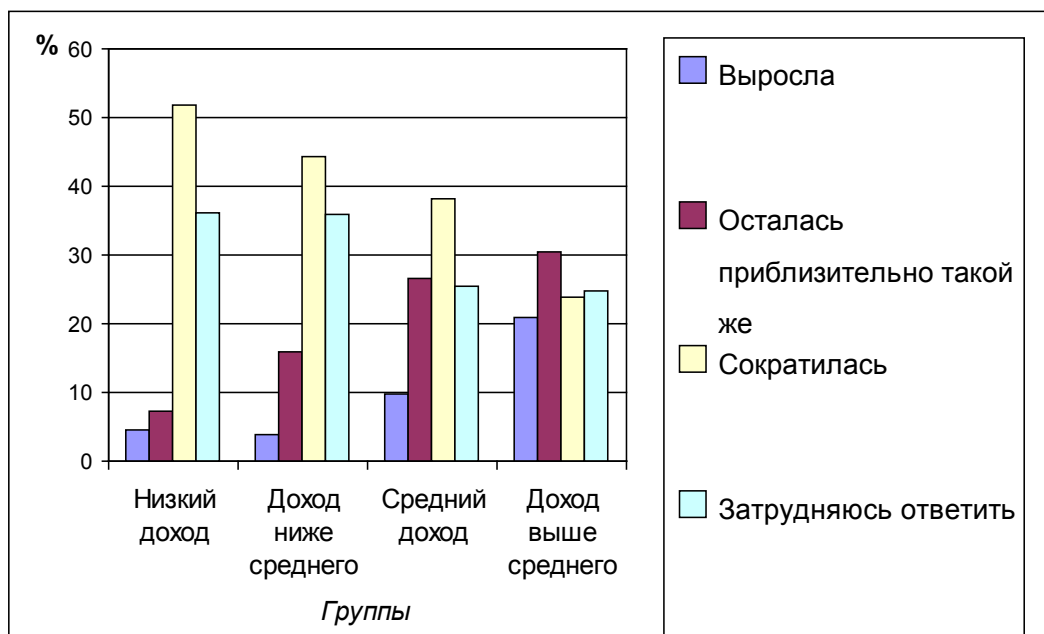

Рис. 3. «Как Вы считаете, выросла ли за последние 10–15 лет доступность вузов для детей из таких семей, как Ваша?», ответы родителей, %. Общероссийское обследование

Есть и еще один существенный признак для такой дифференциации. Это – специальность, по которой обучаются студенты. Те, кто обучается специальностям, связанным с информационными технологиями (IT), с высокой вероятностью будут востребованы на рынке труда. Те, кто обучается, например, математике или биологии, обычно не планируют работать в науке, где заработная плата низка. Становиться учителями в школах они также не хотят – по той же причине. Не собираются работать по специальности многие будущие филологи, историки, другие гуманитарии. Одни будут искать любую работу, другие намерены с помощью родителей заняться бизнесом – это торговля, туристические и другие услуги. Другими словами, есть факультеты и целые университеты, которые готовят для общества кого угодно, но не тех, кого обещают подготовить. Социологи с хорошим образованием находят работу в фирмах, занимающихся маркетингом, банках, консалтинговых фирмах. Социологи с плохим образованием ищут себе иное применение.

Чрезвычайно популярные среди молодых людей и их родителей специальности – экономика, финансы, юриспруденция. В общественном мнении существуют модели преуспевающих экономиста и юриста. Большая доля выпускников школ поступает учиться именно по этим профессиям. Однако рынок труда по ним уже насыщен, столько юристов и финансистов не требуется. Кроме того, лишь немногие университеты выпускают действительно квалифицированных юристов, экономистов, финансистов. В результате – разочарование, безработица, поиск любой занятости.

Каково отношение к этому? Государство выражает неудовлетворенность: общественные средства, затрачиваемые на образование, нередко тратятся впустую. Зачем, например, обучать молодого человека профессиям инженера или учителя, если он пойдет работать в банк или магазин? Общественное мнение близко к этой точке зрения, но многие эксперты и родители настаивают, что молодежь должна иметь возможность свободного выбора.

Обретение новой специальности после получения университетского диплома стало почти правилом. Университеты становятся едва ли не старшей ступенью школы. После университета молодой человек приобретает профессию, востребованную на рынке труда.

По материалам переписей населения, у нас в стране доля имеющих высшее образование с 1989 по 2002 гг. возросла практически в полтора раза (см. рис. 4), а за последние годы она продолжает расти еще быстрее. В дальнейшем, прогнозируется: упадет привлекательность высшего образования (ведь «премия» за высшее образование снизится, безработица лиц с высшим образованием возрастет); будет «гонка дипломов»: будут получать второе высшее образование и т. п. На самом деле, можно предположить, что увеличится дифференциация университетов (и, соответственно, дипломов) вследствие (и в ответ на) рост дифференциации запросов населения (кому диплом, кому образование).

Возрастет дифференциация и школ, так как путь в университет соответствующего уровня ведет из соответствующей школы. Возрастет дифференциация и детских садов и других учреждений дошкольного образования (по той же причине).

Это дифференцированный ответ на дифференцированный спрос – как продолжение определившейся тенденции.

Есть факультеты и целые университеты, которые готовят для общества кого угодно, но не тех, кого обещают подготовить. Государство выражает неудовлетворенность: общественные средства, затрачиваемые на образование, нередко тратятся впустую. Общественное мнение близко к этой точке зрения, но многие эксперты и родители настаивают, что молодежь должна иметь возможность свободного выбора.

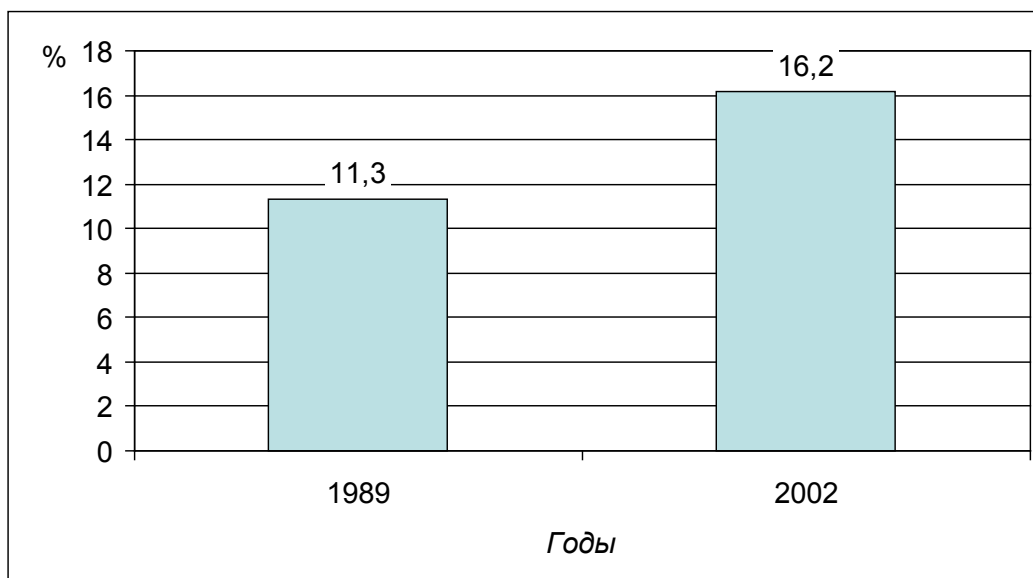

Рис. 4. Образовательная структура населения: высшее образование (перепись населения), %

Как бы ни сложилось в дальнейшем, нельзя сказать, что складывающаяся ситуация будет устраивать всех и будет стабильной. Дифференциация дипломов – это дифференциация их получателей. Разные дипломы – разные судьбы. По существу, что в обществе – то и в институте образования. Здесь отображается дифференциация, существующая в нашем обществе.

Кому – профессию, стабильный хороший статус, интересную работу, хорошие книги, музыкальные шедевры; а кому – диплом, массовую профессию, посредственный уровень жизни и телевизор.

А ведь соотношение ожиданий, ориентаций, планов, с которыми молодые люди входят в самостоятельную жизнь, и реальности, обуславливающей ограничения их действительных достижений, дают в результате основания для оценки индивидом места в жизни, которое определило ему общество, справедливости или несправедливости того, как сложилась жизненная карьера в тех обстоятельствах, которые уготовила ему судьба.

Молодые люди, не получающие хорошего образования, не могут не видеть различий между своими жизненными шансами и возможностями тех, кого ждут иные жизненные пути. Существенный дисбаланс между ожиданиями и реальностью ведет к деформации ценностей и социальных ориентаций. Осознание невозможности достичь желаемого статуса, намеченного жизненного стандарта неминуемо вызывает перманентную неудовлетворенность человека своим положением. У молодых людей укрепляется убеждение,

что их интересы ущемлены, что они в социальном, экономическом плане отброшены на обочину жизни. Происходит разрушение идеалов, усиливается недоверие к социальным институтам и ценностям. В итоге возникает предрасположенность к девиантному поведению, к асоциальным поступкам. Кроме того, молодежь становится идеальным объектом манипуляций, включая политические; она оказывается не субъектом общественной жизни, а средством, орудием, материалом для тех или иных сил.

Итак, мы наблюдаем дифференцированный ответ на дифференцированный спрос.

Нет недостатка в предложениях, что делать.

Закрыть псевдо-вузы? Вроде правильно. Но куда деться этой молодежи, которая там проводит годы? Может быть, их ждут на рынке труда? Нет. Преобразовать эти вузы в иные учебные заведения, вплоть до профессиональных училищ? Но эта молодежь нацелена на пребывание (не говорю – учебу) именно в учебном заведении, которое называется – вуз. О причинах я сказал: выше зарплата и меньше безработица.

Остается традиционный вопрос: что мы должны и можем сделать в этой ситуации?

Библиографический список

1. Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / Под ред. В. Е. Гимпельсона и Р. И. Капелюшниковой. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2007. С. 343–402.

Существенный дисбаланс между ожиданиями и реальностью ведет к деформации ценностей и социальных ориентаций.

Научные форумы

Всероссийская научная конференция «Этнос, нация, общество: российская реальность и перспективы»

Политическая нация и этничность в беспокойном современном обществе

Щеголькова Елена Юрьевна —
научный сотрудник
Института социологии РАН

e-mail: le_na_3@mail.ru

Политическая нация и этничность в беспокойном современном обществе

Научные форумы.
Всероссийская научная
конференция «Этнос, на-
ция, общество: российская
реальность и перспективы».

1–3 ноября 2010 г. в Москве состоялась Всероссийская социологическая конференция «Этнос, нация, общество: российская реальность и перспективы».

Организаторами конференции выступили Российское общество социологов, Институт социологии РАН, Российский университет дружбы народов.

Конференция была посвящена потенциалу российской гражданской нации в процессе интеграции и модернизации общества, анализу структуры и функций российской идентичности, ее совместимости с этнической, региональной и конфессиональной идентичностью, а также роли государства и общества в формировании позитивных солидаризирующих ценностей и норм поведения, развитию взаимопонимания и согласия, предупреждении ксенофобий и экстремизма.

Работа конференции проходила в формате пленарных и секционных заседаний и круглых столов.

Состав участников: в оргкомитет конференции поступило более 200 заявок из университетов и институтов, более чем из 40 регионов России, государств ближнего и дальнего зарубежья (Казахстан, Латвия, Украина, Венгрия, Сербия, Чехия, Германия, Япония). В работе конференции приняли участие около 100 ученых.

На пленарном заседании конференции выступили с приветствиями президент РОС, д.филос.н., проф. В.А. Мансуров, проректор по научной работе Российского университета дружбы народов, проф., д.филос.н. Н.С. Кирабаев, были заслушаны доклады директора Института социологии РАН, член-корреспондента РАН, д.филос.н. М.К. Горшкова, директора Института этнологии и антропологии РАН академика РАН В.А. Тишкова, руководителя Центра

исследования межнациональных отношений ИС РАН, д.и.н., профессора Л.М. Дробижевой, член-корреспондента РАН Ю.В. Арутюняна, главного редактора журнала «Социологические исследования» члена-корреспондента РАН Ж.Т. Тощенко. С приветственным словом также выступили зарубежные гости – директор Института социологии Венгерской академии наук, действительный член Венгерской академии инженерных наук, профессор Пал Тамаш и сербский социолог, профессор Белградского университета Данило Маркович, которым было присвоено звание Почетного доктора Института социологии РАН.

Сессию пленарных докладов открыло выступление члена-корреспондента РАН М.К. Горшкова¹. В его докладе «Социальные основы гражданской нации в России» внимание было сконцентрировано на специфических факторах, осложняющих процесс консолидации российской гражданской нации – непродуктивность модернизации «сверху», глубокое социальное неравенство, пренебрежение правами человека, копирование «западных» образцов модернизации, неадаптированных к российским реалиям и противоречащих социокультурным традициям народов России. В числе положительных моментов модернизационного развития России был отмечен утвердившийся взгляд на идентичность как на ресурс общественного развития. Современная российская идентичность сочетает в себе, по мнению докладчика, несколько компонентов – новый российский, ностальгический советский, региональный, этнический и др. Представления о России как о цивилизации и нации восприняты властью и обществом. Все это дает основание полагать, что Россия «реформирующаяся» превращается в Россию «порезформенную».

В докладе «О сложностях современных наций» академик РАН В.А. Тишков отметил противоречивость развития современной культуры по пути к глобализации. Бесспорным, с его точки зрения, остается процесс изменения структуры воспроизводства современной культуры, ведущим актором которого выступает сегодня не этническая группа или конфессиональное сообщество, а национальное государство, выполняющее задачу по поддержанию специфики культурных систем. В качестве основных черт, определяющих развитие современной культуры, докладчик

¹ При подготовке обзора конференции использован представленный на сайте РОС материал Е. Ерохиной URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=419

отметил усиление ее мозаичности, сложность и многообразие, основу которых составляет разнообразие этнических групп, языков и религий.

Основное внимание было уделено существующим представлениям о современной нации, специфическому опыту использования понятия «нация» в российском государственном дискурсе. В.А. Тишков дал гражданское определение нации как сообщества свободных и равноправных граждан, говорящих на одном языке, имеющих общие ценности и лояльных к своему государству.

«Отец» отечественной этносоциологии, член-корреспондент РАН Ю.В. Арутюнян, выступивший с докладом **«Русский этнос: демографические изменения и востребованность межэтнической интеграции»**, рассказал о том, насколько востребован русскими интеграционный потенциал идеи российской нации. Говоря о соотношении разных типов «я-идентичностей» у русских, докладчик, сделал вывод о большей востребованности этнической идентичности по сравнению с гражданской и о глубокой приверженности идентичности советского периода («советский народ») в сравнении с другими типами самоидентификаций.

В докладе профессора Л.М. Дробижевой **«Межэтнические отношения: новые подходы, старые мифы, современные практики»** были развенчаны мифы об этничности, распространенные в современном обществе¹. Особое внимание в выступлении было уделено влиянию глобализации на этносоциальные процессы, которая оказывает сегодня не только унифицирующее, но и фрагментирующее воздействие на российский социум.

Одновременно Л.М. Дробижева подчеркнула, что в настоящее время гражданская идентичность уже совсем не миф, а реальность. Она конкурентоспособна и ее придерживаются по данным на 2008 г. практически 70% населения, а в более благополучных районах с доминирующим русским населением гражданская идентичность стала превалировать по отношению к этнической.

Пленарное заседание завершил доклад члена-корреспондента РАН Ж.Т. Тоценко **«Этнократия и интересы народа»**, посвященный существенным положениям теории этнократии и ее эвристическому потенциалу при изучении этнополитических процессов.

¹ Подробнее см. Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии. 2010, № 1.

Программа конференции включала работу девяти секций, двух круглых столов и Харчевских чтений.

Секция «Теоретические вопросы нации, этничности, взаимодействия с обществом» (руководители Волковс В.В., Институт философии и социологии Латвийского университета; Низамова Л.Р.; Казанский государственный университет, Паин Э.А., ИС РАН), вызвавшая большой интерес, была посвящена обсуждению теоретических вопросов наций и этничности. В выступлениях Паина Э.А., Низамовой Л.Р. ставилась проблема о более внимательном прочтении и интерпретации теоретических представлений о конструктивистском подходе в изучении этносоциальных общностей, о современном дискурс-анализе мультикультурализма. Основная мысль докладчиков сводилась к тому, что наибольший эффект мы получаем тогда, когда обеспечиваем разумное сочетание теоретических подходов без присвоения «ярлыков» тому или иному автору. Об эффективности синтеза концепций национализма говорила в своем выступлении Л.В. Сагитова. Особое внимание на секции было уделено раскрытию понятия «этническое меньшинство», которое представили ученые из Латвии – В.В. Волковс, С. Круминя-Конькова. Рунце И. заострила внимание на совместимости региональной и национальной идентичности на примере Латвии.

На секции «Социальные и культурные основы интеграции российской нации. Регулирование межэтнических отношений» (руководитель Дробижева Л.М., ИС РАН), Мусина Р.Н. (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ) обсуждались перспективы интеграционного потенциала гражданской идентичности, влияние языкового и этнического фактора на ее развитие. Участники дискуссии пришли к выводу, что российская идентичность и идея российской нации достаточно распространены на всей территории страны, русский и языки других народов, как правило, не находятся в конфронтации, а ислам и православие не антагонистичны друг другу и нейтральны по отношению к гражданской идентичности. Конфликтным является радикальный ислам, который набирает силу на Северном Кавказе и начинает распространяться в других субъектах Федерации.

В докладах выступающих были всесторонне представлены процессы, представляющие для российской интеграции опасность. Последняя заключается в усложнении межэтнических взаимодействий, в росте негативных межэтнических

установок, в том числе, в латентной форме (а как показали последние декабрьские события – и в открытой), а также в ущемлениях по этническому происхождению при оплате труда и предоставлении услуг, в «языке вражды» в СМИ.

Говоря о трудностях на пути распространения идеи российской гражданской идентичности, участниками обсуждения был отмечен ряд факторов, снижающих ее потенциал. Среди них несогласованность между действиями власти и ожиданиями людей в регионах, отсутствие реального федерализма и четкого определения национальной идентичности политической элитой и государственными институтами. Гость из Сербии, профессор Данило Маркович рассказал о противоречиях, с которыми сталкивается сербское общество на пути европейской интеграции.

На секции **«Иммиграционный приток и проблемы адаптации в поликультурном пространстве»** (руководители **Кузнецов И.М.** и **Мукомель В.И.**, ИС РАН) обсуждались проблемы взаимоотношений принимающего населения и мигрантов, стратегии и факторы адаптации последних к принимающему сообществу. Участниками заседания были отмечены важные аспекты обсуждаемых проблем: внутрироссийская миграция, особенно из Северного Кавказа, в настоящее время не менее интенсивна, нежели внешняя; в условиях крупных российских городов этничность перестает быть просто способом идентификации, а скорее становится социально-экономическим ресурсом, социальным капиталом этнических меньшинств в освоении новых для них территорий; маркеры этнических границ становятся маркерами освоения нового социокультурного пространства. Как отметили участники обсуждения, такая новая семантика стандартных практик выстраивания культурных границ в принимающем сообществе должна быть учтена и инструментально оформлена в ходе дальнейших исследований эволюции сценариев адаптации мигрантов в принимающем сообществе.

На заседании секции **«Управление межэтническими противоречиями на уровне местных органов власти»** (руководители **Акимкин Е.М.**; ИС РАН, **Колосов В.А.**; ИГ РАН, **Заборова Е.Н.**, Уральский государственный экономический университет) поднимались вопросы управления межэтническими взаимодействиями в городах и муниципальных образованиях. Участники дискуссии, подчеркивая важность локальных социологических исследований, выделили три типа регионов по уровню участия социологов

в управлении межэтническими отношениями. К первому типу были отнесены те, где власть и социологи работают вместе. В этих регионах позиция социологов весьма активна, и власть оказывается способной регулировать этносоциальные процессы. Второй тип – это регионы, где социологи оказываются вынужденными самостоятельно проявлять активность и провоцировать власть на конструктивное участие в межэтнических процессах. К третьему типу были отнесены регионы, где власть делает вид, что проблем в этой сфере не существует, и социологи вынуждены осуществлять инициативные проекты.

Участники этой секции выступили со следующими предложениями к органам государственной власти: о необходимости закона о национальной политике, чтобы разграничить полномочия и сферы компетенции на разных уровнях власти, в том числе и в отношениях между региональными и муниципальными органами; о необходимости внесения поправок в нормативно-правовые документы, регулирующие процедуры экспертизы планов развития городов и регионов.

В докладах секции «**Этносоциальные проблемы в информационном пространстве**» (руководители Адамьянц Т.З., ИС РАН; Дзякович Е.В., Поволжская академия государственной службы; Сагитова Л.В., Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ) обсуждались информационные аспекты этносоциальных проблем. Участники пришли к выводу, что в процессе конструирования образов «своего» и «другого» прослеживается четкая дифференциация, в основании которой лежит критерий «местный» – «приезжий». Так, в качестве «чужих» выделяются представители диаспор, мигранты, выходцы из регионов Кавказа и Средней Азии. «Своими другими» для русских оказываются представители коренных для данной территории этносов — татар, башкир, чувашей и пр. Дискутанты обратили внимание на тревожную тенденцию в информационном пространстве, искажающую характер восприятия представителей иноэтнических культур, непредставленность мнений самих мигрантов.

Дискуссии в рамках круглого стола «**Межэтнические конфликты на Северном Кавказе**» (руководители Дмитриев А.В., ИС РАН; Савва М.В., Кубанский государственный университет) показали неоднозначность социальной и политической ситуации, назревшей в республиках Северного Кавказа. Дерусификация населения региона

послужила причиной его демодернизации, так как с оттоком русского населения, носителя модернизационных практик, усилилась архаизация социальной жизни, возродились клановые связи и отношения. В условиях войны и социальной нестабильности трансформировалась вся социальная структура, необратимо модернизировались многие традиционные социальные институты: семьи, старейшин и т. д.

Участники круглого стола отметили, что федеральный центр должен занять более активную позицию в отношении регулирования ситуации на Северном Кавказе. Необходима комплексная модернизация региона, и, прежде всего, тех отраслей, которые связаны с промышленным производством.

Конференция завершилась заключительным пленарным докладом заместителя министра регионального развития РФ Максима Александровича Травникова «Идеология российской идентичности и практика ее реализации». Квинтэссенцией его доклада стала идея – «любое государство состоялось настолько, насколько состоялось гражданское единство». Озвучивая позицию Минрегионразвития РФ, докладчик подчеркнул, что основой стабильности является соответствие между декларируемым властью и гражданским обществом набором ценностей и ожиданиями населения.

Первоначально необходимо сформулировать набор базовых ценностей, в состав которого с необходимостью должны войти 1) русский язык, язык российского образования, язык нашей внутренней коммуникации, язык донесения нас «вовне»; 2) историческая память, общая для всех народов России; 3) психологические особенности: ментальность и модели поведения людей; 4) экономические связи и модель экономики, в том числе и на «малом» уровне; 5) взаимопроникновение культур народов. Главная проблема состоит не в отсутствии этих ценностей в сознании россиян, а в том, что четко не сформулированы в виде ценностного набора, что затрудняет их пропаганду. Также нужна четко выстроенная и непротиворечивая иерархия идентичностей, где бы гражданская идентичность обладала самым высоким статусом.

В докладе, с которым выступал замминистра, были отмечены проблемы, препятствующие развитию позитивного потенциала гражданского сознания россиян. К их числу относятся завышенные ожидания в отношении возможности власти влиять на повседневную жизнь граждан,

склонность перекладывать на других собственные проблемы, патернализм, отсутствие солидарности, ослабление иммунитета к ксенофобии, чрезмерная регионализация, способствующая формированию региональной гражданской идентичности, заменяя собой ощущение российского гражданства.

Вынося на обсуждение программу практических действий, Максим Александрович высказал собственную позицию относительно нормативно-правового регулирования данной сферы общественной жизни. Законотворческие усилия должны быть сконцентрированы на том, чтобы придать «общее» направление общественному развитию, а не регулировать каждое явление общественной жизни законом.

Другой актуальной задачей является артикуляция идеологического набора и пропаганда, связанная с российской идентичностью. В этом направлении Министерством предприняты определенные шаги – телевизионные проекты с участием популярных узнаваемых людей («Народов много — страна одна»), учреждение конкурсов для журналистов, пропагандирующих ценности солидарности и согласия (конкурс «Миротворец»), открытие передачи, посвященной российской идентичности, на радиостанции «Эхо Москвы» и раздела «Национальный акцент» на страницах «Аргументов недели», подготовка Атласа культуры и религии совместно с Институтом этнологии и антропологии РАН, субсидирование федеральных целевых программ для коренных и малочисленных народов Севера, российских немцев и т. д.

Закрывая заключительное пленарное заседание, Председатель Программного комитета конференции профессор Л.М. Дробижева высказала надежду на то, что трудности, стоящие перед нашим обществом, могут быть преодолены совместными усилиями: «Одним умом Россию не понять, а многими умами можно!»

Научные форумы

Всероссийская научная конференция «Этнос, нация, общество: российская реальность и перспективы»

Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики

Дробижева Леокадия Михайловна —
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
руководитель Центра
исследований межнациональных отношений
Института социологии РАН

e-mail: drobizheva@yandex.ru

Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики

Аннотация

Автор показывает, как изучение социальных практик корректирует мифы об этничности в условиях глобализации, а также отсутствие политики в этнически маркированном российском пространстве. Показывает опасность оценки ксенофобии только на основе проявлений экстремизма.

Abstract

The author shows how the study of social practice helps to revise myths of ethnicity in the context of globalization. The article draws attention to the absence of a consistent policy in the ethnical Russian space. It shows dangers related to the assessment of xenophobia only on the basis of extremism.

Ключевые слова: этнические предубеждения, этничность, этническая маркировка социального пространства, гражданская идентичность

Keywords: ethnic prejudices, ethnic ethnicity, social space, marking civil identity

Российские ученые не раз замечали, что воспринимаемые у нас западные оценки социальных явлений нередко рассматриваются как реальные, тогда как там уже пересматривались или интерпретировались ущербно. Так произошло и с рядом теоретических выводов, которые осмысливались в терминах этничности.

Одним из них был вывод о том, что этничность теряет значение в условиях глобализации. Ряд последних публикаций западных ученых утверждали не только то, что этнический национализм «далек от смерти», но по-

казывали, как политики успешно используют этнические чувства для политической мобилизации, особенно в связи с антииммигрантскими настроениями [1].

Надо сказать, что исследования отечественных этносоциологов тоже не давали оснований забыть об этничности. И не только потому, что у немалой части нашего населения сохраняются этнические предрассудки и ими пользуются политики радикального направления, а в районах с постконфликтной ситуацией на Северном Кавказе сохраняется тревожащий уровень этнической мобилизации. Этническая идентичность как у русских, так и у людей тех национальностей, которые дают название республикам, не только остается столь же распространенной, как и десять лет назад (у 80–90% населения и более), но и у очень значительной части наших граждан сохраняется ощущение «сильной связи» с людьми их национальности. По данным «Европейского социального исследования» такие ощущения сохраняются более чем у 60% русских. И все это дает основание полагать, что исчезновение этничности в условиях глобализации – скорее «миф», чем реальность. Не только социальная реальность корректирует его. Очевидно, что сама глобализация может стимулировать этничность. Ведь именно с ней связано свободное перемещение капитала, а за ним и рабочей силы, которая в значительной мере культурно разнообразна и рождает сопоставление «мы и другие».

Глобализация означает переток информации, и получаемые новые знания о других тоже рождает сопоставления; подпитывают чувство относительной депривации, если люди ощущают, что живут хуже других; фобии перед чем-то иным, незнакомым или наоборот желаемым, но недостижимым; и тогда тоже ищут виноватых в «своих бедах» из других стран и культур. В этих условиях этническая идентификация постоянно подпитывается. Но как? В понимании этого процесса у нас уже более десяти лет поддерживается миф, родившийся из-за искаженной интерпретации идей зарубежных теоретиков о конструировании этничности.

Известно, что у нас с трудом утверждалось понимание этничности, как конструкта. И скорее всего именно потому, что преподносилось в «том смысле, который нынче так распространен», как выразился об этом Томас Лукман в интервью главному редактору журнала «Социология и социальная антропология». У нас это воспринималось

Исчезновение этничности
в условиях глобализации –
скорее «миф», чем реаль-
ность.

как социальное конструирование этничности «этническими антрепренерами». А. Лукман говорил, что их концепция «основывалась на идеях антропологических работ Маркса, социологическом объективизме Дюркгейма, понимающей исторической социологии М. Вебера и, конечно же, социальной психологии Дж. Мида». Теоретическим обоснованием их синтеза является феноменология жизненного мира (Гуссерель, Шютц). По Шютцу же «мысленные объекты, сконструированные обществоведом для того, чтобы понять социальную реальность, должны базироваться на мысленных объектах, сконструированных здоровой мыслью людей, живущих своей обыденной жизнью в своем социальном мире» [2].

Для П. Бергера и Т. Лукмана социальный мир – сконструированная объективность, общество – субъективная реальность [3]. П. Бурдьё, рассуждая об объективистском и субъективистском подходе, делает вывод: «... оба подхода... находятся в диалектической связи». Используя его, интерпретируем этнополе: с одной стороны, как конфигурацию социокультурных процессов, практик (структура), а с другой – как результат социального конструирования самими людьми, приобретающий характер структуры по отношению к входящим в этнополе индивидам [4].

Таким образом, миф о возможности понимания этничности через конструктивистский подход, который сам по себе был очень важный, корректировался, а практики изучения этнически маркированной социальной реальности стали применяться там, где это было необходимо, через «конструктивистский структурализм».

Этот подход, на мой взгляд, может быть эффективным и для изучения российской идентичности. Социологическое изучение этой идентичности прежде всего сделало необходимым разделить понимание российской идентичности как государственной и гражданской идентичности [5; 6; 7]. Первая понимается как отождествление людей с государством, людьми, живущими на этом государственном пространстве; представления, переживания, связанные с этой общностью и готовностью действовать во имя нее. Гражданская идентичность – это отождествление себя именно с гражданами страны, гражданской общностью, представления о ней и переживания, связанные с этим, ответственность за судьбы людей в стране, готовность действовать в связи с этим.

В одних случаях идентификация себя с Россией – это только государственная идентичность, в других – это идентификация себя с политической нацией, согражданами. Именно поэтому во время опросов мы стараемся развести эти понятия через систему идентификаторов. Но в целом пока можем говорить в общей форме как о национально-гражданской или государственно-гражданской идентификации.

Ни для кого не секрет, что гражданское общество у нас еще только формируется. И акты гражданской активности [8; 9; 10; 11; 12] хотя и совершенно очевидны, но пока не массовые. Отсюда критики использования понятий «гражданская идентичность», «политическая нация» применительно к российским гражданам говорят о нашей гражданской идентичности скептически, можно сказать, как о создаваемом мифе.

Естественно, гражданская идентичность, так же как политическая Российская нация является конструктом. Но каркас этой конструкции очевидно достаточно успешный для его инициаторов [13; 14]. В ходе реализации нашего проекта «Российская идентичность в Центре и регионах» Е. М. Арутюнова, анализируя выступления В. В. Путина, показала, как наполнялся этот каркас изменяющимся идеологическим содержанием. Сравнивая мнения и установки населения по материалам наших исследований, данным «Левада-Центра», можно сказать, что основание для соответствия декларируемых политической элитой идей и осознаваемых людьми потребностей реальной жизни было; это – сильное государство, обеспечение благосостояния, безопасности, гордость за культуру и историю.

Данные «Европейского социального исследования» за 2008 г., «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ) 2006 г. показывали, что не менее 65–68% населения ощущали себя российскими гражданами. По данным исследований под руководством М. К. Горшкова, в 2009 г. с россиянами себя идентифицировало 85% опрошенных. Правда, не только данные Института социологии, но и Института этнологии и антропологии РАН, проекта «Будущее России» (на 2006 г.) показывали достаточно большое разнообразие доли людей с такой идентичностью. В каких-то районах с доминирующим русским населением с россиянами себя иден-

Основание для соответствия декларируемых политической элитой идей и осознаваемых людьми потребностей реальной жизни было сильное государство, обеспечение благосостояния, безопасности, гордость за культуру и историю.

тифицировали до 80–90% (Томск, Екатеринбург, Якутия), в других – до 70% и более (Калининград, Владивосток), а в Чеченской республике – 35%.

По мнению респондентов, «для того, чтобы считаться настоящим россиянином», важно иметь «чувство ответственности за страну» – 88%, быть патриотом, любить Россию – 88%. Причем 67% считали эти характеристики «очень важными». Свыше 80% гордились природными богатствами и более 70% – историей России. Но тем, что создается живущим поколением (образование, успехи в науке) гордились заметно меньше¹. Таким образом, есть известный потенциал формирования гражданской идентичности, в том числе критической направленности. Избавиться от мифа об отсутствии не только государственной, но и гражданской идентичности основания есть. Однако и с новыми идеями есть немалые трудности.

Тематический репертуар методологических подходов к пониманию нации за последнюю четверть века сменился, по меньшей мере, дважды. Не успело российское научное сообщество прийти к некому общему представлению о политической нации как общности граждан, как выдвинута идея возможности понимания политической нации как нации наций [15], по модели испанской нации как нации каталонцев, кастильцев, басков. Теперь еще предстоит изучить интерпретацию и восприятие такого толкования среди ученых и политиков в регионах и Центре.

Другой методологический вопрос, требующий изучения, – каков социально-культурный субстрат консолидации, на который опирается российская идентичность в конкретных этнокультурных сегментах общества – среде русского большинства, других российских народов и адаптирующихся мигрантских групп. Для формирования гражданской идентичности значимым является то, насколько изживаются противопоставления групп на основе «имперского синдрома» в идеологии и психологии большинства. В то же время применительно к людям тех национальностей, которые дают название республикам, индикатором гражданской идентичности будет преодоление «постколониального синдрома» и отношение к этническим меньшинствам в республиках. Для новых же иммигрантов, желающих остаться в России, актуальной будет их готовность к политической, культурной и структурной адаптации.

¹ Данные проекта «Будущее России» 2006 г. при поддержке Иноцентра. Ресурсная группа Института социологии РАН – Л. М. Дробижева, М. Ф. Черныш, А. Е. Чирикова.

Сегментом, требующим специального рассмотрения, являются группы населения, очевидно или латентно заинтересованные в укреплении гражданской идентичности и интеграции российской общности. Это могут быть представители транснационального бизнеса, которым этноцентричная территориальная бюрократия не способствует в развитии деловых контактов; специалисты-интеллектуалы, заинтересованные в культуре без границ; это могут быть люди русской и не только русской национальности, у которых совмещается сильная этническая идентичность с сильной гражданской идентичностью. Наконец, это могут быть те адаптировавшиеся в России бывшие и новые иммигранты, для которых «не быть иными», быть просто москвичами, саратовцами, питерцами и, естественно, россиянами комфортнее.

Эти в чем-то новые подходы родились на основе анализа социальной практики, но они требуют специальной разработки.

Осуществляться она может только на конкретных группах в регионах с различной социально-политической, экономической и культурной ситуацией. Представление некоторых отечественных и западных ученых о том, что российской научной традицией является описание этносоциальных проблем (или расизма, как говорят в некоторых частях западного мира) через отношения между большими группами – «нациями» или «этносомами» – является «мифом». Такой оптический ракурс давно ушел из исследовательского поля.

Объектом изучения в этнической социологии является этническая группа в конкретном пространстве в конкретное время. И изучение идет через личность.

Возможно, оппоненты обращали внимание на то, что социологи выясняют установки на готовность к общению в разных сферах взаимодействия, отношение к представителям конкретных этнических групп. Такая традиция есть в мировой социологии, начиная со времени исследований Томаса и Знанецкого. Но, как правило, изучая установки, мы всегда ставили вопросы и о реальных ущемлениях, дискриминации по принципу этнического происхождения (при приеме на работу, на учебу, продвижении по службе, а теперь и в доступе при найме квартир и т. д.). Фиксация таких явлений как раз и дает возможность оценивать распространение избирательного отношения к людям по их этническому происхождению.

А вот в чем правы наши критики, концентрирующие внимание на проблемах «исключения», «избирательного» отношения к людям по расовому или этническому происхождению, так это в том, что в исследованиях российских ученых редко ставятся, а чаще вообще не ставятся вопросы о том, насколько «ущемления», «исключения» становятся нормой, принятой формой поведения в нашем обществе и как они характеризуют это общество.

Еще совсем недавно встретить объявление о сдаче или найме помещения с упоминанием желаемой национальности было редкостью, а теперь это наиболее частые случаи. Но, к сожалению, открыто обсуждаем мы эти явления редко.

Обсуждаются случаи насилия на этнической почве. То, что привлекают внимание к экстремистским проявлениям, естественно и необходимо для поддержания безопасности в наших городах и селах. В 2009 г., по данным «Совы», было 90 убийств на почве национальной неприязни. Это даже чуть меньше, чем в предыдущие годы, потому что судебные решения чаще стали завершаться обвинительными актами, но, в то же время, создавать представление о состоянии межэтнических отношений на основе этих экстремальных проявлений означает тоже создавать определенный миф.

Общий климат межэтнических отношений не может характеризоваться только экстремальными фактами. Исследовательские центры, которые работают в соответствии с международными правилами проведения социологических исследований, проводят опросы. Эти материалы и исследования Института социологии, социологов из регионов с анализом происходящих в стране событий дают возможность всесторонне оценить ситуацию в этой сложной сфере межличностных отношений.

По данным систематических опросов «Левада-Центра», негативные межэтнические установки удерживались в последние годы примерно у трети населения. Данные Центра исследований межнациональных отношений Института социологии РАН, проводившего исследования в Москве и ряде регионов страны, фиксировали примерно такие же показатели. Хуже такие установки в отношении иммигрантов, мигрантов иной этнической принадлежности у принимающего населения. Но даже если сравнить долю людей, наиболее радикально настроенных против приема инациональных мигрантов, то в России, по данным «Европейского социального исследования», она составля-

Общий климат межэтнических отношений не может характеризоваться только экстремальными фактами.

ла 24–28% в 2006-2008 гг., также как в Чехии, Эстонии. Эти данные были выше, чем в Великобритании, Франции, Германии, но ниже, чем в Венгрии, Израиле, Португалии, Испании.

Но конечно не надо забывать о большом разнообразии ситуаций, в которых отношения осмысливаются в терминах этничности (национальной принадлежности).

В 2008-2009 гг. реализовывался проект «Иммигранты в России» (рук. В. И. Мукомель) через «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ). Репрезентативный опрос показал, что 45% опрошенных поддержали точку зрения, что Россия не нуждается ни в иммигрантах, ни в трудовых мигрантах. Это некая общая позиция по отношению к иному возможному конкуренту на работе или соседу по дому. Соседями как раз чаще всего не хотят видеть приезжих из Закавказья, Северного Кавказа или Средней Азии (46–48%).

Любопытно, что настроены против инонациональных мигрантов чаще всего те, кто опыта контактов с ними не имел. А вот те, кто имел дело с наймом таких работников, говорят: «И выгодно, и деваться им некуда, и не воруют». Выполнение ими работы в срок, честность, порядочность, исполнительность отмечали 73–82% респондентов, нанимавших мигрантов [16].

В последние годы за рубежом и у нас в стране обсуждается вопрос об индикаторах, фиксирующих характер межэтнических предубеждений. Существует мнение, что население, живущее в современном обществе, часто не высказывает негативного отношения к людям иной культуры, цвета кожи, поскольку в обществе осуждается избирательное и тем более враждебное отношение к ним, и граждане знают, что их вежливое поведение должно соответствовать идеалам равенства и справедливости. Именно поэтому в опросные листы помимо известной шкалы Богардуса, а иногда и вместо нее, вводятся вопросы, фиксирующие так называемые «вежливые», «тонкие» виды предубеждений [17]. Это выражается в том, что этнические предубеждения осуждаются респондентами, но ими поддерживается протест против предоставления этническим, расовым меньшинствам привилегий с целью преодоления неравенства (меньшинства, «территории с иноэтническим населением получают от государства слишком много»), оказания специальной помощи. С. Гартнер и Д. Довидно полагают, что люди на рациональном уровне могут верить

В 2008–2009 гг. 45% опрошенных поддержали точку зрения, что Россия не нуждается ни в иммигрантах, ни в трудовых мигрантах.

в расовое равенство и одновременно испытывать неосознаваемую неприязнь к расовым меньшинствам (аверсивный расизм) [18; 19].

Кроме того, существуют так называемые амбивалентные предрассудки. Люди имеют одновременно и позитивные, и негативные аттитюды к этническим меньшинствам. Хотя со времен Адорно мы знаем, что если люди испытывают предубеждения к людям одного этнического происхождения, в иных ситуациях они будут испытывать их к другим.

Аверсивный или амбивалентный расизм оправдывает дискриминацию каким-то иным способом, например, профессиональной непригодностью, защитой культурных ценностей, преувеличением культурных различий [17].

Остановлюсь еще на одном мифе в нашей области исследований. Предубеждения, негативные установки именуют у нас чаще всего теперь ксенофобией. Также, как некоторые другие исследователи (А. Осипов), мы считаем, что это понятие «служит дурную службу». Фобии – это страхи, психологическое состояние. Но то, что негативное отношение к иным определяется только страхами, – это тоже миф. Причем миф, который способен прикрывать истинные причины неблагополучия в обществе, которые проецируются в сферу межэтнических взаимодействий. И события на Манежной площади в Москве в связи с гибелью Свиридова 11 декабря 2010 г. только еще раз подтвердили это.

При изучении предубеждений обращение к психологическим фактам, к так называемым «тонким формам», не избавляет нас от необходимости выявить и дать оценку положения групп, находящихся в условиях жесткой эксплуатации; выявить, осмысливается ли оно в категориях этничности; оценивается ли и связано ли с этническим представительством социальное неравенство, позиции социально-профессиональных групп в конкретной городской (сельской) среде; имеет ли место социальное исключение по признаку этнического происхождения; наконец, кто попадет в ситуацию «козла отпущения»; приписываются ли людям социальные характеристики в связи с их этничностью.

Довольно сложные вопросы встают в связи с пониманием и интерпретацией дискриминации на этнической или расовой основе. Дискриминацией считается проведение различий между людьми, находящимися в одинаковом положении или имеющими одинаковые социальные харак-

теристики. При этом надо доказать, что проведение различий носило необоснованный характер. Нередко с такой ситуацией мы сталкиваемся при назначении, скажем, на престижные места в вузах (профессора, заведующие кафедрой). В индивидуальных, персональных случаях очень трудно дать обоснование дискриминационных практик, например, в Карачаево-Черкесии или Кабардино-Балкарии. Но если сопоставить реальные назначения с социально-профессиональными характеристиками претендентов на протяжении нескольких лет, то можно дать объективную оценку.

Анализируя идеи, дискурсы, политические решения, социальные практики, в том числе аттитюды, стереотипы, дискриминационные действия, агрессивные проявления – все в целом, мы имеем основания дать оценку состоянию системы, общества. Скажем откровенно: нередко мы уходим от этих общих оценок.

Социальные неравенства не уменьшаются, в них есть этническая составляющая. Но в то же время, есть опасность и расширения границ видения этнического, этническое окрашивание проблем. В последнее время особенно это было видно в намеренном завышении данных о преступлениях иммигрантов. Нельзя допускать, чтобы один чиновник во всеуслышание говорил, что у нас больше половины преступлений совершаются иноэтничными приезжими иммигрантами, а Ромадановский – директор миграционной службы – говорит официально, что только 3,5%. Преступление совершается как конкурентная «разборка», а его интерпретируют как преступление на этнической почве.

В Татарстане половина населения татары, и не все из них придерживаются исламского вероисповедания, а всю республику называют исламской. В Москву приезжает глава одной из Северокавказских республик с открытой вооруженной охраной, что само по себе не очень приятно, но в эфире говорят об оккупации Москвы северокавказцами. Стигматизация, приписывание ведут к печальным социальным последствиям. У нас вообще сместился весь фокус исследований проблем, связанных с быстрым и в 1990-е гг. значительным притоком иноэтничных мигрантов. Это явление характерно и для стран Запада. Но у нас кроме мигрантов живет в разных концах России многокультурное население. На разных конференциях, круглых столах постоянно раздаются призывы к правительству

Анализируя идеи, дискурсы, политические решения, социальные практики, в том числе аттитюды, стереотипы, дискриминационные действия, агрессивные проявления – все в целом, мы имеем основания дать оценку состоянию системы, общества. Скажем откровенно: нередко мы уходим от этих общих оценок.

декларировать политику в отношении людей разной этнической принадлежности. Такая политика, если внимательно присмотреться, все же прослеживается. Это политика деполитизации этничности.

Это проявлялось во многих политических актах, начиная с принятия Конституции 1993 г., когда республики стали называть просто республиками, а не национальными. В 2000-х были постановления Конституционного суда, которые отменили суверенитет республик. Отмена так называемого национального компонента в школе, отказы от президентских постов в республиках РФ относятся к той же тенденции. Мы постепенно уходим от понятия «этнический федерализм». Все конституции республик приняты от имени граждан республик, а не от имени титульной этнической группы. Опыт показывает, что отмена суверенитетов и укрепление вертикали власти никаких массовых протестов не вызвали.

Изменилась и сама федеральная власть. Ее укрепление всегда способствует тому, что претензии территорий сокращаются. Какие-то из этих претензий на «этническую государственность», которые были закреплены в региональном законодательстве, не нашли подтверждения и реализации в повседневной жизни людей. Люди были разочарованы и не стали их защищать, когда центр выступил за их отмену.

В результате всех этих событий у нас произошла заметная деполитизация этничности. Но это было связано и с изменением федеративных отношений. И здесь не все было сделано рационально. Слишком высокая централизация, которая была осуществлена за счет укрепления вертикали власти, привела к тому, что наш федерализм стал просто имитационным (вспомним, в советские времена он был декларативным). Его даже не декларируют. Но постепенно и центральная власть стала осознавать минусы завышенной централизации. В последнее время ряд функций снова передан на места. Правда, средств регионам не дали, поэтому бюджетный федерализм все время трещит по швам, и все его критикуют.

Надо открыто сказать, какова будет политика в социальной, культурной сфере и, прежде всего, для людей разной этнической принадлежности, как намерено правительство реализовывать правовые нормы, имеющиеся в Конституции 1993 г. и международных документах.

Мы постепенно уходим от понятия «этнический федерализм». Все конституции республик приняты от имени граждан республик, а не от имени титульной этнической группы.

Библиографический список

1. Мюллер Дж. Мы и они // Россия в глобальной политике. 2008. № 3.
2. Schutz, A. *Seus commun et interpretatiouis scientifique de e'action hur naine* // *Le chercheu et le quotidien*. Paris: Meridiens – Keincksieck, 1987.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 213.
4. Бурдьё П. Начала. *Choses Dites*. М.: Sociologos, 1994. С. 159.
5. Ильин В. Социальное неравенство. М.: Институт социологии РАН, 2000.
6. Дробижева Л. М. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. — М.: Издательство Института социологии РАН, 2006.
7. Дробижева Л. М. Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л.М. Дробижева. — М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009.
8. Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. / М.: Институт социологии РАН, 2007.
9. Халий И. А. Институты гражданского общества в современной России. К методологии изучения// Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. Вып.6. М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 265–280.
10. Яницкий О. Н. Мобилизационная структура гражданского общества // Официальный сайт ИС РАН. 2010. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1924>
11. Кинбургский А. В. Потенциал массового протеста и социальная база поддержки (к вопросу о перспективах российских реформ) // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2005 / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 214–230.
12. Климова С. Профсоюзы в поисках влияния // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2005 / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 231–247.
13. Тишков В. А. Народы и государство // Коммунист. М., 1989. С. 50–59.
14. Тишков В. А. Российская нация и российские национальности // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Минрегионразвития РФ, ИЭА РАН, 2008.
15. Тишков В. А. Россия – это нация наций. В поисках формулы. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/rossiya__e1.html

16. Добрынина Е. Понаехали, понаоставались... // Российская газета № 5038, 13 ноября 2009.
17. Pettigrew, T. F. In defence of the subtle prejudice concept: a report / T.F. Pettigrew, R.W. Meertens // *European Journal of Social Psychology*. 2001. Vol. 31.
18. Нельсон Т. Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. С. 170–175.
19. Биллинг М. Расизм, предрассудки и дискриминация // Биллинг М. Социальная психология. СПб.: Изд-во «Питер», 2007. С. 47–83.

Научные форумы

Всероссийская научная конференция «Этнос, нация, общество: российская реальность и перспективы»

Идентичность и интеграционные установки в региональном контексте: исследование в Москве и Сочи

Рыжова Светлана Валентиновна —
старший научный сотрудник
Института социологии РАН

e-mail: mediana@isras.ru

Идентичность и интеграционные установки в региональном контексте: исследование в Москве и Сочи

Аннотация

В статье на примере Москвы и Сочи сравниваются процессы становления городской, этнической и гражданской (российской) идентичностей, уровни этногрупповой мобилизации; выявляется мера локальной, общероссийской и этнической солидарности населения, а также социальной напряжённости, в том числе в форме этнического противостояния; изучаются факторы, влияющие на эти процессы.

Abstract

The article uses the example of Moscow and Sochi as cases illustrating the formation of urban ethnic and civic identities. It takes up the issues of ethno-group mobilization, evaluates the degree of local, All-Russian and ethnic solidarity as well as social tension manifest in various forms of ethnic conflicts. It also studies factors that influence these processes.

Ключевые слова: идентичность, интеграционные установки, мигрант, межэтническая напряженность, Москва, Сочи

Keywords: identity, integration attitudes, migrant, inter-ethnic tension, Moscow, Sochi

Помимо официальной столицы – Москвы – современная Россия обладает еще, по меньшей мере, тремя неофициальными столицами. Санкт-Петербург, как главный город Российской империи, до сих пор сохраняет свой статус второй, «Северной» столицы в историческом самосознании россиян. Право называться «Третьей столицей России» в 2009 г. выиграла Казань (в ожесточенной борьбе с Нижним Новгородом), зарегистрировав в Роспатенте соответствующий товарный знак (а также товарные знаки «Третий город России» и «Russia third capital»), оставив

Нижнему Новгороду бренд «столица Поволжья» [1]. В глазах россиян и Сочи постепенно утвердился как «Летняя» столица России. Наличие президентской резиденции, грядущие Зимние Олимпийские игры 2014 г. и обусловленные их подготовкой значительные финансовые вливания в регион серьезно укрепляют политический и экономический статус города, в перспективе формируя из него «четвертую» российскую столицу – после Москвы, Санкт-Петербурга и Казани.

Исследование установок в отношении мигрантов и анализ тенденций формирования основных макроидентичностей жителей Москвы и Сочи поможет нам проследить процессы формирования интеграционных установок населения России в региональном контексте. Под регионом, мы, вслед за Н. И. Лапиным, понимаем не столько определенную территорию, сколько ее исторический и культурный контекст, рассматривая регион как «исторически сформировавшееся социокультурное территориальное сообщество, во взаимосвязи его социальных и культурных параметров» [2]. Москва и Сочи выбраны нами как города, имеющие статус официальной и неофициальной российских столиц, обладающие высоким рейтингом инвестиционной привлекательности, и как территории, принимающие на себя значительную долю миграционных потоков.

Сопоставление процессов становления городской, этнической и гражданской (русской) идентичностей москвичей и сочинцев позволит нам выявить меру локальной, общероссийской и этнической солидарности населения, а уровень этногрупповой мобилизации покажет меру социальной напряженности, способной принимать форму этнического противостояния.

«Мы-идентификации» в Москве и Сочи

Этносоциологические исследования 1990-х – начала 2000-х гг., проводившиеся в республиках РФ и Москве¹, показали, что этническая солидарность – наиболее доступная форма общественной самоорганизации, возникающая в ситуации дефицита доверия государственным институтам в ходе быстрых и травматичных социальных преобразований. Последовавшая за ними политическая и экономическая

1 В рамках исследовательских проектов: «Национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов в Российской Федерации» (1993-1996), «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» (1997-1998), «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (1999-2001) (рук. Л. М. Дробижева); Исследование Центра этносоциологии ИС РАН (2002-2004) (рук. Ю. В. Арутюнян).

стабилизация первого десятилетия XXI в. отразилась и в динамике основных макроидентичностей – наравне с этнической идентичностью¹ среди населения стали набирать вес и российские идентичность и солидарность как база консолидации российского социума, как формирующаяся национально-гражданская идентичность.

Если отталкиваться от общественного мнения жителей перечисленных российских «столиц», то можно отметить, что Москва и Сочи обнаруживают себя наиболее значимыми из этих городов. Социологические исследования² обнаружили, что Москва и Сочи обладают наиболее выраженными, заметно актуализированными основными социальными макроидентичностями (внутригородской, этнической и общероссийской), что свидетельствует об определенной «мобилизации» сознания жителей этих регионов. Самосознание москвичей и сочинцев, в сравнении с жителями Петербурга и Казани, заметно актуализировано, что выражает озабоченность населения не только городскими проблемами, но и включенность в российский политический контекст, а также острое осознание существующих в их городах противоречий и проблем.

В сравнении с другими «столицами» обращает на себя внимание схожесть идентификационных выборов³ москвичей и сочинцев. И в Москве, и в Сочи, показатели значимости внутригородской идентичности («мы – москвичи», «мы – сочинцы») и национально-гражданской идентичности («мы – граждане России») очень близки друг к другу и составляют, соответственно 54,7% и 52,9% в Москве и 77,4% и 83,8% в Сочи. По этому показателю (актуализированность городской идентичности) Сочи заметно опережает не только другие неофициальные российские «столицы», но и Москву: 77,4% сочинцев в «значительной

1 Этническая идентичность как часть социальной идентичности представляет собой результат осознания собственной принадлежности к определенной этнической группе / этнической категории, и динамика ее значимости может служить индикатором общего социального самочувствия людей в изучаемых нами городах.

2 Данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ). Проводится международным консорциумом организаций при участии Института социологии РАН с 1994 г. Рук. с российской стороны М. С. Косолапов и П. М. Козырева. Опрос в Сочи осуществлен Центром этнической социологии ИС РАН по Программе фундаментальных исследований президиума РАН № 21 «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (2008). Рук. Л.М. Дробижева.

3 Вопрос «О ком Вы бы могли сказать “Это – мы”?». Этот вопрос как инструмент исследования социальной идентичности разработан в рамках проекта «Изучение ориентации российских граждан разного общественного положения в социальном пространстве “своих” и “несвоих” групп и общностей» (1999-2002), осуществленного группой российских исследователей под руководством В. А. Ядова. В настоящее время он широко используется в социологических исследованиях.

степени» ощущают чувство близости со всеми жителями Сочи. Москва в этом рейтинге располагается на втором месте, здесь 54,7% жителей «часто» ощущают единство со всеми жителями города, Санкт-Петербург – на третьем месте (35,0%), Казань – на четвертом (19,1%) (см. таблицу 1).

Таблица 1

«Мы-идентификации» в российских городах, %

Часто ощущают близость, единство с категориями/группами людей...	Москва	Сочи	Казань	Санкт-Петербург	Россия
Мы – люди одной национальности	55,1	57,0	30,2	40,7	42,3
Мы – граждане России	52,9	83,8	6,8	21,0	19,7
Мы – жители одного города	54,7	77,4	19,1	35,0	38,9

Примечание. Представлены данные, отражающие позицию «часто ощущаю близость, единство...» / «в значительной степени ощущаю близость, единство...», предлагавшуюся на выбор, вместе с позициями «иногда ощущаю...» и «никогда не ощущаю...». Выбор для анализа позиции «часто / в значительной степени ощущаю» позволяет нам рассмотреть актуальность, значимость для людей этой «мы-идентичности».

Высокая значимость локально-городской идентичности сочинцев обусловлена взрывным изменением статуса региона и отражает ожидания жителей от грядущих социально-культурных перемен и позитивных изменений в инфраструктуре, в первую очередь, это строительство дорог и обновление градостроительной политики. В связи с новым статусом города как олимпийской площадки в Сочи стали происходить процессы, близкие к московским реалиям, – масштабное строительство, рост цен на землю и практически равная с московской стоимость квадратного метра жилья. После того, как Сочи были объявлены официальной столицей Игр-2014, цены на землю и квартиры в городе устремились вверх. По оценкам экспертов, после знаменательного решения МОК деньги в летнюю российскую столицу «хлынули сплошным потоком, и в этом отношении Сочи... сравнялся с Москвой» [3]. Эти обстоятельства привлекают в регион крупных инвесторов. К тому же в соответствии с Федеральным законом от 22 июля 2005 г. «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» Краснодарский край получил право создания особых экономических зон туристско-рекреационного типа. Черноморская особая экономическая зона включает в себя 4 участка, в том числе г. Сочи. Такой статус региона предполагает льготный порядок налогообложения

и осуществление прямых государственных инвестиций в развитие коммунальной, транспортной и энергетической инфраструктуры [4], что является серьезным стимулом для привлечения в регион инвестиций и усиления деловой активности.

Юг России стратегически очень важен для страны. На его территории располагаются все южные морские порты европейской части. Как приграничная территория, он обеспечивает поддержание международных связей с сопредельными государствами и международных транзитных потоков (включая нефть и газ прикаспийских государств) [5, с. 147–148]. Краснодарский край обладает богатейшими ресурсами сельского хозяйства, доля черноземов здесь составляет 4% российских и 2% мировых запасов. Это один из лидеров РФ по уровню инвестиционной активности. По этому показателю край стабильно занимает первое место в ЮФО и пятое в России. В принятой в 2008 г. «Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 г.» отмечается, что Краснодарский край обладает благоприятным имиджем для обеспечения притока в регион квалифицированных кадров и бизнес-структур, в крае созданы условия для адаптации и вовлечения в социально-экономическую жизнь регионов представителей разных национальностей и конфессий [4]. Рейтинг Краснодарского края высок и в мировом бизнес-сообществе: агентством “Standard & Poor’s” региону присвоен международный инвестиционный рейтинг на уровне “BB” (прогноз «позитивный»), край входит в семерку российских регионов с наименьшими инвестиционными рисками [6].

Понимание эксклюзивности региона как уникальной для России рекреационной и климатической зоны поднимает в глазах горожан статус Сочи, ставит его в одном ряду с городами федерального значения, в числе которых и официальная столица Москва. Интервью с экспертами, проведенные в Сочи сотрудниками Отдела этнической социологии ИС РАН осенью 2008 г., показывают, что период прямого республиканского подчинения (т. е. подчинения напрямую РСФСР, а не Краснодарскому краю) не забыт и воспринимается сочинцами с определенной ностальгией [7]. Республиканское подчинение Сочи в период с 1945 по 1958 гг. воспринимается жителями как обоснованное и необходимое для такого уникального региона. Не стоит

забывать также, что Москва и Сочи – единственные российские города, удостоившиеся чести стать площадкой для проведения Олимпийских игр.

Олимпийское строительство не только открывает возможности для обновления и развития инфраструктуры Сочи, создает новые рабочие места, но и порождает серьезную озабоченность населения в отношении курортного статуса города. Бывший мэр Сочи В. Воронков (он успешно руководил городом с 1955 по 1977 гг. и выступает с серьезной критикой олимпийского проекта) настаивает на том, что главное предназначение Сочи – быть бальнеоклиматическим, питьевым, спортивным городом-курортом. Массовое жилищное строительство наносит урон залежам целебных вод, новостройки небоскребов ухудшают качество воздуха в городе. «Из всесоюзной здравницы Сочи превратился в город для богатых, застроенный многоэтажными монстрами. Мы строили с тем расчетом, чтобы территорию продували морские бризы. Но сегодня строят так, что воздух застаивается, влажность повышена, дышать трудно» [8]. Озвучиваются и серьезные экологические угрозы, связанные со строительством двух грузовых портов в Имеретинской низменности, новой автомобильно-железнодорожной дороги на Красную Поляну. После Олимпиады 2014 обязанность содержать олимпийские объекты тяжким грузом ляжет на бюджет города.

Противники Олимпиады, в частности, члены оппозиционной политической организации «Солидарность» Б. Немцов и В. Милов, выражая солидарное мнение оппозиционных экспертов и экологов, отмечают, что строительство олимпийских объектов в Красной Поляне угрожает ценным и уязвимым экосистемам этой территории. Необходимые для строительства изъятия песка и гальки с пляжей и русел рек нанесут невосполнимый ущерб рекреационному потенциалу Сочи, акватории Черного моря, в частности, приморским экосистемам Имеретинской низменности [9]. В числе социальных рисков упоминаются проблемы, связанные с оттоком отдыхающих: до 50% населения города связаны с частным бизнесом, оказывающим услуги курортникам. Привлечение для строительства рабочих из Турции может спровоцировать межэтнические конфликты с многочисленной армянской общиной, проживающей в городе [9].

Остро осознаваемый населением диссонанс между экологической уникальностью региона и грядущей его тотальной модернизацией, открывающиеся возможности и риски развития Сочи как спортивно-туристического центра и курорта, происходящее на глазах у жителей быстрое и необратимое изменение статуса города рождают у сочинцев чувство острой внутригородской солидарности.

Остро осознаваемый населением диссонанс между экологической уникальностью региона и грядущей его тотальной модернизацией, открывающиеся возможности и риски развития Сочи как спортивно-туристического центра и курорта, происходящее на глазах у жителей быстрое и необратимое изменение статуса города рождает у сочинцев чувство острой внутригородской солидарности.

Вместе с тем, обращает на себя внимание и то, что значимость национально-гражданской, российской идентичности у сочинцев тоже чрезвычайно высока. В сравнении с остальными рассматриваемыми нами «столицами», в Сочи российская идентичность – на первом месте в условном рейтинге основных макроидентичностей: 83,8% сочинцев «в значительной степени» ощущают единство со всеми гражданами России. Второе место – у Москвы (52,9%), третье – у Санкт-Петербурга (21,0), четвертое – у Казани (6,8%) (см. таблицу 1). Столь высокая гражданская солидарность сочинцев отражает их готовность представлять страну на Олимпиаде 2014, личную вовлеченность в проблемы, связанные с изменением облика и статуса города. Дополнительными историческими факторами высокой значимости российской идентичности у жителей региона выступают приграничный статус территории, близость конфликтных территорий Кавказа и Абхазии (тревогой по поводу возможных террористических актов охвачены 88% населения Большого Сочи), характер заселения – одновременное прибытие в ходе имперской колонизации на эти земли этнических групп, основавших компактные поселения и обеспечивающих культурное многообразие региона.

Если обратить внимание на соотношение российской и этнической идентичностей, на меру значимости этих макроидентичностей для жителей Москвы и трех неофициальных российских столиц, то мы заметим, что только в единственном регионе – Сочи – значимость российской идентичности существенно выше, чем значимость этнической (83,8% против 57,0%). В Москве российская и этническая идентичности представлены одинаково часто (52,9% и 55,1% соответственно), а в Санкт-Петербурге, Казани и в среднем по России значимость этнической идентичности опережает значимость российской (40,7% против 21,0% в Петербурге, 30,2% против 6,8% в Казани и 42,3% против 19,7% в целом по России (см. таблицу 1).

Значимость национально-гражданской, российской идентичности у сочинцев чрезвычайно высока. В сравнении с остальными рассматриваемыми нами «столицами», в Сочи российская идентичность – на первом месте в условном рейтинге основных макроидентичностей: 83,8% сочинцев «в значительной степени» ощущают единство со всеми гражданами России. Второе место – у Москвы (52,9%), третье – у Санкт-Петербурга (21,0), четвертое – у Казани (6,8%).

Анализ этих данных в региональном контексте, позволяет с уверенностью утверждать, что в процессах формирования национально-гражданской идентичности жителей определенного региона РФ большое значение имеет история его освоения и его «вес» в государственном масштабе. Если в формировании этнической идентичности участвуют преимущественно примордиальные категории принадлежности – образ малой Родины, «своей земли», то в формировании российской национально-гражданской идентичности – образ государства и чувство личной причастности к его судьбе, истории, идентификация со всем народом.

Исключительно высокая значимость российской идентичности, свойственная сочинцам, отражает, в числе прочего, высокие интеграционные установки жителей региона. Сочи, в отличие от Москвы, значительно моложе, и состав населения города отражает историю переселенческого движения и заселения причерноморской территории. С самого начала освоения причерноморских земель в регионе сложилась уникальная мультиэтническая общность, в большей степени, чем население официальной столицы, готовая к межэтническим контактам в социальной сфере, в том числе к приему мигрантов.

Этническая идентичность и установки в отношении мигрантов

Обе столицы – Москва и Сочи – являются привлекательными городами для мигрантов, в том числе выходцев из кавказских республик. По мнению экспертов, Краснодарский край (вместе со Ставропольским краем и Ростовской областью) принимает основную часть мигрантов и вынужденных переселенцев из республик Северного Кавказа и Закавказья. Следующими по востребованности регионами, в которые устремляются мигранты из Кавказа, являются Москва и Московская область [5, с. 171, 176]. Исследования¹ обнаружили относительную открытость москвичей и сочинцев к миграционным потокам, вливающимся в их город: более 70% жителей Сочи и Москвы не поддерживают тезис, что их «город нужно закрыть и не принимать мигрантов».

¹ Исследования в Москве осуществлены Центром этнической социологии ИС РАН в рамках среднесрочной городской целевой программы Правительства Москвы «Москва многонациональная: формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия» при поддержке проекта «Российская идентичность: потенциал формирования в Москве и регионах» (рук. Л. М. Дробижева).

Населением этих городов хорошо осознается факт, что город нуждается в рабочих руках, и без привлечения мигрантов ему не обойтись. Обе столицы также представляют собой регионы с выраженным многокультурным компонентом. В Москве создан Дом национальностей, зарегистрированы более 15 национально-культурных автономий, ежегодно проводятся этнокультурные мероприятия в виде фестивалей, праздников, выставок. Действуют национальные СМИ, школы с этнокультурным компонентом, широко развита сеть «этнических» ресторанов. В Сочи также высока самоорганизация этнических общин, здесь действуют более 20 национально-культурных центров и объединений, проводится фестиваль национальных культур.

Однако есть и различия, обуславливающие специфику формирования межэтнических отношений в этих городах. В Москве русские представлены в большинстве со значительным перевесом численности в отношении других этнических групп (84,8% по переписи 2002 г.), а в Сочи – практически в равном соотношении с людьми других национальностей, с небольшим численным перевесом (57%, по данным переписи 2002 г.); второй по численности этнической группой являются армяне (1/3 населения Большого Сочи). К тому же Москва по своему происхождению – древняя столица российской государственности, вокруг которой складывалась политическая история страны, а Сочи – территория имперской колонизации и результат государственных усилий советского периода по созданию города-курорта. В связи с этими особенностями формирования городов и численным этнокультурным составом их населения, значимым представляется факт, что русские в Москве и Сочи по-разному воспринимают свой город в отношении права людей приезжать туда на постоянное жительство. Москвичи, в отличие от сочинцев, полагают, что их столица (Москва) обладает более элитарным и эксклюзивным статусом. Лишь 1/6 русских жителей Москвы согласны с мнением, что «любой человек имеет право приехать в Москву, чтобы устроиться здесь жить и работать», и 80% русских москвичей не поддерживают его (см. таблицу 2). В этой установке, в первую очередь, сказывается неизжитое наследие советской эпохи, когда московская прописка и московские привилегии были доступны немногим.

Установки русских сочинцев прямо противоположны и поэтому значительно демократичнее – 71,6% признают за любым человеком право приехать в Сочи для постоянного устройства, «чтобы жить и работать», и лишь 22,5% горожан отказывают им в этом праве. В Сочи сложилось солидарное мнение русских и представителей других национальностей в отношении желающих приехать в город на постоянное жительство. Хотя представители других национальностей, в сравнении с русскими, демонстрируют несколько больше открытости в отношении приезжих (87,3% против 71,6%), позиция русских сочинцев тоже достаточно демократична и в этом плане противоположна позициям русских москвичей (см. таблицу 2). В целом можно говорить о том, что в Сочи, в отличие от Москвы, у населения сформировались более открытые, демократичные установки в отношении приезжих.

Таблица 2

Отношение жителей Москвы и Сочи к праву мигрантов приезжать в их город для постоянного жительства, %

	Сочи, 2008				Москва, 2007			
	Русские		Нерусские		Русские		Нерусские	
	Со-гласны	Не со-гласны	Со-гласны	Не со-гласны	Со-гласны	Не со-гласны	Со-гласны	Не со-гласны
Любой человек имеет право приехать в Сочи (Москву), чтобы устроиться здесь жить и работать	71,6	22,5	87,3	10,5	16,7	79,9	55,6	16,7

Большая (в сравнении с сочинцами) закрытость москвичей в отношении мигрантов проявляется не только со стороны русских, но и со стороны людей иных национальностей, ставших москвичами. Хотя их интеграционные установки выше, чем у русских москвичей (55,6% против 16,7%), но все-таки значительно ниже, чем в Сочи (55,6% против 87,3%). Эти тенденции свидетельствуют о том, что статус москвича по-прежнему ощущается жителями столицы как привилегированный, а приезжие воспринимаются как конкуренты за ресурсы. У москвичей, в отличие от сочинцев, выше статусное самосознание.

При этом почти 3/4 русских жителей Москвы не испытывают неприязненных чувств (раздражение, ущемление, обиды) в отношении нерусских жителей столицы. А среди русских жителей Сочи при достаточно высокой доле позитивно настроенных в отношении горожан иной национальности (55,8% не испытывают неприязни) (см. таблицу 3) значительная доля (16,2%) затруднилась с ответом, – что говорит о не самой высокой значимости этого фактора в жизни города. При ответе на открытый вопрос, какие проблемы для сочинского региона сегодня наиболее актуальны, горожанами назывались, в первую очередь, общесоциальные, а не этнические проблемы – пробки на дорогах, беспорядочная городская застройка, экологические проблемы, угроза курортному статусу города из-за ведущейся массовой застройки, вопросы городской инфраструктуры и т. д. Проблемы межэтнических взаимодействий упоминались крайне редко, лишь несколько раз из более чем 2000 ответов¹. Не исключено, что выявленная высокая актуализация внутригородской идентичности и солидарности сочинцев поддерживается, в том числе, и этими проблемами, продуцирующими тревожность среди горожан и обеспокоенность за свое будущее и будущее города.

Таблица 3

Испытывают неприязненные эмоции по отношению к представителям других национальностей, проживающих в их городе, %

	Сочи, 2008		Москва, 2008	
	Русские	Нерусские	Русские	Нерусские
Да, испытываю	27,8	15,8	27,5	13,7
Нет, не испытываю	55,8	74,2	72,5	85,3
Затрудняюсь ответить	16,2	9,3	0	0

Среди русских доля испытывающих неприязнь к людям других национальностей, проживающим в их городе, одинакова в Москве и Сочи и составляет чуть больше 1/4 населения (см. таблицу 3). Среди причин этой неприязни русскими москвичами в первую очередь упоминаются те, которые связаны с нарушением норм московской повседневной культуры – урбанистической и преимущественно русской в этническом отношении («нарушают наши обы-

¹ Вопрос формулировался «Назовите, пожалуйста, 2–3 главные проблемы, наиболее актуальные сегодня для Вас как жителя Сочинского региона».

чай», «оскорбительно ведут себя по отношению к русским»). Русскими сочинцами чаще упоминаются причины, связанные с нарушением закона («дают взятки, подкупают милицию и административные органы»), сочинскими армянами – с ущемлением чувства национального достоинства («ведут себя оскорбительно по отношению к людям моей национальности»). Русские в Москве, русские в Сочи и сочинские армяне солидарно связывают свою неприязнь по отношению к лицам другой национальности с тем, что последние не желают интегрироваться, «не чувствуют благодарности за то, что живут на нашей земле».

Взаимная интеграция населения Сочи – традиционная черта этого региона. Исследователи этнических процессов Черноморского побережья российского Кавказа отмечают, что здесь сформировалось региональное сообщество, отличительной чертой которого является «высокая степень адаптируемости населения к этноконфессиональным и культурным различиям входящих в него традиционных этнических групп» [10]. Как отмечалось выше, в настоящее время русские в регионе Большого Сочи составляют чуть больше половины населения – 57%, отдавая второе место по численности армянам (1/3 населения). Старожильческое армянское население региона существенно адаптировано к русской, российской культуре, что нередко является причиной разногласий новых мигрантов армянского происхождения и армян-старожилов [11].

Черноморское побережье Кавказа всегда было местом интенсивных межэтнических контактов и столкновений. Отношение к мигрантам и старожилам других национальностей, а также роль русских, проживающих на территории Большого Сочи, во многом определяется историей переселенческого движения на эти земли, оформившегося в рамках общих процессов освоения царской Россией территории Кавказа и дальнейшей модернизации региона советским государством. Первыми поселенцами, пытающимися, в рамках процесса имперской колонизации обосноваться на побережье, эта территория воспринималась в качестве свободной, так как в ходе завоевания российской империей территории северо-западного Кавказа (закубанских «черкесских земель») аборигенное население территории современного Большого Сочи (абазины, натухайцы, темиргои, джигеты, убыхи, шапсуги) было вытеснено с осваиваемых территорий. Согласно изысканиям И. А. Тверитинова¹

¹ Заведующий архивным отделом администрации г. Сочи [12].

[12], первоначально политика царского правительства, направленная на освоение Черноморского побережья, препятствовала миграции русского крестьянства в эти края, делалась ставка на привлечение т. н. «туземцев». В согласии с «Положением о заселении Черноморского округа и управлении оным» 1866 г., царским правительством планировалось заселять черноморский округ лицами всех сословий и даже иностранными подданными, но при условии их христианского вероисповедания [13]. В регион потянулись молдаване, немцы, грузины, армяне, греки. Льготные условия для переселения предоставлялись чехам, эстонцам, молдаванам. В регион переселялись греки из Крыма, Турции и Болгарии [10].

Массовые переселения русских начались с 1891-1892 гг. с началом строительства Новороссийско-Сухумского шоссе, когда на побережье хлынули потоки трудовых мигрантов из охваченных голодом центральных губерний России [14]. И лишь в 1897 г. официальная политика царского правительства в отношении русских изменилась: император Николай II одобрил новый порядок заселения Черноморского побережья «...исключительно русским элементом путем раздачи казенных земель под образование небольших культурных и дачных участков» [15]. С этого момента можно вести отсчет русской колонизации черноморского побережья. В контексте нашего исследования важно отметить, что русские переселенцы заселяли Черноморское побережье наравне с переселенцами иных этнических групп, что формирование местного регионального сообщества складывалось под внимательным государственным патронажем – сначала царского, потом советского правительства – и с сильным влиянием христианского компонента.

Исследователи подчеркивают, что русская колонизация Кавказа, помимо «травматичных» результатов (ожесточенная борьба с горцами, изгнание и переселение существенной части населения), имела и безусловно положительные последствия для территории и ее аборигенного населения – развитие письменности, создание государственности, строительство городов и дорог [5, с. 187]. Работоторговля и набеги как один из ведущих промыслов горцев и племен, населяющих побережье, был объявлен вне закона [16].

В советское время был совершен колоссальный прорыв по освоению черноморского побережья. В 1919 г. вступает в действие декрет Совета Народных Комиссаров «О лечебных местностях общегосударственного значения», по которому Сочи как курорт объявлялся государственной собственностью. В бывших частных гостиницах, пансионатах и дачах открываются первые советские санатории, создаются пионерлагеря. В начале 1930-х гг. город-курорт Сочи был объявлен ударной стройкой, на реализацию которой государство выделяло значительные суммы, и в результате чего город пополнился активным трудовым ресурсом [17].

Исследователи отмечают, что в ходе советских национальных реформ продолжалась русификация региона [18]. Доля русских в районе Большого Сочи в советский период возрастала – от 61,4% в 1900 г. до 70,2% в 1989 г. Однако, несмотря на это, Черноморское побережье Кавказа сформировалось как регион с чрезвычайно разнообразным этническим составом старожильческого населения. Наравне с греками, немцами, русскими, латышами и эстонцами, молдаванами и грузинами, в числе первых поселенцев были и армяне, беженцы из Турции. Обратим внимание, что все поселенцы-старожилы региона традиционно принадлежат к христианскому вероисповеданию. Все перечисленные этнические группы поселенцев селились компактно, образуя собственные поселки. Среди поселков, основанных греками, можно упомянуть Лазаревское и Красную поляну. Эсто-Садок и Эстонка образованы латышами и эстонцами, Лоо и Уч-Дере – армянами, Веселое – молдаванами. Царским правительством в целях русификации края практиковалась практика приписки русских поселенцев к греческим, армянским, адыгским селам, в результате чего создавался пестрый и смешанный этнический состав Черноморского побережья Кавказа [12].

Как отмечалось выше, сегодня русские составляют лишь чуть более половины населения Большого Сочи, так как в постсоветское время доля русского населения в Сочи значительно сократилась – с 70,2% в 1989 г. до 57,6% в 2002. Однако пока основной массив населения представлен русскими, и именно их установки в отношении лиц иной национальности (как недавно приезжих, так и интегрировавшихся) задают тон межэтническим отношениям в регионе. Исследования показывают, что установки русских сочинцев и русских москвичей в отношении непосредственных повседневных межэтнических контактов

весьма позитивны: свыше 70% готовы принять человека другой национальности в качестве начальника и партнера по работе, соседа и одноклассника ребенка. Для нас важно показать, что во внутрисемейных контактах позитивные межэтнические установки проявляются несколько слабее, но в целом охватывают более половины населения обеих столиц. Интересно отметить, что нерусские жители Сочи, в отличие от русских Сочи и Москвы, демонстрируют превосходящую готовность к внутрисемейному взаимодействию с людьми других национальностей (их позитивные установки на внутрисемейное межэтническое взаимодействие составляют 73,6–74,1%, в отличие от 51,7–55,9% у русских в этих городах). Эти тенденции свидетельствуют о большей готовности сочинцев, принадлежащих к группам «этнических меньшинств» к близкородственным контактам с людьми разных национальностей, о более выраженной, в сравнении с русскими, установке на ассимиляцию в этом многокультурном регионе.

Выше мы отмечали, что Сочи, в сравнении с другими неофициальными российскими «столицами», демонстрирует максимально высокие показатели локально-городской и российской идентичности. При этом актуализация этнической идентичности сочинцев хотя и выше средне-русской (57% против 42,3%) и соответствующих показателей в Санкт-Петербурге (40,7%) и Казани (30,2%), но не отстает от московских реалий, где больше половины населения (57%) «часто ощущают единство» с людьми своей национальности (см. таблицу 1). Москва как официальная столица России традиционно является городом больших возможностей и высокой конкуренции. В настоящее время и Сочи, в связи с колоссальным притоком ресурсов и открывающимися перспективами развития как центра международного туризма и спорта, становится «городом возможностей». Но важной тенденцией при этом является то, что в Москве значительно выше этническая солидарность. Если в Сочи меньше половины тех, кто считает, что «современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности» (44,9%), то в Москве их уже 3/4 (75,8%) (см. таблицу 4). В сравнении с Москвой, Сочи сегодня не только более интернационален, но представляется, что жители этого города в меньшей степени используют этнические категории в восприятии социального пространства.

Социальная категоризация, как элемент приспособления психики человека к действительности, несет в себе определенные риски. С одной стороны, от того, что человек делит окружающее его социальное пространство на категории, мир становится понятнее и доступнее. С другой стороны, это стремление к упорядочиванию мира социальных объектов в условиях межкультурного взаимодействия приводит к тому, что социальные противоречия воспринимаются в терминах этнических противоречий – т. е. противоречий и конфликтов, осознанных в категориях этнических групп. А когда выделенные категории начинают наполняться негативным эмоциональным и оценочным содержанием, возникают проблемы социального характера, истолковываемые людьми в терминах этнических противоречий.

Этногрупповая мобилизация как готовность отстаивать интересы своего народа «любыми средствами» составляет в Сочи и Москве 32,6–35,2%. Рассматривая эти тенденции в этнокультурном контексте, мы увидим, что процессы этнической солидарности и этногрупповой мобилизации протекают неодинаково среди русских и людей иных национальностей в Москве и Сочи. В Сочи значительно ниже этническая солидарность, здесь меньше половины населения (43,7–46,8% в обеих общностях) полагают, что «современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности», а установкой этногрупповой мобилизации (поддержка позиции «любые средства хороши для защиты интересов моего народа») охвачена треть горожан (35,1% русских и 30% «нерусских») (см. таблицу 4).

В Москве ситуация несколько иная. В отличие от сочинцев, подавляющее большинство русских москвичей (77%) и более половины москвичей иных национальностей (63,7%) проявляют этническую солидарность. Но при этом русские москвичи, в отличие от нерусских, меньше мобилизованы – установкой этногрупповой мобилизации охвачены 34,1% русских (примерно также, как в Сочи). Среди нерусского населения Москвы этногрупповая мобилизация значительно выше – почти половина (45,1%) полагает, что любые средства хороши для защиты интересов их народа.

В Москве значительно выше этническая солидарность. Если в Сочи меньше половины тех, кто считает, что «современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности» (44,9%), то в Москве их уже 3/4 (75,8%). В сравнении с Москвой, Сочи сегодня не только более интернационален, но представляется, что жители этого города в меньшей степени используют этнические категории в восприятии социального пространства.

Таблица 4

Установки этнической солидарности и этногрупповой мобилизации в Москве и Сочи, %

	Сочи, 2008			Москва, 2008		
	Все респонденты	Русские	Нерусские	Все респонденты	Русские	Нерусские
Этническая солидарность Поддержка позиции: «Современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности»	75,8	77,0	63,7	44,9	43,7	46,8
Этногрупповая мобилизация Поддержка позиции: «Все средства хороши для защиты интересов моего народа»	35,2	34,1	45,1	32,6	35,1	30,0

В постперестроечный период Сочи и Москва испытывали, как уже выше отмечалось, существенный приток мигрантов. Эти города привлекают приезжих, прежде всего тем, что открывают людям жизненные перспективы, предоставляют рабочие места, возможности карьерного роста и заработка. Адаптация приезжих к местной жизни и интеграция в сложившуюся городскую среду во многом зависит от установок принимающей стороны. Исследования показали, что высокая этногрупповая мобилизация «нерусского» населения Москвы (45,1%) отражает «сдерживающую», ограничивающую миграцию установку русских как этнического большинства Москвы (лишь 16,7% русских москвичей считают, что «любой человек имеет право приехать в Москву, чтобы устроиться здесь жить и работать» (см. таблицу 2). В свою очередь, нарастающая в Москве этническая солидарность русских [20] является ответом на традиционно более высокую (что особенно заметно проявилось в период постсоветского развития) этническую солидарность титульного населения российских республик и иноэтничного населения Москвы, подкрепляемую складывающейся в столице этнической конкуренцией на рынке труда.

Русские в Сочи, напротив, более открыты по отношению к мигрантам, несмотря на то, что число русских здесь в постперестроечный период заметно сократилось. Установки русских сочинцев демократичны (71,6% считает, что «любой человек имеет право приехать в Сочи, чтобы устроиться здесь жить и работать» (см. таблицу 2) и их этническая солидарность находится на уровне соответствующих показателей среди инонационального местного населения.

Сравнительный анализ динамики этнической идентичности и солидарности, этногрупповой мобилизации и отношения к мигрантам показывает, что интеграционные установки жителей того или иного города России во многом обусловлены региональным контекстом, локальной историей, ролью в политическом развитии страны, экономическим статусом. Пойдет ли Сочи по пути Москвы, где обнаруживаются тенденции межэтнической напряженности (от 37 до 50% москвичей, в зависимости от гражданской позиции, оценивают межнациональные отношения в городе как «внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует»), или останется городом устойчивого межэтнического консенсуса, зависит от дальнейшего экономического и этнодемографического развития региона и, главным образом, от местной городской и краевой политики в отношении регулирования рынка труда и доступа к ресурсам.

Обнадеживает, что в Сочи чрезвычайно высока российская идентичность, которая является базой гражданской консолидации на региональном и государственном уровне.

Библиографический список

1. Кряжев Р., Бегимбетова И. Казань стала столичной штучкой. Коммерсант. 3 апреля 2009. № 59 (4114).
2. Лапин Н. И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социологические исследования. 2006. № 8.
3. Воробьев А. Сочинализация // Власть. 2008. № 26 (780).
4. Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 г. Принята Законодательным Собранием Краснодарского края 16 апреля 2008 г.
5. Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В. А. Тишкова. М., 2007.

6. Портал исполнительных органов государственной власти Краснодарского края.
URL: <http://krasnodar.ru/content/73/show/164> (дата обращения 15.08. 2010 г.)
7. Дробижева Л. М. Социальный ресурс сочинцев // Социально-культурное многообразие как ресурс трансформирующегося Сочи. Информационно-аналитический бюллетень. 2009. № 2.
8. Титов Е. Легендарный мэр Сочи – о спасении миллиардов // Новая Газета. 17 апреля 2009.
9. Сочи и Олимпиада. Независимый экспертный доклад членов Бюро «Солидарность» // Официальный сайт Объединенного демократического движения «Солидарность». URL: <http://russolidarnost.ru> (дата обращения 13.04.2009).
10. Новиков С. Г. Этнический аспект общественных движений в Новороссийске (конец XIX – начало XX вв.) // Научно-информационный армянский портал «Маштоц». URL: http://www.mashtots.ru/archive/history_15_1.htm (дата обращения 1.08.2010)
11. Савва М. Краснодарский край // Сайт «Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов». URL: <http://eawarn.ru/pub/AnnualReport/AnnualReportWebHome2003/2003Anrep27.htm> (дата обращения 12.12.2010)
12. Тверитинов И. А. Формирование межнационального сообщества Черноморского побережья Кавказа // Сайт ЗАО «СКО «Росюгкурорт»». URL: <http://www.rukurort.ru/index.php?id=323>. (дата обращения 15.08.2010)
13. Бурыкина Л. В. Планы российского правительства по заселению Северо-Восточного берега Черного моря в пореформенный период // Справочная информация по вузам. URL: http://agpi.itech.ru/institute/kaf/ist_kaf/conference/20.Burikina.htm. (дата обращения 15.09.2010).
14. Тверитинов И. «...И тридцать десятин земли» // Новости Сочи. 2006. № 44. 14 марта.
15. Черноморское побережье Кавказа. Пг., 1916. С. 39. Цит по [13].
16. Азаров В., Марущенко В. Кавказ в составе России // Красная звезда. 2001. 19 января.
17. Портал «Инет-Сочи. Каталог ресурсов. Раздел «История». URL: <http://inet-sochi.ru/history> (дата обращения 1.08.2010)
18. Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.
19. Рожко Е. Э. Хозяйственная колонизация Черноморского округа в 1870-1890-гг.: Формирование межетнических черт ментальности // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2009. № 2 (12).
20. Рыжова С. В. Идентичность москвичей в разной этноконтактной среде // Российская идентичность в Москве и регионах. М.: Институт социологии РАН, 2009.
21. Арутюнян Ю. В. Самоидентификация столичных жителей // Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности. М., 2007. С. 443.

Научные форумы III Конгресс социологов тюркского мира «Глобализация и тюркский мир»

Тюркские социологи о тюркском мире и о собственной роли в его развитии

Бийжанова Элиза Камчыбековна —
младший научный сотрудник Центра региональной
социологии и конфликтологии
Института социологии РАН,
зав. редакцией журнала
«Социологические исследования»

e-mail: eliza2306@mail.ru

Тюркские социологи о тюркском мире и о собственной роли в его развитии

21–24 сентября 2010 г. под эгидой Администрации Президента Кыргызской Республики и Кыргызско-Турецкого Университета «Манас» состоялся III Международный конгресс социологов тюркских народов. Во время открытия Руководитель Аппарата Президента зачитал поздравительное письмо Президента Кыргызской Республики Розы Отунбаевой. Президент отметила, что проведение Конгресса в республике является положительным признаком стабилизации ситуации после событий, произошедших в апреле этого года, и выразила надежду, что это не последние подобные мероприятия международного масштаба.

В течение 4-х дней в кампусе им. Ч. Айтматова Кыргызско-Турецкого Университета «Манас» проводилась работа Конгресса в 9 секциях. В рамках сессий рассматривались социальные процессы, развивающиеся в тюркском мире. Основные проблемы, которые поднимались на мероприятии, были связаны с потерей идентичности, распространением западного влияния, потерей престижа национального языка (тем более, что 3-й день конференции пришелся на день кыргызского языка). Поскольку основные участники конгресса были представителями тюркских стран, доклады делались на кыргызском, турецком, казахском и татарском языках. Перевод докладов осуществлялся на кыргызский и турецкий языки. Перевода докладов для русскоязычных участников не было предусмотрено. Многие доклады были посвящены истории тюркских народов и их братству, говорилось о необходимости объединять и усиливать сотрудничество тюркских государств, о состоянии здоровья населения и т. п.

В конгрессе приняли участие около 200 ученых – в основном представителей Кыргызстана, Турции, Казахстана, Российской Федерации (в том числе Татарстана и Башкортостана). На конгрессе активно выступали также представители Узбекистана, Украины (Крыма), Таджикистана, Индии, Южной Африки и стран Европейского Союза.

Выступали известные социологи: вице-президент Международной социологической ассоциации социологов, профессор, доктор наук Тина Уйс; член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования» Жан Тощенко; член Исполкома Международной социологической ассоциации, президент Сообщества профессиональных социологов, профессор, доктор наук Никита Покровский; вице-президенты Ассоциации Социологов Тюркских народов: профессор, доктор наук Лилия Сагитова и профессор, доктор наук Кусеин Исаев; и многие другие.

Во время заключительной части Конгресса участниками единогласно были приняты следующие решения:

1) Общественные проблемы, касающиеся будущего развития и объединения Тюркского Мира должны рассматриваться с точки зрения социологии.

2) В связи с широкой географией Тюркского Мира необходимы проведение различных исследований, направленных на решение социальных проблем, а также разработка теорий, которые смогут непосредственно повлиять на развитие тюркских народов.

3) Было предложено, чтобы в дальнейшем подобные мероприятия стали традиционными. Социологи тюркского мира должны объединиться и решать социальные проблемы самостоятельно, не следовать лишь за ориенталистами.

4) Следующий Конгресс Социологов Тюркского Мира должен акцентировать внимание на вопросе: что означает «Тюркская идентичность» в религиозном, социальном и национальном аспектах?

5) Эстафету проведения очередного Конгресса социологов тюркского мира передать в г. Казань (Россия), предварительная дата проведения: июнь 2012 г.

Научные форумы III Конгресс социологов тюркского мира «Глобализация и тюркский мир»

Общее и особенное российской и тюркской цивилизации: проблемы глокализации

Тощенко Жан Терентьевич —
член-корреспондент РАН,
главный редактор журнала
«Социологические исследования»

e-mail: balss@yandex.ru

Общее и особенное российской и тюркской цивилизации: проблемы глокализации

Аннотация

В статье рассматриваются процессы взаимодействия российской и тюркской цивилизаций. Для преодоления препятствий на пути диалога цивилизаций предлагается выход – глокализация, которая, в отличие от глобализации, органически соединяет в себе общие и особенные черты развития народов, направлена на сближение цивилизаций, но не на отождествление их.

Abstract

The article explores the interaction between the Russian and Turk civilizations. The author proposes a way to break through the “fences” hindering a dialogue between the two civilizations. He regards “glocalization” as a process that unlike globalization combines common and specific conditions of societal development. It contributes to proximity of civilizations without making them identical.

Ключевые слова: цивилизация, глокализация, глобализация, культура

Keywords: civilization, glocalization, globalization, culture

Хотелось бы обсудить одну очень важную проблему, волнующую всех присутствующих здесь: как сосуществуют две крупнейшие в мире цивилизации – российская и тюркская, как они взаимодействуют друг с другом, как происходит процесс взаимообогащения, в чем это проявляется, какие перспективы и какие препятствия возникают на этом пути.

Цивилизация: определение сущности

Понятие «цивилизация» («цивилизации») является одним из распространенных в социальных и гуманитарных науках термином, когда предпринимаются попытки осмыслить всемирно-исторический процесс развития человечества, его отдельных эпох, территорий, народов. В большинстве определений в философской, социологической, исторической и политологической литературе мы встречаем, во-первых, такие выражения: «мировая цивилизация» и «мировые цивилизации». В первом случае те, кто употребляют это выражение в единственном числе, стремятся охватить в этом слове все достижения человечества, уровень его развития как некую обобщающую характеристику [1; 2; 3]. Во втором случае имеется в виду, что существует множество цивилизаций, которые сами по себе представляют уникальные образования, имеющие выдающиеся черты и особенности, позволяющие говорить о них как о самостоятельных и самодостаточных феноменах. Когда используется понятие европейская, латиноамериканская, восточная, африканская цивилизация, то опираются на некий территориально-географический принцип, правомочность употребления которого не вызывает особых сомнений. Можно только сказать, что каждое из названных понятий достаточно сложно, специфично, противоречиво, хотя и имеет право на существование [4; 5].

Во-вторых, не вызывает сомнения и подход, в основе которого лежит этнонациональная трактовка этого понятия, когда употребляются выражения – китайская, индийская, арабская, тюрская, российская цивилизации [6; 7; 8]. О цивилизации в Европе и Франции писал Ф. Гизо, в Англии – Г. Т. Бокль, в Испании – Р. Альтамире-и Кревеа [9]. В основе этого подхода лежит развитие интеллектуальных сил и возможностей народов, внесших огромный вклад в развитие человечества. И этот вклад настолько велик, многозначен и продолжителен во времени, что это нашло отражение в выдающихся открытиях, изобретениях, достижениях в самых различных областях знания, в совокупности образующих уникальное, непреходящее явление, которое и получило название «цивилизация».

В-третьих, определение и трактовка цивилизации связывается с качественными этапами в развитии человечества – с аграрной, индустриальной, постиндустриальной

и информационной эпохами, которые иногда разбиваются на более дробные этапы [10]. Этот подход имеет также достаточно веские основания, так как характеризует качественные изменения в истории развития таких общих характеристик, которые непосредственно связаны с «внешними» силами – сущностью и характером развития производства, производительных сил и соответствующих им общественных отношений.

И, наконец, стоит отметить и такой подход, когда *развитие цивилизаций мыслится как развитие в виде дихотомий* – «капитализм – коммунизм», «Север – Юг», «Восток – Запад», которые в современном мире рассматриваются как взаимодействие двух древ – традиционной и техногенной цивилизации [11; 12].

Мы остановимся на сравнении двух цивилизаций, существование которых не вызывает сомнений – российской и тюркской. Это тем более важно, что эти две цивилизации развивались во многом одновременно, соприкасаясь друг с другом, обогащая друг друга.

Исторический экскурс

Взаимодействие двух цивилизаций – российской и тюркской – насчитывает по историческим данным около двух тысячелетий. Это проявилось в период великого переселения народов, которое привело к первому соприкосновению двух цивилизаций. Великая степь на южных окраинах нынешнего российского государства стала, по выражению Н. Гумилева [13], великого русского ученого, местом не только военных столкновений (как говорит русская поговорка, «из песни слов не выбросишь» – было и такое), но и местом торговли, культурного обмена, знакомства с другим опытом. Многочисленные племена, проходящие через Северное Причерноморье, в том числе и тюркские, принесли свое мироощущение, свою культуру, свои представления о жизни. И хотя некоторые народы в южнорусских степях бесследно исчезли, но некоторые, как современные татары, стали основой для зарождения культуры своего народа, который имел как общие, так и специфические черты, представляющие собой особенности тюркской цивилизации.

Следующий крупный шаг во взаимодействии тюркской и русской цивилизаций был связан с периодом татара-монгольского нашествия на древнерусские княжества.

Историческая мысль современной России в отличие от трактовок предшествующих поколений склонна характеризовать этот период с XIII по XVI вв. – не только как период эксплуатации и рабства, но и как время, когда произошло взаимообогащение, которое зашло так далеко, что именно тогда зародилась поговорка «поскреби каждого русского и найдешь в нем татарина».

Следующий этап взаимодействия был связан с возникновением Османской империи в XV в. И хотя взаимоотношения между русскими княжествами и Османской империей были далеко не мирными вплоть до XIX в., они сопровождались войнами, тем не менее, это не мешало в мирные времена развивать торговлю, принимать посланцев и даже родниться. Вспомним, главный герой из знаменитого произведения «Тихий Дон» Григорий Мелехов Нобелевского лауреата Шолохова был рожден в семье, где его бабушкой была турчанка, которую дед привез, как и многие его соплеменники, из, как тогда выражались, Туретчины.

Особое место в развитии и взаимодействии двух цивилизаций занимает завоевание Россией народов, принадлежащих к тюркскому ареалу. Это началось с завоевания Казанского ханства в середине XVI в., постепенно продолжилось вплоть до XIX в. и завершилось присоединением Средней Азии и включением ее в состав Российской империи.

Во времена существования Советского Союза произошло зарождение, вызревание и становление национального самосознания большого количества тюркских народов, многие из которых «шагнули» в новый век из состояния кочевых народов в полноценные цивилизационные нации. Этот аспект следует особо подчеркнуть, так как именно с советским периодом связано возмужание национального суверенитета многих наций и национальностей, в том числе и тюркских.

Общие черты и основные направления взаимодействия российской и тюркской цивилизаций

Среди общих черт в первую очередь я хотел бы назвать тот факт, что эти две цивилизации включают в себя много национальных культур, которые представлены различными народами. Образ жизни каждого, даже малочисленного этноса этих цивилизаций – это часть не только соответствующей культуры, но одновременно

и некая грань цивилизации. Цивилизация не устраняет специфику национальной культуры, ибо именно культура объединяет главные и особенные черты духовной жизни каждого народа, позволяя говорить о ней, как об уникальном этнонациональном и мировом явлении.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что при определении феномена цивилизации часто опираются на: 1) метафизическое заключение, позволяющее значительно упрощать объяснение причин и следствий исследуемого процесса; 2) умозаключение на основе формальной логики, при применении которой обычно учитывают фиксируемые факты, не всегда проникая в глубинные процессы, которые не столь наглядны и очевидны.

Это требует, прежде всего, необходимости определиться с исходными методологическими принципами анализа. С этой точки зрения, наиболее подходит трактовка цивилизации через понятие культурно-исторического процесса, на чем настаивали такие известные мыслители, как А. Тойнби, О. Шпенглер, Н. Я. Данилевский и Н. А. Бердяев [6; 12; 14; 15]. И хотя между ними есть существенные различия в трактовке роли и значения культуры, их объединяет то, что они сосредотачивают внимание на образе жизни, ценностях, традициях, ментальности, символах и т. д. На наш взгляд, необходимо учитывать объективные и субъективные показатели, которые характеризуют тот или иной вид, ту или иную форму цивилизации. А основой такой методологии может быть культурно-исторический подход, на базе которого реализуются методы анализа и интерпретации информации об этом уникальном феномене.

Во-первых, взаимодействие двух рассматриваемых цивилизаций проявилось в развитии экономических связей, во взаимовыгодной торговле, в обмене товарами и продуктами, которые имеют иное происхождение. Как в российской, так и в тюркской цивилизации можно встретить такие предметы обихода, повседневной жизни, которые имеют «неродное» происхождение, но сделались неотъемлемой их чертой. Это стало особенно наглядно в современную эпоху, когда две цивилизации роднит материальная и технико-технологическая база производства. Именно уровень развития научно-технического и экономического потенциала обеспечивает сравнение этих показателей, которые позволяют увидеть общее и особенное в развитии цивилизаций. Эти показатели следует дополнить характеристикой внешней среды обитания людей, т. е. анализом мезо- и микросре-

ды. На языке социологии это означает выявить уровень социальной обеспеченности жизни людей – возможности использования достижений образования и культуры, а также жилья, бытовых и других услуг. Но эти показатели не стоит абсолютизировать, ибо развитость материально-технической и экономической базы не гарантирует такой же уровень развития сущностных – духовных, нравственных и социальных – сил человека.

Поэтому предполагается, во-вторых, принимать в расчет анализ состояния и тенденций развития социальной структуры общества, когда происходят изменения, выражающиеся в определении удельного веса работающих в сфере материального производства, в сфере услуг, в сфере науки и образования. Т. е. цивилизационные характеристики развитых обществ становятся все более и более похожими друг на друга, и их специфика определяется только особенностями профессиональной деятельности в связи с особенностями производства.

В-третьих, социологический анализ цивилизации предполагает выявление степени и качество форм и методов демократизации наших стран. Знание и использование демократических ориентиров и ценностей позволяет делать более точный прогноз раскрытия сущностных возможностей людей, их общественных объединений и организаций.

Не менее значимо для характеристики цивилизаций использование показателей духовной жизни общества, т. е. развитости науки, образования, просветительских учреждений, средств массовой информации, литературы и искусства. Это взаимообогащение проявилось в том, что в современный русский не только народный, но и литературный язык вошло несколько сот слов из тюркского языка. Это проявилось также и в том, что многие представители «татарских кровей», как историк Карамзин, писатели Тургенев, Достоевский, могут с полным основанием считаться представителями не только российской, но и тюркской цивилизации.

Таким образом, сравнительный анализ двух цивилизаций показывает, что, с одной стороны, объективные условия существования тюркских и российских народов (уровень развития производительных сил и общественных отношений); и с другой стороны, субъективные составляющие этих цивилизаций в значительной степени связаны с сущностными силами народов, с их реальным духовным потенциалом и способностью к дальнейшему участию

Сравнительный социологический анализ цивилизации предполагает:
во-первых, взаимодействие двух рассматриваемых цивилизаций, которое проявилось в развитии экономических связей, во взаимовыгодной торговле, в обмене товарами и продуктами, которые имеют иное происхождение;
во-вторых, предполагается принимать в расчет анализ состояния и тенденций развития социальной структуры общества;
в-третьих, следует выявить степень и качество форм и методов демократизации исследуемых стран.

в развитии цивилизации, что, по Гумилеву, проявляется в уровне пассионарности, которая является ядром, основой ее качественной определенности [13; см. также: 2].

Особенности развития двух цивилизаций

Нужно отметить, что российская цивилизация базировалась на русской культуре в широком смысле этого слова. И потом постепенно в ареал своего влияния включала культуры других народов. И хотя в основе российской цивилизации лежит именно русский вариант культуры, тем не менее, в нее вошли в той или иной мере достижения практически всех народов, которые составляли население Российской империи, а затем Советского Союза. Особенностью российской цивилизации, по сравнению с американской, западноевропейской и другими, является то, что практически ни один народ не исчез, не ассимилировался и продолжает существовать по настоящее время.

Во-вторых, правящий класс России и Советского Союза комплектовался не только из русских. Наряду с грузинскими князьями основу российской знати, а затем и советской номенклатуры составили многие выходцы из татарских, а затем и среднеазиатских народов – Юсуповы, Рашидовы, Расуловы и др.

В-третьих, многие тюркские народы в составе Советского Союза приобрели первые навыки государственного управления в виде союзных и автономных республик, национальных округов, в рамках которых выросли, окрепли и пришли к власти национальные руководители как в новых независимых государствах, так и в национальных республиках новой России.

В-четвертых, многие тюркские народы оформили и закрепили свою письменность, на базе которой появились письменная литература, искусство, интеллектуальное творчество, продукция которых через русский язык вышла и на мировой уровень.

Препятствия на пути цивилизаций

Какие опасные явления в развитии цивилизации можно выявить, которые угрожают цивилизационному здоровью общества?

Во-первых, осуществляются и не прекращаются попытки превратить все общественные процессы, результаты, в том числе и в сфере культуры, в товар. Именно с этих

Особенностью российской цивилизации, по сравнению с американской, западноевропейской и другими, является то, что практически ни один народ не исчез, не ассимилировался и продолжает существовать по настоящее время.

Осуществляются и не прекращаются попытки превратить все общественные процессы, результаты, в том числе и в сфере культуры, в товар.

позиций рассматриваются продукты не только материального, но и духовного производства все возрастающим количеством менеджеров, управленцев, чиновников. В этой ситуации уместно напомнить слова одного из представителей правящего класса Франции, бывшего премьер-министра Жескара Д'Эстена «Да – рыночной экономике, нет – рыночному обществу».

Во-вторых, деятельность по производству, трансляции и потреблению материальных и духовных ценностей приобретает черты агрессивности, наступательности, вплоть до акций, не пренебрегающих никакими средствами для достижения коммерческих целей, навязывания низкопробных взглядов, вкусов, предпочтений. Более того, в этих акциях амбиции творцов «нового» потребления таковы, что они преподносят себя, если не единственными экспертами, то по крайней мере определяющими все виды экономической, социальной и культурной политики.

В-третьих, под влиянием этих форм потребления цивилизация приобретает характер всеядности, вседозволенности, когда нет никаких ограничителей, никаких запретных или ограничивающих тем. В результате мы имеем «культурацию» шизофренических и психопатических поступков, вплоть до возвеличивания или просто демонстрации естественных испражнений людей.

В-четвертых, идет сознательная ориентация на то, чтобы предлагаемые продукты (товары, образцы поведения) принимались всеми без исключения. Т. е. идет ориентация на самые примитивные вкусы и предпочтения, торпедируются все усилия по возвышению нравственных ориентиров и тысячелетиями апробированных норм и стандартов поведения.

В-пятых, идет такое сознательное искажение произведений литературы, искусства до неузнаваемости, до такого их обличья, когда от первоначальной сути не остается ничего, кроме внешней оболочки, которая нередко тоже разрывается согласно «новому прочтению» или «новой интерпретации».

И, наконец, ориентация творцов этих видов деформации общественной жизни направлена не на то, чтобы добиться понимания, усвоения общепринятых ценностей, не на достижение истины, а на принятие пропагандируемых образцов, которые имеют целью скорее дезориентацию, чем просвещение и усвоение объективной информации и общепринятых ценностей. И тогда карнавал превращается в шабаш. Этому во многом способствуют эрзац- и псевдокультура, которые используют методы, отражающие

Деятельность по производству, трансляции и потреблению материальных и духовных ценностей приобретает черты агрессивности, наступательности.

Под влиянием рыночных форм потребления цивилизация приобретает характер всеядности, вседозволенности. Идет сознательная ориентация на то, чтобы предлагаемые продукты (товары, образцы поведения) принимались всеми без исключения.

цели и намерения их творцов. Прежде всего, следует назвать попытки организовать возможно большие аудитории потребления, привлечь как можно большее количество людей. При этом используются такие приемы, которые играют на инстинктах, опираются на сумеречное сознание, на побуждение в человеке того, что ограничено некоторыми нравственными табу. Так, секс из интимности превратился в открытые формы его пропаганды со всеми возможными атрибутами вплоть до извращенных.

Не менее значительным методом стало превращение массовых проявлений культуры в одно бесконечное шоу. Шоу имеет право на существование как один из методов доведения культуры до общественного сознания, но превращение всех видов культуры в один единственный прием – шоу – не просто ограничивает культуру, а деформирует и извращает ее.

Очень распространенным методом стала игра не на привлечение людей в производство культурных ценностей, а превращение их просто в соучастников, которые неведомо как становятся акторами этих шоу. Такой прием, как «разогреть публику», вполне возможен, но он имеет свои ограничения и свои табу.

Даже оперативность, превращается в один из приемов зарабатывания денег, что толкает людей на подражательство, лже-символику вплоть до производства контрафактной продукции.

Согласно постмодернистским настроениям широко применяется такой прием, как «развлекаловка», как попытка все охватить без разбору – от умения печь блины и рассказов о капризах домашних животных до попыток снабдить произведения творцов скабрёзными измышлениями по поводу личной жизни избранных персонажей или скандальных эпизодов.

Следует отметить формирование особой социальной группы – лже-экспертов и квази-экспертов, которые настойчиво, оккупировав телевидение и другие средства массовой информации, навязывают свое видение этих форм и продуктов материальной и особенно духовной культуры. Эта ситуация осложняется тем, что лже-эксперты получили в свое распоряжение интернет, что дало им возможность организовать обратную связь с потребителем по своему выбору и предпочтениям, создавая еще один эрзац-символ со ссылкой на «связь с народом». Эти интерактивные

связи навязывают свои стандарты, свою интерпретацию при помощи разных приемов, известных еще по теории пропаганды Ласуэлла.

В этой связи надо дополнить социологический подход методами других наук, которые помогут четко представить, какие внешние факторы лежат на пути развития цивилизаций и что препятствует развитию гармонии в мире.

Таковыми являются, во-первых, экономический экспансионизм, который через транснациональные корпорации и центры оказывает и прямое, и косвенное давление на все народы без исключения, пытаясь навязать свое понимание мироустройства.

Во-вторых, не менее значима претензия на политическую гегемонию, которая направлена на навязывание своего представления о государственном и общественном устройстве. Именно этот гегемонизм, наряду с экономическим экспансионизмом, породил противостояние им в исламском мире, так как этот мир увидел в этом стремление навязать принципы общественной и политической жизни, мало или совсем несвязанные с национальной культурой и менталитетом восточных народов.

В-третьих, на пути диалога стоят различные формы этнической и националистической исключительности, что всемерно поддерживается этнократическими силами в стремлении при помощи этого влиятельного фактора навязать свое представление о действительности, что на самом деле отражает стремление удержать (или захватить) власть.

В-четвертых, на пути диалога цивилизаций во все большей мере стала проявлять себя религиозная нетерпимость. Это выражается в столкновениях между мировыми религиями, особенно между христианством и исламом. Это для наших цивилизаций представляет особую заботу и тревогу, ибо здесь может лежать процесс обострения отношений между странами и между народами.

И все эти препятствия на пути диалога цивилизаций (и в том числе культур) сдвигаются интерпретацией событий и процессов прошлого, часто перелицованных с определенными целями – доказать первенство (преимущество, первородство) того или иного народа, его государственности, его подвигов и завоеваний, культурных достижений и т. п.

Именно политический гегемонизм и экономический экспансионизм, породили противостояние им в исламском мире, так как этот мир увидел в этом стремление навязать принципы общественной и политической жизни, мало или совсем несвязанные с национальной культурой и менталитетом восточных народов.

Где же выход?

Сразу хочу высказать предложение – это глокализация, то есть такое соединение проблем глобализации и учета национальных, региональных и других особенностей, которое позволяет соединять воедино и общие, и специфические требования.

На наш взгляд, когда речь идет о глобализации, имеют в виду, что технологические, экономические, технические, организационно-управленческие процессы приобретают некие стандартизированные, приемлемые для обеспечения более полного сотрудничества общие черты и характеристики. При такой постановке вопроса мы вправе говорить о необходимости сближения, выработки и использования адекватных типовых, объединяющих всех нормативов, индикаторов. Но можно ли так поступать с цивилизацией (ями)? На наш взгляд, это неприемлемо. Стремиться добиться однозначности, однопорядковости при трактовке сущности цивилизации – это идти по пути разрушения самобытности народов, их специфики, понимания и трактовки многообразия мира.

Такие попытки уравнивать и в одном ключе рассматривать цивилизацию, как и глобализацию, не могут не вызывать вполне обоснованный протест и возражение. Тем более что глобализация в сфере культуры несет в себе ярко выраженный оттенок вестернизации, европеизации и даже американизации. В этой ситуации происходит вольное или невольное навязывание ценностей одной цивилизации другой. А это в принципе глубоко ошибочно. Противоестественно. А значит и неприемлемо.

Цивилизация по сравнению с глобализацией имеет прямо противоположные ориентиры, направленные на сближение, но не на отождествление, на поддержание схожих черт и характеристик, но предполагающих сохранение их уникальности и значимости для всего человечества. Цивилизация нацелена на понимание, взаимодействие, сотрудничество, признание другой (иной) стороной права сохранять и развивать свои уникальные черты. Именно уважение, признание за другими особенных и специфических признаков позволяет достичь истинного расцвета человеческого многообразия. А этого можно достичь посредством

На пути диалога цивилизаций (и культур) стоят:

- различные формы этнической и националистической исключительности, что всемерно поддерживается этнократическими силами;
- проявления религиозной нетерпимости;
- интерпретация событий и процессов прошлого, часто перелицованных с определенными целями – доказать первенство того или иного народа.

решения этих проблем в рамках концепции глокализации, которая органически соединяет в себе общие и особенные черты развития народов и их цивилизаций.

При таком анализе и описании цивилизаций выявляются коренные, сущностные их характеристики, анализируются тенденции изменений общественного сознания и социальной практики. Соединение объективных и субъективных показателей общественного развития дает всестороннюю характеристику уровня развития цивилизаций, их достижений, а также степени угроз, подвергающих сомнению правомочность существования того или иного общественного устройства. Только учет общего и специфического и его реализация дают повод для оптимистического взгляда на будущее наших цивилизаций.

Библиографический список

1. Морган Л. Г. Древнее общество / Пер. с англ., 2 изд. Под ред. М. О. Косвена. М., 1935.
2. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992.
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 21.
4. Бромлей Н. Я. Цивилизация в системе общественных структур. // Цивилизация / Под ред. М.А.Барга. Вып. 2. М., 1993.
5. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Собр. соч. Т. 5. М., 1912.
6. Данилевский Н. А. Россия и Европа. М.: Мысль, 1991.
7. Ерасов Б. С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. Очерки общей теории. М.: Высшая школа, 2002.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1.
9. Толстых В. И. Цивилизация // Новая философская энциклопедия. Т. IV. М.: Мысль, 2001.
10. Яковец Ю. В. История цивилизаций. М: ВладДар, 1995.
11. Степин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего. М.: ИФРАН, 1996.
12. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1993.
13. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: АСТ, 2004.
14. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. СПб.: Ювента., 1996.
15. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1992.
16. Буховец О. Г. Клио на пороге XXI века: искушение национализмом // Вопросы истории. 2002. № 3.

Научные форумы III Конгресс социологов тюркского мира «Глобализация и тюркский мир»

Поволжский ислам в эпоху глобализации: традиция-реставрация или традиция-инновация?

Сагитова Лилия Варисовна —
кандидат исторических наук,
доцент, старший научный сотрудник
Института истории АН Республики Татарстан

e-mail: liliya_sagitova@mail.ru

Поволжский ислам в эпоху глобализации: традиция-реставрация или традиция-инновация?

Аннотация

Автор на примере села Средняя Елюзань Пензенской области изучает проблему сосуществования различных типов исламской традиции в рамках одного социума (кейс-стади, 2006-2010 гг.), выявляет факторы, влияющие на развитие местной исламской традиции и новой глобализированной формы ислама.

Abstract

The author focuses on the village of Srednyaya Elusan' of the Penza region to research the issue of coexistence of various types of Islamic tradition in one community (case study, 2006-2010). It brings out factors that influence the development of local Islamic traditions and new globalized form of Islam.

Ключевые слова: ислам, исламская глобализация, традиция, инновация

Keywords: Islam, Islamic globalization, tradition, innovation

Говорить о российском исламе как о некоей гомогенной и однозначной культуре представляется сегодня проблематичным в силу многих причин. Богатая и многообразная историческая традиция бытования ислама на территории России и противоречивость постсоветских трансформационных процессов, за последние 20 лет, создали и продолжают создавать в высшей степени своеобразную картину.

Сложность анализа этого феномена в России связана не только с сильной дифференциацией ислама в регионах России, что обусловлено своеобразием культурного, исторического и геополитического контекста регионов РФ. Сам по себе процесс «возвращения» ислама на постсоветское пространство неоднозначен и сложен. Поэтому в научной

литературе зачастую встречаются не совпадающие или противоречащие друг другу объяснительные модели. Для научной литературы конца 1980-х – начала 1990-х гг. характерно понятие «исламское возрождение», под которым подразумевался возврат к исторической традиции тюркских народов СССР после 70-ти лет атеизма. Однако уже к началу XXI в. стало ясно, что «вернувшийся ислам» часто отличается от дореволюционных канонов. Появилось другое понятие – «исламская глобализация», – подразумевающее заполнение духовной ниши тюрков арабской версией ислама. Появление духовных учителей и проповедников из стран исламского Востока, подготовка молодых имамов и мулл в зарубежных духовных центрах положили начало процессу ревизии традиции предков. Средоточием споров стала традиционность в исламе, поскольку проводники обозначенных тенденций апеллировали к истине как мерилу легитимности своего направления. Для обращавшихся к региональной исторической традиции истина была в канонах предков. Исламские неофиты отсылали к арабской модели ислама, считая лишь ее одну истинной. Описанная коллизия вполне закономерна, поскольку культура в самых разных своих проявлениях обязательно содержит аспект традиции. Но ее существование и развитие немыслимо без инноваций. Драматургия взаимоотношений этих аспектов и обуславливает сложность анализа социокультурных процессов.

Наблюдение за возрождением «нового» старого ислама подводит к выводу, что мы имеем дело с динамичным и противоречивым явлением, не лишенным парадоксальности. Парадоксальность заключается в причудливом сплетении исторической инерции и новых глобализационных заимствований, которые не всегда идеологически сочетаются.

А. Б. Гофман предпринял плодотворный анализ понятий «традиция» и «инновация». По его мнению, успех анализа социокультурных процессов во многом зависит от умения учитывать всю сложность и многозначность традиционных аспектов культуры и социального поведения. Важной стороной анализа становится исследование различных видов традиций и традиционности, их смыслов, значений и функций в определенных социокультурных комплексах и ситуациях. Ученый выделил различные типы традиции: «традицию-инерцию» (воспроизводство привычного порядка вещей); «традицию-ностальгию» (воспоминания о прежних временах); «традицию-рестав-

Появление духовных учителей и проповедников из стран исламского Востока, подготовка молодых имамов и мулл в зарубежных духовных центрах положили начало процессу ревизии традиции предков.

рацию» (стремление восстановить реальное или мифическое прошлое); «традицию-ритуал» (воспроизведение в символической форме тенденции и события прошлого); «традицию-константу» (культурный образ, сохраняющийся в определенном обществе в течении длительного времени); «традицию-оболочку» (содержит новое явление в старой оболочке) [1, с. 20]. Гофман выступает за дифференциацию этого понятия, выявление различных типов традиций, анализ этих типов в различных социокультурных комплексах и ситуациях [1, с. 21]. Его призыв исследовать взаимодействие традиций с другими социокультурными явлениями: инновациями, диффузией, заимствованиями, различными проявлениями глобализации и информатизации еще раз акцентирует невозможность сегодня говорить о традиции, как некоем первозданном, «истинном» феномене.

Плюрализация и гибридизация социального пространства в условиях глобализации свидетельствуют о том, что спектр мотиваций обращения к исламу значительно расширился. Сегодня религия может выступать как сугубо идеологическое явление; выполнять нормативно-этическую и моральную функции. И, наряду с этим, быть рыночным продуктом, приобретая функции «товара» в самых разных контекстах.

Особенно сильно это проявляется в ситуации сворачивания советской идеологии и расширяющегося сотрудничества со странами Запада и Востока. За двадцать лет мы имели возможность наблюдать, как ислам постепенно приобретал в ходе либерализации новые функции, все более отдаляясь от таких интерпретаций советского периода, как «опиум народа» или «архаика народных традиций».

Спектр апелляций к исламу в постсоветской России неизмеримо расширился. Ислам стал необходимым атрибутом возвращения к «исконным корням народа» или «вере предков», обеспечивая массовую поддержку этнического ренессанса в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Он явился важным аргументом во внутривнутриполитическом и культурном самоопределении регионов России с мусульманским населением. Ислам заполнил идеологический вакуум для многих тысяч обычных людей, ищущих опору и ориентиры в сложную эпоху перемен. В то же время ислам стал важнейшим ресурсом в поиске экономических и политических союзников для региональных администраций и мусульманских институтов в условиях новых политических реалий и рыночной экономики.

Предпринятый нами разведывательный кейс-стади (в форме лонгитюдного исследования 2006, 2009, 2010 гг.) села Средняя Елюзань Пензенской области свидетельствует о сосуществовании различных типов традиции в рамках одного социума.

Целью осуществленного исследовательского проекта стало выявление факторов, влияющих на развитие местной исламской традиции и новой глобализированной формы ислама в условиях гомогенного в этноконфессиональном плане локуса. Для научного исследования кейс Средней Елюзани представляет интерес по нескольким причинам. Первая связана с социальными характеристиками объекта. Здесь сохраняется общинно-родственный стиль общения людей, в отличие от разобщенного и анонимного города. Это дает возможность исследовать коллизию в ее концентрированном выражении, поскольку степень согласованности мнений по поводу двух противоречивых тенденций будет наиболее высокой. Кроме того, фактор устойчивости и плотности социальных связей играет большую роль в возможности проследить характер и динамику развития названных тенденций. Третья причина связана с тем, что религиозная традиция в селе не прерывалась, даже в эпоху советского атеизма. Кроме того, ислам явился эффективной основой выживания сельчан в непростых условиях 1990-х гг. Названные обстоятельства дают возможность сравнить влияние «старого» и «нового» ислама на жизненные стратегии жителей села и выявить социальный эффект каждой из тенденций.

Методы исследования. Для проведения полевого исследования использовались качественные методы, сходные с этнографическим. Среди них: метод включенного наблюдения, глубинные полуструктурированные интервью; биографические интервью. Наряду с этим использовался количественный метод – сбор статистического материала в сельской администрации, в медресе и в мечетях. Качественный анализ позволяет представлять исследуемые факты и события в динамике, идентифицировать изменения с тем, чтобы объяснить причины и характер изменений изучаемого явления.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что советский период оказал значительное влияние на религиозную жизнь жителей села. География его расположения (внутри России) и ресурсная база советской идеологии (значительно более сильная внутри России, чем

на ее окраинах) существенно ослабили мусульманскую составляющую, совсем исключив ее влияние на светские институты и структуры. Мусульманские нормы, ценности и практики сохранялись и воспроизводились на уровне семьи. Наблюдалась возрастная дифференциация в духовных практиках: старшее поколение воспроизводило практики и в публичном (мечеть), и в приватном пространствах; дети и молодежь – исключительно в приватном, в рамках семьи и ближних родственников. Следование мусульманским нормам в условиях светских институтов провоцировало конфликты. Истории информантов свидетельствуют, что чаще всего они возникали, когда школьники держали уразу в школе.

История исследуемого села и нарративы его жителей позволяют сделать вывод, что в эволюции ислама здесь первостепенную роль сыграла семья, как в поколенческом воспроизводстве практик, так и в постсоветском «возрождении». Плюрализация социального пространства привела к тому, что возрождение ислама обрело две ипостаси: «традиционный», «старый» ислам и «новый». Каждое из направлений имеет своих носителей: первое – пожилых имамов, получивших образование в советское время в медресе Средней Азии, или самоучек. Второе – молодых имамов, получивших образование в российских медресе и в исламских университетах Египта, Саудовской Аравии, ОАЭ. Период с конца 1990-х до середины 2000-х гг. ознаменовался приходом молодых кадров в елюзанские мечети (их число увеличилось с одной до семи). Привнесение исламских норм и практик, полученных в зарубежных исламских университетах, вызвало конфликтную ситуацию: «старые» имамы не соглашались с новой интерпретацией ислама; «молодые» – оспаривали «старую» версию российского ислама, по их мнению, искаженную советской действительностью. «Молодых», получивших образование в признанных центрах ислама, можно в какой-то степени назвать неофитами. Пафос их «истинной» мусульманской идентификации основан не только на мнении о том, что в советское время ислам был сильно искажен, а его служители были подконтрольны власти. Беседы с молодыми имамами позволили увидеть социальные основания их приверженности «истинной вере». Опыт многолетнего наблюдения «другой» жизни в мусульманских странах заставил их оценить не в лучшую сторону постсоветскую повседневность, где присутствуют алкоголизм, наркомания,

В эволюции ислама здесь первостепенную роль сыграла семья, как в поколенческом воспроизводстве практик, так и в постсоветском «возрождении». Плюрализация социального пространства привела к тому, что возрождение ислама обрело две ипостаси: «традиционный», «старый» ислам и «новый».

проституция, коррупция и социальная незащищенность. Поскольку в негативе находится та часть жизни, что связана с моралью, нравственностью и духовными ценностями, то спасением видится следование нормам ислама. Но не того, привычного, традиционного для России ислама, который не дал пока ожидаемого эффекта, а «истинного» ислама с арабского Востока.

Их просвещенческая деятельность и те нормы ислама, к которым они призывают, воспринимаются сельчанами по-разному. Одна часть из них не воспринимает новой интерпретации норм; другая, наоборот, – воспринимает их с энтузиазмом. Примечательно, что большая часть информантов, принимающих «новый» ислам – молодежь и люди среднего возраста – социально активные сельчане. Другая часть сельчан придерживается «традиционного», привычного с советских времен ислама. Им не нравятся более строгие правила и ограничения, проповедуемые «молодыми». Наибольшие расхождения наблюдаются в похоронных обрядах, где раньше было принято отмечать поминки по усопшему (3, 5, 7 и 40 дней), или в свадебных обрядах, где исламские и народные традиции переплелись.

Примечательно, что в продвижении «нового» ислама фактор семьи играет первостепенную роль:

- часто в многодетных семьях осуществляется следующая модель профориентации детей: старшие получают «полезное для жизни» профессиональное образование (техники, агрономы, медики, юристы, строители и т. п.), а младших родители отправляют учиться в медресе или исламские институты (как сложилось, в исламские страны);
- сами родители под влиянием обучившихся за рубежом детей выбирают «новый» ислам.

Те сельчане, у кого нет молодых родственников-«проводников», чаще привержены «старому» традиционному исламу дедушек и бабушек.

Лонгитюдный режим исследования позволил проследить динамику сосуществования «старого» и «нового» ислама в селе. Оказалось, что происходит постепенное сближение конфликтовавших прежде сторон: «молодые» имамы обращаются к татарскому теологическому наследию¹

¹ Один из имамов, получивших образование в Египте, работает над диссертацией по наследию татарского богослова Ризы Фахретдина.

и отходят от ортодоксальной интерпретации исламских норм, а «старые» имамы осознают общность интересов и социальную миссию ислама.

Социально-экономический эффект постсоветского процветания села связан с тем, что именно традиции ислама, трудовая этика и семейственность послужили ресурсом для адаптации сельчан в эпоху катастрофической для российских сел постсоветской экономической трансформации. Здесь высока доля предпринимателей: на 2447 домохозяйств – 283 зарегистрированных предпринимателя (если учесть, что предпринимательство носит исключительно семейный характер, то занятых предпринимательством значительно больше). Демографические показатели сильно разнятся относительно общероссийских: рождаемость в два раза превышает смертность, а количество распавшихся браков в разные годы составляло от 2 до 5 в год.

Как показало исследование, разные типы традиций имеют свои социальные основания. Так, воспроизводство «традиции-инерции» обусловлено спецификой сельской жизни, характеризующейся консервативностью и слабой социально-профессиональной мобильностью, а также сложившейся структурой крестьянского труда. «Традиция-константа» воспроизводилась благодаря традиционализму семейного уклада на основе исламских ценностей, причем важную роль играл исламский институт – сохранившаяся сельская мечеть и когорта духовных служителей из сельчан. И, наконец, «традиция-оболочка» – постсоветское явление стимулируется, с одной стороны, исламской глобализацией, а с другой – особенностями социальной конъюнктуры и личностными качествами носителей инновации.

Библиографический список

1. Гофман А. Б. От какого наследства мы отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под ред. А. Б. Гофмана. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2008.

Научные форумы

Политические аспекты модернизации российского общества

Дибиров Абдул-Насир Зирарович —
доктор политических наук, профессор,
ректор Дагестанского института
экономики и политики

e-mail: anzidi@yandex.ru

Политические аспекты модернизации российского общества

В октябре 2010 г. в Махачкале прошла трехдневная Всероссийская научная конференция «Политические аспекты модернизации российского общества». Организаторами конференции выступили Комитет Государственной Думы РФ по образованию, Институт социологии Российской академии наук, Дагестанский государственный университет, Дагестанский институт экономики и политики и Дагестанское отделение Российской ассоциации политической науки. Большую помощь и содействие в проведении конференции оказала Администрация Президента Республики Дагестан. На открытии конференции с приветственной речью выступил *Президент Республики Магомедсалам Магомедович Магомедов*. С большими докладами на конференции выступили директор Института социологии РАН, член-корреспондент РАН М. К. Горшков, сотрудники Института социологии РАН – доктор философских наук, профессор Ю. А. Красин, доктор социологических наук, профессор В. В. Маркин, доктор социологических наук И. А. Халий, доктор политических наук А. С. Железняков; заместитель Председателя Государственной Думы РФ по образованию член-корреспондент РАН Г. К. Сафаралиев, заведующий кафедрой философии и социологии ДГУ, доктор философских наук, профессор М. Я. Яхьяев и ректор Дагестанского института экономики и политики, доктор политических наук, профессор А.-Н. З. Дибиров. В дискуссиях по докладам приняли участие более 50 ученых из Махачкалы, Ростова, Москвы и Санкт-Петербурга. Полный текст материалов конференции в настоящее время находится в издательстве и готовится к печати.

Подведем некоторые предварительные итоги научной конференции.

Во-первых, полностью оправдала себя идея о том, чтобы пригласить в качестве основных докладчиков ученых Института социологии РАН во главе с директором института М. К. Горшковым. Это, безусловно, позволило существенно повысить научный уровень конференции.

Научные форумы.
К итогам Всероссийской
научной конференции
в Махачкале.

Во-вторых, на открытии конференции выступил Президент Республики Дагестан М. М. Магомедов, задав общий тон последующей дискуссии. Тем самым наша конференция получила не только высокий научный уровень, но и определенное политическое звучание.

В-третьих, плодотворной оказалась также идея о том, чтобы конференция проводилась в форме научного семинара. Это позволило после каждого доклада проводить открытую дискуссию, в которой мог принять участие любой участник конференции. Дискутантами стали не только политологи, социологи, философы, историки нашей республики, но и представители политических партий и общественных организаций, государственных и муниципальных учреждений.

В-четвертых, наши дискуссии продемонстрировали живой интерес научного сообщества республики к проблемам модернизации российского общества, а также широкий разброс мнений по методам, способам, темпам и приоритетам такой модернизации.

И, в-пятых, конференция способствовала в какой-то степени изменению имиджа республики в научном сообществе России. Хотя одной лишь конференции для этого, конечно, недостаточно. Но то, что ученые Института социологии РАН изъявили готовность активно работать в Дагестане, вести не только социологические исследования, но и сотрудничать с нашими научными и учебными заведениями, является важным шагом на пути формирования нового имиджа республики.

Безусловно, что научные дискуссии важны и сами по себе. Они позволяют ученым глубже осмыслить сам предмет дискуссии, отшлифовать в какой-то мере категориальный аппарат, сделать более выпуклыми основные узловые точки научной проблемы. Кроме того, такие дискуссии позволяют выявить наиболее перспективные направления научных исследований, что особенно важно для молодых ученых. Вместе с тем, социальные науки тесно связаны с практикой. Поэтому не случайно то, что во многих выступлениях на этой конференции звучали и практические рекомендации. Представляется, что современная российская политическая практика в большей степени ориентирована на рекомендации политтехнологов, то есть на решение сиюминутных политических задач. В этом смысле рекомендации аналитиков пока слабо востребованы и воспринимаются политиками с определенным скептицизмом.

Такая ситуация скорее характеризует не научное сообщество, а в большей степени незрелость политической элиты страны. Тем не менее, попытаемся изложить в общем виде основные идеи и практические рекомендации, которые прозвучали на этой конференции.

В своем вступительном слове Президент РД М. М. Магомедов сказал: «За достаточно короткий срок необходимость масштабных преобразований воспринята обществом в качестве правильного стратегического выбора, модернизация стала стержнем новой российской идеологии. В большинстве своем люди понимают, что альтернативы модернизации не существует».

Вместе с тем говорить о единстве мнений, касающихся темпов, методов, источников реализации объявленного Президентом страны политического курса на модернизацию мы пока не можем, да, пожалуй, его и не должно быть. Сегодня идет активное обсуждение конкретных вопросов». Тем самым был задан общий вектор дискуссии, развернувшейся на конференции.

Красной нитью через многие выступления проходила мысль, озвученная в самом начале конференции М. К. Горшковым. Чтобы сделать стержнем новой российской идеологии, модернизации следует придать большую идеологическую определенность – она не должна быть одноотраслевой, односферной, социально и политически ограниченной, а должна носить системный характер. Модернизационный проект не может быть успешным, если самые разные группы населения не увидят в нем перспектив лично для себя и своих близких и общезначимой цели для страны. Действительная модернизация России может стать социально-политической реальностью только в условиях ее институционализации через различные механизмы власти по всей вертикали снизу – доверху, и по горизонтали в широком спектре самих политических движений. Только после решения проблем ее институционализации можно говорить о перспективах, связанных с реальной модернизацией российского общества (М. К. Горшков, М. Г. Курбанов).

Необходимо преодолеть гипертрофированную концентрацию власти в ее верхних эшелонах. При очевидной слабости и неэффективности других «несущих» конструкций политической системы и гражданского общества такая

концентрация власти представляет серьезную угрозу не только для демократии, но и для стабильности в обществе (М. К. Горшков).

Важнейшим условием успеха модернизации является консолидация общества и элиты вокруг общепризнанных принципов демократии, подчеркнул *М. К. Горшков*. В этих целях необходимо уже сегодня проводить работу по преодолению разрыва между элитой и обществом в интерпретации самого феномена демократии, ее ключевых характеристик.

В процессе модернизации демократия должна выйти за рамки политической сферы, и ее принципы должны распространиться на корпоративный сектор жизнедеятельности общества. Поэтому задачей первостепенной важности становится развитие разнообразных форм коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации граждан. Дальнейшую демократизацию политической жизни следует рассматривать не только как инструмент решения экономических и социальных задач, но и как важнейшую самостоятельную ценность, так как современная посткоммунистическая демократия, не укорененная в структуре производительных интересов таит в себе опасность разочарования широких масс населения в самой идее демократии, провоцирует поиск иных, противоположных ей ценностей. (*М. К. Горшков, Ю. А. Красин, О. М. Гусейнов*).

Важное место в дискуссиях заняла проблема субъекта и объекта модернизации. Формирование деятельного субъекта модернизации невозможно без консолидации сил, заинтересованных в ее успехе. По мнению участников конференции, в настоящее время социальной базой модернизационного прорыва России может стать, прежде всего, так называемый «новый средний класс», объединяющий в своей основе профессионалов и концентрирующий значительную часть тех, кого называют модернистами (*М. К. Горшков, А.-Н. З. Дибиров*).

Наиболее очевидный объект модернизации – экономика. Существует настоятельная потребность в разработке государственной программы, способной реализовать административно-организационные и финансово-экономические мероприятия по переводу всей экономики на инновационное развитие. То есть необходимы глубокие экономические реформы. Речь идет именно обо всей экономике, а не каких-то высокотехнологических отраслях. Любые инновации и технологии для того, чтобы быть реализованными на практике, должны быть востребованы. При сегодняшнем

состоянии российской экономики такой востребованности нет, подчеркивали участники конференции (И. Г. Гафуров, К. А. Султанов, А.-Н. З. Дибиров).

Многие участники дискуссии обращались к опыту неудачной модернизации 1990-х гг., подчеркивая, что ее провал был связан, прежде всего, с попытками насильственной вестернизации страны. Современная модернизация должна быть альтернативным вестернизации проектом, который сохраняет российскую самобытность и опирается на позитивные достижения опыта прошлых модернизаций. Нужна широкая общественная дискуссия и конкуренция альтернативных программ модернизации, в итоге которой должен сложиться общественный консенсус (Ю. А. Красин, А. Ф. Поломошнов, П. А. Поломошнов).

Институциональную основу инновационной экономики в равной мере обеспечивают государство и бизнес, подчеркнул в своем выступлении член-корреспондент РАН Г. К. Сафаралиев. Особая роль принадлежит высшей школе, университетской и академической науке как важнейшим факторам влияния на формирование инновационного общества. Модернизация образования в целом и высшего (университетского) в частности является точкой роста и одновременно — приоритетным направлением для развития и обновления экономики, науки и формирования гражданского общества. Государство должно вернуться в сферу образования. Образование и наука не могут развиваться по принципу коммерциализации и частного владения, что в корне противоречит принципам сохранения и укрепления национальной безопасности страны. Коммерциализация науки и образования есть завуалированная попытка их уничтожения, тогда как именно они-то и являются последним ресурсом выживания России (Р. М. Мамараев).

Большинство участников конференции в своих выводах опирались на данные конкретных социологических и социально-политических исследований. При этом подчеркивалось, что требуется расширение использования социологических методов для оценки удовлетворенности населения деятельностью органов государственной власти на региональном и муниципальном уровнях, социальной инфраструктурой. Основными направлениями совершенствования системы такой оценки могут стать: принятие концепции совершенствования региональной политики и соответствующего федерального закона; показатели результатов деятельности органов власти должны рассчи-

тываться с применением коэффициентов, учитывающих региональную специфику, тип региона, стартовый уровень его развития и многое другое (В. В. Маркин).

Перед научным сообществом стоит задача выработки альтернативного подхода к определению политических условий и последствий модернизации общества. Представляется, что для ее решения следует поместить проблему в институциональный контекст. России для перехода к социальному порядку открытого типа необходимо обеспечить надежную защиту прав собственности и верховенство закона, значительно сократить вмешательство государства в экономику и повысить автономию общественных организаций, прежде всего, политических партий (Е. А. Лазарев).

Существенное место в дискуссиях заняли проблемы формирования гражданского общества. Один из участников дискуссии профессор Ю. Н. Сагидов отметил, что модернизация российского общества тесно связана с формированием гражданского общества и дальнейшей демократизацией политической системы. Одним из признаков протекания процесса формирования гражданского общества является нарастание контроля общества над властью.

В условиях политической модернизации развитие, а главное – активное действие гражданского общества должно оказаться востребованным как обществом, так и государством. Одними из основных структур гражданского общества, его базисом на современном этапе являются общественные, неправительственные, некоммерческие организации, поскольку они представляют собой самоорганизованные сообщества, объединяющие граждан на основе общих интересов, позиций, целей, подчеркнула доктор социологических наук И. А. Халий. Роль структур гражданского общества в процессе российской модернизации может (а по сути – должна!) быть весьма масштабной.

В интересах дальнейшей демократизации политической системы, отметил профессор М. Я. Яхьяев, следует качественно повысить ответственность политиков перед гражданами и для этого ввести норму обязательной, регулярной прямой отчетности выборных народных представителей перед избирателями с правом избирателей отстранить своего представителя от выборной должности в любое время решением большинства избирателей. Демократизации эффективно может послужить и такая мера, как полная гласность и публичность деятельности органов власти.

Существенное место в докладах и выступлениях заняли проблемы модернизационных перспектив Северо-Кавказского региона и Дагестана. Курс на модернизацию страны следует строить с учетом региональной специфики модернизационных процессов, влияния на них уникальных историко-культурных, этноконфессиональных особенностей различных регионов страны. Следует решительно преодолеть попытки установления в тех или иных регионах локальных авторитарных режимов, усиления отдельных клановых и этнических структур, способных разрушить коренные основы интеграции населения страны (М. К. Горшков, О. М. Гусейнов).

Ряд участников конференции предположили, что в настоящее время для Дагестана в практическом плане важнее всего иметь не только и не столько различные стратегии или программы экономической деятельности, сколько Стратегию изменения общественной среды в Дагестане. Дайте нормальную общественную среду, и дагестанцы раскрепостят свою энергетику и взорвутся деловой активностью, подчеркнул *Ю. Н. Сагидов*.

От борьбы с правонарушениями должен исходить импульс придания ценностным установкам всех этносов России практической силы закона, которая направляла бы политическую и социальную модернизацию, развитие всех общественных отношений, то есть задавала бы главные ориентиры общественного развития, считает *доктор политических наук А. С. Железняков*.

В предыдущие годы в Дагестане фактически была упущена работа по пропаганде исторически сложившихся ценностей. Особенно это заметно в молодежной среде. Хаотичность и противоречивость рыночной стихии в сочетании с массовым увлечением молодежи нетрадиционными трактовками религиозных постулатов создает массовую базу для религиозно-политического экстремизма. Необходимо возродить работу с молодежью, прежде всего, в русле активизации пропаганды светских ценностей. Нужна также резкая активизация работы по модернизации высшего образования республики. Важным резервом для стабилизации общественно-политической обстановки в Дагестане является реальная интеграция республики в единое культурное пространство России (А. С. Железняков).

Наличие сложных социально-экономических проблем, таких как бедность, безработица, высокий уровень преступности и коррупции в республике, недостаток пропаганды

светских ценностей и радикализация ислама, создают препятствия для модернизации политической и социальной сфер жизни в Дагестане.

Сложившиеся отношения «Центр – регион» далеки от совершенства и нуждаются в существенной корректировке. Так, ориентация Центра на реализацию так называемой концепции «полюсов развития» направлена на дискриминацию экономически отсталых регионов, усиление их дальнейшего отставания. Поэтому необходимо: во-первых, существенно изменить роль региональных органов государственного управления, которые должны подходить критически к установкам «сверху», проявлять собственную инициативу и активность в решении политических и хозяйственных задач; во-вторых, должна существенно измениться и роль депутатов от РД в Государственной Думе и сенаторов в Совете Федерации, которую следует посвятить совершенствованию федеративных отношений, способствующих созданию нормальных объективных условий развития регионов, в том числе Дагестана (*Ю. Н. Сагидов*).

Эффективная социальная политика должна стать важнейшей составляющей курса на модернизацию. Эффективная социальная политика способствует тому, чтобы оживилось производство, росли кредиты, выделяемые реальному сектору экономики, упорядочивались взаиморасчеты в денежной форме, а также росту налоговых поступлений. Социальная политика государства, нарушающая разумные пропорции принципа равенства/неравенства в пользу богатства и власть имущих, явно отторгается обществом (*Ю. А. Красин, Д. П. Гаджиев, М. А. Гасанов, П. Магомедова*).

Особое внимание участники дискуссии уделили миграционным проблемам. Главными составляющими миграционной политики на Северном Кавказе должны стать: приостановка миграционного оттока русского населения, восстановление прежней их численности, а также решение проблемы возвращения вынужденных мигрантов на родину (*М. З. Магомедова*).

Участники конференции были едины в том, что главной проблемой Республики сегодня является проблема обуздания религиозно-политического экстремизма и терроризма и недопущения каких-либо эксцессов на этнической почве под влиянием политического ислама.

Национальная идентичность граждан нашей страны оказалась сегодня в глубоко расколоте состоянии. Этот раскол существует сегодня, во-первых, по линии «религиозная – светская идентичность

граждан»; во-вторых, по линии конфессиональных особенностей населения разных регионов; в-третьих, по линии этнических особенностей разных народов; в-четвертых, по линии социально-классового расслоения российского общества. И все эти линии раскола приобрели достаточно глубокий характер.

Духовная, политическая и материальная культура большинства населения России во многом деградировала и приобрела архаичные черты. В духовно-нравственной сфере это выразилось в усилении влияния религии (в том числе и самых архаичных ее – языческих – пластов); а также в снижении авторитета науки и просвещенческой идеологии вообще. В политической сфере это проявилось в резком падении культуры, дисциплины и морали господствующей политической элиты России, а также в возврате населения многих регионов России к догосударственным, традиционным нормам и обычаям регулирования общественной жизни.

В дискуссии также приняли участие и многие другие дагестанские ученые.

Мы надеемся, что конференция внесет определенный вклад в обсуждение проблем модернизации, которая развернулась сегодня в республиканских средствах массовой информации, а также даст импульс к вовлечению широкой научной общественности республики к изучению действительных проблем системной модернизации российского общества и перспектив Дагестана в реализации нового проекта Президента страны.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Учреждение Российской академии наук
Институт социологии РАН
Издатель – Учреждение Российской академии наук
Институт социологии РАН

Председатель международного редакционного совета:
Владимир Александрович Ядов

Главный редактор: Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Елена Николаевна Кофанова

Перевод аннотаций на английский язык: Михаил Фёдорович Черныш

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная верстка: Ильдар Мансурович Ситдииков

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 29 апреля 2010 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-39594

Адрес редакции:
117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, кор. 5, каб. 303
E-mail: sekretar@isras.ru
Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>